Н. А. НЕКРАСОВ

СОЧИНЕНИЯ

2

Ник. Некрасов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Н. А. НЕКРАСОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМА 1—10

ЛЕНИНГРАД «НАУКА» — ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

Н. А. НЕКРАСОВ

ТОМ ВТОРОЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ
1855—1866 гг.

ЛЕНИНГРАД «НАУКА» — ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

$\text{Н}\,\frac{70401\text{-}576}{042(02)\text{-}81}$ Подписное. 4702010100.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1855—1856

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН

Гражданин *(входит)*

Опять один, опять суров,
Лежит — и ничего не пишет.

Поэт

Прибавь: хандрит и еле дышит —
И будет мой портрет готов.

Гражданин

Хорош портрет! Ни благородства,
Ни красоты в нем нет, поверь,
А просто пошлое юродство.
Лежать умеет дикий зверь...

Поэт

Так что же?

Гражданин

Да глядеть обидно.

Поэт

10 Ну, так уйди.

Гражданин

Послушай: стыдно!
Пора вставать! Ты знаешь сам,
Какое время наступило;
В ком чувство долга не остыло,
Кто сердцем неподкупно прям,
В ком дарованье, сила, меткость,
Тому теперь не должно спать...

Поэт

Положим, я такая редкость,
Но нужно прежде дело дать.

Гражданин

Вот новость! Ты имеешь дело,
20 Ты только временно уснул,
Проснись: громи пороки смело...

Поэт

А! знаю: «Вишь, куда метнул!»
Но я обстрелянная птица.
Жаль, нет охоты говорить.

(Берет книгу.)

Спаситель Пушкин! — Вот страница:
Прочти — и перестань корить!

Гражданин *(читает)*

«Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
30 Для звуков сладких и молитв».

Поэт *(с восторгом)*

Неподражаемые звуки!..
Когда бы с Музою моей
Я был немного поумней,
Клянусь, пера бы не взял в руки!

Гражданин

Да, звуки чудные... ура!
Так поразительна их сила,
Что даже сонная хандра
С души поэта соскочила.
Душевно радуюсь — пора!
40 И я восторг твой разделяю,
Но, признаюсь, твои стихи
Живее к сердцу принимаю.

Поэт

Не говори же чепухи!
Ты рьяный чтец, но критик дикий.
Так я, по-твоему,— великий,
Повыше Пушкина поэт?
Скажи пожалуйста?!.

Гражданин

Ну, нет!
Твои поэмы бестолковы,
Твои элегии не новы,
50 Сатиры чужды красоты,
Неблагородны и обидны,
Твой стих тягуч. Заметен ты,
Но так без солнца звезды видны.
В ночи, которую теперь
Мы доживаем боязливо,
Когда свободно рыщет зверь,
А человек бредет пугливо,—
Ты твердо светоч свой держал,
Но небу было неугодно,
60 Чтоб он под бурей запылал,
Путь освещая всенародно;
Дрожащей искрою впотьмах
Он чуть горел, мигал, метался.
Моли, чтоб солнца он дождался
И потонул в его лучах!

Нет, ты не Пушкин. Но покуда
Не видно солнца ниоткуда,

С твоим талантом стыдно спать;
Еще стыдней в годину горя
70 Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать...

Гроза молчит, с волной бездонной
В сиянье спорят небеса,
И ветер ласковый и сонный
Едва колеблет паруса,—
Корабль бежит красиво, стройно,
И сердце путников спокойно,
Как будто вместо корабля
Под ними твердая земля.
80 Но гром ударил; буря стонет,
И снасти рвет, и мачту клонит,—
Не время в шахматы играть,
Не время песни распевать!
Вот пес — и тот опасность знает
И бешено на ветер лает:
Ему другого дела нет...
А ты что делал бы, поэт?
Ужель в каюте отдаленной
Ты стал бы лирой вдохновенной
90 Ленивцев уши услаждать
И бури грохот заглушать?

Пускай ты верен назначенью,
Но легче ль родине твоей,
Где каждый предан поклоненью
Единой личности своей?
Наперечет сердца благие,
Которым родина свята.
Бог помочь им!.. а остальные?
Их цель мелка, их жизнь пуста.
100 Одни — стяжатели и воры,
Другие — сладкие певцы,
А третьи... третьи — мудрецы:
Их назначенье — разговоры.
Свою особу оградя,
Они бездействуют, твердя:
«Неисправимо наше племя,
Мы даром гибнуть не хотим,

Мы ждем: авось поможет время,
И горды тем, что не вредим!»
110 Хитро скрывает ум надменный
Себялюбивые мечты,
Но... брат мой! кто бы ни был ты,
Не верь сей логике презренной!
Страшись их участь разделить,
Богатых словом, делом бедных,
И не иди во стан безвредных,
Когда полезным можешь быть!
Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
120 Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибни безупрёчно.
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

А ты, поэт! избранник неба,
Глашатай истин вековых,
130 Не верь, что не имущий хлеба
Не стоит вещих струн твоих!
Не верь, чтоб вовсе пали люди;
Не умер бог в душе людей,
И вопль из верующей груди
Всегда доступен будет ей!
Будь гражданин! служа искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви;
140 И если ты богат дарами,
Их выставлять не хлопочи:
В твоем труде заблещут сами
Их животворные лучи.
Взгляни: в осколки твердый камень
Убогий труженик дробит,
А из-под молота летит
И брызжет сам собою пламень!

Поэт

Ты кончил?.. чуть я не уснул.
Куда нам до таких воззрений!
150 Ты слишком далеко шагнул.
Учить других — потребен гений,
Потребна сильная душа,
А мы с своей душой ленивой,
Самолюбивой и пугливой,
Не стоим медного гроша.
Спеша известности добиться,
Боимся мы с дороги сбиться
И тропкой торною идем,
А если в сторону свернем —
160 Пропали, хоть беги со света!
Куда жалка ты, роль поэта!
Блажен безмолвный гражданин:
Он, Музам чуждый с колыбели,
Своих поступков господин,
Ведет их к благодарной цели,
И труд его успешен, спор...

Гражданин

Не очень лестный приговор.
Но твой ли он? тобой ли сказан?
Ты мог бы правильней судить:
170 Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.
А что такое гражданин?
Отечества достойный сын.
Ах! будет с нас купцов, кадетов,
Мещан, чиновников, дворян,
Довольно даже нам поэтов,
Но нужно, нужно нам граждан!
Но где ж они? Кто не сенатор,
Не сочинитель, не герой,
180 Не предводитель, не плантатор,
Кто гражданин страны родной?
Где ты? откликнись! Нет ответа.
И даже чужд душе поэта
Его могучий идеал!
Но если есть он между нами,

Какими плачет он слезами!!.
Ему тяжелый жребий пал,
Но доли лучшей он не просит:
Он, как свои, на теле носит
190 Все язвы родины своей.

. . . .

. . . .

Гроза шумит и к бездне гонит
Свободы шаткую ладью,
Поэт клянет или хоть стонет,
А гражданин молчит и клонит
Под иго голову свою.
Когда же... Но молчу. Хоть мало,
И среди нас судьба являла
200 Достойных граждан... Знаешь ты
Их участь?.. Преклони колени!..
Лентяй! смешны твои мечты
И легкомысленные пени!
В твоем сравненье смыслу нет.
Вот слово правды беспристрастной:
Блажен болтающий поэт,
И жалок гражданин безгласный!

Поэт

Не мудрено того добить,
Кого уж добивать не надо.
210 Ты прав: поэту легче жить —
В свободном слове есть отрада.
Но был ли я причастен ей?
Ах, в годы юности моей,
Печальной, бескорыстной, трудной,
Короче — очень безрассудной,—
Куда ретив был мой Пегас!
Не розы — я вплетал крапиву
В его размашистую гриву
И гордо покидал Парнас.
220 Без отвращенья, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил.
Не повторю, что там я видел...
Клянусь, я честно ненавидел!
Клянусь, я искренно любил!

И что ж?.. мои послышав звуки,
Сочли их черной клеветой;
Пришлось сложить смиренно руки
Иль поплатиться головой...
230 Что было делать? Безрассудно
Винить людей, винить судьбу.
Когда б я видел хоть борьбу,
Бороться стал бы, как ни трудно,
Но... гибнуть, гибнуть... и когда?
Мне было двадцать лет тогда!
Лукаво жизнь вперед манила,
Как моря вольные струи,
И ласково любовь сулила
Мне блага лучшие свои —
240 Душа пугливо отступила...
Но сколько б ни было причин,
Я горькой правды не скрываю
И робко голову склоняю
При слове «честный гражданин».
Тот роковой, напрасный пламень
Доныне сожигает грудь,
И рад я, если кто-нибудь
В меня с презреньем бросит камень
Бедняк! и из чего попрал
250 Ты долг священный человека?
Какую подать с жизни взял
Ты — сын больной больного века?..
Когда бы знали жизнь мою,
Мою любовь, мои волненья...
Угрюм и полон озлобленья,
У двери гроба я стою...

Ах, песнею моей прощальной
Та песня первая была!
Склонила Муза лик печальный
260 И, тихо зарыдав, ушла.
С тех пор не часты были встречи:
Украдкой, бледная, придет
И шепчет пламенные речи,
И песни гордые поет.
Зовет то в города, то в степи,
Заветным умыслом полна,
Но загремят внезапно цепи —

И мигом скроется она.
Не вовсе я ее чуждался,
270 Но как боялся! как боялся!
Когда мой ближний утопал
В волнах существенного горя —
То гром небес, то ярость моря
Я добродушно воспевал.
Бичуя маленьких воришек
Для удовольствия больших,
Дивил я дерзостью мальчишек
И похвалой гордился их.
Под игом лет душа погнулась,
280 Остыла ко всему она,
И Муза вовсе отвернулась,
Презренья горького полна.
Теперь напрасно к ней взываю —
Увы! сокрылась навсегда.
Как свет, я сам ее не знаю
И не узнаю никогда.
О Муза, гостьею случайной
Являлась ты душе моей?
Иль песен дар необычайный
290 Судьба предназначала ей?
Увы! кто знает? рок суровый
Всё скрыл в глубокой темноте.
Но шел один венок терновый
К твоей угрюмой красоте...

*
* *

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
10 И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

*
* *

Тяжелый год — сломил меня недуг.
Беда застигла,— счастье изменило,—
И не щадит меня ни враг, ни друг,
И даже ты не пощадила!
Истерзана, озлоблена борьбой
С своими кровными врагами,
Страдалица! стоишь ты предо мной
Прекрасным призраком с безумными глазами!
Упали волосы до плеч,
10 Уста горят, румянцем рдеют щеки,
И необузданная речь
Сливается в ужасные упреки,
Жестокие, неправые... Постой!
Не я обрек твои младые годы
На жизнь без счастья и свободы,
Я друг, я не губитель твой!
Но ты не слушаешь . . . .
. . . .

*
* *

Не знаю, как созданы люди другие,—
Мне любы и дороги блага земные.

Я милую землю, я солнце люблю,
Желаю, надеюсь, страстями киплю.

И жаден мой слух, и мой глаз любопытен,
И весь я в желаньях моих ненасытен.

Зачем <же> я вечно тоскую и плачу
И сердце на горе бесплодное трачу?

Зачем не иду по дороге большой
10 За благами жизни, за пестрой толпой?

*
* *

Не гордись, что в цветущие лета,
В пору лучшей своей красоты
Обольщения модного света
И оковы отринула ты,

Что, лишь наглостью жалкой богаты,
В то кипучее время страстей
Не добились бездушные фаты
Даже доброй улыбки твоей,—

В этом больше судьба виновата,
10 Чем твоя неприступность, поверь,
И на шею повеситься рада
Ты <*нрзб*> будешь теперь.

*
* *

Семьдесят лет бессознательно жил
Чернский помещик Бобров Гавриил,
Был он не <то> чтоб жесток и злонравен,
Только с железом по твердости равен.

*
* *

Во вражде неостывающей
Несчастливца закалил
И душою непрощающей
Покарал — и отличил.

*
* *

Кто долго так способен был
Прощать, не понимать, не видеть,
Тот, верно, глубоко любил,
Но глубже будет ненавидеть...

* * *

Так говорила актриса отставная,
Простую речь невольно украшая
Остатками когда-то милых ей,
А ныне смутно памятных ролей,—
Но не дошли до каменного слуха
Ее проклятья,— бедная старуха
Ушла домой с'Наташею своей
И по пути всё повторяла ей
Свои проклятья черному злодею.

10 Но <не> сбылись ее проклятья.

Ни разу сон его спокойный не встревожил
Ни черт, ни шабаш ведьм: до старости он дожил
Спокойно и счастливо, денег тьму
Оставивши в наследство своему
Троюродному дяде... А старуха
Скончалась в нищете — безвестно, глухо,
И, чтоб купить на гроб ей три доски,
Дочь продала последние чулки.

*
* *

И на меня, угрюмого, больного,
Их добрые почтительные лица
Глядят с таким глубоким сожаленьем,
Что совестно становится. Ничем
Я их любви не заслужил.

*
* *

О, пошлость и рутина — два [гиганта],
Единственно бессмертные на свете,
Которые одолевают всё —
И молодости честные порывы,
И опыта обдуманный расчет,
Насмешливо и нагло выжидая,
Когда придет их время. И оно
Приходит непременно.

ПРОЩАНЬЕ

Мы разошлись на полпути,
Мы разлучились до разлуки
И думали: не будет муки
В последнем роковом «прости»,
Но даже плакать нету силы.
Пиши — прошу я одного...
Мне эти письма будут милы
И святы, как цветы с могилы,—
С могилы сердца моего!

ВЛЮБЛЕННОМУ

Как вести о дороге трудной,
Когда-то пройденной самим,
Внимаю речи безрассудной,
Надеждам розовым твоим.
Любви безумными мечтами
И я по-твоему кипел,
Но я делить их не хотел
С моими праздными друзьями.
За счастье сердца моего
10 Томим боязнию ревнивой,
Не допускал я никого
В тайник души моей стыдливой.
Зато теперь, когда угас
В груди тот пламень благодатный,
О прошлом счастии рассказ
Твержу с отрадой непонятной.
Так проникаем мы легко
И в недоступное жилище,
Когда хозяин далеко
20 Или почиет на кладбище.

КНЯГИНЯ

Дом — дворец роскошный, длинный, двухэтажный.
С садом и с решеткой; муж — сановник важный.
Красота, богатство, знатность и свобода —
Всё ей даровали случай и природа.
Только показалась — и над светским миром
Солнцем засияла, вознеслась кумиром!
Воин, царедворец, дипломат, посланник —
Красоты волшебной раболепный данник;
Свет ей рукоплещет, свет ей подражает.
10 Властвует княгиня, цепи налагает,
Но цепей не носит; прихоти послушна,
Ни за что полюбит, бросит равнодушно:
Ей чужое счастье ничего не стоит —
Если и погибнет, торжество удвоит!

Сердце ли в ней билось чересчур спокойно,
Иль кругом всё было страсти недостойно,
Только ни однажды в молодые лета
Грудь ее любовью не была согрета.
Годы пролетали. В вихре жизни бальной
20 До поры осенней — пышной и печальной —
Дожила княгиня... Тут супруг скончался...
Труден был ей траур,— доктор догадался
И нашел, что воды были б ей полезны
(Доктора в столицах вообще любезны).

Если только русский едет за границу,
Посылай в Палермо, в Пизу или в Ниццу,
Быть ему в Париже — так судьбам угодно!
Год в столице моды шумно и свободно
Прожила княгиня; на второй влюбилась
30 В доктора-француза — и сама дивилась!

Не был он красавец, но ей было ново
Страстно и свободно льющееся слово,
Смелое, живое... Свергнуть иго страсти
Нет и помышленья... да уж нет и власти!
Решено! В Россию тотчас написали;
Немец-управитель без большой печали
Продал за бесценок, в силу повеленья,
Английские парки, русские селенья,
Земли, лес и воды, дачу и усадьбу...
40 Получили деньги — и сыграли свадьбу...

Тут пришла развязка. Круто изменился
Доктор-спекулятор: деспотом явился!
Деньги, бриллианты — всё пустил в аферы,
А жену тиранил, ревновал без меры,
И когда бедняжка с горя захворала,
Свез ее в больницу... Навещал сначала,
А потом уехал — словно канул в воду!
Скорбная, больная, гасла больше году
В нищете княгиня... и тот год тяжелый
50 Был ей долгим годом думы невеселой!

Смерть ее в Париже не была заметна:
Бедно нарядили, схоронили бедно...
А в отчизне дальной словно были рады:
Целый год судили — резко, без пощады,
Наконец устали... И одна осталась
Память: что с отличным вкусом одевалась!
Да еще остался дом с ее гербами,
Доверху набитый бедными жильцами,
Да в строфах небрежных русского поэта
60 Вдохновенных ею чудных два куплета,
Да голяк-потомок отрасли старинной,
Светом позабытый — и ни в чем невинный.

*
* *

«Самодовольных болтунов,
Охотников до споров модных,
Где много благородных слов,
А дел не видно благородных,
Ты откровенно презирал;
Ты не однажды предсказал
Конец велеречивой шпибки
И слово „русский либерал“
Произносил не без улыбки.
10 Ты силу собственной души
Бессильем их надменно мерил
И добродушно ей ты верил.
И точно, были хороши
Твои начальные порывы:
Озолотил бы бедняка!
Но дед и бабка были живы,
И сам ты не имел куска.
И долго спали сном позорным
Благие помыслы твои,
20 Как дремлют подо льдом упорным
Речные вольные струи.
Ты их лелеял на соломе
И только применять их мог
Ко псу, который в жалком доме
Пожитки жалкие стерег.
И правда: пес был сыт и жирен,
И спал всё, дворнику назло.
Теперь... теперь твой путь обширен!
Взгляни: богатое село
30 Лежит, обставленно скирдами,

Спускаясь по горе к ручью,
А избы полны мужиками...»

Въезжая в отчину свою,
Такими мыслями случайно
Был Решетилов осажден.
И побледнел необычайно,
И долго, долго думал он...
Потом — вступил он во владенье,
Вопрос отложен и забыт.
40 Увы! не наше поколенье
Его по совести решит!

ПРОСТИ

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья,—
Не помни бурь, не помни слез,
Не помни ревности угроз!

Но дни, когда любви светило
Над нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь,—
Благослови и не забудь!

*
* *

Как ты кротка, как ты послушна,
Ты рада быть его рабой,
Но он внимает равнодушно,
Уныл и холоден душой.

А прежде... помнишь? Молода,
Горда, надменна и прекрасна,
Ты им играла самовластно,
Но он любил, любил тогда!

Так солнце осени — без туч
10 Стоит, не грея, на лазури,
А летом и сквозь сумрак бури
Бросает животворный луч...

* * *

Я посетил твое кладбище,
Подруга трудных, трудных дней!
И образ твой светлей и чище
Рисуется душе моей.
Бывало, натерпевшись муки,
Устав и телом и душой,
Под игом молчаливой скуки
Встречался грустно я с тобой.
Ни смех, ни говор твой веселый
10 Не прогоняли темных дум:
Они бесили мой тяжелый,
Больной и раздраженный ум.
Я думал: нет в душе беспечной
Сочувствия душе моей,
И горе в глубине сердечной
Держалось дольше и сильней...
Увы, то время невозвратно!
В ошибках юность не вольна:
Без слез ей горе непонятно,
20 Без смеху радость не видна...
Ты умерла... Смирились грозы.
Другую женщину я знал,
Я поминутно видел слезы
И часто смех твой вспоминал.
Теперь мне дороги и милы
Те грустно прожитые дни,—
Как много нежности и силы
Душевной вызвали они!

Твержу с упреком и тоскою:
30 «Зачем я не ценил тогда?»
Забудусь, ты передо мною
Стоишь — жива и молода:
Глаза блистают, локон вьется,
Ты говоришь: «Будь веселей!»
И звонкий смех твой отдается
Больнее слез в душе моей...

ШКОЛЬНИК

— Ну, пошел же, ради бога!
Небо, ельник и песок —
Невеселая дорога...
Эй! садись ко мне, дружок!

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дело?
Это многих славных путь.

Вижу я в котомке книжку.
10 Так, учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.

Знаю: старая дьячиха
Отдала четвертачок,
Что проезжая купчиха
Подарила на чаек.

Или, может, ты дворовый
Из отпущенных?.. Ну, что ж!
Случай тоже уж не новый —
20 Не робей, не пропадешь!

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!

Там уж поприще широко:
30 Знай работай да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай,—

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди тупых, холодных
40 И напыщенных собой!

2*

<ТУРГЕНЕ>ВУ

Прощай! Завидую тебе —
Твоей поездке, не судьбе:
Я гордостью, ты знаешь, болен
И не сменяю ни на чью
Судьбу плачевную мою,
Хоть очень ею недоволен.
Ты счастлив. Ты воскреснешь вновь;
В душе твоей проснется живо
Всё, чем терзает прихотливо
10 И награждает нас любовь —
Пора наград, улыбок ясных,
Простых, как молодость, речей,
Ночей таинственных и страстных
И полных сладкой лени дней!
Ты знал ее?.. Нет лучшей доли!
Живешь легко, глядишь светлей,
Не жалко времени и воли,
Не стыдно праздности своей,
Душа тоскливо вдаль не рвется
20 И вся блаженна перед той,
Чье сердце ласковое бьется
Одним биением с тобой...
Счастливец! из доступных миру
Ты наслаждений взять умел
Всё, чем прекрасен наш удел:
Бог дал тебе свободу, лиру
И женской любящей душой
Благословил твой путь земной...

*
* *

Белый день недолог,
Вечера длинней.
Крики перепелок
Реже и грустней.
Осень невидимкой
На́ землю сошла,
Сизо-серой дымкой
Небо облекла.
Солнце с утра канет
10 В тучу, как <в> нору.
Если и проглянет,
Смотришь,— не к добру.
Словно как стыдливым
Золотым лучом
Пробежит по нивам,
Глядь,— перед дождем.
Побежал проворно
Оживленный ключ
И ворчит задорно:
20 «Как де я могуч!»
Весь день ветер дует,
По ночам дожди;
Пес работу чует:
Дупельшнепов жди.

1857

УБОГАЯ И НАРЯДНАЯ

1

Беспокойная ласковость взгляда,
И поддельная краска ланит,
И убогая роскошь наряда —
Всё не в пользу ее говорит.
Но не лучше ли, прежде чем бросим
Мы в нее приговор роковой,
Подзовем-ка ее да расспросим:
«Как дошла ты до жизни такой?»

Не длинен и не нов рассказ:
10 Отец ее, подьячий бедный,
Таскался писарем в Приказ,
Имел порок дурной и вредный —
Запоем пил — и был буян,
Когда домой являлся пьян.
Предвидя роковую схватку,
Жена малютку уведет,
Уложит наскоро в кроватку
И двери поплотней припрет.
Но бедной девочке не спится!
20 Ей чудится: отец бранится,
Мать плачет. Саша на кровать,
Рукою подпершись, садится,
Стучит в ней сердце... где тут спать?
Раздвинув завесы цветные,
Глядит на двери запертые,
Откуда слышится содом,
Не шевелится и не дремлет.
Так птичка в бурю под кустом
Сидит — и чутко буре внемлет.

30 Но как ни буен был отец,
Угомонился наконец,

И стало без него им хуже.
Мать умерла в тоске по муже,
А девочку взяла «мадам»
И в магазине поселила.
Не очень много шили там,
И не в шитье была там сила...

. . . .
. . . .

2

40 «Впрочем, что ж мы? нас могут заметить, —
Рядом с ней?!..» И отхлынули прочь...
Нет! тебе состраданья не встретить,
Нищеты и несчастия дочь!
Свет тебя предает поруганью
И охотно прощает другой,
Что торгует собой по призванью,
Без нужды, без борьбы роковой;
Что, поднявшись с позорного ложа,
Разоденется, щеки притрет
50 И летит, соблазнительно лежа
В щегольском экипаже, в народ —
В эту улицу роскоши, моды,
Офицеров, лореток и бар,
Где с полугосударства доходы
Поглощает заморский товар.
Говорят, в этой улице милой
Всё, что модного выдумал свет,
Совместилось волшебною силой,
Ничего только русского нет —
60 Разве Ванька проедет унылый.
Днем и ночью на ней маскарад,
Ей недаром гордится столица.
На французский, на английский лад
Исковеркав нерусские лица,
Там гуляют они, пустоты вековой
И наследственной праздности дети,
Разодетой, довольной толпой...
Ну, кому же расставишь ты сети?

Вышла ты из коляски своей
70 И на ленте ведешь собачонку;

Стая модных и глупых людей
Провожает тебя вперегонку.
У прекрасного пола тоска,
Чувство злобы и зависти тайной.
В самом деле, жена бедняка,
Позавидуй! эффект чрезвычайный!
Бриллианты, цветы, кружева,
Доводящие ум до восторга,
И на лбу роковые слова:
80 «Продается с публичного торга!»
Что, красавица, нагло глядишь?
Чем гордишься? Вот вся твоя повесть:
Ты ребенком попала в Париж,
Потеряла невинность и совесть,
Научилась белиться и лгать
И явилась в наивное царство:
Ты слыхала, легко обирать
Наше будто богатое барство.

Да, не трудно! Но должно входить
90 В этот избранный мир с аттестатом.
Красотой нас нельзя победить,
Удивить невозможно развратом.
Нам известность, нам мода нужна.
Ты красивей была и моложе,
Но, увы! неизвестна, бедна
И нуждалась сначала... О боже!
Твой рассказ о купце разрывал
Нам сердца: по натуре бурлацкой,
Он то ноги твои целовал,
100 То хлестал тебя плетью казацкой.
Но, по счастию, этот дикарь,
Слабоватый умом и сердечком,
Принялся за французский букварь,
Чтоб с тобой обменяться словечком.
Этим временем ты завела
Рысаков, экипажи, наряды
И прославилась — в моду вошла!
Мы знакомству скандальному рады.
Что за дело, что вся дочиста
110 Предалась ты постыдной продаже,
Что поддельна твоя красота,
Как гербы на твоем экипаже,

Что глупа ты, жадна и пуста —
Ничего! Знатоки вашей нации
Порешили разумным судом,
Что цинизм твой доходит до грации,
Что геройство в бесстыдстве твоем!
Ты у бога детей не просила,
Но ты женщина тоже была,
120 Ты со скрежетом сына носила
И с проклятьем его родила;
Он подрос — ты его нарядила
И на Невский с собой повезла.
Ничего! Появленье малютки
Не смутило души никому,
Только вызвало милые шутки,
Дав богатую пищу уму.
Удивлялась вся гвардия наша
(Да и было чему, не шутя),
130 Что ко всякому с словом «папаша»
Обращалось наивно дитя...

И не кинул никто, негодуя,
Комом грязи в бесстыдную мать!
Чувством матери нагло торгуя,
Пуще стала она обирать.
Бледны, полны тупых сожалений
Потерявшие шик молодцы,—
Вон по Невскому бродят как тени
Разоренные ею глупцы!
140 И пример никому не наука,
Разорит она сотни других:
Тупоумие, праздность и скука
За нее... Но умолкни, мой стих!
И погромче нас были витии,
Да не сделали пользы пером...
Дураков не убавим в России,
А на умных тоску наведем.

<В АЛЬБОМ О. С. ЧЕРНЫШЕВСКОЙ>

Знаком с Вами будучи лично,
Я рад Вам всегда угождать.
Но в старости — вряд ли прилично
    В альбомы писать.

Ах, младость! Ты — счастье, ты — радость,
С тобой и любовь и стихи!
А старость — ужасная гадость!
    Хи-хи!

* * *

Всевышней волею Зевеса
Вдруг пробудившись ото сна,
Как быстро по пути прогресса
Шагает русская страна!

В печати уж давно не странность
Слова «прогресс» и «либерал»,
И слово дикое — *«гуманность»*
Уж повторяет генерал.

То мало: вышел из-под пресса
10 Уж третий томик Щедрина...
Как быстро по пути прогресса
Шагает русская страна!

На грамотность не без искусства
Накинулся почтенный Даль —
И обнаружил много чувства,
И благородство, и мораль.

По благородству, не из видов
Статейку тиснул в пол-листа
Какой-то господин Давыдов
20 О пользе плети и кнута...

Убавленный процентик банка,
Весьма пониженный тариф,
Статейка господина Бланка —
Всё это были, а не миф.

1858

* * *

Стихи мои! Свидетели живые
За мир пролитых слез!
Родитесь вы в минуты роковые
Душевных гроз
И бьетесь о сердца людские,
Как волны об утес.

Н. Ф. КРУЗЕ

В печальной стороне, где родились мы с вами,
Где всё разумное придавлено тисками,
Где всё безмозглое отмечено звездами,
Где силен лишь обман,—
В стране бесправия, невежества и дичи —
Не часто говорить приходится нам спичи
В честь доблестных граждан.

Прими простой привет, боец неустрашимый!
Луч света трепетный, сомнительный, чуть зримый,
10 Внезапно вспыхнувший над родиной любимой,
Ты не дал погасить,— ты объявил войну
Слугам не родины, а царского семейства,
Науку мудрую придворного лакейства
Изведавшим одну.

Впервые чрез тебя до бедного народа
Дошли великие слова:
Наука, истина, отечество, свобода,
Гражданские права.

Вступила родина на новую дорогу.
20 Господь! ее храни и укрепляй.
Отдай нам труд, борьбу, тревогу,—
Ей счастие отдай.

*
* *

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России —
Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью-землею,
Колосья бесконечных нив...

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь — в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
10 Осаждают убогие лица:
Прожектеры, искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему то и знай по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
А иные просители плачут.
Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
20 Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. «Допусти»,— говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых
(Знать, брели-то долгонько они
30 Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,

Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его бог!»,
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
40 С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,
50 А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
60 И со славой умрешь!
Безмятежней аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя,—
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны,— как дитя
70 Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу... герой,

Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
80 Не на них ли нам выместить злобу? —
Безопасней... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье...
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
90 Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
100 Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бечевой!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
110 Переполнилась наша земля,—
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуясь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил,—
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

*
* *

(Отрывок)

Ночь. Успели мы всем насладиться.
Что ж нам делать? Не хочется спать.
Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаем, чего пожелать.

Пожелаем тому доброй ночи,
Кто всё терпит, во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
10 Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,
Предаваться мечтам и страстям;
Кто бредет по житейской дороге
В безрассветной, глубокой ночи,
Без понятья о праве, о боге,
Как в подземной тюрьме без свечи...

1859

<А. Е. МАРТЫНОВУ>

Со славою прошел ты полдороги,
Полпоприща ты доблестно свершил,
Мы молим одного: чтоб даровали боги
Тебе надолго крепость сил!..
Чтоб в старости, былое вспоминая,
Могли мы повторять, смеясь:
«А помнишь ли, гурьба какая
На этот праздник собралась?
Тут не было ни почестей народных,
Ни громких хвал,— одним он дорог был:
Свободную семью людей свободных
Мартынов вкруг себя в тот день соединил;
И чем же, чем? Ни подкупа, ни лести
Тут и следа никто не мог бы отыскать!»
Мы знаем все: ты стоишь большей чести.
Но мы даем, что можем дать.

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА МОСКВЫ С ПЕТЕРБУРГОМ

1. МОСКОВСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

На дальнем севере,[1] в гиперборейском крае,[2]
Где солнце тусклое, показываясь в мае,
Скрывается опять до лета в сентябре,[3] —
Столица новая возникла при Петре.[4]
Возникнув с помощью чухонского народа[5]
Из топей и болот[6] в каких-нибудь два года,
Она до наших дней с Россией не срослась:
В употреблении там гнусный рижский квас,[7]
С немецким языком там перемешан русский,[8]
10 И над обоими господствует французский,[9]
А речи истинно народный оборот
Там редок столько же, как честный патриот![10]

Да, патриота там наищешься со свечкой:
Подбиться к сильному, прикинуться овечкой,
Местечка теплого добиться, и потом
Безбожно торговать и честью, и умом —
Таков там человек! (Но, впрочем, без сомненья,
Спешу оговорить, найдутся исключенья.
Забота промысла о людях такова,
20 Что если где растет негодная трава,
Там есть и добрая: вот, например, Жуковский,—
Хоть в Петербурге жил, но был с душой московской.[11])

Театры[12] и дворцы, Нева и корабли,
Несущие туда со всех концов земли[13]
Затеи роскоши;[14] музеи просвещенья,
Музеи древностей — «все признаки ученья»
В том городе найдешь; нет одного: души!

Там высох человек,[15] погрязнув в барыши,[16]
Улыбка на устах, а на уме коварность:
30 Святого ничего — одна утилитарность![17]

Итак, друзья мои! кляну тщеславный град!
Рыдаю и кляну... Прогрессу он не рад.
В то время как Москва надеждами пылает,
Он погружается по-прежнему в разврат
И против гласности стишонки сочиняет!..[18]

2. ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Ты знаешь град,[19] заслуженный и древний,
Который совместил в свои концы
Хоромы, хижины, посады и деревни,
И храмы божии, и царские дворцы?[20]
40 Тот мудрый град, где, смелый провозвестник
Московских дум и английских начал,
Как водопад бушует «Русский вестник»,[21]
Где «Атеней» как ручеек журчал.[22]
Ты знаешь град? — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Ученый говорит: «Тот град славнее Рима»,[23]
Прозаик «сердцем родины» зовет,[24]
Поэт гласит: «России дочь любима»,[25]
И «матушкою» чествует народ.[26]
50 Недаром, нет! Невольно брызжут слезы
При имени заслуг, какие он свершил:
В 12-м году такие там морозы
Стояли, что француз досель их не забыл.[27]
Ты знаешь град? — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Достойный град! Там Минин и Пожарский
Торжественно стоят на площади.[28]
Там уцелел остаток древнебарский
У каждого патриция в груди.[29]
60 В купечестве, в сословии дворянском
Там бескорыстие, готовность выше мер:[30]
В последней ли войне,[31] в вопросе ли крестьянском[32]
Мы не один тому найдем пример....

Ты знаешь град? — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Волшебный град! Там люди в деле тихи,
Но говорят, волнуются за двух, [33]
Там от Кремля, с Арбата и с Плющихи
Отвсюду веет чисто русский дух; [34]
70 Всё взоры веселит, всё сердце умиляет,
На выспренний настроивает лад —
Царь-колокол лежит, царь-пушка не стреляет, [35]
И сорок сороков без умолку гудят. [36]
Волшебный град! — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Правдивый град! Там процветает гласность,
Там принялись науки семена, [37]
Там в головах у всех такая ясность, [38]
Что комара не примут за слона.
80 Там, не в пример столице нашей невской,
Подметят всё — оценят, разберут:
Анафеме там предан Ч<ернышевский> [39]
И Кокорева ум нашел себе приют! [40]
Правдивый град! — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Мудреный град! По приговору сейма
Там судятся и люди и статьи, [41]
Ученый Бабст стихами Розенгейма
Там подкрепляет мнения свои, [42]
90 Там сомневается почтеннейший Киттары,
Уж точно ли не нужно сечь детей? [43]
Там в Хомякове чехи и мадьяры
Нашли певца народности своей. [44]
Мудреный град! — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Разумный град! Там Павлов Соллогуба, [45]
Байборода Крылова обличил, [46]
Там *** <Шевырев> был поражен сугубо, [47]
Там сам себя Чичерин поразил. [48]
100 Там что ни муж — то жаркий друг прогресса, [49]
И лишь не вдруг могли уразуметь:
Что на пути к нему вернее — пресса [50]
Или умно направленная плеть?

Разумный град! — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Серьезный град!... Науку без обмана,
Без гаерства искусство любят там, [51]
Там область празднословного романа
Мужчина передал в распоряженье дам. [52]
110 И что роман? Там поражают пьянство,[53]
Устами Чаннинга о трезвости поют. [54]
Там люди презирают балаганство
И наш «Свисток» проклятью предают![55]
Серьезный град! — Туда, туда с тобой
Нам страшно показаться, милый мой!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

[1] 59° 56′ 31″ сев. ш. и *27°* 57′ 58″ долг. (См. «Dictionnaire général de biographie et d'histoire, etc. etc....» p. Ch. Dezobry et Th. Bachelet.*) Согласно с ним показывает и «Dictionnaire universel» p. Bouillet:** 59° 56′ с. ш. и 27° 58′ д. Но в географии Ободовского (стр. 120) показано 59° 57′ с. ш. и *47°* 59′ д. И после этого еще верят иностранным справочным словарям в сведениях о России!!! На 20° соврали два лучшие справочные словаря, и им ничего! Никто не обращает внимания, даже не обличит ошибку, не предостережет соотечественников от покупки таких словарей!.. А между тем

Какой бы шум вы подняли, друзья,
Когда бы сделал это я! —

как говорит знаменитый баснописец («Басни И. А. Крылова». СПб., 1856 г., стр. 160).

[2] Гипербореи — должно быть, греческое слово, а черт его знает, как говорит Ляпкин-Тяпкин у Гоголя (см. Соч. Гоголя, т. II, стр. 351). Хорошо еще, если варвары, а может, и того хуже. Впрочем, известно, что греки называли гипербореями все народы, жившие на север от Фракии (Маннерт — «Geographie der Griechen»,*** т. IV, стр. 48). Шведский профессор Олаф Верелий утверждал, что гипербореи жили в Швеции (см. «Atlantika», **** т. I, стр. 367). Карамзин говорит, что «мы, русские, также могли бы объявить права свои на сию честь и славу» (Карамзин, т. I, прим. 4). Любопытные могут найти пространные рассуждения о гипербореях в статьях академиков Байера и Фишера («Mém. de l'Académie des inscript.»,***** т. X, стр. 176).

---

* «Всеобщий биографический и исторический словарь, и т. д.» Ш. Дезобри и Т. Башеле *(франц.)*.
** «Универсальный словарь» Буйе *(франц.)*.
*** «География греков» *(нем.)*.
**** «Атлантика» *(лат.)*.
***** «Зап<иски> Академии надписей» *(франц.)*.

[3] 1 мая солнце в Петербурге восходит в 3 ч. 28 м., а заходит в 8 ч. 26 м. А 13 сентября — восходит в 5 ч. 49 м. и заходит в 5 ч. 53 м.,— *следовательно, светит только четыре минуты!!!* (См. «Месяцеслов» на 1859 г.)

[4] Возникла в 1703 году!

[5] Не одного чухонского, ибо вот историческое свидетельство: «Корелы, олончане, новгородцы (это уж не чухонцы!), также пленные шведы, казаки, татары, калмыки (разве и это чухонцы, московский поэт?) и тысячи разноплеменных (видите ли: *разноплеменных*) людей прибыли сюда (к устью Невы), по голосу царя, со всех частей его обширных владений». Так рассказывается о строении Петербурга в «Истории Петра Великого» Ламбина, стр. 319.

[6] «Из тьмы лесов, из топи блат» — стих Александра Сергеевича (см. Соч. Пушк., изд. Исакова, т. II, стр. 304).

[7] Ясно из вывесок на каждой почти мелочной лавочке. (См. об этом также статью Фаддея Булгарина «Петербургская чухонская кухарка» в «Библ. д. чт.» 1834 г., № 10, и всякий номер «Всякой всячины» в прежней «Северной пчеле».)

[8] Это видно, между прочим, из стихотворения барона Розена «Небосвод», помещенного в «Литер. приб. к „Рус. инв.“», 1837 г., № XI, и из исследований Фомы Костыги, помещавшихся в «Маяке», 1845 г. Ныне по их следам пошел г. Розенгейм, изобретающий, как недавно мы видели («Отеч. зап.», 1860 г., № 1), слова вроде *скандальности, либеральности* и пр., и г. Лавров в своих философских исследованиях.

[9] Об этом есть любопытная книжечка: «Оставшееся после покойного NN рассуждение об опасности и вреде, о пользе и выгодах от французского языка, в сравнении его с российским. Москва, в Унив. типогр., 1817». Книга эта редка; но многие мысли, изложенные в ней, можно читать в гораздо более общедоступной статье Н. Ф. Павлова «Вотяки и г. Дюма» («Рус. вест.», 1858 г., № 16).

[10] Совершенная правда! На днях мы видели блистательное доказательство этого неуменья петербургских жителей правильно выражаться по-русски. В протоколе 13-го заседания Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым напечатано в пункте 8-м следующее: «Если в каждом образованном человеке значительно развито чувство благородной деликатности, *запрещающей* не только *не напрашиваться* на пособие, но и *стыдливо принимать* пособие добровольное, то оно должно быть еще сильнее развито в человеке, посвятившем себя литературе или науке» (см. «СПб.» и «Москов. ведом.»). Может ли хоть один москвич допустить такое выражение, явно извращающее смысл речи? *Чувство деликатности запрещает не напрашиваться! Запрещает стыдливо принимать!!!* Боже мой! Да где же г. Покровский с своим памятным листком ошибок в русском языке? Где А. Д. Галахов, который так громил, бывало, Греча и Ксенофонта Полевого? Хоть бы он вразумил этих петербургских литераторов, не умеющих писать по-русски со смыслом!!!

[11] Слова поэта нужно ограничить: есть положительное свидетельство о московитстве Жуковского. Так, в речи о значении Жуковского г. Шевырев говорит: «По месту воспитания Жуковский наш» («Москв.», 1853 г., № 2, стр. 79). И далее приводит заме-

чательное обстоятельство: «В стенах Москвы, готовившей себя на костер сожжения за всю землю русскую, Карамзин, от прошедшего возвращаясь к настоящему, в доме графа Ростопчина вдохновенно пророчил гибель Наполеону и, сам не будучи в силах сесть на коня и примкнуть к армии, благословил на войну Жуковского» (там же, стр. 84). Плодом этого и вышел «Певец во стане русских воинов», а потом еще и «Певец в Кремле»!..

[12] Закрываются на первой неделе поста (см. афиши).

[13] Стихи Александра Сергеевича (Соч., т. II, стр. 305):

...Корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся.

[14] «От роскоши и развращения нравов» пали все древние государства (см. «Всеобщ. ист.» Кайданова, ч. I, стр. 8, 11, 23 и пр.).

[15] Не совсем справедливо, даже с московской точки зрения: по исследованиям г. Пейзена (см. «Совр.», 1858 г., № V), в петербургский порт в 1856 г. одного шампанского привезено было 916 287 бутылок!

[16] Доказывается недавним случаем подделки кредитных билетов (см. «СПб. вед.», № 55).

[17] Заимствовано из статьи г. Колошина «По поводу американской женщины», в «Утре», 1859 г.

[18] Капитальное обвинение против «Свистка», из которого можно бы здесь и цитаты привести, если бы не совестно было говорить о нем степенному исследователю, особенно же трудящемуся на скромном и неблагодарном, но истинно полезном поприще библиографии...

[19] Очевидное подражание гетевскому «Kennst du das Land?»*

[20] А это подражание Ф. Н. Глинке, который, обращаясь к Москве, говорит:

Город пышный, город древний!
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И хоромы, и дворцы!

Стихотворение это первоначально было помещено в «Рус. вестн.», 1841 г., № 3, стр. 604—605. Но более известно оно из «Книги для чтения», которую зубрят гимназисты и в которой оно помещается обыкновенно на стр. 229.

[21] Не тот «Русский вестник», в котором было напечатано стихотворение Ф. Н. Глинки: этот издавался в 1841 и 1842 гг. Гречем, Полевым и Кукольником в Петербурге. И не тот, который Сергеем Николаевичем Глинкою издавался с 1808 по 1824 г. и вместо которого по временам выдавалось подписчикам «Новое детское чтение». Нет, тут разумеется «Русский вестник», шумно возникший в 1856 году, предъявивший уже русской публике новые таланты гг. Байбороды, Громеки, Кокорева, Рачинского, Ржевского, Чичерина и пр., и пр., прекративший в России взяточничество, водворивший в душах аглицкое чувство законности, отстаивавший вы-

---

* «Ты знаешь край?» *(нем.)*.

куп души крестьянской, проектировавший новую русскую общину и пр.[1]

[22] «Атеней», впрочем, пред концом разговорился было и обругал Островского; но, говоря классическим стихом г. Пилянкевича,—

Напрягся — изнемог, потек — и ослабел...

Объявление о его прекращении было последним усилием его мужества: здесь он, как известно, предупредил г. Ламанского с его знаменитою фразою и затем величественно, непонятый, удалился со сцены.

[23] Здесь, очевидно, разумеется А. С. Хомяков, ибо никто, кроме его, не может быть у нас назван ученым par excellence:* известно, что он писал и о философии («Русск. бес.», 1859 г., № 1), и о санскритском языке («Изв. II отд. Акад. наук», 1855 г.), и о живописи («Моск. сбор.», 1847 г.), и о сельских условиях («Москв.», 1842 г., № 6), и о юридических вопросах («Рус. бес.», 1858 г., № 1), словом, обнял все ветви знаний человеческих. Но мы не знаем, чтобы он говорил, что Москва славнее Рима. Напротив, в знаменитом своем стихотворении «России» (которое почему-то, к сожалению, выкинуто из последнего издания «Хрестоматии» Галахова) говорит:

Славней тебя был Рим великий.

Но если значение имени «ученый» расширить, то есть придать его всякому, кто «был учен», то, без всякого сомнения, стих сей относится к г. Шевыреву, который в течение всей своей ученой карьеры до того проводил параллели между Россией и Италией, что наконец стал смешивать принадлежности обеих стран.

[24] См., напр., многократное повторение этой фразы в предисловии к московскому сборнику «Утру». А если угодно, то можно припомнить и «Молву» 1857 г.

[25] Стихи действ. тайн. советника Ив. Ив. Дмитриева (Соч. Дм., ч. I, стр. 14):

Москва, России дочь любима!
Где равную тебе сыскать?

[26] В подтверждение этого можно привести стихотворение «Олег», напечатанное в «Молве», 1857 г., № 31, стр. 358:

Олег, грамматик странный самый,
Род женский с мужеским смешал;
Всем русским городам упрямо
Он Киев матерью назвал.
Но *Киев-матушка* с нуждою
В народную ложилось речь;
Недолго мог он быть главою
И землю русскую стеречь.

---

[1] Примечание это было у г. Лайбова в четыре листа печатных, с изумительными цитатами и сближениями. Но «Русский вестник» так общеизвестен, что мы решились выкинуть всю эту историю. Г-н Лайбов может это напечатать, где хочет. *Прим. ред. «Свистка».*

* по преимуществу *(франц.)*.

Москва поправила ошибку,—
Оправдан ею был Олег,
И видим мы, что речь незыбку
Про *мать градов* он древле рек.
Москва за Русь восстала мочно,
Нет счета порванным цепям,
И стала материю точно
Она всем русским городам!..

[27] Александр Сергеич сказал, по уверению М. П. Погодина («Москв.», 1841 г., № 1):

Полезен русскому здоровью
Наш укрепительный мороз.

А известно, что «что русскому здорово, то немцу смерть»,— и французу, стало быть, тоже.

[28] Стоят — с 1818 года!

[29] Для примера смотри, хоть в «Молве», замечания К. С. Аксакова о значении Москвы: «В Москве преимущественно идет умственная работа; в ней древнейший русский университет. В ней силен интерес мысли и науки... Здесь пытается мысль выйти на самостоятельную дорогу, и если вновь станет наконец русский ум на свой настоящий путь, и мы, оторвавшаяся часть от русской народности, вновь придем к ней, и просвещение будет народным, то *этою нравственною победою Россия будет обязана деятельности мысли, возникшей в Москве»* («Молва», 1857 г., № 8). В pendant* к этому припомните знаменитую критику г. Рачинского на «Тысячу душ» («Рус. вест.», 1858 г., № 18), обвинявшую этот роман, главное, за то, что Калинович, столь дрянной человек, был студентом Московского университета.

[30] Вот один поразительный пример. Г. Погодин в своих заграничных письмах рассказывает о себе: «Я рассказал Клемму со всеми подробностями о богатом вознаграждении, полученном мною от щедрот русского царя за свое собрание древностей, которое сделалось теперь на веки веков неотъемлемо-сохранною собственностью отечественной науки. Немецкие ученые вне себя от удивления полумильону рублей, который получил русский за свои посильные труды. „Halb million, Potz, tausend! Halb million! Das ist prächtig!“** *Признаюсь, с особенным удовольствием и гордостию старался я сообщить это известие кому только мог!»* («Москв.», 1853 г., № 16. Отр. из загр. пис., стр. 184).

[31] См. патриотические стихотворения гг. Шевырева, М. Дмитриева, К. Павловой и пр., и пр.

[32] Об этом можно справиться в правительственном акте, который перепечатан, между прочим, и в «Современнике» 1858 г., № XI, «Устр. б. пом. крест.», стр. 17.

[33] Против этого хорошо возражает М. А. Дмитриев в 37-й из «Московских элегий» (Москва, 1858 г.):

---

* Здесь: дополнение *(франц.)*.

** Полмиллиона! Тьфу, пропасть! Полмиллиона! Это великолепно! *(нем.)*.

Добрая наша Москва! Говорят, что на старости любишь
Сплетни ты слушать, молву распускать...
Нет, уж то время прошло, и молва от тебя не исходит;
Любишь на старости ты только спросить да послушать...

[34] Арбат и Плющиха — улицы в Москве; Кремль — памятник отечественной славы, о котором Ф. Н. Глинка выразился («Рус. вест.», 1841 г., № III):

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?

Что же касается до «русского духа», то о нем можно получить понятие из объявления об издании «Русской беседы» на 1856 год.

[35]

Кто царь-колокол подымет,
Кто царь-пушку повернет?

Стихи того же Ф. Н. Глинки («Р. вест.», 1841 г., № 3).

[36] Гудят действительно без умолку... И кроме того, по выражению Ф. Н. Глинки (см. там же):

На церквах Москвы старинных
Вырастают дерева!

[37] Принялись и прозябли,— ибо после первой публичной лекции г. Бабста в Практической академии (18 янв.) слушателям долго не давали шуб, как напечатано в 1-м и предпоследнем нумере «Современности». Шубы приехавших слушателей запрятали в отдельную комнату, перемешали порядок нумеров и при разъезде стали выдавать их по одной сквозь какое-то окошко. Народу было до 400 человек; каково же было на холоду дожидаться? Поднялся ропот; некоторые более нетерпеливые стали громко требовать своих шуб. В это время явился господин, заведовавший там порядком, и, подойдя к одному из претендентов на шубу, сказал с сознанием своего права и достоинства: «Если вы будете требовать вашу шубу, то не получите ее совсем». Эти слова так озадачили прозябшего господина, что он пришел в отчаяние («Современность», № 1, стр. 28).

[38] В 1850 г. в Москве был 6691 фонарь. (См. «Описание Москвы и ее достопримечательностей» И. Милютина. М., 1850 г., ч. II, стр. 297.)

[39] Здесь разумеется, конечно, г. Чернышевский. В «Москвитянине», 1855 г., № 13—14, напечатано было о «Современнике: «„Современник“, в котором сегодня позволяется ругать то, что вчера расхваливалось, в котором сегодня скажет дельное слово г. Дружинин, а завтра, может быть, г. Чернышевский напишет тьму безвкусных и безобразных литературных ересей» (статья Аполлона Григорьева «Об отношении современной критики к искусству»).

[40] В «Русском вестнике» (см. 1857 г., № 24, и так дальше...).

[41] Об этом довольно хорошо было изложено в «Физиологии кружка» («Рус. вест.», 1857 г., № 9).

[42] Это случилось в «Атенее», 1858 г., № 46, стр. 297. Стихами г. Розенгейма подкрепляет ученый г. Бабст свои возражения какому-то господину, защищавшему откупа.

[43] Теперь уже не сомневается, а отчаивается (см. «Отч. Моск. практ. акад. за 1859 г.», стр. 39).

[44] О чехах г. Хомяков пел немало; они тревожат его даже во сне («Рус. бес.», 1856 г., № 1):

О Праге я с грустною думал отрадой,
О Праге мечтал, забываяся сном...

Что касается до мадьяров, то можно назвать мадьярскими разве следующие стихи его (там же):

...На Лабу, Мораву, на дальную Саву,
На Тиссу, на Дриссу, на Драву, Молдаву,
На шумный и синий Дунай...

[45—46] Бесплодны и неблагодарны новые библиографические указания на факты, столь известные.

[47] Под *** здесь можно разуметь (так как дело идет об исторических личностях) или Сигизмунда, или же, что вероятнее, Наполеона, сугубо пораженного — морозами и пожаром. Имя Наполеона не входит в стих; но, вероятно надо читать — *Бонапарт.* Впрочем, можно читать и просто Наполеон, сокращая это слово по примеру знаменитого просодиста нашего, изучившего все сокращения и ударения, г. Шевырева, который в переводе «Валленштейнова лагеря» (Москва, 1859 г.) пишет для стиха: *себе н'уме* (стр. 25), *послуш'ка* (стр. 32), *посовет'ать* (стр. 59) и пр.

[48] В 1857 г. «Русский вестник» говорил (№ 8), что г. Чичерин «начал свое ученое поприще с таким блеском, с каким немногие завершают»; а теперь г. Чичерин пишет — в «Нашем времени»! (См. «Наше время», № 1, 1860 г.)

[49] Одним из таковых является, напр., в «Нашем времени» (№ 7) г. А. Забелин, неутомимо старающийся о прогрессе езды по железным дорогам. Так, он говорит: «Бесконечно были бы благодарны все более образованные люди, если бы правительству угодно было приказать выставить на стенах вагонов всех классов печатные объявления, что в вагонах не позволяется занимать лишних мест против билетов; не позволяется возить собак, есть рыбы, сыру, яиц и прочих веществ, распространяющих дурной запах; не позволяется громко разговаривать, петь, свистать и вообще запрещается всякое беспокойство пассажиров; предписывается иметь всевозможное уважение к женщинам всех классов, и потому воспрещаются всякие скандальные разговоры, двусмысленные остроты и шутки. Пьяных вовсе не принимать в вагоны. Все эти и подобные им правила могут не остаться мертвой буквою. Выполняется же теперь очень строго запрещение курить табак, который составляет одно из самых меньших неудобств, теперь встречающихся в вагонах. Мне возразят, что правительству нельзя же быть нянькой народа и следить за каждым его шагом. Конечно, свобода дороже и лучше всего, но что же делать, когда наше общество так дурно воспитано, что еще не умеют ею пользоваться как следует и на свободе делают *всевозможные бесчинства»*

(стр. 91). А далее описываются и самые бесчинства: «Около меня уселись какие-то двое стриженых пьяных молодцов вроде купеческих приказчиков, которые *без церемонии вытащили из-под скамьи вонючую рыбу и начали уписывать за обе щеки* (какое, в самом деле, бесчинство!), как будто вагоны назначены быть харчевнями *и как будто наесться досыта какой угодно гадости нельзя было на открытом воздухе или в каком-нибудь другом месте! Наевшись своей рыбы,* они принялись во все пьяное горло *разговаривать о своих делах»* (стр. 92). Далее автор, как горячий поборник прогресса, рассуждает о том, как эти вещи делаются «во всем образованном мире». И как гуманно рассуждает!

[50] Толки о грамотности памятны всем. А относительно телесного наказания, после всех споров, о которых не считаем нужным упоминать, вот что говорится в книжке «Вечера с разговором», недавно изданной в Москве графом Толстым (стр. 13): «Считаю нужным, не обязывая общин к *непременному телесному наказанию в известных случаях,* оставить меры взысканий на собственное их усмотрение, лишь бы не превышали законоположений; и они, где можно, заменят его денежным штрафом, тюремным заключением, заработкою, исключением из общины, отдачею в распоряжение правительства и чем-нибудь в этом роде; а где нельзя — там употребят телесное наказание, и если только будет возможно, то употребят его, вероятно, не спрашиваясь ни юристов, ни филантропов, ни антропологов, не меряя длину розог, не подразделяя их на мужские, женские и детские, а просто по пословице: *„душа меру знает“*, то есть ad libitum.* По моим, может быть отсталым, понятиям *гораздо полезнее для человечества и прогресса* дать несколько розог одному негодяю, нежели пустить по миру и развращать этим способом целое семейство его». Далее, всё *«в пользу человечества и прогресса»,* автор вопиет (разгов. VI, стр. 19): «В стране, где лучшее развлечение — медвежья травля! — Где лучшая потеха — кулачный бой! — Где бурлаки порют суда, ставшие на мель, в полном убеждении, что *„палка — всему голова“!* — Где само правительство не находит возможным изгнать из законов телесное наказание,— там не говорите мне о необходимости заменить его в *общинах!* — Я никогда не поверю вам!!! — Прогресс — должен быть общий! — Должна быть — общая подготовка, общее умягчение нравов!.. А частности ни к чему не ведут, кроме бед!».

[51] Пространно об этом см. в «Русском вестнике», 1857 г., № 6, в статье «Биограф-ориенталист» Н. Ф. Павлова.

[52] Каждая книжка «Русского вестника» служит тому подтверждением. (Тут у г. Лайбова были ужасные подробности на трех печатных листах, но мы их выкидываем и оставляем только заключение...) Итак, Вахновская, Кохановская, Нарская, Громека, Ольга Н**, Павлова, Евгения Тур, Щербина, Жадовская, кроме того, по тщательным библиографическим разысканиям,— Тригорский, Криницкий, Марко Вовчок и даже сам Николаенко — вот женщины, украшающие «Русский вестник», и их-то женственное,

---

* сколько угодно *(лат.)*.

смягчающее влияние, по всей вероятности, держит его постоянно в том светлом, розовом настроении, которому не мешают даже статьи гг. Ржевского, Бунге, Лешкова и самого Хвольсона.

[53] Там даже родилась, в pendant** к стереотипной фразе: «в настоящее время, когда поднято так много общественных вопросов» и пр.— другая, не менее сильная фраза: *«в настоящее время,* когда пьянство приняло такие широкие размеры» и пр. (см. «Моск. вед.», 1859 г., № 8).

[54] Впрочем, и Чаннингом занялась прежде всех дама — г-жа Евгения Тур («Рус. вестн.», 1848 г., № 8), а потом уже и мужская половина «Русского вестника» принялась за него и в прошлом году, в № 7, перевела из него статейку о том, что не должно пьянствовать, и почему не должно.

[55] Здесь, вероятно, заключается указание на заметку, помещенную в 95 № «Моск. ведомостей» прошлого года. Теперь кстати будет припомнить ее всю целиком и с несколькими словами редакции «Ведомостей». Вот какой вид имеет эта заметка:

«Мы получили по поводу распространения трезвости следующее письмо:

М. г., Вы уже имели случай заметить, что, вполне сочувствуя обществам трезвости, вы желали бы, однако, чтобы дело обходилось без шпионства и телесных наказаний, по крайней мере там, где помещики, как сословие более образованное, принимают непосредственное участие в этом деле. В свою очередь, вполне соглашаясь с вами, невольно задаешь себе вопрос: неужели это идеал недостижимый, мечта кабинетных людей и теоретиков, и в нашем благословенном отечестве люди вечно будут сечь друг друга, и не только друг друга, но и женщин,— сечь по собственному, добровольному соглашению? Вот оно — влияние крепостного права и безграмотности!

А у нас еще есть господа,[1] без застенчивости печатающие, что наша литература, занимаясь вопросами о распространении грамотности, о телесных наказаниях и т. п., даже давая гласность некоторым общественным явлениям без прямого указания на лица, собственно, повторяет только то, что и без нее известно. Впрочем, лучшая часть нашего общества умеет ценить этих господ по достоинству, и попытки литературного мальчишества и паясничества убить в литературе всякую живую связь с тою средой, которой она служит органом, никогда не могут иметь успеха. Многие вопросы, порешенные в Западной Европе и знакомые из книг десяти человекам в России, конечно, не могли перейти в общее сознание там, где коренится и упорно держится во всем строе жизни крепостное право со всеми своими неисчислимыми последствиями. Если бы, считая все давно порешенным, наша литература ограничивалась туманными выходками против неаполитанских изгнанников и т. п., то она утратила бы всякий смысл для русского общества. Это поймет всякий неглупый школьник, а у нас есть литераторы, не понимающие таких простых вещей!

** дополнение *(франц.).*

[1] См. в апрельской книжке «Современника» статью «Русская литература» и балаганный отдел (возобновленный, вероятно, по случаю недавних праздников) под названием «Свисток».

До какой степени невозможен успех попыток, о которых я сейчас говорил, показывает уже одно то, что в порядочных журналах Западной Европы решительно не принято иметь балаганные отделы и что мы все, по-видимому, очень хорошо знаем это, а между тем все-таки не можем устоять против искушения — потешить публику и при случае превратить свой журнал в „*Весельчака*“! Отчего же это? Оттого, что в нашем обществе, даже в обществе литературном, еще не принялось западное понятие о литературе, и общество еще бросается из одной крайности в другую, увлекая за собой и литературу, по крайней мере наименее серьезные ее органы.

Примите и пр. *Н. Ч.*»

В заключение, как серьезный и добросовестный библиограф, я должен объявить, что вполне соглашаюсь с мнением г. Н. Ч., в котором, однако, по моим изысканиям и соображениям, никоим образом не следует подозревать г. Н. Чернышевского. Dixi. *

Н. Лайбов.

* Я сказал *(лат.)*.

ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ

— Стой, ямщик! жара несносная,
Дальше ехать не могу! —
Вишь, пора-то сенокосная —
Вся деревня на лугу.

У двора у постоялого
Только нянюшка сидит,
Закачав ребенка малого,
И сама почти что спит;

Через силу тянет песенку
10 Да, зевая, крестит рот,
Сел я рядом с ней на лесенку,
Няня дремлет и поет:

«Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтоб на свете сиротиночке
Беспечально век прожить.

Сила ломит и соломушку —
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшие Еремушку
20 В люди вывели скорей.

В люди выдешь, всё с вельможами
Будешь дружество водить,
С молодицами пригожими
Шутки вольные шутить.

И привольная, и праздная
Жизнь покатится шутя...»

Эка песня безобразная!
— Няня! дай-ка мне дитя! —

«На, родной! да ты откудова?»
30 — Я проезжий, городской.—
«Покачай; а я покудова
Подремлю... да песню спой!»

— Как не спеть! спою, родимая,
Только, знаешь, не твою.
У меня своя, любимая...
Баю-баюшки-баю!

В пошлой лени усыпляющий
Пошлых жизни мудрецов,
Будь он проклят, растлевающий
40 Пошлый опыт — ум глупцов!

В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

Будь счастливей! Силу новую
Благородных юных дней
В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

Жизни вольным впечатлениям
50 Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай.

С ними ты рожден природою —
Возлелей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

Возлюби их! на служение
Им отдайся до конца!
Нет прекрасней назначения,
60 Лучезарней нет венца.

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:

Необузданную, дикую,
К угнетателям вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

С этой ненавистью правою,
70 С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой...

И тогда-то...— Вдруг проснулося
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася
И взяла его, крестя.

«Покормись, родимый, грудкою!
Сыт?.. Ну, баюшки-баю!»
И запела над малюткою
80 Снова песенку свою...

<В АЛЬБОМ С. Н. СТЕПАНОВУ>

Пишите, други.— Начат путь!
Наполним быстро том альбомный,
Но вряд ли скажем что-нибудь
Умней того, что прозой скромной
Так поэтически сказать
Сумела любящая мать!..

1860

ПАПАША

Я давно замечал этот серенький дом,
В нем живут две почтенные дамы,
Тишина в нем глубокая днем,
Сторы спущены, заперты рамы.
А вечерней порой иногда
Здесь движенье веселое слышно:
Приезжают сюда господа
И девицы, одетые пышно.
Вот и нынче карета стоит,
10 В ней какой-то мужчина сидит;
Свищет он, поджидая кого-то,
Да на окна глядит иногда.
Наконец, отворились ворота,
И, нарядна, мила, молода,
Вышла женщина...

«Здравствуй, Наташа!
Я уже думал — не будет конца!»
— Вот тебе деньги, папаша! —
Девушка села, целует отца.
Дверцы захлопнулись, скрылась карета,
20 И постепенно затих ее шум.
«Вот тебе деньги!» Я думал: что ж это?
Дикая мысль поразила мой ум.
Мысль эта сердце мучительно сжала.
Прочь, ненавистная, прочь!
Что же, однако, меня испугало?
Мать, продающая дочь,
Не ужасает нас... так почему же?..
Нет, не поверю я!.. изверг, злодей!
Хуже убийства, предательства хуже...

30 Хуже-то хуже, да легче, верней,
Да и понятней. В наш век утонченный
Изверги водятся только в лесах.
Это не изверг, а фат современный —
Фат устарелый, без места, в долгах.
Что ж ему делать? Другого закона,
Кроме дендизма, он в жизни не знал,
Жил человеком хорошего тона
И умереть им желал.
Поздно привык он ложиться,
40 Поздно привык он вставать,
Кушая кофе, помадиться, бриться,
Ногти точить и усы завивать;
Час или два перед тонким обедом
Невский проспект шлифовать.
Смолоду был он лихим сердцеедом:
Долго ли денег достать?
С шиком оделся, приставил лорнетку
К левому глазу, прищурил другой,
Мигом пленил пожилую кокетку,
50 И полилось ему счастье рекой.
Сладки трофеи нетрудной победы —
Кровные лошади, повар-француз...
Боже! какие давал он обеды —
Роскошь, изящество, вкус!
Подлая сволочь глотала их жадно.
Подлая сволочь?.. о, нет!
Всё, что богато, чиновно, парадно,
Кушало с чувством и с толком обед.
Мы за здоровье хозяина пили,
60 Мы целовалися с ним,
Правда, что слухи до нас доходили...
Что нам до слухов — и верить ли им?
Старый газетчик, в порыве усердия,
Так отзывался о нем:
«Друг справедливости! жрец милосердия!»
То вдруг облаял потом,—
Верь, чему хочешь! Мы в нем не заметили
Подлости явной: в игре он платил.
Муза! воспой же его добродетели!
70 Вспомни, он набожен был;
Вспомни, он руку свою тороватую
Вечно раскрытой держал,

Даже Жуковскому что-то на статую
По доброте своей дал!
Счастье, однако, на свете непрочно —
Хуже да хуже с годами дела.
Сил ему много отпущено, точно,
Да красота изменять начала.
Он уж купил три таинственных банки:
80 Это — для губ, для лица и бровей,
Учетверил благородство осанки
И величавость походки своей;
Ходит по Невскому с палкой, с лорнетом
Сорокалетний герой.
Ходит зимою, весною и летом,
Ходит и думает: «Черт же с тобой,
Город проклятый! Я строен, как тополь,
Счастье найду по другим городам!»
И, рассердясь, покидает Петрополь...
90 Может быть, ведомо вам,
Что за границей местами есть воды,
Где собирается множество дам —
Милых поклонниц свободы,
Дам и отчасти девиц,
Ежели дам, то в замужстве несчастных;
Разного возраста лиц,
Но одинаково страстных,—
Словом, таких, у которых талант
Жалкою славой прославиться в свете
100 И за которых Жорж Санд
Перед мыслителем русским в ответе.
Что привлекает их в город такой,
Славный не столько водами,
Сколько азартной игрой
И... но вы знаете сами...
Трудно решить. Говорят,
Годы терпенья и плена,
Тяжких обид и досад
Вдруг выкупает измена;
110 Ежели так, то целительность вод
Не подлежит никакому сомненью.
Бурно их жизнь там идет,
Вся отдана наслажденью,
Оригинален наряд,—
Дома одеты, а в люди

Полураздеться спешат:
Голые спины и голые груди!
(Впрочем, не к каждой из дам
Эти идут укоризны:
120 Так, например, только лечатся там
Скромные дочери нашей отчизны...)
Наш благородный герой
Там свои сети раскинул,
Там он блистал еще годик-другой,
Но и оттудова сгинул.
Лет через восемь потом
Он воротился в Петрополь,
Всё еще строен, как тополь,
Но уже несколько хром,
130 То есть не хром, а немножко
Стала шалить его левая ножка —
Вовсе не гнулась! Шагал
Ею он словно поленом,
То вдруг внезапно болтал
В воздухе правым коленом.
Белый платочек в руке,
Грусть на челе горделивом,
Волосы с бурым отливом —
И ни кровинки в щеке!
140 Плохо!..
А вкусы так пошлы и грубы,
Дай им красавчика, кровь с молоком...
Волк, у которого выпали зубы,
Бешено взвыл; огляделся кругом
Да и решился... Трудами питаться
Нет ни уменья, ни сил,
В бедности гнусной открыто признаться
Перед друзьями, которых кормил,
И удалиться с роскошного пира —
Нет! добровольно герой
150 Санктпетербургского модного мира
Не достигает развязки такой.
Молод — так дело женитьбой поправит,
Стар — так игорный притон заведет,
Вексель фальшивый составит,
В легкую службу пойдет,
Славная служба! Наш старый красавец
Чуть не пошел было этой тропой,

Да не годился... Вот этот мерзавец!
Под руку с дочерью! Весь завитой,
160 Кольца, лорнетка, цепочка вдоль груди...
Плюньте в лицо ему, честные люди!
Или уйдите хоть прочь!
Легче простить за поджог, за покражу —
Это отец, развращающий дочь
И выводящий ее на продажу!..
«Знаем мы, знаем — да дела нам нет,
Очень горяч ты, любезный поэт!»

Музыка вроде шарманки
Однообразно гудит,
170 Сонно поют испитые цыганки,
Глупый цыган каблуками стучит.
Около русой Наташи
Пять молодых усачей
Пьют за здоровье папаши.
Кажется, весело ей:
Смотрит спокойно, наивно смеется.
Пусть же смеется всегда!
Пусть никогда не проснется!
Если ж проснется, что будет тогда?
180 Нож ли ухватит, застонет ли тяжко
И упадет без дыханья, бедняжка,
Сломлена ужасом, горем, стыдом?
Кто ее знает! Не дай только боже
Быть никому в ее коже,—
Звать обнищалого фата отцом!

ПЕРВЫЙ ШАГ В ЕВРОПУ

Как дядю моего, Ивана Ильича,
Нечаянно сразил удар паралича,
В его наследственном имении Корсунском,—
Я памятник ему воздвигнул сгоряча,
А души заложил в совете опекунском.

Мои домашние, особенно жена,
Пристали: «Жизнь для нас на родине скучна!»
Кто: «Ангел!», кто: «Злодей! вези нас за границу!»
Я крикнул старосту Ивана Кузьмина,
10 Именье сдал ему и — укатил в столицу.

В столице получив немедленно паспорт,
Я сел на пароход и уронил за борт
Горячую слезу, невольный дар отчизне...
«Утешься,— прошептал нас увлекавший черт,—
Отраду ты найдешь в немецкой дешевизне».—

И я утешился... И тут уж недолга
Развязка мрачная: минули мы брега
Священной родины, минули Свинемюнде,
Приехали в Берлин — и обрели врага
20 В Луизе-Августе-Фернанде-Кунигунде.

Так горничная тварь в гостинице звалась.
Но я предупредить обязан прежде вас,
Что Лидия — моя дражайшая супруга —
Ужасно горяча: как будто родилась
Под небом Африки; в ней дышат страсти юга!

В отечестве она не знала им узды:
Покорно ей вручив правления бразды,
Я скоро подчинил ей волю и рассудок

(В сочельник крошки в рот не брал я до звезды,
30 Хоть голоду терпеть не может мой желудок),

И всяк за мною вслед во всем ей потакал,
Противоречием никто не раздражал
Из опасенья слез, трагических истерик...
В гостинице, едва я умываться стал,
Вдруг слышу: Лидия бушует, словно Терек.

Я бросился туда. Вот что случилось с ней...
О ужас! о позор! В небрежности своей,
Луиза, Лидию с дороги раздевая,
Царапнула слегка булавкой шею ей,
40 А Лидия моя, не долго размышляя...

Но что тут говорить? Тут нужны не слова,
Тут громы нужны бы... Недвижна, чуть жива,
Стояла Лидия в какой-то думе новой.
Растрепана коса, поникла голова:
«На натиск пламенный ей был отпор суровый!..»

Слова моей жены: «О друг, Иван Ильич! —
Мне вспомнились тогда.— Здесь грубость, мрак и дичь,
Здесь жить я не могу — вези меня в Европу!»
Ах, лучше б, душечка, в деревне девок стричь
50 Да надирать виски безгласному холопу!

И тяжко я вздохнул о родине моей
. . . .
. . . .

*
* *

О гласность русская! ты быстро зашагала,
Как бы в восторженном каком-то забытье:
Живого Чацкина ты прежде защищала,
А ныне добралась до мертвого Кювье.

МЫСЛИ ЖУРНАЛИСТА

ПРИ ЧТЕНИИ ПРОГРАММЫ, ОБЕЩАЮЩЕЙ НЕ ЩАДИТЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ АВТОРИТЕТОВ

Что ты задумал, несчастный?
Что ты дерзнул обещать?..
Помысел самый опасный —
Авторитеты карать!

В доброе старое время,
Время эклог и баллад,
Пишущей братии племя
Было скромнее стократ.

С неостывающим жаром
10 С детства до старости лет
На альманачника даром
Пишет, бывало, поэт;

Скромен как майская роза,
Он не гнался за грошом.
Самая лучшая проза
Тоже была нипочем.

Руки дыханием грея,
Труженик пел соловьем,
А журналист, богатея,
20 Строил — то дачу, то дом.

Нынче — ужасное время —
Нет и в поэтах души!
Пишущей братии племя
Стало сбирать барыши.

Всякий живет сибаритом...
Майков, Полонский и Фет —
Подступу к этим пиитам,
Что называется, нет!

Дорог ужасно Тургенев —
30 Публики первый герой —
Эта Елена, Берсенев,
Этот Инсаров... ой-ой!

Выгрузишь разом карманы
И поправляйся потом!
На Гончарова романы
Можно бы выстроить дом.

Даже ученый историк
Деньги лопатой гребет:
Корень учения горек,
40 Так подавай ему плод!

Русский обычай издревле
«Брать — так уж брать» говорит...
Вот Молинари дешевле,
Но чересчур плодовит!

Мало что денег: почету
Требовать стали теперь;
Если поправишь работу,
Рассвирепеет, как зверь!

«Я журналисту полезен —
50 Так зазнаваться не смей!»
Будь осторожен, любезен,
Льсти, унижайся, немей.

Я ли,— о боже мой, боже!—
Им угождать не устал?
А как повел себя строже,
Так совершенно пропал:

Гордость их так нестерпима,
Что ни строки не дают
И, как татары из Крыма,
60 Вон из журнала бегут...

ЗНАХАРКА

Знахарка в нашем живет околодке:
На́ воду шепчет, на гуще, на водке

Да на каких-то гадает травах.
Просто наводит, проклятая, страх!

Радостей мало — пророчит всё горе,
Вздумал бы плакать — наплакал бы море,

Да — господь милостив! — русский народ
Плакать не любит, а больше поет.

Молвила ведьма горла́стому парню:
10 «Эй! угодишь ты на барскую псарню!»

И — поглядят — через месяц всего
По лесу парень орет «го-го-го!»

Дяде Степану сказала: «Кичишься
Больно ты сивкой, а сивки лишишься,

Либо своей голове пропадать!»
Стали Степана рекрутством пугать:

Вывел коня на базар — откупился!
Весь околодок колдунье дивился.

«Сем-ка! и я понаведаюсь к ней! —
20 Думает старый мужик Пантелей.—

Что ни предскажет кому: разоренье,
Убыль в семействе, глядишь — исполненье!

Черт у ней, что ли, в дрожжах-то сидит?..»
Вот и пришел Пантелей — и стоит,

Ждет: у колдуньи была уж девица,
Любо взглянуть — молода, полнолица.

Рядом с ней парень — дворовый, кажись.
Знахарка девке: «Ты с ним не вяжись!

Будет твоя особливая доля:
30 Малые слезы — и вечная воля!»

Дрогнул дворовый, а ведьма ему:
«Счастью не быть, молодец, твоему.

Всё говорить?» — Говори! — «Ты зимою
Высечен будешь, дойдешь до запою,

Будешь небритый валяться в избе,
Чертики прыгать учнут по тебе,

Станут глумиться, тянуть в преисподню;
Ты в пузыречек наловишь их сотню,

Станешь его затыкать...» Пантелей
40 Шапку в охапку — и вон из дверей.

«Что же, старик? Погоди — погадаю!» —
Ведьма ему. Пантелей:— Не желаю!

Что нам гадать? Малолетков морочь,
Я погожу пока, чертова дочь!

Ты нам тогда предскажи нашу долю,
Как от господ отойдем мы на волю! —

ЧТО ПОДЕЛЫВАЕТ НАША ВНУТРЕННЯЯ ГЛАСНОСТЬ?

Вместо предисловия

Друзья мои! мы много жили,
Но мало думали о том:
В какое время мы живем,
Чему свидетелями были?

Припомним, что не без искусства
На грамотность ударил Даль —
И обнаружил много чувства,
И остроумье, и мораль;
Но отразил его Карнович,
10 И против грамоты один
Теперь остался Беллюстин!

Припомним: Михаил Петрович
Звал Костомарова на бой;
Но диспут вышел неудачен,—
И, огорчен, уныл и мрачен,
Молчит Погодин как немой!

Припомним, что один Громека
Заметно двинул нас вперед,
Что «Русский вестник», к чести века,
20 Уж издается пятый год...
Что в нем писали Булкин, Ржевский,
Матиль, Григорий Данилевский...
За публицистом публицист
В Москве являлся вдохновенный,

А мы пускали легкий свист,
Порой, быть может, дерзновенный...

И мнил: «Настала мне беда!» —
Кривдой нажившийся мздоимец,
И спал спокойно не всегда,
30 Схвативши взятку, лихоимец,
И русский пить переставал
От Арзамаса до Украйны,
И Кокорев публиковал,
Что есть дела, где нужны тайны.
Ну что ж? Решить нам не дано,
Насколько двинулись мы точно...
Ах! верно знаем мы одно,
Что в этом мире всё непрочно,
Где нам толкаться суждено,
40 Где нам твердит memento mori*
Своею смертью «Атеней»
И ужасает нас Ристори
Грозой разнузданных страстей!

---

* помни о смерти *(лат.)*.

ПЛАЧ ДЕТЕЙ

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей,
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?

«В золотую пору малолетства
Всё живое — счастливо живет,
Не трудясь, с ликующего детства
Дань забав и радости берет.
Только нам гулять не довелося
10 По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колеса
Мы вертим — вертим — вертим!

Колесо чугунное вертится,
И гудит, и ветром обдает,
Голова пылает и кружится,
Сердце бьется, всё кругом идет:
Красный нос безжалостной старухи,
Что за нами смотрит сквозь очки,
По стенам гуляющие мухи,
20 Стены, окна, двери, потолки,—
Всё и все! Впадая в исступленье,
Начинаем громко мы кричать:
„Погоди, ужасное круженье!
Дай нам память слабую собрать!“
Бесполезно плакать и молиться —
Колесо не слышит, не щадит:
Хоть умри — проклятое вертится,
Хоть умри — гудит — гудит — гудит!

Где уж нам, измученным в неволе,
30 Ликовать, резвиться и скакать!
Если б нас теперь пустили в поле,
Мы в траву попадали бы — спать.
Нам домой скорей бы воротиться...
Но за чем идем мы и туда?..
Сладко нам и дома не забыться:
Встретит нас забота и нужда!
Там, припав усталой головою
К груди бледной матери своей,
Зарыдав над ней и над собою,
40 Разорвем на части сердце ей...»

НА ВОЛГЕ

(Детство Валежникова)

1

. . . .
. . . .

Не торопись, мой верный пес!
Зачем на грудь ко мне скакать?
Еще успеем мы стрелять.
Ты удивлен, что я прирос
На Волге: целый час стою
Недвижно, хмурюсь и молчу.
Я вспомнил молодость мою
10 И весь отдаться ей хочу
Здесь на свободе. Я похож
На нищего: вот бедный дом,
Тут, может, подали бы грош.
Но вот другой — богаче: в нем
Авось побольше подадут.
И нищий мимо; между тем
В богатом доме дворник-плут
Не наделил его ничем.
Вот дом еще пышней, но там
20 Чуть не прогнали по шеям!
И, как нарочно, всё село
Прошел — нигде не повезло!
Пуста, хоть выверни суму.
Тогда вернулся он назад
К убогой хижине — и рад,
Что корку бросили ему;
Бедняк ее, как робкий пес,
Подальше от людей унес

И гложет... Рано пренебрег
30 Я тем, что было под рукой,
И чуть не детскою ногой
Ступил за отческий порог.
Меня старались удержать
Мои друзья, молила мать,
Мне лепетал любимый лес:
Верь, нет милей родных небес!
Нигде не дышится вольней
Родных лугов, родных полей,
И той же песенкою полн
40 Был говор этих милых волн.
Но я не верил ничему.
Нет,— говорил я жизни той,—
Ничем не купленный покой
Противен сердцу моему...

Быть может, недостало сил,
Или мой труд не нужен был,
Но жизнь напрасно я убил,
И то, о чем дерзал мечтать,
Теперь мне стыдно вспоминать!
50 Все силы сердца моего
Истратив в медленной борьбе,
Не допросившись ничего
От жизни ближним и себе,
Стучусь я робко у дверей
Убогой юности моей:
— О юность бедная моя!
Прости меня, смирился я!
Не помяни мне дерзких грез,
С какими, бросив край родной,
60 Я издевался над тобой!
Не помяни мне глупых слез,
Какими плакал я не раз,
Твоим покоем тяготясь!
Но благодушно что-нибудь,
На чем бы сердцем отдохнуть
Я мог, пошли мне! Я устал,
В себя я веру потерял,
И только память детских дней
Не тяготит души моей...

70 Я рос, как многие, в глуши,
У берегов большой реки,
Где лишь кричали кулики,
Шумели глухо камыши,
Рядами стаи белых птиц,
Как изваяния гробниц,
Сидели важно на песке;
Виднелись горы вдалеке,
И синий бесконечный лес
Скрывал ту сторону небес,
80 Куда, дневной окончив путь,
Уходит солнце отдохнуть.

Я страха смолоду не знал,
Считал я братьями людей,
И даже скоро перестал
Бояться леших и чертей.
Однажды няня говорит:
«Не бегай ночью — волк сидит
За нашей ригой, а в саду
Гуляют черти на пруду!»
90 И в ту же ночь пошел я в сад.
Не то чтоб я чертям был рад,
А так — хотелось видеть их.
Иду. Ночная тишина
Какой-то зоркостью полна,
Как будто с умыслом притих
Весь божий мир — и наблюдал,
Что дерзкий мальчик затевал!
И как-то не шагалось мне
В всезрящей этой тишине.
100 Не воротиться ли домой?
А то как черти нападут
И потащат с собою в пруд,
И жить заставят под водой?
Однако я не шел назад.
Играет месяц над прудом,
И отражается на нем
Береговых деревьев ряд.
Я постоял на берегу,
Послушал — черти ни гу-гу!

110 Я пруд три раза обошел,
Но черт не выплыл, не пришел!
Смотрел я меж ветвей дерев
И меж широких лопухов,
Что поросли вдоль берегов,
В воде: не спрятался ли там?
Узнать бы можно по рогам.
Нет никого! Пошел я прочь,
Нарочно сдерживая шаг.
Сошла мне даром эта ночь,
120 Но если б друг какой иль враг
Засел в кусту и закричал,
Иль даже, спугнутая мной,
Взвилась сова над головой,—
Наверно б мертвый я упал!
Так, любопытствуя, давил
Я страхи ложные в себе
И в бесполезной той борьбе
Немало силы погубил.
Зато добытая с тех пор
130 Привычка не искать опор
Меня вела своим путем,
Пока рожденного рабом
Самолюбивая судьба
Не обратила вновь в раба!

3

О Волга! после многих лет
Я вновь принес тебе привет.
Уж я не тот, но ты светла
И величава, как была.
Кругом всё та же даль и ширь,
140 Всё тот же виден монастырь
На острову, среди песков,
И даже трепет прежних дней
Я ощутил в душе моей,
Заслыша звон колоколов.
Всё то же, то же... только нет
Убитых сил, прожитых лет...

Уж скоро полдень. Жар такой,
Что на песке горят следы,
Рыбалки дремлют над водой,

150 Усевшись в плотные ряды;
Куют кузнечики, с лугов
Несется крик перепелов.
Не нарушая тишины
Ленивой, медленной волны,
Расшива движется рекой.
Приказчик, парень молодой,
Смеясь, за спутницей своей
Бежит по палубе: она
Мила, дородна и красна.
160 И слышу я, кричит он ей:
«Постой, проказница, ужо
Вот догоню!..» Догнал, поймал,—
И поцалуй их прозвучал
Над Волгой вкусно и свежо.
Нас так никто не целовал!
Да в подрумяненных губах
У наших барынь городских
И звуков даже нет таких.

В каких-то розовых мечтах
170 Я позабылся. Сон и зной
Уже царили надо мной.
Но вдруг я стоны услыхал,
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
180 Их мерный похоронный крик —
И сердце дрогнуло во мне.

О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда еще всё в мире спит
И алый блеск едва скользит
По темно-голубым волнам,
Я убегал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
190 Катаюсь с ними в челноке,

Брожу с ружьем по островам.
То, как играющий зверок,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камешки,
И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою...
Тогда я думать был готов,
Что не уйду я никогда
200 С песчаных этих берегов.
И не ушел бы никуда —
Когда б, о Волга! над тобой
Не раздавался этот вой!

Давно-давно, в такой же час,
Его услышав в первый раз,
Я был испуган, оглушен.
Я знать хотел, что значит он,—
И долго берегом реки
Бежал. Устали бурлаки,
210 Котел с расшивы принесли,
Уселись, развели костер
И меж собою повели
Неторопливый разговор.
«Когда-то в Нижний попадем? —
Один сказал.— Когда б попасть
Хоть на Илью...» — Авось придем,—
Другой, с болезненным лицом,
Ему ответил.— Эх, напасть!
Когда бы зажило плечо,
220 Тянул бы лямку, как медведь,
А кабы к утру умереть —
Так лучше было бы еще...—
Он замолчал и навзничь лег.
Я этих слов понять не мог,
Но тот, который их сказал,
Угрюмый, тихий и больной,
С тех пор меня не покидал!
Он и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
230 Изнеможенные черты
И, выражающий укор,
Спокойно-безнадежный взор...

Без шапки, бледный, чуть живой,
Лишь поздно вечером домой
Я воротился. Кто тут был —
У всех ответа я просил
На то, что видел, и во сне
О том, что рассказали мне,
Я бредил. Няню испугал:
240 «Сиди, родименькой, сиди!
Гулять сегодня не ходи!»
Но я на Волгу убежал.

Бог весть, что сделалось со мной?
Я не узнал реки родной:
С трудом ступает на песок
Моя нога: он так глубок;
Уж не манит на острова
Их ярко-свежая трава,
Прибрежных птиц знакомый крик
250 Зловещ, пронзителен и дик,
И говор тех же самых волн
Иною музыкою полн!

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

Что я в ту пору замышлял,
Созвав товарищей-детей,
260 Какие клятвы я давал —
Пускай умрет в душе моей,
Чтоб кто-нибудь не осмеял!

Но если вы — наивный бред,
Обеты юношеских лет,
Зачем же вам забвенья нет?
И вами вызванный упрек
Так сокрушительно жесток?..

4

Унылый, сумрачный бурлак!
Каким тебя я в детстве знал,
270 Таким и ныне увидал:

Всё ту же песню ты поешь,
Всё ту же лямку ты несешь,
В чертах усталого лица
Всё та ж покорность без конца...

. . . .

Прочна суровая среда,
Где поколения людей
Живут и гибнут без следа
280 И без урока для детей!
Отец твой сорок лет стонал,
Бродя по этим берегам,
И перед смертию не знал,
Что заповедать сыновьям.
И, как ему,— не довелось
Тебе наткнуться на вопрос:
Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?
Как он, безгласно ты умрешь,
290 Как он, бесплодно пропадешь,
Так заметается песком
Твой след на этих берегах,
Где ты шагаешь под ярмом,
Не краше узника в цепях,
Твердя постылые слова,
От века те же: «раз да два!»
С болезненным припевом «ой»!
И в такт мотая головой...

*
* *

Что ты, сердце мое, расходилося?..
Постыдись! Уж про нас не впервой
Снежным комом прошла-прокатилася
Клевета по Руси по родной.
Не тужи! пусть растет, прибавляется,
Не тужи! как умрем,
Кто-нибудь и об нас проболтается
Добрым словцом.

*

* *

........одинокий, потерянный,
Я как в пустыне стою,
Гордо не кличет мой голос уверенный
Душу родную мою.

Нет ее в мире. Те дни миновалися,
Как на призывы мои
Чуткие сердцем друзья отзывалися,
Слышалось слово любви.

Кто виноват — у судьбы не доспросишься,
10 Да и не всё ли равно?
У моря бродишь: «Не верю, не бросишься! —
Вкрадчиво шепчет оно.—

Где тебе? Дружбы, любви и участия
Ты еще жаждешь и ждешь.
Где тебе, где тебе! — ты не без счастия,
Ты не без ласки живешь...

Видишь, рассеялась туча туманная,
Звездочки вышли, горят?
Все на тебя, голова бесталанная,
20 Ласковым взором глядят».

ДЕРЕВЕНСКИЕ НОВОСТИ

Вот и Качалов лесок,
Вот и пригорок последний.
Как-то шумлив и легок
Дождь начинается летний,
И по дороге моей,
Светлые, словно из стали,
Тысячи мелких гвоздей
Шляпками вниз поскакали —
Скучная пыль улеглась...
10 Благодарение богу,
Я совершил еще раз
Милую эту дорогу.
Вот уж запасный амбар,
Вот уж и риги... как сладок
Теплого колоса пар!
«Останови же лошадок!
Видишь: из каждых ворот
Спешно идет обыватель.
Всё-то знакомый народ,
20 Что ни мужик, то приятель.

Здравствуйте, братцы!» — Гляди,
Крестничек твой-то, Ванюшка! —
«Вижу, кума! погоди,
Есть мальчугану игрушка».
— Здравствуй, как жил-поживал?
Не понапрасну мы ждали,
Ты таки слово сдержал.
Выводки крупные стали;
Так уж мы их берегли,
30 Сами ни штуки не били.

Будет охота — пали!
Только бы ноги служили.
Вишь ты лядащий какой,
Мы не таким отпускали:
Словно тебя там сквозь строй
В зиму-то трижды прогнали.
Право, сердечный, чуть жив;
Али неладно живется? —
«Сердцем я больно строптив,
40 Попусту глупое рвется.
Ну, да поправлюсь у вас.
Что у вас нового, братцы?»

— Умер третьеводни Влас
И отказал тебе святцы.—
«Царство небесное! Что,
Было ему уж до сотни?»
— Было и с хвостиком сто.
Чудны дела-то господни!
Не понапрасну продлил
50 Эдак-то жизнь человека:
Сто лет подушны платил,
Барщину правил полвека! —

«Как урожай?» — Ничего.
Горе другое: покрали
Много леску твоего.
Мы станового уж звали.
Шут и дурак наголо!
Слово-то молвит, скотина,
Словно как дунет в дупло,
60 Несообразный детина!
„Стан мой велик, говорит,
С хвостиком двадцать пять тысяч,
Где тут судить, говорит,
Всех не успеешь и высечь!“ —
С тем и уехал домой,
Так ничего не поделав:
Нужен-ста тут межевой
Да епутат от уделов! —

— В Ботове валится скот,
70 А у солдатки Аксиньи

Девочку — было ей с год —
Съели проклятые свиньи;
В Шахове свекру сноха
Вилами бок просадила —
Было за что... Пастуха
Громом во стаде убило.
Ну уж и буря была!
Как еще мы уцелели!
Колокола-то, колокола —
80 Словно о пасхе гудели!
Наши речонки водой
Налило на три аршина,
С поля бежала домой,
Словно шальная, скотина:
С ног ее ветер валил.
Крепко нам жаль мальчугана:
Этакой клоп, а отбил
Этто у волка барана!
Стали Волчком его звать —
90 Любо! Встает с петухами,
Песни начнет распевать,
Весь уберется цветами,
Ходит проворный такой.
Матка его проводила:
„Поберегися, родной!
Слышишь, какая завыла!“
— Буря-ста мне нипочем,
Я,— говорит,— не ребенок! —
Да размахнулся кнутом
100 И повалился с ножонок!
Мы посмеялись тогда,
Так до полден позевали,
Слышим — случилась беда:
„Шли бы: убитого взяли!“
И уцелел бы, да вишь
Крикнул дурак ему Ванька:
„Что ты под древом сидишь?
Хуже под древом-то... Встань-ка!“
Он не перечил — пошел,
110 Сел под рогожей на кочку,
Ну, а господь и навел
Гром в эту самую точку!
Взяли — не в поле бросать,

Да как рогожу открыли,
Так не одна его мать —
Все наши бабы завыли.
Угомонился Волчок —
Спит себе. Кровь на рубашке,
В левой ручонке рожок,
120 А на шляпенке венок
Из васильков да из кашки!

Этой же бурей сожгло
Красные Горки; пониже,
Помнишь, Починки село —
Ну и его... Вот поди же!
В Горках пожар уж притих,
Ждали: Починок не тронет!
Смотрят, а ветер на них
Пламя и гонит, и гонит!
130 Встречу-то поп со крестом,
Дьякон с кадилами вышел,
Не совладали с огнем —
Видно, господь не услышал!..

Вот и хоромы твои,
Ты, чай, захочешь покою?..—
«Полноте, други мои!
Милости просим за мною...»

Сходится в хате моей
Больше да больше народу:
140 — Ну, говори поскорей,
Что ты слыхал про свободу? —

НА ПСАРНЕ

Ты, старина, здесь живешь, как в аду,
Воля придет,— чай, бежишь без оглядки?
— На́што мне воля? куда я пойду?
Нету ни батьки, ни матки,
Нету никем никого,
Хлеб добывать не умею,
Только и знаю кричать: «Го-го-го!
Горе косому злодею!..»

1860—1861

ФИНАНСОВЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

(ГОЛОС ИЗ ПРОВИНЦИИ)

Денег нет — перед деньгами.
Народная пословица

Между тем как в глуши
В преферанс на гроши
Мы палим, беззаботно ремизясь,

Из столиц каждый час
Весть доходит до нас
Про какой-то финансовый кризис.

Эх! вольно ж, господа,
Вам туда и сюда
Необдуманно деньги транжирить.

10 Надо жить поскромней,
Коли нет ни рублей,
Ни уменья доходы расширить.

А то роскошь у вас,
Говорят, завелась,
Непонятная даже рассудку.

Не играйте, молю,
В ералаш по рублю,
Это первое: вредно желудку.

Во-вторых, но — увы!..
20 Рассердились уж вы:
«Ты советовать нам начинаешь?»

Что ж? я буду молчать.
Но ведь так продолжать —
Так, пожалуй, своих не узнаешь!

Каждый графом живет:
Дай квартиру в пятьсот,
Дай камин и от Тура кушетку.

Одевает жену
Так, что только — ну, ну!
30 И публично содержит лоретку!

Сам же чуть не банкрут...
Что ж мудреного тут,
Если вы и совсем разоритесь?

Вам Прутков говорит:
«Мудрый в корень глядит»,
Так смотрите на нас — и учитесь!

Ведь у нас в городах,
Ведь у нас в деревнях
Деньги были всегда не обильны.

40 А о кризисе дум
Не вспадало на ум —
Сохранял, сохраняет всесильный!

Целый год наш уезд
Всё готовое ест:
Натащат, навезут мужичонки.

На наряды жене
Да на выпивку мне
Только вот бы и нужны деньжонки.

Что ж? добуду кой-как...
50 А что беден бедняк,
Так ведь был не богаче и прежде.

Что поднимет мужик
Среди улицы крик,
Непростительный даже в невежде:

«Я-де сено привез
Да и отдал весь воз
За размен трехрублевой бумажки!

Лишь бы соли достать,
А то стал я хворать
60 И цинга появилась у Глашки»,—

Так за эту бы речь
Мужичонку посечь
Да с такой бы еще прибауткой:

«Было что разменять,
А ты смел рассуждать —
Важный барин, с своею Глашуткой!»

Ну и дело с концом...
Больше, меньше рублем —
Велика ли потеря на лаже?

70 А для тех, у кого
Вовсе нет ничего,
Так совсем нечувствительно даже...

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ, ИЛИ РАЗДРАЖЕННЫЙ БИБЛИОГРАФ

(ЭПИЗОД ИЗ ПОЭМЫ-АВТОБИОГРАФИИ САВВЫ НАМОРДНИКОВА)

...О светские забавы!
Пришлось вам поклониться.
Литературной славы
Решился я добиться.

Недолго думал думу,
Достал два автографа —
И вышел не без шуму
На путь библиографа.

Шекспировых творений
10 Составил полный список,
Без важных упущений
И без больших описок.

Всего-то две ошибки
Открыли журналисты,
Как их умы ни гибки,
Как перья ни речисты:

Какую-то «Заиру»
Позднейшего поэта
Я приписал Шекспиру,
20 Да пропустил «Гамлета».

Ну что ж? большая важность!
Эх! русские журналы!
Невежество, продажность,
А метят в либералы!

Посыпались нападки.
Я пробовал сначала
Свалить на опечатки,
Но вышло толку мало!

Тогда я хвать брошюру —
30 И тут остался с носом:
На всю литературу
Сочли ее доносом!

И тут пошла потеха!
«Ты варвар, ты китаец,
Друг мрака, враг успеха!»
Так пса увидя, заяц

Засуется, метнется
К тому, к другому краю
И разом попадется
40 Во всю собачью стаю!

Дней сто не прекращали
Журнальной этой бани,
И даже тех ругали,
Кто мало сыпал брани!

Такой ужасной травли
Не видано лет двести.
А ведь за что? Не прав ли,
Не прав ли я, по чести?

Что я сказал? «Мальчишки,
50 Не годные мне в слуги!
Какие их чинишки?
Какие их заслуги?

Дудышкин, Чернышевский,
Какой-то Бов, Громека!
Один Андрей Краевский
Похож на человека!

Как посмотреть построже
Да привести всё в ясность,
Так тут,— помилуй боже! —
60 Отечеству опасность...

Все завистию дышат,
Кто к чину, кто к карману,
Не по призванью пишут,
А с голоду да спьяну!

И смели целой ратью
Глумиться надо мною!
Ужель, по их понятью,
Я Гербеля не стою?..»

И вот за правду-матку
70 Терплю теперь гоненье!
Пускай бы взял я взятку,
Отжилил чье именье...

Да если б и канальство
Зашло в мои делишки —
Карай меня начальство,
А вы молчать, мальчишки!

А впрочем, я за гласность,
Я сам бывал в Париже,
Но там — какая разность! —
80 Народ гораздо тише.

Притом язык французский
И брань облагородит:
Уклончив, мил... а русский
Как кнут по членам ходит.

К ругательствам способен —
Признала вся Европа:
Своеобразен, злобен!
Хорош он для холопа,

Но груб для нашей кожи;
90 Притом и формы узки.
Недаром все вельможи
Писали по-французски:

Де-Жеребцов, Мещерский,
Де-Кокорев... Но будет!

От этой брани дерзкой
Меня ведь не убудет!

Не оттого немеем,
Что защищаться нечем.
С Булгариным Фаддеем
100 И с Николаем Гречем

Истории такие
Не так кончались прежде.
Но времена другие...
А впрочем, я в надежде!

Я повторяю то же:
Лишь привести всё в ясность,
Так тут,— помилуй боже! —
Отечеству опасность!..

Но лучший, без сомненья,
110 Ответ на укоризны —
Труд, полный изученья
И нужный для отчизны.

Могу себя прославить
И без журнальных стычек:
Решился я составить
«Словарь собачьих кличек»!

Сей труд монументальный
И деньги мне доставит,
И зависти нахальной
120 Шипение подавит.

Довольно, будет ахов...
Я знаю, будут ради
Дудышкин и Галахов,
Гаевский и Геннади!

Сам Лонгинов напишет
Статью — он мне приятель.
Пускай весь мир услышит!..
Пока прощай, читатель!

1861

РАЗГОВОР В ЖУРНАЛЬНОЙ КОНТОРЕ

«Одна-то книжка — за две книжки?»
(Кричит подписчик сгоряча.)

П р и к а з ч и к

То были плоские коврижки,
А эта — толще кирпича!
В ней есть «Гармония в природе»
И битва с Утиным в «Смеси».
Читайте, сударь, на свободе!

П о д п и с ч и к

(принимая книгу)

Merci, почтеннейший, merci!

(Уходит.)

Так древле тощий «Москвитянин»
10 По полугоду пропадал,
И вдруг, огромен, пухл и странен,
Как бомба, с неба упадал.
Подписчик в радости великой
Бросался с жадностью на том

Плохих стихов и прозы дикой,
И сердце ликовало в нем.
Он говорил: «Так ты не умер?
Как долго был ты нездоров!»
И принимал нежданный нумер
20 Охотно за пять нумеров.

Примеч. конторщика.

ГИМН «ВРЕМЕНИ»,

НОВОМУ ЖУРНАЛУ, ИЗДАВАЕМОМУ М. ДОСТОЕВСКИМ

Меж тем как Гарибальди дремлет,
Колеблется пекинский трон,
Гаэта реву пушек внемлет,
Дает права Наполеон,—
В стране затронутых вопросов,
Не перешедших в сферу дел,
Короче: там, где Ломоносов
Когда-то лирою гремел,
Явленье нового журнала
10 Внезапно потрясло умы:
В нем слышны громы Ювенала,
В нем не заметно духа тьмы.
Отважен тон его суровый,
Его программа широка...

Привет тебе, товарищ новый!
Явил ты мудрость старика.
Неси своей задачи бремя
Не уставая и любя!
Чтобы ни «Век», ни «Наше время»
20 Не покраснели за тебя;
Чтобы не сел тебе на плечи
Редактор-дама «Русской речи»,
Чтоб фельетон «Ведомостей»
Не похвалил твоих статей!
Как пароксизмы лихорадки,
Терпи журнальные нападки
И Воскобойникова лай
Без раздражения внимай!

Блюди разумно дух журнала,
30 Бумагу строго береги:
Страшись «Суэцкого канала»
И «Зундской пошлины» беги! [1]
С девонской, с силурийской почвы
Ученой дани не бери;
Кричи таким твореньям: «Прочь вы!»,
Творцам их: «Черт вас побери!»
А то как о «сухих туманах» [2]
Статейку тиснешь невзначай,
Внезапно засвистит в карманах...
40 Беда! Ложись — и умирай! [3]

Будь резким, но не будь бранчивым,
За личной местью не гонись.
Не называй «Свистка» трусливым
И сам безмерно не гордись!
Припомни ямбы Хомякова,
Что гордость — грешная мечта,
Припомни афоризм Пруткова,
Что всё на свете — суета!
Мы здесь живем не вечны годы,
50 Здесь каждый шаг неверен наш,
Погибнут царства и народы,
Падет штенбоковский пассаж,
Со срамом Пинто удалится
И лекций больше не прочтет,
Со треском небо развалится,
и «Время» на косу падет! [4]

---

[1] «О Суэцком перешейке», «О Зундской пошлине» — любимые статьи скучных журналов. Действие их на читателя ужасно. Один известный журнал имел неосторожность коснуться раз Суэцкого перешейка — и долго потом не мог поправиться.

[2] «О сухих туманах» — одна из последних статей, напечатанных в «Атенее», после которой он вскоре умер.

[3] «Свисток» надеется, что редакция «Времени» оценит бескорыстность и доброжелательство этих предостережений, которыми вовсе не должно пренебрегать.

[4] Последние два стиха заимствованы у Дмитриева.

НА СМЕРТЬ ШЕВЧЕНКО

Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвиденный, чуть не желательный.
Так погибает по божией милости
Русской земли человек замечательный
С давнего времени: молодость трудная,
Полная страсти, надежд, увлечения,
Смелые речи, борьба безрассудная,
Вслед за тем долгие дни заточения.

Всё он изведал: тюрьму петербургскую,
10 Справки, допросы, жандармов любезности,
Всё — и раздольную степь Оренбургскую,
И ее крепость. В нужде, в неизвестности
Там, оскорбляемый каждым невеждою,
Жил он солдатом с солдатами жалкими,
Мог умереть он, конечно, под палками,
Может, и жил-то он этой надеждою.

Но, сократить не желая страдания,
Поберегло его в годы изгнания
Русских людей провиденье игривое.
20 Кончилось время его несчастливое,
Всё, чего с юности ранней не видывал,
Милое сердцу, ему улыбалося.
Тут ему бог позавидовал:
Жизнь оборвалася.

ПОХОРОНЫ

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое по́ свету шлялося
И на нас невзначай набрело.

Ой, беда приключилася страшная!
Мы такой не знавали вовек:
Как у нас — голова бесшабашная —
Застрелился чужой человек!

Суд приехал... допросы...— тошнехонько!
10 Догадались деньжонок собрать;
Осмотрел его лекарь скорехонько
И велел где-нибудь закопать.

И пришлось нам нежданно-негаданно
Хоронить молодого стрелка,
Без церковного пенья, без ладана,
Без всего, чем могила крепка...

Без попов!.. Только солнышко знойное,
Вместо ярого воску свечи,
На лицо непробудно-спокойное
20 Не скупясь наводило лучи;

Да высокая рожь колыхалася,
Да пестрели в долине цветы;
Птичка божья на гроб опускалася
И, чирикнув, летела в кусты.

Поглядим: что ребят набирается!
Покрестились и подняли вой...

Мать о сыне рекой разливается,
Плачет муж по жене молодой,—

Как не плакать им? Диво велико ли?
30 Своему-то свои хороши!
А по ком ребятишки захныкали,
Тот, наверно, был доброй души!

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.

Что тебя доконало, сердешного?
Ты за что свою душу сгубил?
Ты захожий, ты роду нездешнего,
40 Но ты нашу сторонку любил:

Только минут морозы упорные
И весенних гостей налетит,—
«Чу! — кричат наши детки проворные.—
Прошлогодний охотник палит!»

Ты ласкал их, гостинцу им нашивал,
Ты на спрос отвечать не скучал.
У тебя порошку я попращивал,
И всегда ты нескупо давал.

Почивай же, дружок! Память вечная!
50 Не жива ль твоя бедная мать?
Или, может, зазноба сердечная
Будет таять, дружка поджидать?

Мы дойдем, повестим твою милую:
Может быть, и приедет любя,
И поплачет она над могилою,
И расскажем мы ей про тебя.

Почивай себе с миром, с любовию!
Почивай! Бог тебе судия,
Что обрызгал ты грешною кровию
60 Неповинные наши поля!

Кто дознает, какою кручиною
Надрывалося сердце твое
Перед вольной твоею кончиною,
Перед тем, как спустил ты ружье?..

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.

Будут песни к нему хороводные
70 Из села по заре долетать,
Будут нивы ему хлебородные
Безгреховные сны навевать...

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши — живется легко,
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
  Кричат молодые грачи,
Летит и другая какая-то птица —
10 По тени узнал я ворону как раз;
Чу! шепот какой-то... а вот вереница
  Вдоль щели внимательных глаз!
Всё серые, карие, синие глазки —
  Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
  В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выраженье,
  Его я узнаю всегда.
Я замер: коснулось души умиленье...
20 Чу! шепот опять!

Первый голос

Борода!

Второй

А барин, сказали!..

Третий

Потише вы, черти!

Второй

У бар бороды не бывает — усы.

Первый

А ноги-то длинные, словно как жерди.

Четвертый

А вона на шапке, гляди-тко — часы!

Пятый

Ай, важная штука!

Шестой

И цепь золотая...

Седьмой

Чай, дорого стоит?

Восьмой

Как солнце горит!

Девятый

А вона собака — большая, большая!
Вода с языка-то бежит.

Пятый

Ружье! погляди-тко: стволина двойная,
30 Замочки резные...

Третий

(с испугом)

Глядит!

Четвертый

Молчи, ничего! постоим еще, Гриша!

Третий

Прибьет...

Испугались шпионы мои
И кинулись прочь: человека заслыша,
Так стаей с мякины летят воробьи.
Затих я, прищурился — снова явились,
Глазенки мелькают в щели.
Что было со мною — всему подивились
И мой приговор изрекли:
«Такому-то гусю уж что за охота!
40 Лежал бы себе на печи!
И, видно, не барин: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой...» — Услышит, молчи! —

О милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей;
Но если бы даже ты их ненавидел,
Читатель, как «низкого рода людей»,—
Я всё-таки должен сознаться открыто,
Что часто завидую им:
В их жизни так много поэзии слито,
50 Как дай бог балованным деткам твоим.
Счастливый народ! Ни науки, ни неги
Не ведают в детстве они.
Я делывал с ними грибные набеги:
Раскапывал листья, обшаривал пни,
Старался приметить грибное местечко,
А утром не мог ни за что отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разом и хвать
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!
60 Савося хохочет: «Попался спроста!»
Зато мы потом их губили довольно
И клали рядком на перилы моста.
Должно быть, за подвиги славы мы ждали,

У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали
По ней без числа.
Копатель канав — вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин
70 Под праздник молиться катит.
Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
Иной подгуляет, так только держися —
Начнет с Волочка, до Казани дойдет!
Чухну передразнит, мордву, черемиса,
И сказкой потешит, и притчу ввернет:
«Прощайте, ребята! Старайтесь найпаче
80 На господа бога во всем потрафлять.
У нас был Вавило, жил всех побогаче,
Да вздумал однажды на бога роптать,—
С тех пор захудал, разорился Вавило,
Нет меду со пчел, урожаю с земли,
И только в одном ему счастие было,
Что волосы из носу шибко росли...»
Рабочий расставит, разложит снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дети и рады,
90 Как пилишь, как лудишь — им всё покажи.
Прохожий заснет под свои прибаутки,
Ребята за дело — пилить и строгать!
Иступят пилу — не наточишь и в сутки!
Сломают бурав — и с испугу бежать.
Случалось, тут целые дни пролетали —
Что новый прохожий, то новый рассказ...

Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли — навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
100 Река луговая: спрыгнули гурьбой,
И русых головок над речкой пустынной
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом, и воем:
Тут драка — не драка, игра — не игра...

А солнце палит их полуденным зноем.
Домой, ребятишки! обедать пора.
Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
110 И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал свое —
Не пьет! отступились...

Кто ловит пиявок
На лаве, где матка колотит белье,
Кто нянчит сестренку двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню ведерко кваску,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забилась, а эта с обновой:
120 Сплела себе славный венок,—
Всё беленький, желтенький, бледно-лиловый
Да изредка красный цветок.
Те спят на припеке, те пляшут вприсядку.
Вот девочка ловит лукошком лошадку:
Поймала, вскочила и едет на ней.
И ей ли, под солнечным зноем рожденной
И в фартуке с поля домой принесенной,
Бояться смиренной лошадки своей?..

Грибная пора отойти не успела,
130 Гляди — уж чернехоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, закокав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
140 Живого в деревню тащат с торжеством...

«Довольно, Ванюша! гулял ты немало,
Пора за работу, родной!»
Но даже и труд обернется сначала

К Ванюше нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно,
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растет, наливает зерно.
Готовую жатву подрежут серпами,
150 В снопы перевяжут, на ригу свезут,
Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.
Отведает свежего хлебца ребенок
И в поле охотней бежит за отцом.
Навьют ли сенца: «Полезай, постреленок!»
Ванюша в деревню въезжает царем...

Однако же зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.
Итак, обернуть мы обязаны кстати
160 Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребенок свободно
Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если богу угодно,
А сгибнуть ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды...

Однажды, в студеную зимнюю пору
170 Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
«Здорово, парнище!» — Ступай себе мимо! —
«Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки?» — Из лесу, вестимо;
180 Отец, слышишь, рубит, а я отвожу.
(В лесу раздавался топор дровосека.) —
«А что, у отца-то большая семья?»
— Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...—

«Так вон оно что! А как звать тебя?»
— Власом.—
«А кой тебе годик?» — Шестой миновал...
Ну, мертвая! — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрей зашагал.
На эту картину так солнце светило,
190 Ребенок был так уморительно мал,
Как будто всё это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!
Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни, и хворост, и пегонький конь,
И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —
Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюдимой, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
200 Что русские мысли вселяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните свое вековое наследство,
210 Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!..

Теперь нам пора возвратиться к началу.
Заметив, что стали ребята смелей,
«Эй, воры идут! — закричал я Фингалу.—
Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей!»
Фингалушка скорчил серьезную мину,
Под сено пожитки мои закопал,
С особым стараньем припрятал дичину,
220 У ног моих лег — и сердито рычал.
Обширная область собачьей науки
Ему в совершенстве знакома была;
Он начал такие выкидывать штуки,

Что публика с места сойти не могла,
Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!
Командуют сами! «Фингалка, умри!» —
«Не засти, Сергей! Не толкайся, Кузяха!» —
«Смотри — умирает — смотри!»
Я сам наслаждался, валяясь на сене,
230 Их шумным весельем. Вдруг стало темно
В сарае: так быстро темнеет на сцене,
Когда разразиться грозе суждено.
И точно: удар прогремел над сараем,
В сарай полилась дождевая река,
Актер залился оглушительным лаем,
А зрители дали стречка!
Широкая дверь отперлась, заскрипела,
Ударилась в стену, опять заперлась.
Я выглянул: темная туча висела
240 Над нашим театром как раз.
Под крупным дождем ребятишки бежали
Босые к деревне своей...
Мы с верным Фингалом грозу переждали
И вышли искать дупелей.

ДУМА

Сторона наша убогая,
Выгнать некуда коровушку.
Проклинай житье мещанское
Да почесывай головушку.

Спи, не спи — валяйся по́ печи,
Каждый день недоедаючи,
Трать задаром силу дюжую,
Недоимку накопляючи.

Уж как нет беды кручиннее
10 Без работы парню маяться,
А пойдешь куда к хозяевам —
Ни один-то не нуждается!

У купца у Семипалова
Живут люди не говеючи,
Льют на кашу масло постное
Словно воду, не жалеючи.

В праздник — жирная баранина,
Пар над щами тучей носится,
В пол-обеда распояшутся —
20 Вон из тела душа просится!

Ночь храпят, наевшись до́ поту,
День придет — работой тешатся...
Эй! возьми меня в работники,
Поработать руки чешутся!

Повели ты в лето жаркое
Мне пахать пески сыпучие,
Повели ты в зиму лютую
Вырубать леса дремучие,—

Только треск стоял бы до неба,
30 Как деревья бы валилися;
Вместо шапки, белым инеем
Волоса бы серебрилися!

20 НОЯБРЯ 1861

Я покинул кладбище унылое,
Но я мысль мою там позабыл,—
Под землею в гробу приютилася
И глядит на тебя, мертвый друг!

Ты схоронен в морозы трескучие,
Жадный червь не коснулся тебя,
На лицо через щели гробовые
Проступить не успела вода;
Ты лежишь как сейчас похороненный,
10 Только словно длинней и белей
Пальцы рук, на груди твоей сложенных,
Да сквозь землю проникнувшим инеем
Убелил твои кудри мороз,
Да следы наложили чуть видные
Поцалуи суровой зимы
На уста твои плотно сомкнутые
И на впалые очи твои...

* * *

Что ни год — уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодней...
Мать-отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!

Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведреный день впереди;

Чтобы ветер родного селенья
10 Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.

СВОБОДА

Родина-мать! по равнинам твоим
Я не езжал еще с чувством таким!

Вижу дитя на руках у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:

В добрую пору дитя родилось,
Милостив бог! не узнаешь ты слез!

С детства никем не запуган, свободен,
Выберешь дело, к которому годен,

Хочешь — останешься век мужиком,
10 Сможешь — под небо взовьешься орлом!

В этих фантазиях много ошибок:
Ум человеческий тонок и гибок,

Знаю, на место сетей крепостных
Люди придумали много иных,

Так!.. но распутать их легче народу.
Муза! с надеждой приветствуй свободу!

*
* *

Приятно встретиться в столице шумной с другом
Зимой,
Но друга увидать, идущего за плугом
В деревне в летний зной,—
Стократ приятнее.

СЛЕЗЫ И НЕРВЫ

О слезы женские, с придачей
Нервических, тяжелых драм!
Вы долго были мне задачей,
Я долго слепо верил вам
И много вынес мук мятежных.
Теперь я знаю наконец:
Не слабости созданий нежных,—
Вы их могущества венец.
Вернее закаленной стали
10 Вы поражаете сердца.
Не знаю, сколько в вас печали,
Но деспотизму нет конца!
Когда, бывало, предо мною
Зальется милая моя,
Наружно ласковость удвою,
Но внутренно озлоблен я.
Пока она дрожит и стонет,
Лукавлю праздною душой:
Язык лисит, а глаз шпионит
20 И открывает... Боже мой!
Зачем не мог я прежде видеть?
Ее не стоило любить,
Ее не стоит ненавидеть...
О ней не стоит говорить...
Скажи «спасибо» близорукой,
Всеукрашающей любви
И с головы с ревнивой мукой
Волос седеющих не рви!
Чем ты был пьян — вином поддельным
30 Иль настоящим — всё равно.
Жалей о том, что сном смертельным
Не усыпляет нас оно!

Кто ей теперь флакон подносит,
Застигнут сценой роковой?
Кто у нее прощенья просит,
Вины не зная за собой?
Кто сам трясется в лихорадке,
Когда она к окну бежит
В преувеличенном припадке
40 И «ты свободен!» говорит?
Кто боязливо наблюдает,
Сосредоточен и сердит,
Как буйство нервное стихает
И переходит в аппетит?
Кто ночи трудные проводит,
Один, ревнивый и больной,
А утром с ней по лавкам бродит,
Наряд торгуя дорогой?
Кто говорит: «Прекрасны оба» —
50 На нежный спрос: «Который взять?» —
Меж тем как закипает злоба
И к черту хочется послать
Француженку с нахальным носом,
С ее коварным «c'est joli»*
И даже милую с вопросом...
Кто молча достает рубли,
Спеша скорей покончить муку,
И, увидав себя в трюмо,
В лице своем читает скуку
60 И рабства темное клеймо?..

---

* «прелестно» *(франц.)*.

ДЕШЕВАЯ ПОКУПКА

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДРАМА

«За отъездом продаются: мебель, зеркала и проч. Дом Воронина, № 159».

«Полиц. вед.»

Надо поехать — статья подходящая!
Слышится в этом нужда настоящая,
Не попадется ли что-нибудь дешево?
Вот и поехал я. Много хорошего:
Бронза, картины, портьеры все новые,
Мягкие кресла, диваны отменные,
Только у барыни очи суровые,
Речи короткие, губы надменные;
Видимо, чем-то она озабочена,
10 Но молода, хороша удивительно:
Словно рукой гениальной обточено
Смуглое личико. Всё в ней пленительно:
Тянут назад ее голову милую
Черные волосы, сеткою сжатые,
Дышат какою-то сдержанной силою
Ноздри красивые, вверх приподнятые.
Видно, что жгучая мысль беспокойная
В сердце кипит, на простор порывается.
Вся соразмерная, гордая, стройная,
20 Мне эта женщина часто мечтается...

Я отобрал себе вещи прекрасные,
Но оказалися цены ужасные!
День переждал, захожу — то же самое!
Меньше предложишь, так даже обидится!..
«Барыня эта — созданье упрямое:
С мужем,— подумал я,— надо увидеться».

Муж — господин красоты замечательной,
В гвардии год прослуживший отечеству —

Был человек разбитной, обязательный,
30 Склонный к разгулу, к игре, к молодечеству,—
С ним у нас дело как раз завязалося.
Странная драма тогда разыгралася:
Мужа застану — поладим скорехонько;
Барыня выйдет — ни в чем не сторгуешься
(Только глазами ее полюбуешься).
Нечего делать! вставал я ранехенько,
И, пока барыня сном наслаждалася,—
Многое сходно купить удавалося.

У дому ждут ломовые извозчики,
40 В доме толпятся вещей переносчики,
Окна ободраны, стены уж голые,
У покупателей лица веселые.
Только у няни глаза заслезилися:
«Вот и с приданым своим мы простилися!» —
Молвила няня...— Какое приданое? —
«Всё это взял он за барышней нашею,
Вместе весной покупали с мамашею;
Как любовались!..»

Открытье нежданное!
Сказано слово — и всё объяснилося!
50 Вот почему так она дорожилася.
Бедная женщина! В позднем участии,
Я проклинаю торгашество пошлое.
Всё это куплено с мыслью о счастии,
С этим уходит — счастливое прошлое!
Здесь ты свила себе гнездышко скромное,
Каждый здесь гвоздик вколочен с надеждою...
Ну, а теперь ты созданье бездомное,
Порабощенное грубым невеждою!
Где не остыл еще след обаяния
60 Девственной мысли, мечты обольстительной,
Там совершается торг возмутительный.
Как еще можешь сдержать ты рыдания!
В очи твои голубые, красивые
Нагло глядят торгаши неприветные,
Осквернены твои думы стыдливые,
Проданы с торгу надежды заветные!..

Няня меж тем заунывные жалобы
Шепчет мне в ухо: «Распродали дешево —

Лишь до деревни доехать достало бы.
70 Что уж там будет? не жду я хорошего!
Барин, поди, загуляет с соседями,
Барыня будет одна-одинехенька,
День-то не весел, а ночь-то чернехонька.
Рядом лесище — с волками, с медведями».

— Смолкни ты, няня! созданье болтливое,
Не надрывай мое сердце пугливое!
Нам ли в диковину сцены тяжелые?
Каждому трудно живется и дышится.
Чудо, что есть еще лица веселые,
80 Чудо, что смех еще временем слышится!..—

Барин пришел — поздравляет с покупкою,
Барыня бродит такая унылая;
С тихо воркующей, нежной голубкою
Я ее сравнивал, деньги постылые
Ей отдавая... Копейка ты медная!
Горе ты, горе! нужда окаянная...

Чуть над тобой не заплакал я, бедная,
Вот одолжил бы... Прощай, бесталанная!..

РЫЦАРЬ НА ЧАС

Если пасмурен день, если ночь не светла,
Если ветер осенний бушует,
Над душой воцаряется мгла,
Ум, бездействуя, вяло тоскует.
Только сном и возможно помочь,
Но, к несчастью, не всякому спится...

Слава богу! морозная ночь —
Я сегодня не буду томиться.
По широкому полю иду,
10 Раздаются шаги мои звонко,
Разбудил я гусей на пруду,
Я со стога спугнул ястребенка,
Как он вздрогнул! как крылья развил!
Как взмахнул ими сильно и плавно!
Долго, долго за ним я следил,
Я невольно сказал ему: славно!
Чу! стучит проезжающий воз,
Деготьком потянуло с дороги...
Обоняние тонко в мороз,
20 Мысли свежи, выносливы ноги.
Отдаешься невольно во власть
Окружающей бодрой природы;
Сила юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы
Наполняют ожившую грудь;
Жаждой дела душа закипает,
Вспоминается пройденный путь,
Совесть песню свою запевает...

Я советую гнать ее прочь —
30 Будет время еще сосчитаться!

В эту тихую, лунную ночь
Созерцанию должно предаться.
Даль глубоко прозрачна, чиста,
Месяц полный плывет над дубровой,
И господствуют в небе цвета
Голубой, беловатый, лиловый.
Воды ярко блестят средь полей,
А земля прихотливо одета
В волны белого лунного света
40 И узорчатых, странных теней.
От больших очертаний картины
До тончайших сетей паутины,
Что по воздуху тихо плывут,—
Всё отчетливо видно: далече
Протянулися полосы гречи,
Красной лентой по скату бегут;
Замыкающий сонные нивы,
Лес сквозит, весь усыпан листвой;
Чудны красок его переливы
50 Под играющей, ясной луной;
Дуб ли пасмурный, клен ли веселый —
В нем легко отличишь издали;
Грудью к северу, ворон тяжелый —
Видишь — дремлет на старой ели!
Всё, чем может порадовать сына
Поздней осенью родина-мать:
Зеленеющей озими гладь,
Подо льном — золотая долина,
Посреди освещенных лугов
60 Величавое войско стогов —
Всё доступно довольному взору...
Не сожмется мучительно грудь,
Если б даже пришлось в эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ее бедность нагая!
Запаслася скирдами, родная,
Окружилася ими она
И стоит, словно полная чаша.
Пожелай ей покойного сна —
70 Утомилась, кормилица наша!..

Спи, кто может,— я спать не могу,
Я стою потихоньку, без шуму

На покрытом стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умел я с тобой совладать,
Не осилил я думы жестокой...

В эту ночь я хотел бы рыдать
На могиле далекой,
Где лежит моя бедная мать...

80 В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне,
Церковь старая чудится мне,
И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.
Да! я вижу тебя, божий дом!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла с мечом,
90 Облаченного в светлую ризу.
Поднимается сторож-старик
На свою колокольню-руину,
На тени он громадно велик:
Пополам пересек всю равнину.
Поднимись! — и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гуденье!
В тишине деревенских ночей
Этих звуков властительно пенье:
Если есть в околодке больной,
100 Он при них встрепенется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудет на миг свои муки;
Одинокий ли путник ночной
Их заслышит — бодрее шагает;
Их заботливый пахарь считает
И, крестом осенясь в полусне,
Просит бога о ведреном дне.

Звук за звуком гудя прокатился,
Насчитал я двенадцать часов.
110 С колокольни старик возвратился,
Слышу шум его звонких шагов,
Вижу тень его; сел на ступени,

Дремлет, голову свесив в колени,
Он в мохнатую шапку одет,
В балахоне убогом и темном...
Всё, чего не видал столько лет,
От чего я пространством огромным
Отделен,— всё живет предо мной,
Всё так ярко рисуется взору,
120 Что не верится мне в эту пору,
Чтоб не мог увидать я и той,
Чья душа здесь незримо витает,
Кто под этим крестом почивает...

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других.
С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозою сердитою
130 Простояла ты,— грудью своей
Защищая любимых детей.
И гроза над тобой разразилася!
Ты, не дрогнув, удар приняла,
За врагов, умирая, молилася,
На детей милость бога звала.
Неужели за годы страдания
Тот, кто столько тобою был чтим,
Не пошлет тебе радость свидания
С погибающим сыном твоим?..

140 Я кручину мою многолетнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебе мою песню последнюю,
Мою горькую песню спою.
О прости! то не песнь утешения,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасения
Я твою призываю любовь!
Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои
150 Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои!
Чтоб ту силу свободную, гордую,
Что в мою заложила ты грудь,

Укрепила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

Треволненья мирского далекая,
С неземным выраженьем в очах,
Русокудрая, голубоокая,
С тихой грустью на бледных устах,
160 Под грозой величаво-безгласная —
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мне
При волшебно светящей луне.
Да! я вижу тебя, бледнолицую,
И на суд твой себя отдаю.
Не робеть перед правдой-царицею
Научила ты Музу мою:
Мне не страшны друзей сожаления,
Не обидно врагов торжество,
170 Изреки только слово прощения,
Ты, чистейшей любви божество!
Что враги? пусть клевещут язвительней.
Я пощады у них не прошу,
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!
Что друзья? Наши силы неровные,
Я ни в чем середины не знал,
Что обходят они, хладнокровные,
Я на всё безрассудно дерзал,
180 Я не думáл, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдет —
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни — вперед и вперед!
Увлекаем бесславною битвою,
Сколько раз я над бездной стоял,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падал — и вовсе упал!..
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
190 Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.
От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!

Тот, чья жизнь бесполезно разбилася,
Может смертью еще доказать,
Что в нем сердце неробкое билося,
Что умел он любить...

200 . . . .

(Утром, в постели)

О мечты! о волшебная власть
Возвышающей душу природы!
Пламя юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы —
Всё в душе угнетенной моей
Пробудилось... но где же ты, сила?
Я проснулся ребенка слабей.
Знаю: день проваляюсь уныло,
Ночью буду микстуру глотать,
210 И пугать меня будет могила,
Где лежит моя бедная мать.

Всё, что в сердце кипело, боролось,
Всё луч бледного утра спугнул,
И насмешливый внутренний голос
Злую песню свою затянул:
«Покорись, о ничтожное племя!
Неизбежной и горькой судьбе,
Захватило вас трудное время
Неготовыми к трудной борьбе.
220 Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...»

*
* *

Литература с трескучими фразами,
Полная духа античеловечного,
Администрация наша с указами
О забирании всякого встречного,—
Дайте вздохнуть!..
Я простился с столицами,
Мирно живу средь полей,
Но и крестьяне с унылыми лицами
Не услаждают очей;
Их нищета, их терпенье безмерное
10 Только досаду родит...
Что же ты любишь, дитя маловерное,
Где же твой идол стоит?..

1862—1863

*
* *

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.

10 Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки,—
Надо ребенка качать!

Что же ты стала над ним в отупении?
20 Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Слезы ли, пот ли у ней над ресницею,
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они — всё равно!

Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам?..

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ [1]

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Играючи, расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнет кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако,— всё зелено,
И воздух, и вода!

Идет-гудет Зеленый Шум,
10 Зеленый Шум, весенний шум!

Скромна моя хозяюшка
Наталья Патрикеевна,
Водой не замутит!
Да с ней беда случилася,
Как лето жил я в Питере...
Сама сказала, глупая,
Типун ей на язык!

В избе сам-друг с обманщицей
Зима нас заперла,
20 В мои глаза суровые
Глядит,— молчит жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не дает:
Убить... так жаль сердечную!
Стерпеть — так силы нет!
А тут зима косматая
Ревет и день и ночь:

---

[1] Так народ называет пробуждение природы весной.

«Убей, убей изменницу!
Злодея изведи!
30 Не то весь век промаешься,
Ни днем, ни долгой ноченькой
Покоя не найдешь.
В глаза твои бесстыжие
Соседи наплюют!..»
Под песню-вьюгу зимнюю
Окрепла дума лютая —
Припас я вострый нож...
Да вдруг весна подкралася...

Идет-гудет Зеленый Шум,
40 Зеленый Шум, весенний шум!

Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят;
Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
50 И белая березонька
С зеленою косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клен...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
60 И всё мне песня слышится
Одна — в лесу, в лугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — бог тебе судья!»

ЧТО ДУМАЕТ СТАРУХА, КОГДА ЕЙ НЕ СПИТСЯ

В позднюю ночь над усталой деревнею
Сон непробудный царит,
Только старуху столетнюю, древнюю
Не посетил он.— Не спит,

Мечется по́ печи, охает, мается,
Ждет — не поют петухи!
Вся-то ей долгая жизнь представляется,
Всё-то грехи да грехи!

«Охти мне! часто владыку небесного
10 Я искушала грехом:
Нутко-се! с ходу-то, с ходу-то крестного
Раз я ушла с пареньком

В рощу... Вот то-то! мы смолоду дурочки,
Думаем: милостив бог!
Раз у соседки взяла из-под курочки
Пару яичек... ох! ох!

В страдную пору больной притворилася —
Мужа в побывку ждала...
С Федей-солдатиком чуть не слюбилася...
20 С мужем под праздник спала.

Охти мне... ох! угожу в преисподнюю!
Раз, как забрили сынка,
Я возроптала на благость господнюю,
В пост испила молока,—

То-то я грешница! то-то преступница!
С горя валялась пьяна...
Божия матерь! Святая заступница!
Вся-то грешна я, грешна!..»

1863

КУМУШКИ

Темен вернулся с кладбища Трофим;
Малые детки вернулися с ним,

Сын да девочка. Домой-то без матушки
Горько вернуться: дорогой ребятушки

Рёвма-ревели; а тятька молчал.
Дома порылся, кубарь отыскал:

«Нате, ребята! — играйте, сердечные!»
И улыбнулися дети беспечные,

Жжжж-жи! запустили кубарь у ворот...
10 Кто ни проходит — жалеет сирот:

«Нет у вас матушки!» — молвила Марьюшка,
«Нету родимой!» — прибавила Дарьюшка.

Дети широко раскрыли глаза,
Стихли. У Маши блеснула слеза...

«Как теперь будете жить, сиротиночки!» —
И у Гришутки блеснули слезиночки.

«Кто-то вас будет ласкать-баловать?» —
Навзрыд заплакали дети опять.

«Полно, не плачьте!» — сказала Протасьевна,
20 «Уж не воротишь,— прибавила Власьевна.—

Грешную душеньку боженька взял,
Кости в могилушку поп закопал,

То-то, чай, холодно, страшно в могилушке?
Ну же, не плачьте! родные вы, милушки!..»

Пуще расплакались дети. Трофим
Крики услышал и выбежал к ним,

Стал унимать как умел, а соседушки
Ну помогать ему: «Полноте, детушки!

Что уж тут плакать? Пора привыкать
30 К доле сиротской; забудьте вы мать:

Спели церковники память ей вечную,
Чай, уж теперь ее гложет, сердечную,

Червь подземельный!..» Трофим поскорей
На руки взял — да в избенку детей!

Целую ночь проревели ребятушки:
«Нет у нас матушки! нет у нас матушки!

Матушку на небо боженька взял!»
Целую ночь с ними тятька не спал,

У самого расходилися думушки...
40 Ну, удружили досужие кумушки!

ПЕСНЯ ОБ «АРГУСЕ»

Я полагал, с либерального
Есть направленья барыш —
Больше, чем с места квартального.
Что ж оказалося — шиш!
Бог меня свел с нигилистами,
Сами ленятся писать,
Платят всё деньгами чистыми.
Пробовал я убеждать:
«Мне бы хоть десять копеечек
10 С пренумеранта извлечь:
Ведь даровых-то статеечек
Много... куда их беречь?
Нужно во всем беспристрастие:
Вы их смешайте, друзья,
Да и берите на счастие...
Верьте, любая статья
Встретит горячих хвалителей,
Каждую будут бранить...»
Тщетно! моих разорителей
20 Я не успел убедить!
Часто, взбираясь на лесенку,
Где мой редактор живет,
Слышал я грозную песенку,
Вот вам ее перевод:
— Из уваженья к читателю,
Из уваженья к себе,
Нет снисхожденья к издателю —
Гибель, несчастный, тебе!..—
«Но не хочу я погибели
30 (Я ему). Друг-нигилист!
Лучше хотел бы я прибыли».
Он же пускается в свист.

Выслушав эти нелепости,
Я от него убегал
И по мосткам против крепости
Обыкновенно гулял.

Там я бродил в меланхолии,
Там я любил размышлять,
Что не могу уже более
40 «Аргуса» я издавать.
Чин мой оставя в забвении
И не щадя седины,
Эти великие гении
Снять с меня рады штаны!
Лучше идти в переписчики,
Чем убиваться внаклад.
Бросишь изданье — подписчики
Скажут: дай деньги назад!
Что же мне делать, несчастному?
50 Благо, хоть совесть чиста:
Либерализму опасному
В сети попал я спроста...
Так по мосткам против крепости
Я в размышленье гулял.
Полный нежданной свирепости,
Лед на мостки набежал.
С треском они расскочилися,
Нас по Неве понесло;
Все пешеходы смутилися,
60 Каждому плохо пришло!
Словно близ дома питейного,
Крики носились кругом.
Смотрим — нет моста Литейного!
Весь разнесло его льдом.
Вот, погоняемый льдинами,
Мчится на нас плашкоут,
Ропот прошел меж мужчинами,
Женщины волосы рвут!
Тут человек либерального
70 Образа мыслей, и тот
Звал на защиту квартального...
Я лишь был хладен как лед!
Что тут борьба со стихиею,
Если подорван кредит,
Если над собственной выею
Меч дамоклесов висит?..
Общее было смятение,
Я же на льдине стоял

И умолял провидение,
80 Чтоб запретили журнал...
Вышло б судеб покровительство!
Честь бы и деньги я спас,
Но не умеет правительство
В пору быть строгим у нас...
Нет, не оттуда желанное
Мне избавленье пришло —
Чудо свершилось нежданное:
На небе стало светло,
Вижу, на льдине сверкающей...
90 Вижу, является вдруг
Мертвые души скупающий
Чичиков! «Здравствуй, мой друг!
Ты приищи покупателя!» —
Он прокричал — и исчез!..
Благословляя Создателя,
Мокрый, я на берег влез...

Всю эту бурю ужасную
Век сохраню я в душе —
Мысль получивши прекрасную,
100 Я же теперь в барыше!
Нет рокового издания!
Самая мысль о нем — прочь!..
Поздно, в трактире «Германия»,
В ту же ужасную ночь,
Греясь, сушась, за бутылкою
Сбыл я подписчиков, сбыл,
Сбыл их совсем — с пересылкою,
Сбыл — и барыш получил!..
Словно змеею укушенный,
110 Впрочем, легок и счастлив,
Я убежал из Конюшенной,
Этот пассаж совершив.
Чудилось мне, что нахальные
Мчатся подписчики вслед,
«Дай нам статьи либеральные! —
Хором кричат.— Дармоед!»
И ведь какие подписчики!
Их и продать-то не жаль.
Аптекаря, переписчики —
120 Словом, ужасная шваль!

Знай, что такая компания
Будет (и все в кураже!..),
Не начинал бы издания:
Аристократ я в душе.
Впрочем, средь бабьих передников
И неуклюжих лаптей —
Трое действительных статских советников,
Двое армянских князей!
Публика всё чрезвычайная,
130 Даже чиновников нет.
Охтинка — чтица случайная
(Втер ей за сливки билет),
Дьякон какой-то, с рассрочкою
(Басом, разбойник, кричит),
Страж департаментский с дочкою —
Всё догоняет, шумит!
С хохотом, с грохотом, с гиканьем
Мчатся густою толпой;
Визгами, свистом и шиканьем
140 Слух надрывается мой.
Верите ль? даже квартальные,
Взявшие даром билет,
«Дай нам статьи либеральные!» —
Хором кричат. Я в ответ:
«Полноте, други любезные,
Либерализм вам не впрок!»
Сам же в ворота железные
Прыг,— и защелкнул замок!
«Ну! отвязались, ракалии!..»
150 Тут я в квартиру нырнул
И, покуривши регалии,
Благополучно заснул.

Жаль мне редактора бедного!
Долго он будет грустить,
Что направления вредного
Негде ему проводить.
Встретились мы: я почтительно
Шляпу ему приподнял,
Он улыбнулся язвительно
160 И засвистал, засвистал!

КАЛИСТРАТ

Надо мной певала матушка,
Колыбель мою качаючи:
«Будешь счастлив, Калистратушка!
Будешь жить ты припеваючи!»

И сбылось, по воле божией,
Предсказанье моей матушки:
Нет богаче, нет пригожее,
Нет наряднеи Калистратушки!

В ключевой воде купаюся,
10 Пятерней чешу волосыньки,
Урожаю дожидаюся
С непосеянной полосыньки!

А хозяйка занимается
На нагих детишек стиркою,
Пуще мужа наряжается,—
Носит лапти с подковыркою!..

*
* *

Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора.

Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смешанный шум;
Ты ликуешь, на миг не смолкая,
Как дитя, без заботы и дум.
В обаянии счастья и славы,
10 Чувству жизни ты вся предана,—
Что-то шепчут зеленые травы,
Говорливо струится волна;
В стаде весело ржет жеребенок,
Бык с землей вырывает траву,
А в лесу белокурый ребенок —
Чу! кричит: «Парасковья, ау!»
По холмам, по лесам, над долиной
Птицы севера вьются, кричат,
Разом слышны — напев соловьиный
20 И нестройные писки галчат,
Грохот тройки, скрипенье подводы,
Крик лягушек, жужжание ос,
Треск кобылок,— в просторе свободы
Всё в гармонию жизни слилось...

Я наслушался шума инова...
Оглушенный, подавленный им,
Мать-природа! иду к тебе снова
Со всегдашним желаньем моим —
Заглуши эту музыку злобы!
30 Чтоб душа ощутила покой
И прозревшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

*
* *

I

«Благодарение господу богу,
Кончен проселок!.. Не спишь?»
— Думаю, братец, про эту дорогу.—
«То-то давненько молчишь.

Что же ты думаешь?» — Долго рассказывать.
Только тронулись по ней,
Стала мне эта дорога показывать
Тени погибших людей,

Бледные тени! ужасные тени!
10 Злоба, безумье, любовь...
Едем мы, братец, в крови по колени! —
«Полно — тут пыль, а не кровь...»

II

«Барин! не выпить ли нам понемногу?
Больно уж ты присмирел».
— Пел бы я песню про эту дорогу,
Пел бы да рёвма-ревел,

Песней над песнями стала бы эта
Песня... да петь не рука.—
«Песня про эту дорогу уж спета,
20 Да что в ней проку?.. Тоска!»

— Знаю, народ *проторенной цепями*
Эту дорогу зовет.—
«Верно! увидишь своими глазами:
Русская песня не врет!»

III

Скоро попались нам пешие ссыльные,
С гиком ямщик налетел,
В тряской телеге два путника пыльные
Скачут... едва разглядел...

Подле лица — молодого, прекрасного,
30 С саблей усач...
Брат, удаляемый с поста опасного,
Есть ли там смена? Прощай!

*
* *

Явно родственны с землей,
В тайном браке с «Вестью»,
Земства модною броней
Прикрываясь с честью,

Снова ловят мужиков
В крепостные сети
Николаевских орлов
Доблестные дети...

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО «СВИСТКА» К ЧИТАТЕЛЯМ

В те дни, когда в литературе
Порядки новые пошли,
Когда с вопросом о цензуре
Начальство село на мели,
Когда намеком да украдкой
Касаться дела мудрено;
Когда серьезною загадкой
Всё занято, поглощено,
Испугано, а в журналистах
10 Последний помрачает ум
Какой-то спор о нигилистах,
Глупейший и бесплодный шум;
Когда при помощи Пановских
Догадливый антрепренер
И вождь «Ведомостей московских»,
Почуяв время и простор,
Катков, прославленный вития,
Один с Москвою речь ведет,
Что предпринять должна Россия,
20 И гимн безмолвию поет; [1]
Когда в затмении рассудка
Юркевич лист бумаги мял
И о намереньях желудка
Публично лекцию читал;
Когда наклонностей военных
Дух прививается ко всем,

---

[1] *Они собраний не имеют,*
Они речей не говорят,
Они в невежестве коснеют,
Но духом высоко парят... и т. д.
(См. «Моск. ведом.», № 68, «Москва, 27 марта»)

Когда мы видим избиенных
Посредников; когда совсем
Нейдут Краевского изданья
30 И над Громекиной главой
Летает *бомба отрицанья,*
Как повествует сей герой; [1]
Когда сыны обширной Руси
Вкусили волю наяву
И всплакал Фет, что топчут гуси
В его владениях траву; [2]
Когда ругнул Иван Аксаков
Всех, кто в Европу укатил,
И, негодуя против фраков,
40 Самих попов не пощадил; [3]
Когда, покончив подвиг трудный,
Внезапно Павлов замолчал,
И Амплий Очкин кунштик чудный
С газетой «Очерки» удрал; [4]
Когда, подкошена как колос,
Она исчезла навсегда;
В те дни, когда явился «Голос»
И прекратилась «Ерунда»,—

Тогда в невинности сердечной
50 Любимый некогда поэт,

---

[1] См. «Отеч. зап.», № 3, 1863 г., «Соврем. хрон. России», стр. 9.
[2] См. «Русский вестник», 1863 г., № 1, «Из деревни».
[3] Двести семьдесят пять тысяч
Русского дворянства
Проживают за границей
Из пустого чванства,
Восхищаются Парижем,
Тратят деньги на свободе;
Там и наше духовенство
Одевается по моде... и т. д.
См. «День» <№ 12, 1863>, «Из Парижа». *(Письмо в редакцию.)*
[4] Обстоятельства ужасные
Вынуждают нас продать
Наши «Очерки» несчастные
Писаревскому... Читать
Будешь «Слово современное»
Ты теперь, подписчик мой,
Верь, издание отменное,
И будь счастлив — бог с тобой!
«Ред. Оч.» («Соврем. слово», № 80).

Своей походкою беспечной
«Свисток» опять вступает в свет...
Как изменилось всё, Создатель!
Как редок лиц любимых ряд!
Скажи: доволен ты, читатель?
Знакомцу старому ты рад?
Или изгладила «Заноза»
Всё, чем «Свисток» тебя пленял,
И как увянувшая роза
60 Он для тебя ненужен стал?
Меняет время человека:
Быть может, пасмурный Катков,
Быть может, пламенный Громека
Теперь милей тебе свистков?
Возненавидев нигилистов,
Конечно, полюбить ты мог
Сих благородных публицистов
Возвышенный и смелый слог,—
Когда такое вероломство
70 Ты учинил — я не ропщу,
Но ради старого знакомства
Всё ж говорить с тобой хочу.
«Узнай, по крайней мере, звуки,
Бывало милые тебе,
И думай, что во дни разлуки
В моей изменчивой судьбе» [1]
Ты был моей мечтой любимой,
И если слышал ты порой
Хоть легкий свист, то знай: незримый
80 Тогда витал я над тобой!..

«Свисток» пред публику выходит.
Высокомерья не любя,
Он робко взор кругом обводит
И никого вокруг себя
Себя смиренней не находит! [2]
Да, изменились времена!
Друг человечества бледнеет,
Вражда повсюду семена

---

[1] Стихи Пушкина.
[2] Из Пушкина.

Неистовства и злобы сеет.
90 Газеты чуждые шумят...
(О вы, исчадье вольной прессы!..)
Черт их поймет, чего хотят,
Чего волнуются, как бесы!
Средь напряженной тишины
Катков гремит с азартом, с чувством,
Он жаждет славы и войны[1]
И вовсе пренебрег искусством.
Оно унижено враждой,
В пренебрежении науки,
100 На брата брат подъемлет руки,
И лезет мост на мост горой,[2] —
Ужасный вид!.. В сей час тяжелый
Являясь в публику, «Свисток»
Желает мирной и веселой
Развязки бедствий и тревог;
Чтобы в сумятице великой
Напрасно не томился ум...

И сбудется... Умолкнет шум
Вражды отчаянной и дикой.
110 Недружелюбный разговор
Покончит публицист московский,
И вновь начнут свой прежний спор
Гиероглифов и Стелловский;
Мир принесет искусствам дань,
Престанут радоваться бесы,
Уймется внутренняя брань,
И смолкнет шум заморской прессы.
Да, да! Скорее умолкай,—
Не достигай пределов невских
120 И гимны братьев Достоевских
Самим себе не заглушай![3]

---

[1] Стих Лермонтова.
[2] См. «Полицейские ведомости».
[3] См. «Время», № 3, ст. «Опять молодое перо».

ПОЖАРИЩЕ

Весело бить вас, медведи почтенные,
Только до вас добираться невесело,
Кочи, ухабины, ели бессменные!
Каждое дерево ветви повесило,
Каркает ворон над белой равниною,
Нищий в деревне за дровни цепляется.
Этой сплошной безотрадной картиною
Сердце подавлено, взор утомляется.
Ой! надоела ты, глушь новгородская!
10 Ой! истомила ты, бедность крестьянская!
То ли бы дело лошадка заводская,
С полостью санки, прогулка дворянская?..
Даже церквей здесь почти не имеется.
Вот, наконец, впереди развлечение:
Что-то на белой поляне чернеется,
Что-то дымится,— сгорело селение!
Бедных, богатых не различающий,
Шутку огонь подшутил презабавную:
Только повсюду еще украшающий
20 Освобожденную Русь православную
Столб уцелел — и на нем сохраняются
Строки: «Деревня помещика Вечева»!
С лаем собаки на нас не бросаются,
Думают, видно: украсть вам тут нечего!
(Так. А давно ли служили вы с верою,
Лаяли, злились до самозабвения
И на хребте своем шерсть черно-серую
Ставили дыбом в защиту селения?..)
Да на обломках стены штукатуренной
30 Крайнего дома — должно быть, дворянского —
Видны портреты: Кутузов нахмуренный,
Блюхер бессменный и бок Забалканского.
Лошадь дрожит у плетня почернелого,
Куры бездомные с холоду ежатся,
И на остатках жилья погорелого
Люди, как черви на трупе, копошатся...

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

День-денской моя печальница,
В ночь — ночная богомолица,
Векова моя сухотница...

Из народной песни

Чуть живые, в ночь осеннюю
Мы с охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогоднего,
Слава богу, добираемся.

«Вот и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! пустая это думушка!

Посетила ли кручинушка?
10 Молви — может, и размыкаю».
И поведала Оринушка
Мне печаль свою великую.

— Восемь лет сынка не видела,
Жив ли, нет — не откликается,
Уж и свидеться не чаяла,
Вдруг сыночек возвращается.

Вышло молодцу в бессрочные...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блинов Оринушка,
20 Не насмотрится на Ванюшку!

Да не долги были радости.
Воротился сын больнехонек,

Ночью кашель бьет солдатика,
Белый плат в крови мокрехонек!

Говорит: „Поправлюсь, матушка!“
Да ошибся — не поправился,
Девять дней хворал Иванушка,
На десятый день преставился...—

Замолчала — не прибавила
30 Ни словечка, бесталанная.
«Да с чего же привязалася
К парню хворость окаянная?

Хилый, что ли, был с рождения?..»
Встрепенулася Оринушка:
— Богатырского сложения,
Здоровенный был детинушка!

Подивился сам из Питера
Генерал на парня этого,
Как в рекрутское присутствие
40 Привели его раздетого...

На избенку эту бревнышки
Он один таскал сосновые...
И вилися у Иванушки
Русы кудри как шелковые...—

И опять молчит несчастная...
«Не молчи — развей кручинушку!
Что сгубило сына милого —
Чай, спросила ты детинушку?»

— Не любил, сударь, рассказывать
50 Он про жизнь свою военную,
Грех мирянам-то показывать
Душу — богу обреченную!

Говорить — гневить всевышнего,
Окаянных бесов радовать...
Чтоб не молвить слова лишнего,
На врагов не подосадовать,

Немота перед кончиною
Подобает христианину.
Знает бог, какие тягости
60 Сокрушили силу Ванину!

Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,
Он одни слова утешные
Говорил мне умираючи.

Тихо по двору похаживал
Да постукивал топориком,
Избу ветхую облаживал,
Огород обнес заборику;

Перекрыть сарай задумывал.
70 Не сбылись его желания:
Слег — и встал на ноги резвые
Только за день до скончания!

Поглядеть на солнце красное
Пожелал,— пошла я с Ванею:
Попрощался со скотинкою,
Попрощался с ригой, с банею.

Сенокосом шел — задумался:
„Ты прости, прости, полянушка!
Я косил тебя во младости!“ —
80 И заплакал мой Иванушка!

Песня вдруг с дороги грянула,
Подхватил, что было голосу:
„Не белы снежки“,— закашлялся,
Задышался — пал на полосу!

Не стояли ноги резвые,
Не держалася головушка!
С час домой мы возвращалися...
Было время — пел соловушка!

Страшно в эту ночь последнюю
90 Было: память потерялася,

Всё ему перед кончиною
Служба эта представлялася.

Ходит, чистит амуницию,
Набелил ремни солдатские,
Языком играл сигналики,
Песни пел — такие хватские!

Артикул ружьем выкидывал
Так, что весь домишка вздрагивал;
Как журавль стоял на ноженьке
100 На одной — носок вытягивал.

Вдруг метнулся... смотрит жалобно...
Повалился — плачет, кается,
Крикнул: „Ваше благородие!
Ваше!..“ Вижу,— задыхается.

Я к нему. Утих, послушался —
Лег на лавку. Я молилася:
Не пошлет ли бог спасение?..
К утру память воротилася,

Прошептал: „Прощай, родимая!
110 Ты опять одна осталася!..“
Я над Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася,

И погас он, словно свеченька
Восковая, предыконная...—

Мало слов, а горя реченька.
Горя реченька бездонная!..

1864

НАЧАЛО ПОЭМЫ

Опять она, родная сторона
С ее зеленым, благодатным летом,
И вновь душа поэзией полна...
Да, только здесь могу я быть поэтом!

(На Западе — не вызвал я ничем
Красивых строф, пластических и сильных
В Германии я был как рыба нем,
В Италии — писал о русских ссыльных,

Давно то было... Город наш родной
10 Санкт-Петербург, как он ни поэтичен,
Но в нем я постоянно сам не свой —
Зол, озабочен или апатичен...)

Опять леса в уборе вековом,
Зверей и птиц угрюмые чертоги,
И меж дерев, нависнувших шатром,
Травнистые, зеленые дороги!

На первый раз сказать позвольте вам,
Чем пахнут вообще дороги наши —
То запах дегтя с сеном пополам.
20 Не знаю, каково на нервы ваши

Он действует, но мне приятен он,
Он мысль мою свежит и направляет:
Куда б мечтой я ни был увлечен,
Он вмиг ее к народу возвращает...

Чу! воз скрипит! Плетутся два вола,
Снопы пред нами в зелени ныряют,
Подобие зеленого стола,
На коем груды золота мелькают.

(Друзья мои картежники! для вас
30 Придумано сравненье на досуге...)
Но мы догнали воз — и порвалась
Нить вольных мыслей. Вздрогнул я в испуге:

Почудились на этом мне возу,
Сидящие рядком, как на картине,
Столичный франт со стеклышком в глазу
И барыня в широком кринолине!..

ВОЗВРАЩЕНИЕ

И здесь душа унынием объята.
Не ласков был мне родины привет;
Так смотрит друг, любивший нас когда-то,
Но в ком давно уж прежней веры нет.

Сентябрь шумел, земля моя родная
Вся под дождем рыдала без конца,
И черных птиц за мной летела стая,
Как будто бы почуяв мертвеца!

Волнуемый тоскою и боязнью,
10 Напрасно гнал я грозные мечты,
Меж тем как лес с какой-то неприязнью
В меня бросал холодные листы,

И ветер мне гудел неумолимо:
Зачем ты здесь, изнеженный поэт?
Чего от нас ты хочешь? Мимо! мимо!
Ты нам чужой, тебе здесь дела нет!

И песню я услышал в отдаленье.
Знакомая, она была горька,
Звучало в ней бессильное томленье,
20 Бессильная и вялая тоска.

С той песней вновь в душе зашевелилось,
О чем давно я позабыл мечтать,
И проклял я то сердце, что смутилось
Перед борьбой — и отступило вспять!..

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

В а н я *(в кучерском армячке)*
Папаша! кто строил эту дорогу?
П а п а ш а *(в пальто на красной подкладке)*
Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька!

Разговор в вагоне

I

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор! —
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
10 Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни —

Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

II

«Добрый папаша! К чему в обаянии
Умного Ваню держать?

Вы мне позвольте при лунном сиянии
20 Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден,—
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод названье ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
30 Многие — в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья послышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
40 Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?.. „В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой.

Грабили нас грамотеи-десятники,
50 Секло начальство, давила нужда...
Всё претерпели мы, божии ратники,
Мирные дети труда!

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..“

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
60 Это всё братья твои — мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою.
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый, больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
70 Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядись к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
80 И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет всё, что господь ни пошлет!

Вынесет всё — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе».

III

В эту минуту свисток оглушительный
90 Взвизгнул — исчезла толпа мертвецов!
«Видел, папаша, я сон удивительный,—
Ваня сказал,— тысяч пять мужиков,

Русских племен и пород представители
Вдруг появились — и *он* мне сказал:
„Вот они — нашей дороги строители!..“»
Захохотал генерал!

— Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видел я в Вене святого Стефана,
100 Что же... всё это народ сотворил?

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?

Вот ваш народ — эти термы и бани,
Чудо искусства — он всё растаскал! —
«Я говорю не для вас, а для Вани...»
Но генерал возражать не давал:

— Ваш славянин, англосакс и германец
110 Не создавать — разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону...—

IV

«Рад показать!
Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены — немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; больные
120 Скрыты в землянках; рабочий народ

Тесной гурьбой у конторы собрался...
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

Всё заносили десятники в книжку —
Брал ли на баню, лежал ли больной:
„Может, и есть тут теперича лишку,
Да вот поди ты!..“ Махнули рукой...

В синем кафтане — почтенный лабазник,
130 Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Праздный народ расступается чинно...
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
„Ладно... нешто... молодца!.. молодца!..

С богом, теперь по домам,— проздравляю!
(Шапки долой — коли я говорю!)
Бочку рабочим вина выставляю
140 И — *недоимку дарю!..*“

Кто-то „ура“ закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком „ура!“ по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..»

ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.

Сознательно мирские наслажденья
Ты отвергал, ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил,
Свои труды, надежды, помышленья

10 Ты отдал ей; ты честные сердца
Ей покорял. Взывая к жизни новой,
И светлый рай, и перлы для венца
Готовил ты любовнице суровой,

Но слишком рано твой ударил час
И вещее перо из рук упало.
Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!

Года минули, страсти улеглись,
И высоко вознесся ты над нами...
20 Плачь, русская земля! но и гордись —
С тех пор, как ты стоишь под небесами,

Такого сына не рождала ты
И в недра не брала свои обратно:
Сокровища душевной красоты
Совмещены в нем были благодатно...

Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...

ПРИТЧА
О ЕРМОЛАЕ ТРУДЯЩЕМСЯ

Раньше людей Ермолай подымается,
Позже людей с полосы возвращается,

Разбогатеть ему хочется пашнею.
Правит мужик свою нужду домашнюю

Да и семян запасает порядочно —
Тужит, землицы ему недостаточно!

Сила меж тем в мужике убавляется,
Старость подходит, частенько хворается,—

Стало хозяйство тогда поправлятися:
10 Стало земли от семян оставатися!

1858—1865

О ПОГОДЕ

<Часть первая>

УЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Что за славная столица
Развеселый Петербург!

Лакейская песня

I

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Слава богу, стрелять перестали!
Ни минуты мы нынче не спали,
И едва ли кто в городе спал:
Ночью пушечный гром грохотал,
Не до сна! Вся столица молилась,
Чтоб Нева в берега воротилась,
И минула большая беда —
Понемногу сбывает вода.
Начинается день безобразный —
10 Мутный, ветреный, темный и грязный.
Ах, еще бы на мир нам с улыбкой смотреть!
Мы глядим на него через тусклую сеть,
Что как слезы струится по окнам домов
От туманов сырых, от дождей и снегов!

Злость берет, сокрушает хандра,
Так и просятся слезы из глаз.
Нет! Я лучше уйду со двора...
Я ушел — и наткнулся как раз
На тяжелую сцену. Везли на погост
20 Чей-то вохрой окрашенный гроб
Через длинный Исакиев мост.
Перед гробом не шли ни родные, ни поп,

Не лежала на нем золотая парча,
Только, в крышу дощатого гроба стуча,
Прыгал град да извозчик-палач
Бил кургузым кнутом спотыкавшихся кляч,
И вдоль спин побелевших удары кнута
Полосами ложились. Съезжая с моста,
Зацепила за дроги коляска, стремглав
30 С офицером, кричавшим «пошел!» проскакав,
Гроб упал и раскрылся.

«Сердечный ты мой!
Натерпелся ты горя живой,
Да пришлося терпеть и по смерти...
То случился проклятый пожар,
То теперь наскакали вдруг — черти!
Вот уж подлинно бедный Макар!
Дом-то, где его тело стояло,
Загорелся,— забыли о нем,—
Я схватилась: побились немало,
40 Да спасли-таки гроб целиком,
Так опять неудача сегодня!
Видно, участь его такова...
Расходилась рука-то господня,
Не удержишь!..»

Такие слова
Говорила бездушно и звонко,
Подбежав к мертвецу впопыхах,
Провожавшая гроб старушонка,
В кацавейке, в мужских сапогах.
«Вишь, проклятые! Ехать им тесно!»
50 — Кто он был? — я старуху спросил.
«Кто он был? да чиновник, известно;
В департаментах разных служил.
Петербург ему солон достался:
В наводненье жену потерял,
Целый век по квартирам таскался
И четырнадцать раз погорал.
А уж службой себя как неволил!
В будни сиднем сидел да писал,
А по праздникам ноги мозолил —
60 Всё начальство свое поздравлял.
Вот и кончилось тем — простудился!

Звал из Шуи родную сестру,
Да деньжонок послать поскупился.
„Так один,— говорит,— и умру,
Не дождусь... кто меня похоронит?
Хоть уж ты не оставь, помоги!
Страх, бывало, возьмет, как застонет!
Подари,— говорю,— сапоги,
А то, вишь, разошелся дождище!
70 Неравно в самом деле умрешь,
В чем пойду проводить на кладбище?
Закивал головой...» — Ну и что ж? —
«Ну и умер — и больше ни слова:
Надо места искать у другова!»
— И тебе его будто не жаль? —
«Что жалеть! нам жалеть недосужно,
Что жалеть? хоронить теперь нужно.
Эка, батюшки, страшная даль!
Эко времечко!.. Господи боже!
80 Как ни дорого бедному жить,
Умирать ему вдвое дороже.
На кладбище-то место купить,
Да попу, да на гроб, да на свечи...»

Говоря эти грустные речи,
До кладбища мы скоро дошли
И покойника в церковь внесли.
Много их там гуртом отпевалось,
Было тесно — и трудно дышалось.
Я ушел по кладбищу гулять;
90 Там одной незаметной могилы,
Где уснули великие силы,
Мне хотелось давно поискать.

Сделав даром три добрые круга,
Я у сторожа вздумал спросить.
Имя, званье, все признаки друга
Он заставил пять раз повторить
И сказал: «Нет, такого не знаю;
А, пожалуй, примету скажу,
Как искать: ты ищи его с краю,
100 Перешедши вон эту межу,
И смотри: где кресты — там мещане,
Офицеры, простые дворяне;

Над чиновником больше плита,
Под плитой же бывает учитель,
А где нет ни плиты, ни креста,
Там, должно быть, и есть сочинитель».

За совет я спасибо сказал,
Но могилы в тот день не искал.
Я старуху знакомую встретил
110 И покойника с ней хоронил.
День, по-прежнему гнил и не светел,
Вместо града дождем нас мочил.
Средь могил, по мосткам деревянным
Довелось нам долгонько шагать.
Впереди, под навесом туманным
Открывалась болотная гладь:
Ни жилья, ни травы, ни кусточка,
Всё мертво — только ветер свистит.
Вон виднеется черная точка:
120 Это сторож. «Скорее!» — кричит.
По танцующим жердочкам прямо
Мы направились с гробом туда.
Наконец вот и свежая яма,
И уж в ней по колено вода!
В эту воду мы гроб опустили,
Жидкой грязью его завалили,
И конец! Старушонка опять
Не могла пересилить досады:
«Ну, дождался, сердечный, отрады!
130 Что б уж, кажется, с мертвого взять?
Да господь, как захочет обидеть,
Так обидит: вчера погорал,
А сегодня, изволите видеть,
Из огня прямо в воду попал!»
Я взглянул на нее — и заметил,
Что старухе-то жаль бедняка:
Бровь одну поводило слегка...
Я немым ей поклоном ответил
И ушел... Я доволен собой,
140 Я недаром на улицу вышел:
Я хандру разогнал — и смешной
Каламбур на кладбище услышал,
Подготовленный жизнью самой...

II

ДО СУМЕРЕК

1

Ветер что-то удушлив не в меру,
В нем зловещая нота звучит,
Всё холеру — холеру — холеру —
Тиф и всякую немочь сулит!
Все больны, торжествует аптека
И варит свои зелья гуртом;
В целом городе нет человека,
В ком бы желчь не кипела ключом;
Муж, супругою страстно любимый,
10 В этот день не понравится ей,
И преступник, сегодня судимый,
Вдвое больше получит плетей.
Всюду встретишь жестокую сцену,—
Полицейский, не в меру сердит,
Тесаком, как в гранитную стену,
В спину бедного Ваньки стучит.
Чу! визгливые стоны собаки!
Вот сильней,— видно, треснули вновь...
Стали греться — догрелись до драки
20 Два калашника... хохот — и кровь!

2

Под жестокой рукой человека
Чуть жива, безобразно тоща,
Надрывается лошадь-калека,
Непосильную ношу влача.
Вот она зашаталась и стала.
«Ну!» — погонщик полено схватил
(Показалось кнута ему мало) —
И уж бил ее, бил ее, бил!
Ноги как-то расставив широко,
30 Вся дымясь, оседая назад,
Лошадь только вздыхала глубоко
И глядела... (так люди глядят,
Покоряясь неправым нападкам).
Он опять: по спине, по бокам,
И, вперед забежав, по лопаткам

И по плачущим, кротким глазам!
Всё напрасно. Клячонка стояла,
Полосатая вся от кнута,
Лишь на каждый удар отвечала
40 Равномерным движеньем хвоста.
Это праздных прохожих смешило,
Каждый вставил словечко свое,
Я сердился — и думал уныло:
«Не вступиться ли мне за нее?
В наше время сочувствовать мода,
Мы помочь бы тебе и не прочь,
Безответная жертва народа,—
Да себе не умеем помочь!»
А погонщик недаром трудился —
50 Наконец-таки толку добился!
Но последняя сцена была
Возмутительней первой для взора:
Лошадь вдруг напряглась —и пошла
Как-то боком, нервически скоро,
А погонщик при каждом прыжке,
В благодарность за эти усилья,
Поддавал ей ударами крылья
И сам рядом бежал налегке.

3

Я горячим рожден патриотом,
60 Я весьма терпеливо стою,
Если войско, несметное счетом,
Переходит дорогу мою.
Ускользнут ли часы из кармана,
До костей ли прохватит мороз
Под воинственный гром барабана,
Не жалею: я истинный Росс!
Жаль, что нынче погода дурная,
Солнца нет, кивера не блестят
И не лоснится масть вороная
70 Лошадей... Только сабли звенят;
На солдатах едва ли что сухо,
С лиц бегут дождевые струи,
Артиллерия тяжко и глухо
Подвигает орудья свои.
Всё молчит. В этой раме туманной

Лица воинов жалки на вид,
И подмоченный звук барабанный
Словно издали жидко гремит...

4

Прибывает толпа ожидающих,
80 Сколько дрожек, колясок, карет!
Пеших, едущих, праздно зевающих
Счету нет!
Тут квартальный с захваченным пьяницей,
Как Федотов его срисовал;
Тут старуха с аптечною стклянницей,
Тут жандармский седой генерал;
Тут и дама такая сердитая —
Открывай ей немедленно путь!
Тут и лошадь, недавно побитая:
90 Бог привел и ее отдохнуть!
Смотрит прямо в окошко каретное,
На стекле надышала пятно.
Вот лицо, молодое, приветное,
Вот и ручка,— раскрылось окно,
И погладила клячу несчастную
Ручка белая... Дождь зачастил,
Словно спрятаться ручку прекрасную
Поскорей торопил.
Тут бедняк итальянец с фигурами,
100 Тут чухна, продающий грибы,
Тут рассыльный Минай с корректурами.
«Что, старинушка, много ходьбы?»
— Много было до сорок девятого;
Отдохнули потом... да опять
С пятьдесят этак прорвало с пятого,
Успевай только ноги таскать! —
«А какие ты носишь издания?»
— Пропасть их — перечесть мудрено.
Я „Записки“ носил с основания,
110 С „Современником“ нянчусь давно:
То носил к Александру Сергеичу,
А теперь уж тринадцатый год
Всё ношу к Николай Алексеичу,—
На Литейной живет.
Слог хорош, а жиденько издание,

Так, оберточкой больше берут.
Вот „Записки“ — одно уж название!
Но и эти, случается, врут.
Всё зарезать друг дружку стараются.
120 Впрочем, нас же надуть норовят:
В месяц тридцать листов обещаются,
А рассыльный таскай шестьдесят!
Знай ходи — то в Коломну, то к Невскому,
Даже Фрейганг устанет марать:
«„Объяви,— говорит,— ты Краевскому,
Что я больше не стану читать!..“
Вот и нынче несу что-то спешное —
Да пускай подождут, не впервой.
Эх, умаялось тело-то грешное!..—
130 «Да, пора бы тебе на покой».
— То-то нет! говорили мне многие,
Даже доктор (в тридцатом году
Я носил к нему «Курс патологии»):
„Жить тебе, пока ты на ходу!“
И ведь точно: сильней нездоровится,
Коли в праздник ходьба остановится:
Ноет спинушка, жилы ведет!
Я хожу уж полвека без малого,
Человека такого усталого
140 Не держи — пусть идет!
Умереть бы привел бог со славою,
Отдохнуть отдохнем, потрудясь...—
Принял позу старик величавую,
На Исакия смотрит, крестясь.
Мне понравилась речь эта странная.
«Трудно дело твое!» — я сказал.
— Дела нет, а ходьба беспрестанная,
Зато город я славно узнал!
Знаю, сколько в нем храмов считается,
150 В каждой улице сколько домов,
Сколько вывесок, сколько шагов
(Так, идешь да считаешь, случается).
Грешен, знаю число кабаков.
Что ни есть в этом городе жителей,
Всех по времени вызнал с лица.—
«Ну, а много видал сочинителей?»
— День считай — не дойдешь до конца,
Чай, и счет потерял в литераторах!

Коих помню — пожалуй, скажу.
160 При царице, при трех императорах
К ним ходил... при четвертом хожу:
Знал Булгарина, Греча, Сенковского,
У Воейкова долго служил,
В Шепелевском[1] сыпал у Жуковского
И у Пушкина в Царском гостил.
Походил я к Василью Андреичу,
Да гроша от него не видал,
Не чета Александру Сергеичу —
Тот частенько на водку давал.
170 Да зато попрекал всё цензурою:
Если красные встретит кресты,
Так и пустит в тебя корректурою:
Убирайся, мол, ты!
Глядя, как человек убивается,
Раз я молвил: сойдет-де и так!
„Это кровь,— говорит,— проливается,—
Кровь моя,— ты дурак!..“ —

5

Полно ждать! за последней колонною
Отсталые прошли,
180 И покрытого красной попоною
В заключенье коня провели.
Торжествуя конец ожидания,
Кучера завопили «пади!»
Всё спешит. «Ну, старик, до свиданья,
Коли нужно идти, так иди!!!»

6

Я, продрогнув, домой побежал.
Небо, видно, сегодня не сжалится:
Только дождь перестал,
Снег лепешками крупными валится!
190 Город начал пустеть — и пора!
Только бедный да пьяный шатаются,
Да близ медной статуи Петра,
У присутственных мест дожидаются
Сотни сотен крестьянских дровней

[1] Дворец, где долго жил Жуковский.

И так щедро с небес посыпаются,
Что за снегом не видно людей.
Чу! рыдание баб истеричное!
Сдали парня?.. Жалей не жалей,
Перемелется — дело привычное!
200 Злость-тоску мужики на лошадках сорвут,
Коли денежки есть — раскошелятся
И кручинушку штофом запьют,
А слезами-то бабы поделятся!
По ведерочку слез на сестренок уйдет,
С полведра молодухе достанется,
А старуха-то мать и без меры возьмет —
И без меры возьмет — что останется!

III

СУМЕРКИ

Говорят, еще день. Правда, я не видал,
Чтобы месяц свой рог золотой показал,
Но и солнца не видел никто.
Без его даровых, благодатных лучей
Золоченые куполы пышных церквей
И вся роскошь столицы — ничто.
Надо всем, что ни есть: над дворцом и тюрьмой,
И над медным Петром, и над грозной Невой,
До чугунных коней на воротах застав
10 (Что хотят ускакать из столицы стремглав) —
Надо всем распростерся туман.
Душный, стройный, угрюмый, гнилой,
Некрасив в эту пору наш город большой,
Как изношенный фат без румян...

Наша улица — улиц столичных краса,
В ней дома всё в четыре этажа,
Не лазурны над ней небеса,
Да зато процветает продажа.
Сверху донизу вывески сплошь
20 Покрывают громадные стены,
Сколько хочешь тут немцев найдешь —
Из Берлина, из Риги, из Вены.
Всё соблазны, помилуй нас бог!
Там перчатка с руки великана,

Там торчит Веллингтонов сапог,
Там с открытою грудью Диана,
Даже ты, Варсонофий Петров,
Подле вывески «Делают гробы»
Прицепил полуженные скобы
30 И другие снаряды гробов,
Словно хочешь сказать: «Друг-прохожий!
Соблазнись — и умри поскорей!»
Человек ты, я знаю, хороший,
Да многонько родил ты детей —
Непрестанные нужны заказы...
Ничего! обеспечен твой труд,
Бедность гибельней всякой заразы —
В нашей улице люди так мрут,
Что по ней то и знай на кладбища,
40 Как в холеру, тащат мертвецов:
Холод, голод, сырые жилища —
Не робей, Варсонофий Петров!..

В нашей улице жизнь трудовая:
Начинают ни свет ни заря
Свой ужасный концерт, припевая,
Токари, резчики, слесаря,
А в ответ им гремит мостовая!
Дикий крик продавца-мужика,
И шарманка с пронзительным воем,
50 И кондуктор с трубой, и войска,
С барабанным идущие боем,
Понуканье измученных кляч,
Чуть живых, окровавленных, грязных,
И детей раздирающий плач
На руках у старух безобразных —
Всё сливается, стонет, гудет,
Как-то глухо и грозно рокочет,
Словно цепи куют на несчастный народ,
Словно город обрушиться хочет.
60 Давка, говор... (о чем голоса?
Всё о деньгах, о нужде, о хлебе)
Смрад и копоть. Глядишь в небеса,
Но отрады не встретишь и в небе.

Этот омут хорош для людей,
Расставляющих ближнему сети,

Но не жалко ли бедных детей!
Вы зачем тут, несчастные дети?
Неужели душе молодой
Уж знакомы нужда и неволя?
70 Ах, уйдите, уйдите со мной
В тишину деревенского поля!
Не такой там услышите шум,—
Там шумит созревающий колос,
Усыпляя младенческий ум
И страстей преждевременный голос.
Солнце, воздух, цветов аромат —
Это всех поколений наследство,
За пределами душных оград
Проведете вы сладкое детство.
80 Нет! вам красного детства не знать,
Не прожить вам покойно и честно.
Жребий ваш... но к чему повторять
То, что даже ребенку известно?

На спине ли дрова ты несешь на чердак,
Через лоб протянувши веревку,
Грош ли просишь, идешь ли в кабак,
Задают ли тебе потасовку —
Ты знаком уже нам, петербургский бедняк,
Нарисованный ловкою кистью
90 В модной книге,— угрюмый, худой,
Обессмысленный дикой корыстью,
Страхом, голодом, мелкой борьбой.
Мы довольно похвал расточали,
И довольно сплели мы венков
Тем, которые нам рисовали
Любопытную жизнь бедняков.
Где ж плоды той работы полезной?
Увидав, как читатель иной
Льет над книгою слезы рекой,
100 Так и хочешь сказать: «Друг любезный,
Не сочувствуй ты горю людей,
Не читай ты гуманных книжонок,
Но не ставь за каретой гвоздей,
Чтоб, вскочив, накололся ребенок!»

О ПОГОДЕ

Часть вторая

I

КРЕЩЕНСКИЕ МОРОЗЫ

«Государь мой! куда вы бежите?»
— В канцелярию; что за вопрос?
Я не знаю вас! — «Трите же, трите
Поскорей, бога ради, ваш нос!
Побелел!» — А! весьма благодарен! —
«Ну, а мой-то?» — Да ваш лучезарен! —
«То-то! принял я меры...» — Чего-с? —
«Ничего. Пейте водку в морозы —
Сбережете наверно ваш нос,
10 На щеках же появятся розы!»

Усмехнувшись, они разошлись,
И за каждым извозчик помчался.
Бедный Ванька! надеждой не льстись,
Чтоб сегодня седок отыскался:
Двадцать градусов, ветер притом —
Бескаретные ходят пешком.

Разыгралися силы господни!
На пространстве пяти саженей
Насчитаешь наверно до сотни
20 Отмороженных щек и ушей.
Двадцать градусов! щеки и уши,—
Не беда,— как-нибудь ототрем!
Целиком христианские души
Часто гибнут теперь; подождем —
Часовой ли замерзнет, бедняга,

Или Ванька, уснувший в санях,
Всё прочтем, коли стерпит бумага,
Завтра утром в газетных листах.

Ежедневно газетная проза
30 Обличает проделки мороза;
Кучера его громко клянут,
У подъездов господ поджидая,
Бедняки ему песню поют,
Зубом на зуб едва попадая:

«Уходи из подвалов сырых,
Полутемных, зловонных, дымящихся,
Уходи от голодных, больных,
Озабоченных, вечно трудящихся,
Уходи, уходи, уходи!
40 Петербургскую голь пощади!»

Но мороз не щадит,— прибавляется.
Приуныла столица; один
Самоед на Неве удивляется:
От каких чрезвычайных причин
На оленях никто не катается?
Там, где строй заготовленных льдин
Возвышается синею клеткою,
Ходит он со своей самоедкою,
Песни родины дальней поет,
50 Седока-благодетеля ждет...

Самоедские нервы и кости
Стерпят всякую стужу, но вам,
Голосистые южные гости,
Хорошо ли у нас по зимам?
Вспомним — Бозио. Чванный Петрополь
Не жалел ничего для нее.
Но напрасно ты кутала в соболь
Соловьиное горло свое,
Дочь Италии! С русским морозом
60 Трудно ладить полуденным розам.

Перед силой его роковой
Ты поникла челом идеальным,
И лежишь ты в отчизне чужой
На кладбище пустом и печальном.

Позабыл тебя чуждый народ
В тот же день, как земле тебя сдали,
И давно там другая поет,
Где цветами тебя осыпали.
Там светло, там гудет контрабас,
70 Там по-прежнему громки литавры.
Да! на севере грустном у нас
Трудны деньги и дороги лавры!

Всевозможные тифы, горячки,
Воспаленья — идут чередом,
Мрут как мухи извозчики, прачки,
Мерзнут дети на ложе своем.
Ни в одной петербургской больнице
Нет кровати за сотню рублей.
Появился убийца в столице,
80 Бич довольных и сытых людей.
С бедняками, с сословием грубым,
Не имеет он дела! тайком
Ходит он по гостиным, по клубам
С смертоносным своим кистенем.

«Побранился с супругой своею
После ужина Нестор Фомич,
Ухватил за короткую шею
И прихлопнул его паралич!
Генерал Федор Карлыч фон Штубе,
90 Десятипудовой генерал,
Скушал четверть телятины в клубе,
Крикнул ,,пас!“ — и со стула не встал!»
Таковы-то теперь разговоры,
Что ни день, то плачевная весть.
В клубах мрак и унынье; обжоры
Поклялися не пить и не есть.

Мучим голодом, страхом томимый,
Сановит и солиден на вид,
В сильный ветер, в мороз нестерпимый,
100 Кто по Невскому быстро бежит?
И кого он на Невском встречает?
И о чем начался разговор?
В эту пору никто не гуляет,
Кроме мнительных, тучных обжор.

Говоря меж собой про удары,
Повторяя обеты не есть,
Ходят эти угрюмые пары,
До обеда не смея присесть,
А потом наедаются вдвое,
110 И наутро разносится слух,
Слух ужасный — о новом герое,
Испустившем нечаянно дух!

Никакие известья из Вильно,
Никакие статьи из Москвы
Нас теперь не волнуют так сильно,
Как подобные слухи... Увы!
Неприятно с местечек солидных,
Из хороших казенных квартир
Вдруг, без всяких причин благовидных,
120 Удаляться в неведомый мир!
Впрочем, если уж смерть неизбежна,
Так зимой умирать хорошо:
Для супруги, нас любящей нежно,
Сохранимся мы чисто, свежо
До последней минуты лобзанья,
И друзьям нашим будет легко
Подходить к нам в минуту прощанья;
Понесут они гроб далеко.
Похоронная музыка чище
130 И звончей на морозе слышна,
Вместо грязи покрыто кладбище
Белым снегом; сурово-пышна
Обстановка; гроб бросят не в лужу,
Червь не скоро в него заползет,
Сам покойник в жестокую стужу
Дольше важный свой вид сбережет.
И притом, если друг неутешный
Нас живьем схоронить поспешит,
Мы избавимся муки кромешной:
140 Дело смерти мороз довершит.

Умирай же, богач, в стужу сильную!
Бедняки пускай осенью мрут,
Потому что за яму могильную
Вдвое больше в морозы берут.

II

КОМУ ХОЛОДНО, КОМУ ЖАРКО!

Свечерело. В предместиях дальных,
Где, как черные змеи, летят
Клубы дыма из труб колоссальных,
Где сплошными огнями горят
Красных фабрик громадные стены,
Окаймляя столицу кругом,—
Начинаются мрачные сцены.
Но в предместия мы не пойдем.
Нам зимою приятней столица
10 Там, где ярко горят фонари,
Где гуляют довольные лица,
Где катаются сами цари.

Надышавшись классической пылью
В Петербурге, паспорт мы берем
И чихать уезжаем в Севилью.
Но кто летом толкается в нем,
Тот ему одного пожелает —
Чистоты, чистоты, чистоты!
Грязны улицы, лавки, мосты,
20 Каждый дом золотухой страдает;
Штукатурка валится — и бьет
Тротуаром идущий народ,
А для едущих есть мостовая,
Не щадящая бедных боков;
Летом взроют ее, починяя,
Да наставят зловонных костров:
Как дорогой бросаются в очи
На зеленом лугу светляки,
Ты заметишь в туманные ночи
30 На вершине костров огоньки —
Берегись!.. В дополнение, с мая,
Не весьма-то чиста и всегда,
От природы отстать не желая,
Зацветает в каналах вода...

(Наша Муза парит невысоко,
Но мы пишем не легкий сонет,
Наше дело исчерпать глубоко
Воспеваемый нами предмет.)

Уж давно в тебя летней порою
40 Не случалося нам заглянуть,
Милый город! где трудной борьбою
Надорвали мы смолоду грудь,
Но того мы еще не забыли,
Что в июле пропитан ты весь
Смесью водки, конюшни и пыли —
Характерная русская смесь.

Но зимой — дышишь вольно; для глаза —
Роскошь! Улицы, зданья, мосты
При волшебном сиянии газа
50 Получают печать красоты.
Как проворно по хрупкому снегу
Мчится тысячный, кровный рысак!
Даже клячи извозчичьи бегу
Прибавляют теперь. Каждый шаг,
Каждый звук так отчетливо слышен,
Всё свежо, всё эффектно: зимой,
Словно весь посеребренный, пышен
Петербург самобытной красой!
По каналам, что летом зловонны,
60 Блещет лед, ожидая коньков,
Серебром отливают колонны,
Орнаменты ворот и мостов;
В серебре лошадиные гривы,
Шапки, бороды, брови людей,
И, как бабочек крылья, красивы
Ореолы вокруг фонарей!

Пусть с какой-то тоской безотрадной
Месяц с ясного неба глядит
На Неву, что гробницей громадной
70 В берегах освещенных лежит,
И на шпиль, за угрюмой Невою,
Перед длинной стеной крепостною,
Наводящей унынье и сплин.
Мы не тужим. У русской столицы,
Кроме мрачной Невы и темницы,
Есть довольно и светлых картин.

Невский полон: эстампы и книги,
Бриллианты из окон глядят,
Вновь прибывшие девы из Риги
80 Неподдельным румянцем блестят.
Всюду люди — шумят, суетятся.
Вот красивая тройка бежит:
«Не хотите ли с нами кататься?» —
Деве бравый усач говорит.
Поглядела, подумала, села.
И другую сманили,— летят!
Полумерзлые девы несмело
На своих кавалеров глядят.
«Ваше имя?» —Матильда.— «А ваше?»
90 — Александра.— К Матильде один,
А другой подвигается к Саше.
«Вы модистка?» — Да, шью в магазин.—
«Эй! пошел хорошенько, Тараска!»
Город из виду скоро пропал.

Начинается зимняя сказка:
Ветер злился, гудел и стонал,
Франты песню удалую пели,
Кучер громко подтягивал ей,
Кони, фыркая, вихрем летели,
100 Злой мороз пробирал до костей.
Прискакали в открытое поле.
— Да куда же везете вы нас?
Мы одеты легко... мудрено ли
Простудиться? — «Приедем сейчас!
Ну, потрогивай! Живо, дружище!»
Снова скачут! Могилы вокруг,
Монументы... «Да это кладбище»,—
Шепчет Саша Матильде — и вдруг
Сани набок! Упали девицы...
110 Повернули назад господа,
И умчали их кони, как птицы.
Девы встали. «Куда ж вы? куда?»
Нет ответа! Несчастные девы
В чистом поле остались одни.
Дикий хохот, лихие напевы
Постепенно умолкли. Они
Огляделись: безлюдно и тихо,

Звезды с ясного неба глядят...
«Мы сегодня потешились лихо!» —
120 Франты в клубе друзьям говорят...

А театры, балы, маскарады?
Впрочем, здесь и конец, господа,
Мы бы там побывать с вами рады,
Но нас цензор не пустит туда.
До того, что творится в природе,
Дела нашему цензору нет.
«Вы взялися писать о погоде,
Воспевайте же данный предмет!»

— Но озябли мы, друг наш угрюмый!
130 Пощади — нам погреться пора! —
«Вот вам случай — взгляните: над Думой
Показались два красных шара,
В вашей власти наполнить пожаром
Сто страниц — и погреетесь даром!»

Где ж пожар? пешеходы глядят.
Чу! неистовый топот раздался,
И на бочке верхом полицейский солдат,
Медной шапкой блестя, показался.
Вот другой — не поспеешь считать!
140 Мчатся вихрем красивые тройки.
Осторожней, пожарная рать!
Кони сытые слишком уж бойки.

Вся команда на борзых конях
Через Невский проспект прокатилась
И на окнах аптек, в разноцветных шарах
Вверх ногами на миг отразилась...

Озадаченный люд толковал,
Где пожар и причина какая?
Вдруг еще появился сигнал,
150 И промчалась команда другая.
Постепенно во многих местах
Небо вспыхнуло заревом красным,
Топот, грохот! Народ впопыхах
Разбежался по улицам разным,
Каждый в свой торопился квартал,

«Не у нас ли горит? — помышляя,—
Бог помилуй!» Огонь не дремал,
Лавки, церкви, дома пожирая...
   Семь пожаров случилось в ту ночь,
160 Но смотреть их нам было невмочь.
В сильный жар да в морозы трескучие
В Петербурге пожарные случаи
Беспрестанны — на днях как-нибудь
И пожары успеем взглянуть...

1865

ГАЗЕТНАЯ

...Через дым, разъедающий очи
Милых дам, убивающих ночи
За игрою в лото-домино,
Разглядеть что-нибудь мудрено.
Миновав этот омут кромешный,
Это тусклое царство теней,
Добрались мы походкой поспешной
До газетной...

Здесь воздух свежей;
Пол с ковром, с абажурами свечи,
10 Стол с газетами, с книгами шкап.
Неуместны здесь громкие речи,
А еще неприличнее храп,
Но сморит после наших обедов
Хоть какого чтеца, и притом
Прав доныне старик Грибоедов —
С русской книгой мы вечно уснем.
Мы не любим словесности русской
И доныне, предвидя досуг,
Запасаемся книгой французской.
20 Что же так?.. Даже избранный круг
Увлекали талантом недавно
Граф Толстой, Фет и просто Толстой.
«Русский слог исправляется явно!» —
Замечают тузы меж собой.
Не без гордости русская пресса
Именует себя иногда
Путеводной звездою прогресса,
И недаром она так горда:
Говорят — о Гомер и Овидий! —
30 До того расходилась печать,

Что явилась потребность субсидий.
Эк хватила куда! исполать!
Таксы нет на гражданские слезы,
Но и так они льются рекой.
Образцы изумительной прозы
Замечаются в прессе родной:
Тот добился успеху во многом
И удачно врагов обуздал,
Кто идею свободы с поджогом,
40 С грабежом и убийством мешал;
Тот прославился другом народа
И мечтает, что пользу принес,
Кто на тему «вино и свобода»
На народ напечатал донос.
Нам Катков предстоит великаном,
Мы Тургенева кушать зовем...
Почему же французским романам
Предпочтение мы отдаем?
Не избыток хорошего тона,
50 Не картин соблазнительных ряд,
Нас отсутствие «мрака и стона»
К ним влечет... Мудрецы говорят:
«Час досуга, за утренним чаем,
Для чего я тоской отравлю?
Наши немощи знаем мы, знаем,
Но я думать о них не люблю!..»

Эта песня давно уже слышится,
Но она не ведет ни к чему,
Коли нам так писалось и пишется,
60 Значит — есть и причина тому!
Не заказано ветру свободному
Петь тоскливые песни в полях,
Не заказаны волку голодному
Заунывные стоны в лесах;
Спокон веку дождем разливаются
Над родной стороной небеса,
Гнутся, стонут, под бурей ломаются
Спокон веку родные леса,
Спокон веку работа народная
Под унылую песню кипит,
Вторит ей наша Муза свободная,
Вторит ей — или честно молчит.

Как бы ни было, в комнате этой
Праздно кипы журналов лежат,
Пусто! разве, прикрывшись газетой,
Два-три члена солидные спят.
(Как не скажешь: москвич идеальней,
Там газетная вечно полна,
Рядом с ней, нареченная «вральней»,
80 Есть там мрачная зала одна —
Если ты не московского мненья,
Не входи туда — будешь побит!)
В Петербурге любители чтенья
Пробегают один «Инвалид»;
В дни, когда высочайшим приказом
Назначается много наград,
Десять рук к нему тянется разом.
Да порой наш журнальный собрат
Дерзновенную штуку отколет,
90 Тронет личность, известную нам,
О! тогда целый клуб соизволит
Прикоснуться к презренным листам.
Шепот, говор. Приводится в ясность —
Кто затронут, метка ли статья?
И суровые толки про гласность
Начинаются. Слыхивал я
Здесь такие сужденья и споры...
Поневоле поникнешь лицом
И потупишь смущенные взоры...
100 Не в суждениях дело, а в том,
Что судила такая особа...
Впрочем, я ей обязан до гроба!

Раз послушав такого туза,
Не забыть до скончания века.
В мановении брови — гроза!
В полуслове — судьба человека!
Согласишься, почтителен, тих,
Постоишь, удалишься украдкой
И начнешь сатирический стих
110 В комплимент перелаживать сладкий...

Да! Но всё-таки грустен напев
Наших песень, нельзя не сознаться.
Переделать его не сумев,

Мы решились при нем оставаться.
Примиритесь же с Музой моей!
Я не знаю другого напева.
Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей...

С давних пор только два человека
120 Постоянно в газетной сидят:
Одному уж три четверти века,
Но он крепок и силен на взгляд.
Про него бесконечны рассказы:
Жаден, скуп, ненавидит детей.
Здесь он к старосте пишет приказы,
Чтобы дома не тратить свечей.
Говорят, одному человеку
Удалось из-за плеч старика
Прочитать, что он пишет: «В аптеку,
130 Чтоб спасти бедняка мужика,
Посылал ты — нелепое барство!
Впредь расходов таких не иметь!
Деньги с миру взыскать... а лекарство
Для крестьянина лучшее — плеть...»
Анекдот этот в клубе я слышал
(Это было лет десять тому).
Из полка он за шулерство вышел,
Мать родную упрятал в тюрьму.
Про его воровские таланты
140 Тоже ходит таинственный слух:
У супруги его бриллианты
Родовые пропали — двух слуг
Присудили тогда и сослали.
А потом — раз старик оплошал —
У него эти камни видали:
Сам же он у жены их украл!
Ненавидят его, но для виста
Он всегда партенеров найдет:
«Что ж? ведь в клубе играет он чисто!»
150 Наша логика дальше нейдет...

А другой? Среди праздных местечек,
Под огромным газетным листом,
Видишь, тощий сидит человечек
С озабоченным, бледным лицом,

Весь исполнен тревогою страстной,
По движеньям похож на лису,
Стар и глух; и в руках его красный
Карандаш и очки на носу.
В оны годы служил он в цензуре
160 И доныне привычку сберег
Всё, что прежде черкал в корректуре,
Отмечать: выправляет он слог,
С мысли автора краски стирает.
Вот он тихо промолвил: «Шалишь!»
Глаз его под очками играет,
Как у кошки, заметившей мышь;
Карандаш за привычное дело
Принялся... «А позвольте узнать
(Он болтун — говорите с ним смело),
170 Что изволили вы отыскать?»

— Ужасаюсь, читая журналы!
Где я? где? Цепенеет мой ум!
Что ни строчка — скандалы, скандалы!
Вот взгляните — мой собственный кум
Обличен! Моралист-проповедник,
Цыц!.. Умолкни, журнальная тварь!..
Он действительный статский советник,
Этот чин даровал ему царь!
Мало им, что они Маколея
180 И Гизота в печать провели,
Кровопийцу Прудона, злодея
Тьера выше небес вознесли,
К государственной росписи смеют
Прикасаться нечистой рукой!
Будет время — пожнут, что посеют!
(Старец грозно качнул головой.)
А свобода, а земство, а гласность!
(Крикнул он и очки уронил.)
Вот где бедствие! вот где опасность
190 Государству... Не так я служил!

О чинах, о свободе, о взятках
Я словечка в печать не пускал.
К сожаленью, при новых порядках
Председатель отставку мне дал.
На начальство роптать не дерзаю

(*Не умею* — и этим горжусь),
Но убей меня, если я знаю,
Отчего я теперь не гожусь?
Служба всю мою жизнь поглощала,
200 Иногда до того я вникал,
Что во сне благодать осеняла,
И, вскочив,— я черкал и черкал!
К сочинению ключ понемногу,
К тайной цели его подберешь,
Сходишь в церковь, помолишься богу
И опять троекратно прочтешь:
Взвешен, пойман на каждом словечке,
Сочинитель дрожал предо мной,—
Повертится, как муха на свечке,
210 И уйдет тихомолком домой.
Рад-радехонек, если тетрадку
Я, похерив, ему возвращу,
А то, если б пустить по порядку...
Но всего говорить не хочу!
Занимаясь семь лет этим дельцем,
Не напрасно я брал свой оклад
(Тут сравнил он себя с земледельцем,
Рвущим сорные травы из гряд).
Например, Вальтер Скотт или Купер —
220 Их на веру иной пропускал,
Но и в них открывал я *канупер!*
(Так он вредную мысль называл.)

Но зато, если дельны и строги
Мысли,— кто их в печать проводил?
Я вам мысль, что «большие налоги
Любит русский народ», пропустил,
Я статью отстоял в комитете,
Что реформы раненько вводить,
Что крестьяне — опасные дети,
230 Что их грамоте рано учить!
Кто, чтоб нам микроскопы купили,
С представленьем к министру вошел?
А то раз цензора пропустили,
Вместо *се*верный, *ск*верный орел!
Только буква... Шутите вы буквой!
Автор прав, чего цензор смотрел? —

Освежившись холодною клюквой,
Он прибавил: — А что я терпел!
Не один оскорбленный писатель
240 Письма бранные мне посылал
И грозился... (Да шутишь, приятель!
Меры я надлежащие брал.)
Мне мерещились авторов тени,
Третьей ночью еще Фейербах
Мне приснился — был рот его в пене,
Он держал свою шляпу в зубах,
А в руке суковатую палку...
Мне одна романистка чуть-чуть
В маскараде... но бабу-нахалку
250 Удержали... да, труден наш путь!

Ни родства, ни знакомства, ни дружбы
Совесть цензора знать не должна,
Долг, во-первых,— обязанность службы!
Во-вторых, сударь: дети, жена!
И притом я себя так прославил,
Что свихнись я — другой бы навряд
Место новое мне предоставил,
Зависть общий порок, говорят! —

Тут взглянул мне в лицо старичина:
260 Ужас, что ли, на нем он прочел,
Я не знаю, какая причина,
Только речь он помягче повел:
— Так храня целомудрие прессы,
Не всегда был, однако, я строг.
Если б знали вы, как интересы
Я писателей бедных берег!
Да! меня не коснутся упреки,
Что я платы за труд их лишал.
Оставлял я страницы и строки,
270 Только вредную мысль исключал.
Если ты написал: „Равнодушно
Губернатора встретил народ“,
Исключу я три буквы: „ра—душно“
Выйдет... что же? три буквы не счет!
Если скажешь: „В дворянских именьях
Нищета ежегодно растет“,—
„Речь идет о сардинских владеньях“ —

Поясню,— и статейка пройдет!
Точно так: если страстную Лизу
280 Соблазнит русокудрый Иван,
Переносится действие в Пизу —
И спасен многотомный роман!
Незаметные эти поправки
Так изменят и мысли, и слог,
Что потом не подточишь булавки!
Да, я авторов много берег!
Сам я в бедности тяжкой родился,
Сам имею детей, я не зверь!
Дети! дети! (старик омрачился).
290 Воздух, что ли, такой уж теперь —
Утешения в собственном сыне
Не имею... Кто б мог ожидать?
Никакого почтенья к святыне!
Спорю, спорю! не раз и ругать
Принимался, а втайне-то плачешь.
Я однажды ему пригрозил:
„Что ты бесишься? что ты чудачишь?
В нигилисты ты, что ли, вступил?“
— Нигилист — это глупое слово,—
300 Говорит,— но когда ты под ним
Разумел человека прямого,
Кто не любит живиться чужим,
Кто работает, истины ищет,
Не без пользы старается жить,
Прямо в нос негодяя освищет,
А при случае рад и побить —
Так пожалуй — зови нигилистом,
Отчего и не так! — Каково?
Что прикажете с этим артистом?
310 Я в студенты хотел бы его,
Чтобы чин получил... но едва ли...
— Что чины? — говорит,— ерунда!
Там таких дураков насажали,
Что их слушать не стоит труда,
Там я даром убью только время.—
И прибавил еще сгоряча
(Каково современное племя?):
— Там мне скажут: „Ты сын палача!“ —
Тут невольно я голос возвысил,
320 „Стой, глупец! — я ему закричал,—

Я на службе себя не унизил,
Добросовестно долг исполнял!“
— Добросовестность милое слово,—
Возразил он,— но с нею подчас...—
„Что, мой друг? говори — это ново!“
Сильный спор завязался у нас;
Всю нелепость свою понемногу
Обнаружил он ясно тогда;
Между прочим, сказал: — Слава богу,
330 Что чиновник у нас не всегда
Добросовестен...— Вот как!.. За что же
Возрождается в сыне моем,
Что всю жизнь истреблял я?.. о боже!..—

Старец скорбно поникнул челом.

«Хорошо ли, служа, корректуры
Вы скрывали от ваших детей? —
Я с участьем сказал.— Без цензуры
Начитался он, видно, статей?»
— И! как можно!.. —
Тут нас перервали.
340 Старец снова газету берет...
. . . .

<ЧЕРНИЛЬНИЦА>

Предмет, любопытный для взора:
Огромный кусок лабрадора,
На нем богатырь-великан
В славянской кольчуге и в шлеме,
Потомок могучих славян,—
Но дело не в шлеме, а в теме:
Назначен сей муж представлять
Отчизны судьбы вековые
И знамя во длани держать
10 С девизом «Единство России!»
Под ним дорогой пьедестал,
На нем: земледелья родного
Орудья, и тут же газета, журнал —
Изданья Михайлы Каткова.
На книгах — идей океан —
Чернильница; надпись: «Каткову
Подарок московских дворян»,
И точка! Мудрейшему слову
Блистать на *пере* суждено,—
20 Там имя Каткову дано:
«Макающий в разум перо» — имя это
У древнего взято поэта...

ЛЕГЕНДА О НЕКОЕМ ПОКАЯВШЕМСЯ СТАРЦЕ, ИЛИ СЕДИНА В БОРОДУ, А БЕС В РЕБРО

(Посвящ<ается> редакции «Курпного эха»)

Жил да был себе издатель
И журналов и газет,
Помогал ему Создатель
Много, много лет.

Дарованьем и трудами
(Не своими, а других)
Слыл он меж откупщиками
Из передовых.

Сам с осанкой благородной,
В собственном большом дому
Собирал он ежегодно
С нищих денег тьму.

Злу он просто был грозою,
Прославлял одно добро...
Вдруг, толкнися с сединою
Бес ему в ребро.

И, как Лермонтова Демон,
Старцу шепчет день и ночь...
(Кто-то видел, вкрался чем он —
20 Ну, его не гонят прочь!)

Бес

Ты мудрец, и сед твой волос,—
Не к лицу тебе мечты,—
Ты запой на новый голос...

Старец

Но скажи, кто ты?

Бес

Я журналов покровитель.
Без меня вы — прожились.
Вы без денег убедите ль?

Старец

(в сторону)

Дух гордыни, провались!

(громко)

Гм! Не Лермонтова Демон,
30 Вижу, ты! Покойник был
(Хоть помянут будь не тем он)
Юношеский пыл.

Он-то мне Ледрю-Роллена
Некогда всучил...

Бес

(в сторону)

То-то не было полена —
Я бы проучил!

Старец

(продолжая)

Но теперь с Ледрю-Ролленом —
Баста! вышел весь!
Твой я, Демон! новым пленом
40 Я горжуся днесь!

Рек — и заключил издатель:
«Се настал прогресс:
И отступится Создатель,
Так поможет бес!»

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ФЕДОРА ИЛЛАРИОНОВИЧА РУДОМЕТОВА 2-ГО, УВОЛЕННОГО В ЧИСЛЕ ПРОЧИХ В 1857 ГОДУ

«Убил ты, точно, на веку
Сто сорок два медведя,
Но прочитал ли хоть строку
Ты в жизни, милый Федя?»

— О нет! за множеством хлопот,
Разводов и парадов,
По милости игры, охот,
Балов и маскарадов,
Я книги в руки не бирал,
10 Но близок с просвещеньем:
Я очень долго управлял
Учебным учрежденьем.
В те времена всего важней
Порядок был — до книг ли? —
Мы брили молодых людей
И, как баранов, стригли!
Зато студент не бунтовал,
Хоть был с осанкой хватской,
Тогда закон не разбирал —
20 Военный или статский:
Дабы соединить с умом
Проворство и сноровку,
Пофилософствуй, а потом
Иди на маршировку!..

Случилось также мне попасть
В начальники цензуры,

Конечно, не затем, чтоб красть.
Что взять с литературы?
А так, порядок водворить...
30 Довольно было писку;
Умел я разом сократить
Журнальную подписку.
Пятнадцать цензоров сменил
(Всё были либералы),
Лицеям, школам воспретил
Выписывать журналы.
«Не успокоюсь, не поправ
Писателей свирепость!
Узнайте мой ужасный нрав,
40 И мощь мою — и крепость!» —
Я восклицал. Я их застиг,
Как ураган в пустыне,
И гибли, гибли сотни книг,
Как мухи в керосине!
Мать не нашла бы прописей
Для дочери-девчонки,
И лопнули в пятнадцать дней
Все книжные лавчонки!..

Потом, когда обширный край
50 Мне вверили по праву,
Девиз «Блюди — и усмиряй!»
Я оправдал на славу...
. . . .

ПЕСНИ О СВОБОДНОМ СЛОВЕ

I

РАССЫЛЬНЫЙ

Люди бегут, суетятся,
Мертвых везут на погост...
Еду кой с кем повидаться
Чрез Николаевский мост.

Пот отирая обильный
С голого лба, стороной —
Вижу — плетется рассыльный,
Старец угрюмый, седой.

С дедушкой этим, Минаем,
10 Я уж лет тридцать знаком:
Оба мы хлеб добываем
Литературным трудом.

(Молод я прибыл в столицу,
Вирши в редакцию свез,—
Первую эту страницу
Он мне в наборе принес!)

Оба судьбой мы похожи,
Если пошире глядеть:
Век свой мы лезли из кожи,
20 Чтобы в цензуру поспеть;

Цензор в спокойствии нашем
Равную ролю играл,—

Раньше, бывало, мы ляжем,
Если статью подписал;

Если ж сказал: «Запрещаю!» —
Вновь я садился писать,
Вновь приходилось Минаю
Бегать к нему, поджидать.

Эти волнения были
30 Сходны в итоге вполне:
Ноги ему подкосили,
Нервы расстроили мне.

Кто поплатился дороже,
Время уж скоро решит,
Впрочем, я вдвое моложе.
Он уж непрочен на вид,

Длинный и тощий, как остов,
Но стариковски пригож...
«Эй! на Васильевский остров
40 К цензору, что ли, идешь?»

— Баста ходить по цензуре!
Ослобонилась печать,
Авторы наши в натуре
Стали статейки пущать.

К ним да к редактору ныне
Только и носим статьи...
Словно повысились в чине,
Ожили детки мои!

Каждый теперича кроток,
50 Ну да и нам-то расчет:
На восемь гривен подметок
Меньше износится в год!..—

II

НАБОРЩИКИ

Чей это гимн суровый
Доносит к нам зефир?

То армии свинцовой
Смиренный командир —

Наборщик распевает
У пыльного станка,
Меж тем как набирает
Проворная рука:

«Рабочему порядок
10 В труде всего важней,
И лишний рубль не сладок,
Когда не спишь ночей!

Работы до отвалу,
Хоть не ходи домой.
Тетрадь оригиналу
Еще несут... ой, ой!

Тетрадь толстенька в стане,
В неделю не набрать.
Но не гордись заране,
20 Премудрая тетрадь!

Не похудей в цензуре!
Ужо мы наберем,
Оттиснем в корректуре
И к цензору пошлем.

Вот он тебя читает,
Надев свои очки;
Отечески марает —
Словечко, полстроки!

Но недостало силы,
30 Вдруг руки разошлись,
И красные чернилы
Потоком полились.

Живого нет местечка!
И только на строке
Торчит кой-где словечко,
Как муха в молоке.

Угрюмый и сердитый
Редактор этот сброд,
Как армии разбитой
40 Остатки, подберет;

На ниточку нанижет,
Кой-как сплотит опять
И нам приказ напишет:
«Исправив, вновь послать».

Набор мы рассыпаем
Зачеркнутых столбцов
И литеры бросаем,
Как в ямы мертвецов,

По кассам! Вновь в порядке
50 Лежат одна к одной.
Потерян ключ к загадке,
Что выражал их строй!

Так остается тайной,
Каков и где тот плод,
Который вихрь случайный
С деревьев в бурю рвет.

(Что, какова заметка?
Недурен оборот?
Случается нередко
60 У нас лихой народ.

Наборщики бывают
Философы порой:
Не всё же набирают
Они сумбур пустой.

Встречаются статейки,
Встречаются умы —
Полезные идейки
Усваиваем мы...)

Уж в новой корректуре
70 Статья не велика,

Глядишь — опять в цензуре
Посгладят ей бока.

Вот, наконец, и сверстка!
Но что с тобой, тетрадь?
Ты менее наперстка
Являешься в печать!

А то еще бывает,
Сам автор прибежит,
Посмотрит, повздыхает
80 Да всю и порешит!

Нам все равны статейки,
Печатай, разбирай,—
Три четверти копейки
За строчку нам отдай!

Но не равны заботы.
Чтоб время наверстать,
Мы слепнем от работы...
Хотите ли писать?

Мы вам дадим сюжеты:
90 Войдите-ка в полночь
В наборную газеты —
Кромешный ад точь-в-точь!

Наборщик безответный
Красив, как трубочист...
Кто выдумал газетный
Бесчеловечный лист?

Хоть целый свет обрыщешь,
И в самых рудниках
Тошней труда не сыщешь —
100 Мы вечно на ногах;

От частой недосыпки,
От пыли, от свинца
Мы все здоровьем хлипки,
Все зелены с лица;

В работе беспорядок
Нам сокращает век.
И лишний рубль не сладок,
Как болен человек...

Но вот свобода слова
110 Негаданно пришла,
Не так уж бестолково
Авось пойдут дела!»

Хор

Поклон тебе, свобода!
Тра-ла, ла-ла, ла-ла!
С рабочего народа —
Ты тяготу сняла!..

III

ПОЭТ

Друзья, возрадуйтесь! — простор!
(Давай скорей бутылок!)
Теперь бы петь... Но стал я хвор!
А прежде был я пылок.
И был подвижен я, как челн
(Зачем на пробке плесень?..),
И как у моря звучных волн,
У лиры было песен.
Но жизнь была так коротка
10 Для песен этой лиры,—
От типографского станка
До цензорской квартиры!

IV

ЛИТЕРАТОРЫ

Три друга обнялись при встрече,
Входя в какой-то магазин.
«Теперь пойдут иные речи!» —
Заметил весело один.

— Теперь нас ждут простор и слава! —
Другой восторженно сказал,
А третий посмотрел лукаво
И головою покачал! [1]

V

ФЕЛЬЕТОННАЯ БУКАШКА

Я — фельетонная букашка,
Ищу посильного труда.
Я, как ходячая бумажка,
Поистрепался, господа,

Но лишь давайте мне сюжеты,
Увидите — хорош мой слог.
Сначала я писал куплеты,
Состряпал несколько эклог,

Но скоро я стихи оставил,
10 Поняв, что лучший на земле
Тот род, который так прославил
Булгарин в «Северной пчеле».

Я говорю о фельетоне...
Статейки я писать могу
В великосветском, модном тоне,
И будут хороши, не лгу.

Из жизни здешней и московской
Черты охотно я беру.
Знаком вам господин Пановский?
20 Мы с ним похожи по перу.

Известен я в литературе...
Угодно ль вам меня нанять?
Умел писать я при цензуре,
Так мудрено ль теперь писать?

---

[1] Эти два последние стиха взяты у Лермонтова:

Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал...

Признаться, я попал невольно
В литературную семью.
Ох! было время — вспомнить больно!
Дрожишь, бывало, за статью.

Мою любимую идейку,
30 Что в Петербурге климат плох,
И ту не в каждую статейку
Вставлять я без боязни мог.

Однажды написал я сдуру,
Что видел на мосту дыру,
Переполошил всю цензуру,
Таскали даже <ко двору!>

Ну! дали мне головомойку,
С полгода поджимал я хвост.
С тех пор не езжу через Мойку
40 И не гляжу на этот мост!

Я надоел вам? извините!
Но старых ран коснулся я...
И вдруг... кто думать мог?.. скажите!..
Горька была вся жизнь моя,

Но претерпев судьбы удары,
Под старость счастье я узнал:
Курил на улицах сигары
И без цензуры сочинял!

VI

ПУБЛИКА

1

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

Боже! пошли нам терпенье!
10 Или цензура воспрянь!
Всюду одно осужденье,
Всюду нахальная брань!
В цивилизованном классе
Будто растленье одно,
Бедность безмерная в массе
(Где же берут на вино?)
В каждом нажиться старанье,
В каждом продажная честь,
Только под шубой бараньей
20 Сердце хорошее есть!
Ох, этот автор злодейский!
Тоже хитрит иногда,
Думает лестью лакейской
Нас усыпить, господа!
Мы не хотим поцалуев,
Но и ругни не хотим...
Что ж это смотрит Валуев, [1]
Как этот автор терпим?
Слышали? Всё лишь подобье,
30 Всё у нас маска и ложь,
Глупость, разврат, узколобье...
Кто же умен и хорош?
Кто же всегда одинаков?
Истине друг и родня?
Ясно — премудрый Аксаков,
Автор премудрого «Дня»!
Пусть он таков, но за что же
Надоедает он всем?..
Чем это кончится, боже!
40 Чем это кончится, чем?

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

---

[1] Тогдашний министр внутренних дел.

2

Нынче, журналы читая,
50 Просто не веришь глазам,
Слышали — новость какая?
Мы же должны мужикам!
Экой герой сочинитель!
Экой вещун-богатырь!
Верно ли только, учитель,
Вывел ты эту цифирь?
Если ее ты докажешь,
Дай уж нам кстати совет:
Чем расплатиться прикажешь?
60 Суммы такой у нас нет!
Нет ничего, кроме модных,
Но пустоватых голов,
Кроме желудков голодных
И неоплатных долгов,
Кроме усов, бакенбардов
Да «как-нибудь» да «авось»...
Шутка ли! шесть миллиардов!
Смилуйся! что-нибудь сбрось!
Друг! ты стоишь на рогоже,
70 Но говоришь ты с ковра...
Чем это кончится, боже!..
Грешен, не жду я добра...

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
80 Зверь нелюдимый, лесной...

3

Мало, что в сфере публичной
Трогают всякий предмет,
Жизни касаются личной!
Просто спасения нет!
Если за добрым обедом

Выпил ты лишний бокал
И, поругавшись с соседом,
Громкое слово сказал,
Не говорю уж — подрался
90 (Редко друг друга мы бьем),
Хоть бы ты тут же обнялся
С этим случайным врагом,—
Завтра ж в газетах напишут!
Господи! что за скоты!
Как они знают всё, слышат!..
Что потом сделаешь ты?
Ежели скажешь: «Вы лжете!» —
Он очевидцев найдет,
Если дуэлью пугнете,
100 Он вас судом припугнет.
Просто — не стало свободы,
Чести нельзя защитить...
Эх! эти новые моды!
Впрочем, есть средство: побить.
Но ведь, пожалуй, по роже
Съездит и он между тем.
Чем это кончится, боже!..
Чем это кончится, чем?..

Ай да свободная пресса!
110 Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

4

Всё пошатнулось... О, где ты,
Время без бурь и тревог?..
В бога не верят газеты,
120 И отрицают поэты
Пользу железных дорог!
Дыбом становится волос,
Чем наводнилась печать,—

Даже умеренный «Голос»
Начал не в меру кричать;
Ни одного элемента
Не пропустил, не задев,
Он положеньем Ташкента
Разволновался, как лев;
130 Бдит он над Западным краем,
Он о России болит,
С ожесточеньем и лаем
Он обо всем говорит!
Он изнывает в тревогах,
Точно ли вышел запрет:
Чтоб на железных дорогах
Не продавали газет?
Что — на дорогах железных!
Остановить бы везде.
140 Меньше бы трат бесполезных!
И без того мы в нужде.
Жизнь ежедневно дороже,
Деньги трудней между тем.
Чем это кончится, боже!
Чем это кончится, чем?..

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
150 Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

5

Право, конец бы таковский,
И не велика печаль!
Только газеты московской
Было б, признаться, нам жаль,
Впрочем... как пристально взвесить,
Так и ее — что жалеть!
160 Уж начала куролесить,
Может совсем ошалеть.
Прежде лишь мелкий чиновник
Был твоей жертвой, печать,

Если ж военный полковник —
Стой! ни полслова! молчать!
Но от чиновников быстро
Дело дошло до тузов,
Даже коснулся министра
Неустрашимый Катков.
170 Тронуто там у него же
Много забористых тем...
Чем это кончится, боже!
Чем это кончится, чем?..

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
180 Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

VII

ОСТОРОЖНОСТЬ

1

В Ледовитом океане
Лодка утлая плывет,
Молодой, пригожей Тане
Парень песенку поет:
«Мы пришли на остров дикий,
Где ни церкви, ни попов,
Зимовать в нужде великой
Здесь привычен зверолов;
Так с тобой, моей голубкой,
10 Неужли нам розно спать?
Буду я песцовой шубкой,
Буду лаской согревать!»
Хорошо поет, собака,
Убедительно поет!
Но ведь это против брака,—
Не нажить бы нам хлопот?
Оправдаться есть возможность,

Да не спросят — вот беда!
Осторожность! осторожность!
20 Осторожность, господа!..

2

У солидного папаши
Либералка вышла дочь
(Говорят, журналы наши
Всё читала день и ночь),
Жениху с хорошим чином
Отказала, осердясь,
И с каким-то армянином
Обвенчалась, не спросясь.
В свете это сплошь бывает,
30 Это тиснуть мы могли б,
Но ведь это посягает
На родительский принцип!
За подобную оплошность
Не постигла б нас беда?
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!

3

Наш помещик Пантелеев
Век играл, мотал и пил,
А крестьянин Федосеев
40 Век трудился и копил —
И по улицам столицы
Пантелеев ходит гол,
А дворянские землицы
Федосеев приобрел.
В свете это всё бывает,
Много есть таких дворян,
Но ведь это означает
Оскорблять дворянский сан.
Тисни, тисни! есть возможность,—
50 А потом дрожи суда...
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!

4

Что народ ни добывает,
Всё не впрок ему идет:
И подрядчик нажимает,
И торгаш с него дерет.
Уж таков теперь обычай —
Стонут, воют бедняки...
Ну — а класс-то ростовщичий?
60 Сгубят нас ростовщики!
Я желал бы их, проклятых,
Хорошенечко пробрать,
Но ведь это на богатых
Значит бедных натравлять?
Ну, какая же возможность
Так рискнуть? кругом беда!
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!

5

Крестный ход в селе Остожье.
70 Вдруг: «Пожар!» — кричит народ.
«Не бросать же дело божье —
Кончим прежде крестный ход».
И покудова с иконой
Обходили всё село,
Искрой, ветром занесенной,
И другой посад зажгло.
Погорели! В этом много
Правды горькой и простой,
Но ведь это против бога,
80 Против веры... ой! ой! ой!
Тут полнейшая возможность
К обвиненью без суда...
Ради бога, осторожность,
Осторожность, господа!

VIII

ПРОПАЛА КНИГА!

1

Пропала книга! Уж была
Совсем готова — вдруг пропала!
Бог с ней, когда идее зла
Она потворствовать желала!
Читать маранье праздных дур
И дураков мы недосужны.
Не нужно нам плохих брошюр,
Нам нужен хлеб, нам деньги нужны!

Но, может быть, она была
10 Честна... а так резка, смела?
Две, три страницы роковые...
О, если так, ее мне жаль!
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!

2

Уж напечатана — и нет!..
Не познакомимся мы с нею;
Девица в девятнадцать лет
Не замечтается над нею;
О ней не будут рассуждать
20 Ни дилетант, ни критик мрачный,
Студент не будет посыпать
Ее листов золой табачной.

Пропала! с ней и труд пропал,
Затрачен даром капитал,
Пропали хлопоты большие...
Мне очень жаль, мне очень жаль,
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!

3

Прощай! горька судьба твоя,
30 Бедняжка! Как зима настанет,
За чайным столиком семья

Гурьбой читать тебя не станет.
Не занесешь ты новых дум
В глухие, темные селенья,
Где изнывает русский ум
Вдали от центров просвещенья!

О, если ты честна была,
Что за беда, что ты смела?
Так редки книги не пустые...
40 Мне очень жаль, мне очень жаль,
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!..

<ИЗ «ПЕСЕН О СВОБОДНОМ СЛОВЕ»>

III

ЖУРНАЛИСТ-РУКОВОДИТЕЛЬ

Ну... небесам благодаренье!
Свершен великий, трудный шаг!
Теперь общественное мненье
Сожму я крепко в мой кулак,
За мной пойдут, со мной сольются...
Ни слова о врагах моих!
Ни слова! сами попадутся!
Ретивость их — погубит их!

IV

ЖУРНАЛИСТ-РУТИНЕР

Созрела мысль, проект составлен,
И вот он вышел,— я погиб!
Я разорен, я обесславлен!
Дух века и меня подшиб!

Условья прессы подцензурной
Поняв практическим умом,
Плохой товар литературный
Умел я продавать лицом,
Провидя смелые затеи,
Читатель упивался всласть,
И дерзновенные идеи
Во мне подозревала власть.
Как я умел казаться новым,

Являясь тот же каждый день,
Твердя с унынием суровым
Одну и ту же дребедень!
Как я почтенных либералов,
Моих подписчиков пленял,
Каких высоких идеалов
20 Я перспективы им казал!
Я, впрочем, говорил не много,
Я только говорил: «Друзья!
Всегда останусь верен строго...»
Чему? Тут точки ставил я...
О точки! тонкие намеки!
О недомолвки и тире!
Умней казались с вами строки!
Как не жалеть о той поре?..
Прилично сдержан, строго важен,
30 Как бы невольно молчалив,
Я был бездействуя отважен,
Безмолвствуя — красноречив!
Являлся я живой картиной —
Гляди, любуйся, изучай!
Реке, запруженной плотиной,
Готовой хлынуть через край,
Готовой бешеным потоком
Сорвать мосты, разбить суда,
В моем бездействии жестоком
40 Я был подобен, господа!

Теперь — как быть?.. «Толковой строчки
В твоем изданье,— скажут,— нет!»
В ответ бы им поставить точки,
Но точки — будут ли ответ?
Заговорят: «Давай идею!»
Но что ж могу ответить им?
Одну идею я имею,
Что все идеи эти — дым!
Что в свете деньги только важны,
50 Что надо их копить, копить...
Что те лишь люди не продажны,
Которых некому купить!

Созрела мысль, проект составлен,
И вот он вышел,— я погиб!

Я разорен, я обесславлен...
Дух века и меня подшиб!
Еще не может быть исчислен
Убыток, но грозит беда:
Я больше не глубокомыслен,
60 Не радикал я, господа!
Не корифей литературы,
Теперь я жалкий паразит,
С уничтожением цензуры
Мгновенно рухнул мой кредит!

БАЛЕТ

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья,
Но, каюсь, *ножка Терпсихоры*
Прелестней чем-то для меня;
Она, пророчествуя взгляду
Неоцененную награду,
Влечет условною красой
Желаний своевольный рой...

Пушкин

Свирепеет мороз ненавистный.
Нет, на улице трудно дышать.
Муза! нынче спектакль бенефисный,
Нам в театре пора побывать.

Мы вошли среди криков и плеска.
Сядем здесь. Я боюсь первых мест,
Что за радость ослепнуть от блеска
Генеральских, сенаторских звезд.
Лучезарней румяного Феба
10 Эти звезды: заметно тотчас,
Что они не нахватаны с неба —
Звезды неба не ярки у нас.

Если б смелым, бестрепетным взглядом
Мы решились окинуть тот ряд,
Что зовут «бриллиантовым рядом»,
Может быть, изощренный наш взгляд
И открыл бы предмет для сатиры
(В самом солнце есть пятнышки). Но —
Немы струны карающей лиры,
20 Вихорь жизни порвал их давно!

Знайте, люди хорошего тона,
Что я сам обожаю балет.

«Пораженным стрелой Купидона»
Не насмешка — сердечный привет!
Понапрасну не бейте тревогу!
Не коснусь ни военных чинов,
Ни на службе крылатому богу
Севших на ноги статских тузов.
Накрахмаленный денди и щеголь
30 (То есть: купчик— кутила и мот)
И мышиный жеребчик (так Гоголь
Молодящихся старцев зовет),
Записной поставщик фельетонов,
Офицеры гвардейских полков
И безличная сволочь салонов —
Всех молчаньем прейти я готов!
До балета особенно страстны
Армянин, персиянин и грек,
Посмотрите, как лица их красны
40 (Не в балете ли весь человек?),
Но и их я оставлю в покое,
Никого не желая сердить.
Замышляю я нечто другое —
Я загадку хочу предложить.

В маскарадной и в оперной зале,
За игрой у зеленых столов,
В клубе, в думе, в манеже, на бале,
Словом: в обществе всяких родов,
В наслажденье, в труде и в покое,
50 В блудном сыне, в почтенном отце,—
Есть одно — *угадайте, какое?*—
Выраженье на русском лице?..
Впрочем, может быть, вам недосужно.
Муза! дай — если можешь — ответ!
Спору нет: мы различны наружно,
Тот чиновник, а этот корнет,
Тот помешан на тонком приличье,
Тот играет, тот любит поесть,
Но вглядись: при наружном различье
60 В нас единство глубокое есть:
Нас безденежье всех уравняло —
И великих, и малых людей —
И на каждом челе начертало
Надпись: «Где бы занять поскорей?»

Что, не так ли?..
История та же,
Та же дума на каждом лице,
Я на днях прочитал ее даже
На почтенном одном мертвеце.
Если старец игрив чрезвычайно,
70 Если юноша вешает нос —
Оба, верьте мне, думают тайно:
Где бы денег занять? вот вопрос!

Вот вопрос! Напряженно, тревожно
Каждый жаждет его разрешить,
Но занять, говорят, невозможно,
Невозможнее долг получить.
Говорят, никаких договоров
Должники исполнять не хотят;
Генерал-губернатор Суворов
80 Держит сторону их — говорят...
Осуждают юристы героя,
Но ты прав, охранитель покоя
И порядка столицы родной!
Может быть, в долговом отделенье
Насиделось бы всё населенье,
Если б был губернатор другой!

Разорило чиновников чванство,
Прожилась за границею знать,
Отчего оголело дворянство,
90 Неприятно и речь затевать!
На цветы, на подарки актрисам,
Правда, деньги еще достаем,
Но зато пред иным бенефисом
Рубль на рубль за неделю даем.
Как же быть? Не дешевая школа
Поощрение граций и муз...
Вянет юность обоего пола,
Терпит даже семейный союз:
Тщетно юноши рыщут по балам,
100 Тщетно барышни рядятся в пух —
Вовсе нет стариков с капиталом,
Вовсе нет с капиталом старух!
Сокрушаются Никольс и Плинке,[1]

[1] Хозяева английского магазина.

Без почину товар их лежит,
Сбыта нет самой модной новинке
(Догадайтесь — откройте кредит!),
Не развозят картонок нарядных
Изомбар, Андрие и Мошра, [1]
А звонят у подъездов парадных
110 С неоплаченным счетом с утра.
Что модистки! злосчастные прачки
Ходят месяц за каждым рублем!
Опустели рысистые скачки,
Жизни нет за зеленым столом.
Кто, бывало, дурея с азарту,
Кряду игрывал по сту ночей,
Пообедав, поставит на карту
Злополучных пятнадцать рублей
И уходит походкой печальной
120 В думу, в земство и даже в семью
Отводить болтовней либеральной
Удрученную душу свою.
С богом, друг мой! В любом комитете
Побеседовать можешь теперь
О кредите, о звонкой монете,
Об «итогах» дворянских потерь,
И о «брате» в нагольном тулупе,
И о том, за какие грехи
Нас журналы ругают и в клубе
130 Не дают нам стерляжьей ухи!
Там докажут тебе очевидно,
Что карьера твоя решена!

Да! трудненько и даже обидно
Жить,— такие пришли времена!
Купишь что-нибудь — дерзкий приказчик
Ассигнацию щупать начнет
И потом, опустив ее в ящик,
Долгим взором тебя обведет,—
Так и треснул бы!..

Впрочем, довольно!
140 Продолжать бы, конечно, я мог,
Факты есть, но касаться их больно!

---

[1] Известные модистки.

И притом сохрани меня бог,
Чтоб я стих мой подделкою серий
И кредитных бумаг замарал,—
«Будто нет благородней материй?» —
Мне отечески «некто» сказал.
С этим мненьем вполне я согласен,
Мир идей и сюжетов велик:
Например, как волшебно прекрасен
150 Бельэтаж — настоящий цветник!
Есть в России еще миллионы,
Стоит только на ложи взглянуть,
Где уселись банкирские жены,—
Сотня тысяч рублей, что ни грудь!
В жемчуге лебединые шеи,
Бриллиант по ореху в ушах!
В этих ложах — мужчины евреи,
Или греки, да немцы в крестах.
Нет купечества русского (стужа
160 Напугала их, что ли?) Одна
Откупщица, втянувшая мужа
В модный свет, в бельэтаже видна.
Весела ты, но в этом веселье
Можно тот же вопрос прочитать.
И на шее твоей ожерелье —
Погодила б ты им щеголять!
Пусть оно красоты идеальной,
Пусть ты в нем восхитительна, но —
Не затих еще шепот скандальный,
170 Будто было в закладе оно:
Говорят, чтобы в нем показаться
На каком-то парадном балу,—
Перед гнусным менялой валяться
Ты решилась на грязном полу,
И когда возвращалась ты с бала,
Ростовщик тебя встретил — и снял
Эти перлы... Не так ли достала
Ты опять их?.. Кредит твой упал,
С горя запил супруг сокрушенный,
180 Бог бы с ним! Расставаться тошней
С этой чопорной жизнью салонной
И с разгулом интимных ночей;
С этим золотом, бархатом, шелком,
С этим счастьем послов принимать.

Ты готова бы с бешеным волком
Покумиться,— чтоб снова блистать,
Но свершились пути провиденья,
Всё погибло — и деньги, и честь!
Нисходи же ты в область забвенья
190 И супругу дай дух перевесть!
Слаще пить ему водку с дворецким,
«Не белы-то снеги» распевать,
Чем возиться с посольством турецким
И в ответ ему глупо мычать...

Тешить жен — богачам не забота,
Им простительна всякая блажь.
Но прискорбно душе патриота,
Что чиновницы рвутся туда ж.
Марья Савишна! вы бы надели
200 Платье проще! — Ведь как ни рядись,
Не оденетесь лучше камелий
И богаче французских актрис!
Рассчитайтесь, сударыня, с прачкой
Да в хозяйство прикиньте хоть грош,
А то с дочерью, с мужем, с собачкой
За полтину обед не хорош!

Марья Савишна глаз не спускала
Между тем с старика со звездой.
Вообще в бельэтаже сияло
210 Много дам и девиц красотой.
Очи чудные так и сверкали,
Но кому же сверкали они?
Доблесть, молодость, сила — пленяли
Сердце женское в древние дни.
Наши девы практичней, умнее,
Идеал их — телец золотой,
Воплощенный в седом иудее,
Потрясающем грязной рукой
Груды золота...

Время антракта
220 Наконец-то прошло как-нибудь.
(Мы зевали два первые акта,
Как бы в третьем совсем не заснуть.)
Все бинокли приходят в движенье —
Появляется кордебалет.

Здесь позволю себе отступленье:
Соответственной живости нет
В том размере, которым пишу я,
Чтобы прелесть балета воспеть.
Вот куплеты: попробуй, танцуя,
230 Театрал, их под музыку петь!

Я был престранных правил,
Поругивал балет.
Но раз бинокль подставил
Мне генерал-сосед.

Я взял его с поклоном
И с час не возвращал,
«Однако, вы — *астроном*!» —
Сказал мне генерал.

Признаться, я немножко
240 Смутился (о профан!)
— Нет... я... но эта ножка...
Но эти плечи... стан...—

Шептал я генералу,
А он, смеясь, в ответ:
«В стремленье к идеалу
Дурного, впрочем, нет.

Не всё ж читать вам Бокля!
Не стоит этот Бокль
Хорошего бинокля...
250 Купите-ка бинокль!..»

Купил! — и пред балетом
Я преклонился ниц.
Готов я быть поэтом
Прелестных танцовщиц!

Как не любить балета?
Здесь мирный гражданин
Позабывает лета,
Позабывает чин,

И только ловят взоры
260 В услужливый лорнет
Что «ножкой Терпсихоры»
Именовал поэт.

Не так следит астроном
За новою звездой,
Как мы... но для чего нам
Смеяться над собой?

В балете мы наивны,
Мы глупы в этот час:
Почти что конвульсивны
270 Движения у нас:

Вот выпорхнула дева,
Бинокли поднялись;
Взвилася ножка влево —
Мы влево подались;

Взвилася ножка вправо —
Мы вправо... «Берегись!
Не вывихни сустава,
Приятель!..» — Фора! bis!—

Bis!.. Но девы, подобные ветру,
280 Улетели гирляндой цветной!
(Возвращаемся к прежнему метру):
Пантомимною сценой большой
Утомились мы; вальс африканский
Тоже вышел топорен и вял,
Но явилась в рубахе крестьянской
Петипа — и театр застонал!
Вообще мы наклонны к искусству,
Мы его поощряем, но там,
Где есть пища народному чувству,
290 Торжество настоящее нам;
Неужели молчать славянину,
Неужели жалеть кулака,
Как Бернарди затянет «Лучину»,
Как пойдет Петипа трепака?..
Нет! где дело идет о народе,
Там я первый увлечься готов.
Жаль одно: в нашей скудной природе
На венки не хватает цветов!

Всё — до ластовиц белых в рубахе —
300 Было верно: на шляпе цветы,

Удаль русская в каждом размахе...
Не артистка — волшебница ты!
Ничего не видали вовеки
Мы сходней: настоящий мужик!
Даже немцы, евреи и греки,
Русофильствуя, подняли крик.
Всё слилось в оглушительном «браво»,
Дань народному чувству платя.
Только ты, моя Муза! лукаво
310 Улыбаешься... Полно, дитя!
Неуместна здесь строгая дума,
Неприлична гримаса твоя...
Но молчишь ты, скучна и угрюма...
Что ж ты думаешь, Муза моя?..

На конек ты попала обычный —
На уме у тебя мужики,
За которых на сцене столичной
Петипа пожинает венки,
И ты думаешь: «Гурия рая!
320 Ты мила, ты воздушно легка,
Так танцуй же ты „Деву Дуная“,
Но в покое оставь мужика!
В мерзлых лапотках, в шубе нагольной,
Весь заиндевев, сам за себя
В эту пору он пляшет довольно,
Зиму дома сидеть не любя.
Подстрекаемый лютым морозом,
Совершая дневной переход,
Пляшет он за скрипучим обозом,
330 Пляшет он — даже песни поет!..»

А то есть и такие обозы
(Вот бы Роллер нам их показал!) —
В январе, когда крепки морозы
И народ уже рекрутов сдал,
На Руси, на проселках пустынных
Много тянется поездов длинных...

Прямиком через реки, поля
Едут путники узкой тропою:
В белом саване смерти земля,
340 Небо хмурое, полное мглою.

От утра до вечерней поры
Всё одни пред глазами картины.
Видишь, как, обнажая бугры,
Ветер снегом заносит лощины;
Видишь, как эта снежная пыль,
Непрерывной волной набегая,
Под собой погребает ковыль,
Всегубящей зиме помогая;
Видишь, как под кустом иногда
350 Припорхнет эта малая пташка,
Что от нас не летит никуда —
Любит скудный наш север, бедняжка!
Или, щелкая, стая дроздов
Пролетит и посядет на ели;
Слышишь дикие стоны волков
И визгливое пенье метели...
Снежно — холодно — мгла и туман...
И по этой унылой равнине
Шаг за шагом идет караван
360 С седоками в промерзлой овчине.

Как немые, молчат мужики,
Даже песня никем не поется,
Бабы спрятали лица в платки,
Только вздох иногда пронесется
Или крик: «Ну! чего отстаешь? —
Седоком одним меньше везешь!..»

Но напрасно мужик огрызается.
Кляча еле идет — упирается;
Скрипом, визгом окрестность полна.
370 Словно до́ сердца поезд печальный
Через белый покров погребальный
Режет землю — и стонет она,
Стонет белое снежное море...
Тяжело ты — крестьянское горе!

Ой ты кладь, незаметная кладь!
Где придется тебя выгружать?..

Как от выстрела дым расползается
На заре по росистым травам,

Это горе идет — подвигается
380 К тихим селам, к глухим деревням.
Вон — направо — избенки унылые,
Отделилась подвода одна,
Кто-то молвил: «Господь с вами, милые!» —
И пропала в сугробах она...

Чу! клячонку хлестнул старичина...
Эх! чего ты торопишь ее!
Как-то ты, воротившись без сына,
Постучишься в окошко свое?..

В сердце самое русского края
390 Доставляется кладь роковая!

Где до солнца идет за порог
С топором на работу кручина,
Где на белую скатерть дорог
Поздним вечером светит лучина,
Там найдется кому эту кладь
По суровым сердцам разобрать,
Там она приютится, попрячется —
До другого набора проплачется!

*
* *

Эти не блещут особенным гением,
Но ведь не бог обжигает горшки,—
Скорбность главы возместив направлением,
Пишут изрядно стишки!

*
* *

Чего же вы хотели б от меня,
Венчающие славой и позором
Меня. Я слабый человек,
Сын времени, скупого на героя.
Я сам себя героем не считаю.
По-моему, геройство — шутовство.
Придет пора — улягусь я в гроб,
И ты же, душа, скорбящая о моей славе,
Которую я, впрочем, не изжил,
10 Скаже<шь>: хорошо он делал, что
Брал с жизни, что мог,
Что не был аскетом.

В. И. АСТАШЕВУ

Посылаю поклон Веньямину.
На письмо твое должен сказать:
Не за картами гну теперь спину,
Как изволите вы полагать.
Отказавшись от милой цензуры,
Погубил я досуги свои,—
Сам читаю теперь корректуры
И мараю чужие статьи!
Побежал бы, как школьник из класса,
10 Я к тебе, позабывши журнал,
Но не знаю свободного часа
С той поры, как свободу узнал!..

Пусть цензуру мы сильно ругали,
Но при ней мы спокойно так спали,
На охоте бывать успевали
И немало в картишки играли!..
А теперь не такая пора:
Одолела пииту забота,
Позабыл я, что значит игра,
20 Позабыл я, что значит охота! —

Потому что Валуев сердит;
Потому что закон о печати
Запрещеньем журналу грозит,
Если слово обронишь некстати!

Впрочем, в пятницу буду я рад
До Любани с тобой прокатиться:
Глухари уж поют, говорят,
Да и вальдшнепу поволочиться,
Полагаю, приходит черед...
30 Сговоримся,— и завтра в поход!

Так и чудится: вальдшнеп уж тянет,
Величаво крылом шевеля,
А, известно,— как вальдшнеп потянет,
Так потянет и нас в лес, в поля!..

ОСИПУ ИВАНОВИЧУ КОМИССАРОВУ

Не громка моя лира, в ней нет
Величавых, торжественных песен,
Но придет, народится поэт,
Вдохновеньем могуч и чудесен,

Он великую песню споет,
И героями песни той чудной
Будут: царь, что стезей многотрудной
Царство русское к счастью ведет;

Царь, покончивший рабские стоны,
10 Вековую бесправность людей
И свободных сынов миллионы
Даровавший отчизне своей;

И крестьянин, кого возрастил
В недрах Руси народ православный,
Чтоб в себе — весь народ он явил
Охранителем жизни державной!

Сын народа! тебя я пою!
Будешь славен ты много и много...
Ты велик — как орудие бога,
20 Направлявшего руку твою!

*
* *

Ликует враг, молчит в недоуменье
Вчерашний друг, качая головой,
И вы, и вы отпрянули в смущенье,
Стоявшие бессменно предо мной
Великие, страдальческие тени,
О чьей судьбе так горько я рыдал,
На чьих гробах я преклонял колени
И клятвы мести грозно повторял...
Зато кричат безличные: «Ликуем!»,
10 Спеша в объятья к новому рабу
И пригвождая жирным поцелуем
Несчастного к позорному столбу.

<ЭКСПРОМТ ПРИ ОТЪЕЗДЕ А. Д. ДМИТРИЕВА ИЗ ЯРОСЛАВЛЯ В КИЕВ ПОСЛЕ РЕЧИ А. С. ПЕТРОВСКОГО)>

Милый, не брани его,
Коли дурен спич:
Путь далек до Киева,
Позабудешь дичь!

ПЕСНИ

I

У людей-то в дому — чистота, лепота,
А у нас-то в дому — теснота, духота.

У людей-то для щей — с солонинкою чан,
А у нас-то во щах — таракан, таракан!

У людей кумовья — ребятишек дарят,
А у нас кумовья — наш же хлеб приедят!

У людей на уме — погуторить с кумой,
А у нас на уме — не пойти бы с сумой?

Кабы так нам зажить, чтобы свет удивить:
10 Чтобы деньги в мошне, чтобы рожь на гумне;

Чтоб шлея в бубенцах, расписная дуга,
Чтоб сукно на плечах, не посконь-дерюга;

Чтоб не хуже других нам почет от людей,
Поп в гостях у больших, у детей — грамотей;

Чтобы дети в дому — словно пчелы в меду,
А хозяйка в дому — как малинка в саду!

II

КАТЕРИНА

Вянет, пропадает красота моя!
От лихого мужа нет в дому житья.

Пьяный всё колотит, трезвый всё ворчит,
Сам что ни попало из дому тащит!

Не того ждала я, как я шла к венцу!
К брату я ходила, плакалась отцу,

Плакалась соседям, плакалась родной,
Люди не жалеют — ни чужой, ни свой!

«Потерпи, родная,— старики твердят,—
10 Милого побои не долго болят!»

«Потерпи, сестрица! — отвечает брат.—
Милого побои не долго болят!»

«Потерпи! — соседи хором говорят.—
Милого побои не долго болят!»

Есть солдатик — Федя, дальняя родня,
Он один жалеет, любит он меня;

Подмигну я Феде,— с Федей мы вдвоем
Далеко хлебами за село уйдем.

Всю открою душу, выплачу печаль,
20 Всё отдам я Феде — всё, чего не жаль!

«Где ты пропадала?» — спросит муженек.
— Где была, там нету! так-то, мил дружок!

Посмотреть ходила, высока ли рожь! —
«Ах ты дура баба! ты еще и врешь...»

Станет горячиться, станет попрекать...
Пусть его бранится, мне не привыкать!

А и поколотит — не велик наклад —
Милого побои не долго болят!

III

МОЛОДЫЕ

Повенчавшись, Парасковье
Муж имущество казал:
Это стойлице коровье,
А коровку бог прибрал!

Нет перинки, нет кровати,
Да теплы в избе полати,
А в клети, вместо телят,
Два котеночка пищат!

Есть и овощ в огороде —
10 Хрен да луковица,
Есть и медная посуда —
Крест да пуговица!

IV

СВАТ И ЖЕНИХ

(В кабаке за полуштофом)

1

Ну-тко! Марья у Зиновья,
У Никитишны Прасковья,
Степанида у Петра —
Все невесты, всем пора!
У Кондратьевны Орина,—
Что ни девка, то малина!
Думай, думай! выбирай!
По любую засылай!
Марья малость рябовата,
10 Да смиренна, вожевата,
Марья, знаешь, мне сродни,
Будет с мужем — ни-ни-ни!

Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,

Да чтоб мужу на порог
Не вставала поперек!
Ай да Марья, Марья — клад!
20 Сватай Марью, Марью, сват!

2

Ну-тко! Вера у Данилы,
Палагея у Гаврилы,
Секлетея у Фрола,—
Замуж всем пора пришла!
У Никиты — Катерина,
Что ни девка, то малина!
Думай, думай — выбирай!
По любую засылай!
Марья, знаешь, щедровита,
30 Да работать, ух! сердита!
Марья костью широка,
Высока, статна, гладка!

Ай да Марья, Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,
Да чтоб мясо на костях,
Чтобы силушка в руках!
Ай да Марья! Марья — клад!
40 Сватай Марью, Марью, сват!..

3

Ну-тко! Анна у Егора,
У Антипки Митродора,
Александра у Петра —
Все невесты, всем пора!
У Евстратья — Акулина,
Что ни девка, то малина!
Думай, думай — выбирай!
По любую засылай!
Марья точно щедровита,
50 Да хозяйка домовита:
Всё примоет, приберет,
Всё до нитки сбережет!

Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,
Да чтоб по двору прошла,
Всех бы курочек сочла!
Ай да Марья, Марья — клад!
60 Сватай Марью, Марью, сват!

(Спрашивают еще полуштоф и начинают снова.)

V

ГИМН

Господь! твори добро народу!
Благослови народный труд,
Упрочь народную свободу,
Упрочь народу правый суд!

Чтобы благие начинанья
Могли свободно возрасти,
Разлей в народе жажду знанья
И к знанью укажи пути!

И от ярма порабощенья
10 Твоих избранников спаси,
Которым знамя просвещенья,
Господь! ты вверишь на Руси!..

КОЛЛЕКТИВНОЕ

1856

*
* *

За то, что ходит он в фуражке
И крепко бьет себя по ляжке,
В нем наш Тургенев все замашки
Социалиста отыскал.

Но не хотел он верить слуху,
Что демократ сей черств по духу,
Что только к собственному брюху
Он уважение питал.

Да! понимая вещи грубо,
10 Хоть налегает он сугубо
На кухню Английского клуба,
Но сам пиров не задает.

И хоть трудится без оглядки,
Но всюду сеет опечатки
И в критиках своих загадки
Неразрешимые дает.

А впрочем, может быть и точно
Социалист он беспорочный...
Пора, пора уж нам понять,
20 Что может собственных Катонов
И быстрых разумом Прудонов
Российская земля рождать!

DUBIA

1856

МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ СВОЕМУ ЗОИЛУ

Было время, когда все гордилися
Низким помыслом, лестью в устах
И когда униженно ложилися
Перед сильным открыто во прах.

Тогда чувство возвышенной гордости
Было чуждо понятью людей...
То-то времечко было для подлости,
По шляхетской натуре твоей.

Вспоминает об нем с сожалением
10 И теперь твой змеиный язык;
И людей с добросовестным мнением
Ты встречать до сих пор не привык!

Ты издавна сроднился с ласкательством,
С колыбели бесстыдством живешь,
И пронырством да гнусным искательством
Понемножку вперед ты ползешь.

Мудрено ль, что тебе не понравилось
Направление наших идей?
Мы поклонами сильным не славились,
20 Мы не шли по дороге твоей!

Мы клеймо роковое презрения
На твое положили чело;
И за то, полный низкого мщения,
Ты об нас говорил везде зло.

Но прошли времена, когда верили
Клевете беспощадной твоей,
Твою низость давно уж измерили:
Не обманешь ты снова людей!

Хочешь ты очернить поколение,
30 Молодое и полное сил!
Берегися! Твое осуждение
Упадет на тебя, наш Зоил!

Берегись! За твои порицания,
За твой злобный и лживый укор
Мы тебя предадим посмеянию
И грядущим векам на позор!

1858

*
* *

Плохо, братцы, беда близко:
Арестован наш Огрызко.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ
И
ВАРИАНТЫ

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН

(С. 5)

Первоначальная журнальная редакция ст. 136—147 (С 1855)

РУССКОМУ ПИСАТЕЛЮ

Напрасно быть толпе угодней
Ты хочешь, поблажая ей,—
Твое призванье благородней,
Писатель родины моей!

Ее ты знаешь: не угодник
Полезен ей. Пришла пора!
Ей нужен труженик-работник
На почве Мысли и Добра.

Служи не славе, не искусству,—
10 Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви.

И если ты богат дарами,
Их выставлять не хлопочи:
В твоем труде заблещут сами
Их животворные лучи.

Взгляни: в осколки твердый камень
Убогий труженик дробит,
А из-под молота летит
20 И брызжет сам собою пламень...

Варианты стихотворения «Русскому писателю» по черновому автографу ГБЛ (нумерация стихов — по тексту публикации «Современника»)

Перед 1 Когда подвигнутый любовью
Народа русского глава
Дарует каждому сословью
Его законные права,

1—2 Не тщися быть толпе угодней
То льстя, то поблажая ей

8—11 На почве [правды] и добра
Служеньем хладному искусству
Самолюбиво не живи —
Но подчини свой гений чувству

17—18 Взгляни: сей труженик дробит
В щебенку неуклюжий камень,

Варианты стихотворения «Русскому писателю» по черновому автографу ЦГАЛИ (нумерация стихов — по тексту публикации «Современника»)

15 а. В труде твоем [возблещут] сами
б. В труде твоем проглянут сами

Вариант автографа ГБЛ

50—53 Ты не поэт! твои мечты
О славе — дерзки и постыдны. [1]
Положим, что заметен ты,
Но так без солнца звезды видны.

Варианты черновых набросков ГБЛ

После 192 И если точно он таков,
Ужель он менее страдает,[2]
Чем тот, кто горе услаждает
Волшебной музыкой [3] стихов?

---

[1] а. [Гони, гони свои] мечты!
[Они смешны, они] постыдны.
б. [<*2 нрзб*>] постыдны
[Славолюбивые] мечты.

[2] *Начато:* [Скажи:]

[3] [силою]

193 а. [Волна шумит и к бездне] <гонит>
б. [И гром гремит и буря гонит]
194 а. [На камень утлую] ладью
б. [Отчизны утлую] ладью
195 Поэт клянет, грозит и стонет,
204—207 Стыдись! тут просто смыслу нет [1]
Вот слово правды настоящей:
Блажен болтающий поэт,
И жалок гражданин молчащий!

Варианты Кор. Кетчера

После 131 Что, Музе обречен свободной,
Ты создан братьев презирать
И среди их толпы голодной
Надменно лаврами блистать.
После 135 Еще мы не видали века,
Когда б твой гром их не будил —
Взывай к природе человека,
В ней много сокровенных сил.

Варианты прижизненных публикаций

43 Не говори хоть чепухи!.. *(I)*
55 Мир доживает боязливо, *(С 1856, I)*
56—57 Когда свободно рыскал зверь,
А человек бродил пугливо,— *(С 1856, I, II, III, IV, V, VI, Р. б-ка)*

58—61 Ты светоч истины держал
Рукою твердой, но для света
Он благотворно не сиял,
Как светоч гения-поэта. *(II, III, IV)*
118—127 *заменены двумя строками точек* *(II)*
126—127 Умрешь не даром...
. . . .
(III, IV, V, VI, Р. б-ка)
160 Готовься хоть бежать со света!.. *(I)*
174—177 *отсутствуют* *(I, II)*
178 Ах, где же он? Кто не сенатор, *(I, II)*

---

[1] а. [В твоем решенье правды нет]
б. Стыдись! тут [даже] смыслу нет

Вм. 187—192 И ты с собой его равнял!? *(II, III, IV, V, VI, Р. б-ка)*
194 Надежды шаткую ладью, *(I, II, III, IV)*
197 Покорно голову свою. *(I, II, III, IV)*
Вм. 198—203 . . . .
Умолкни с жалобой напрасной! *(II)*
198 Когда же... *(III, IV)*
199 И в наши дни судьба являла *(I)*
199—201 *заменены четырьмя строками точек* *(III, IV)*
211 В правдивом слове есть отрада. *(I)*
227—229 *заменены тремя строками точек* *(I, II)*
234—235 Но... впрочем главная беда:
Я молод, молод был тогда! *(I, II, III, IV, V)*
267 Но . . . . *(I, II)*

Разночтения Экз. Гербеля (Г), Экз. Евгеньева-Максимова (ЕМ), Экз. ИРЛИ 6 (ИРЛИ), Экз. Лазаревского (Л), Списка Модзалевского (М), Экз. Музея Н. (МН), Экз. Чуковского (Ч)

227—229 Сочли их низкой клеветой,
Пришлось молчать сложивши руки
Иль поплатиться головой. *(ИРЛИ)*
267 Но зазвучат внезапно цепи, *(Г, И, Л, М, МН)*
267 Но загремят неволи цепи *(ЕМ, Ч)*

«ТЯЖЕЛЫЙ ГОД — СЛОМИЛ МЕНЯ НЕДУГ...»

(С. 15)

Вариант белового автографа ГБЛ

16 Не я губитель твой!

«НЕ ЗНАЮ, КАК СОЗДАНЫ ЛЮДИ ДРУГИЕ...»

(С. 16)

Варианты чернового автографа ГБЛ

2 Мне [милы] и дороги блага земные
3 Я землю [и небо и] солнце люблю,

4 а. [Невольной мечтою о славе] киплю.
б. [Волнуюсь надеждой], страстями киплю.
6 И весь я в [стремл<еньях>] моих ненасытен,

«НЕ ГОРДИСЬ, ЧТО В ЦВЕТУЩИЕ ЛЕТА...»

(С. 17)

Варианты чернового автографа ГБЛ

6 [В тот период кипящих] страстей
12 Ты <*нрзб*> [стала] теперь.

«ВО ВРАЖДЕ НЕОСТЫВАЮЩЕЙ...»

(С. 19)

Вариант автографа ГБЛ

1 [Он враждой] неостывающей

«ТАК ГОВОРИЛА АКТРИСА ОТСТАВНАЯ...»

(С. 21)

Варианты чернового автографа ГБЛ

4 А ныне смутно памятных [речей],—
7 Ушла домой с [Парашею] своей
17 [И чтоб могилу выкопали ей]

«И НА МЕНЯ, УГРЮМОГО, БОЛЬНОГО...»

(С. 22)

Вариант чернового автографа ГБЛ

1 И на меня [печаль<ного>] угрюмого, больного

«О, ПОШЛОСТЬ И РУТИНА — ДВА [ГИГАНТА]...»

(С. 23)

Варианты чернового автографа ГБЛ

1 [За] пошлость и [рутину] — два [явленья]
3 Которые переживают всё —

ПРОЩАНЬЕ

(С. 24)

Варианты автографа ГБЛ

3 И думал я: не будет муки
6 а. *начато:* [Прощай] одного
б. Пиши — молю я одного...

ВЛЮБЛЕННОМУ

(С. 25)

Варианты чернового автографа ГБЛ

6 [Когда-то я и сам] кипел,
7 Но [их] делить [я не хотел]
8 а. С [моими верными] друзьями
б. С [самолюбивыми] друзьями
9 а. [За] счастье сердца моего
б. Я счастье сердца моего
10 а. [Томим] боязнию ревнивой,
б. Берег с боязнию ревнивой,
11 а. [Не посвящал] я никого
б. И не пускал я никого
14 В [душе] тот пламень [благородный],
15 а. [Всё выдал им мой стих негодный —]
б. [Всё выболтал мой стих негодный —]
16 [И — ровно ничего не спас!]
17—20 *приписаны позднее*

КНЯГИНЯ

(С. 26)

Варианты авторизованной копии ГПБ

Перед 1 В век Екатерины — и никак не ближе —
Началась в России, кончилась в Париже
Вот какая притча: старое преданье
Мы теперь расскажем внукам в назиданье.
Барыня большая, русская княгиня
Нашей новой притчи будет героиня.

1—2 Дом — дворец роскошный; муж — опора трона;
Пышная ливрея, графская корона,

17—19 Только ни однажды в годы молодые,
Знать, ей не мешали «страсти роковые».
Как-то незаметно в вихре жизни бальной

После 34 Свесть с ума не трудно взрослого ребенка,
Он же вел атаку так хитро и тонко.

Вм. 43—46 Всё, что в нем ей было дорого и ново,—
Страстью и свободой дышащее слово,
Нежное вниманье, пламенная ласка,—
Всё слетело разом, как слетает маска.

Варианты С и Ст 1856

Перед 1 *как в АК ГПБ (С)*

3 Молодость, богатство, красота, свобода — *(С, I)*

18 Сердце в ней любовью не было согрето. *(С, I)*

33 Гордое, живое... Свергнуть иго страсти *(С, I)*

34 Прежней нет охоты... да уж нет и власти! *(С)*

37 Продал за бесценок барские владенья: *(С)*

«САМОДОВОЛЬНЫХ БОЛТУНОВ...»

(С. 28)

Набросок ГБЛ

И сплетня черная не раз
Вокруг твоей вилася чести
Но горд ты был в душе своей
Сознаньем силы благородной
Ты добродушно верил ей

Той силе — гор<дой> и свободной
[Теперь ты]
И убежденья применять
Всё обстоятельства мешали [1]

Варианты белового автографа ЦГАЛИ (в письме к Боткину)

30 Стоит, обставлено скирдами
33 Въезжая в вотчину свою,
37 И долго озирался он...
38—41 *отсутствуют*

Варианты белового автографа ГБЛ

33 а. Въезжая в [родину] свою,
б. Въезжая в вотчину свою,
38—41 *отсутствуют*

Варианты С, Ст 1856 и Ст 1861

38—41 *отсутствуют (С, I)*
38—41 *заменены двумя строками точек (II)*

ПРОСТИ

(С. 30)

Вариант белового автографа ИРЛИ (в письме к Тургеневу)

7 И [ровно освещало] путь —

«КАК ТЫ КРОТКА, КАК ТЫ ПОСЛУШНА...»

(С. 31)

Первоначальная редакция (по беловому автографу ГБЛ)

Горда, надменна, молода,
Ты им играла самовластно,
Но ты была тогда прекрасна,
И он любил тебя тогда.

---

[1] *На полях запись плана:*
Крестьянин
Управл<яющий>
Соседи <*нрзб*>
Власти

Теперь ты любишь бесконечно,
Ты рада быть его рабой.
А он?.. Он слушает беспечно,
Уныл и холоден душой.

Так солнце осени без туч
10 Стоит, не грея, на лазури,
А летом и сквозь сумрак бури
Бросает животворный луч.

«Я ПОСЕТИЛ ТВОЕ КЛАДБИЩЕ...»

(С. 32)

Первоначальная редакция (по беловому автографу ГБЛ)

Среди моих трудов досадных
И жалких бедности тревог —
Минут не много благодатных
С тобою проводить я мог,
Но чаще, натерпевшись муки,
Устав и телом и душой,
С запасом молчаливой скуки
Встречался мрачно я с тобой.
Ни смех, ни говор твой веселый
10 Не прогоняли мрачных дум,
Они бесили мой тяжелый,
Больной и раздраженный ум.
Я думал: нет в душе беспечной
Сочувствия душе моей,
И горе в глубине сердечной
Держалось дольше и сильней...

Но скоро прерван был разлукой
Поток однообразных дней,
И стало то, что было мукой,
20 Единой радостью моей.
Стою один, как на кладбище
Прошедших невозвратных дней,
И образ твой светлей и чище
Рисуется душе моей.
Мне стали дороги и милы
Те грустно прожитые дни...
Как много нежности и силы
Душевной вызвали они!

Их вспоминая с умиленьем,
30 Я пролил много сладких слез
И думал с тайным сокрушеньем:
Кто ж больше горя перенес —
Тот, кто по слабости позорной
Его бесплодно проклинал,
Или кто радостью притворной
Его сквозь слезы прикрывал?

Разночтения Экз. Ефремова 1861 (Е), Экз. Лазаревского (Л), Экз. Музея Н. (МН) (нумерация стихов — по тексту первоначальной редакции)

17 Но вскоре прерван был разлукой *(Л, МН)*
24 Рисуется в душе моей *(Л)*
29 И вспоминая с умиленьем *(Е, МН)*

Варианты белового автографа ИРЛИ

7—8 С запасом молчаливой скуки
Встречался мрачно я с тобой.
10 Не прогоняли грустных дум,
22 *заменен строкой точек*

Варианты белового автографа ГПБ

7—8 *как в БА ИРЛИ*
10 Не разгоняли грустных дум:

Варианты С, Ст 1856 и Ст 1861

7—8 *как в БА ИРЛИ и ГПБ (С, I)*
10 *как в БА ИРЛИ (С, I)*
22 *как в БА ИРЛИ (С, I, II)*

ШКОЛЬНИК

(С. 34)

Варианты БдЧ и Ст 1856

18 Из отпущенных?.. Так что ж! *(БдЧ)*
21 Скоро ты узнаешь в школе, *(БдЧ, I)*
35—37 Что выводит средь народа
Столько славных через край,
Столько славных, благородных, *(БдЧ)*

«БЕЛЫЙ ДЕНЬ НЕДОЛОГ...»

(С. 37)

Варианты белового автографа ИРЛИ

Вм. 9—11 [Темно ли светло ли
А тепла уж нет.
Солнышку нет]
21 *начато:* [День]

УБОГАЯ И НАРЯДНАЯ

(С. 38)

Варианты С, копии Панаевой (П), цензорской корректуры ИРЛИ (К) и прижизненных изданий «Стихотворений»

37 [И не в шитье была там сила] *(К)*
64 [Исковеркав татарские [1] лица] *(П, К)*
81 Что, развратница, нагло глядишь *(К)*
82 Чем кичишься, гнусна твоя повесть *(С, П, II, III, IV, V)*
86 И явилась в полнощное [2] царство *(К)*
88 Наше будто богатое [барство] *(К)*
128 Удивлялась вся публика [3] наша *(К)*

«ВСЕВЫШНЕЙ ВОЛЕЮ ЗЕВЕСА...»

(С. 43)

Варианты публикации Сильчевского

1—8 *отсутствуют*
9—12 Как быстро по пути прогресса
Шагает русская страна:
Недавно вышел из-под пресса
Уж новый томик Щедрина.
17 По бескорыстью, не из видов,
23 Статейки господина Бланка,

---

[1] нерусские
[2] [наивное]
[3] [гвардия]

Журнальная редакция (ОЗ 1861)

Как быстро по пути прогресса
Шагает русская страна!
Давно ли вышел из-под пресса
Уж третий томик Щедрина...
Убавлены проценты банка,
Понижен несколько тариф,
Статейки господина Бланка —
Всё это было, а не миф.
На грамотность не без искусства
Накинулся Владимир Даль —
И обнаружил много чувства,
И благородство, и мораль.
По убежденью, не из видов,
Статейку тиснул в пол-листа
Какой-то господин Давыдов
О пользе розог и кнута...
Зато теперь у нас не странность
Слова прогресс и либерал,
И слово звучное — гуманность
Почти что забрело в квартал.

Редакция записи Добролюбова

Всевышней волею Зевеса
Вдруг пробудившись ото сна,
Как быстро по пути прогресса
Шагает русская страна!

Кругом воров открылась масса,
Повсюду, ложь, обман и зло;
Лишь первые четыре класса
Остались чисты как стекло.

Мужик не вынут из-под пресса,
Но уж программа издана.
Как быстро - - - - - - - - -
- - - - - - - - - - - - - - - - - -

Клейнмихель прочь, Перовский умер
<*пропуск*> нумер

В печати уж давно не странность
Слова «прогресс» и «либерал»,
И слово дикое «гуманность»
Употребляет генерал.

То мало: вышел из-под пресса
Уж третий томик Щедрина...
Как быстро по пути прогресса
Шагает русская страна!

«СТИХИ МОИ! СВИДЕТЕЛИ ЖИВЫЕ...»

(С. 44)

Вариант белового автографа ЦГАЛИ

1 Стихи, стихи! Свидетели живые

«В СТОЛИЦАХ ШУМ, ГРЕМЯТ ВИТИИ...»

(С. 46)

Ранняя редакция ИРЛИ (в письме к Тургеневу)

В столицах шум — гремят витии,
Бичуя рабство, зло и ложь,
А там, во глубине России,
Что там? Бог знает, не поймешь!
Над всей равниной беспредельной
Стоит такая тишина,
Как будто впала в сон смертельный
Давно дремавшая страна.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью-землею,
Колосья бесконечных нив...

Вариант белового автографа ИРЛИ

4 Что там? Немая тишина!

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

(С. 47)

Варианты «Колокола»

6 Ретируются гости домой
16 А иные скрежещут и плачут
50 А земное ты держишь в руках
61—62 Безмятежной аркадской идиллией
Закатятся прекрасные дни
81 Сами терпим... еще веселей
85 Указало... Да и он сам привык!
88 И пойдут побираться дорогой
100 Свету божьему, солнцу не рад
103 Там на Волге — чей стон раздается
105 Этот стон у нас песнью зовется
106 Бурлаки то идут бечевой.
108 Ты не так поливаешь поля
111 Где народ там и стон... Ах, сердечный!

Варианты корректуры ЦГАЛИ

После 92 Испытуемый грозной судьбою,
Песен счастья не складывал он,
Он стонал под татарской пятою
И доныне напев его — стон!
Вм. 107—117 [Всюду скорбные, скорбные звуки,
Всюду стон, надрывающий грудь,
Словно тяжкие древние муки
Не успели в народе заснуть....
О! вовеки тот памятен будет,
По чьему мановенью народ
Вековую привычку забудет
И веселую песню споет!]

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА МОСКВЫ С ПЕТЕРБУРГОМ

(С. 52)

Варианты автографа ИРЛИ

8 В употреблении там [жидкий] рижский квас
После 39 [Где каждый гражданин — надежный сын отчизны
Свершает в тишине полезные труды,
И движется вперед, храня без укоризны
Почтенной старины священные следы]
а. [Ты знаешь край, где недоступна дева
Где муж учен, где неподкупен друг,
Где к небесам главу возносит древо
Свободных муз, искусства и наук?]
б. [Где родилась мечтательная дева,
С Инсаровым бежавшая сам-друг,
Ты знаешь край, где процветает древо
Свободных муз, искусства и наук]
40—41 [Где, Гегелю по мудрости ровесник,
Катков науку с жизнию мирит]
58—59 Там [смеси нет чухонской и татарской
Все русские — куда ни погляди]
76 [Ученый] град! Там процветает гласность
После 79 [Там против Зотова народная подписка
Составилась по поводу жидов,
И были мы свидетелями писка
Каких-то странных новых голосов.
Ученый град! — и проч.
Наивный град! Там Константин Аксаков
В своей «Молве», в передовых статьях
Учил ходить нас наподобье раков.
Черкасский там запутался [1] в сетях
Наивный град — и проч.]
86 [Радушный] град! по приговору сейма
94 [Радушный] град [и проч.]
96 Суровый [2] град! Там Павлов Соллогуба
98—99 Там [Шевырев] был поражен сугубо
[Там граф Толстой «Альберта» сочинил]

---

[1] [Там путается в розгах] и плетях
[2] а. [Ужасный]
б. [Обширный]
в. [Достойный]

После 99 [Там, ревностью к науке пламенея,
Погодин доказал России всей
Что бескорыстен он — продажею музея
Что беспорочен — пряжкою своей
Ужасный град и проч.
Правдивый град! Там убежденья чисты,
Бессильны там глупец и лицемер,
Зато в ходу такие публицисты,
Как господин Чичерин, например]

Фрагмент ранней редакции ИРЛИ (в письме Добролюбова к Бордюгову)

Ты знаешь край, где Минин и Пожарский
Торжественно стоят на площади,
Где уцелел остаток древнебарский
У каждого патриция в груди,
Где дочь свою замужнюю наместник
Вторичным браком повенчать велит,—
Как водопад бушует «Русский вестник»
И «Атеней» как ручеек журчит...
Почтенный град! Там люди в деле тихи,
Но, говорят, волнуются за двух,
Там от Кремля, с Арбата и Плющихи
Отвсюду веет чисто русский дух.
Там, не в пример столице нашей Невской,
Оценят всё, поймут и разберут,
Анафеме там предан Чернышевский
И Кокорева ум нашел себе приют!
Ученый град. Там Павлов Соллогуба,
Байборода Крылова обличил,
Там Шевырев был поражен сугубо,
Там хрестоматию Галахов сочинил;
Там беспощадно поражают пьянство,
Устами Чаннинга о трезвости поют,
Журналы там не терпят балаганства
И наш «Свисток» проклятью предают.
Ужасный град! Туда, чтоб видеться с тобой,
Мне страшно показаться, милый мой.

ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ

(С. 65)

Варианты копии Добролюбова

Ст. 37—52 а. «Спи, дитя, да песню вздорную
Глупой няни позабудь
Не ходи дорогой торною
Отыщи свободный путь.

Не ходи тропой избитою
Без того, душа моя,
Сплошь холопами набитая,
Гибнет родина твоя.

Послушаньем да терпением
Мы богаты через край...
Вольным жизни впечатлениям
Душу вольную отдай.

Изменяют наслаждения,
Жить не значит — пить и есть.
В мире лучше есть стремления,
Благородней блага есть.

Им нехитрые названия:
Слава, Знание, Любовь.
Не жалей за них дыхания
Проливай до капли кровь.

Презирай пути лукавые:
Там разврат и суета.
Чти заветы вечно правые
И учись им у Христа

б. «Спи, дитя, да песню вздорную
Глупой няни позабудь
Обходи дорогу торную
Выбирай свободный путь

. . . .

Разоренная, забитая,
Без того, душа моя,
Сплошь холопами набитая,
Гибнет родина моя.

Варианты цензорской корректуры ИРЛИ (К), копии Панаевой (П), С и прижизненных изданий «Стихотворений»

23 С молодыми да с пригожими (*К, П*)
24 Будешь с девками шалить (*С, II*)
55 Братством, родиной, свободою (*К*)
55 Братством, истиной, свободою (*П, С, II, III, IV, V, VI*)
66 К лютой подлости вражду (*К, П, С, II, III, IV, V, VI*)

ПАПАША

(С. 69)

Варианты белового автографа ИРЛИ

Вм. 117 Не увидал бы таких декольте,
Стан... но уж тут не до стана!
Чудо наряд, загляденье наряд!
185 Звать неимущего фата отцом

Варианты цензорской корректуры ИРЛИ

43 Час или два перед поздним обедом
112—113 [Там их здоровье цветет.]
[Жизнь] отдана наслажденью
Вм. 114 [В самой роскошной мечте
Верный поклонник корана
Не увидал бы таких *декольте* —
Стан... Но уж тут не до стана
Чудо наряд, загляденье наряд!] [1]

ЗНАХАРКА

(С. 79)

Варианты цензорской корректуры ИРЛИ

2 На воду [дует]; на гуще, на водке
После 8 [Что ни предскажет кому: разоренье,

[1] Оригинален наряд,—

Убыль в семействе — всему исполненье!
Божий народ к ней гурьбою валит
И чудеса про нее говорит.]

16 Стали Степана рекрутством [стращать]

После 22 [Больно народ-от уж много толкует:
Попусту знахарка на воду дует.
Или и впрямь чудеса говорит]
Вот и пришел Пантелей — и стоит.
Ждет: у колдуньи была уж девица,
[Чудо не девка! полна, краснолица]

34 Много потерпишь,[1] дойдешь до запою

Вариант С и прижизненных изданий «Стихотворений»

34 *как в корректуре ИРЛИ*

ПЛАЧ ДЕТЕЙ

(С. 83)

Варианты С и прижизненных изданий «Стихотворений»

17 Красный нос чудовищпой старухи *(С)*

33—40 А домой придется воротиться,—
Для чего приходим мы туда?
Лишь затем, чтоб лучше убедиться,
Что не будет легче никогда!
Чтоб, припав с рыданьем головами
К груди бедной матери своей,
Горьким стоном, горькими слезами
Разорвать на части сердце ей...» *(II, III, IV, V, VI)*

НА ВОЛГЕ

(С. 85)

Варианты белового автографа ИРЛИ

Подзаголовок (Из детства господина Валежникова)

Между 38—39 [Но я не верил ничему
Нет, говорил я жизни той:
Ничем не купленн<ый>]

---

[1] [Высечен будешь]. *Слова «Много потерпишь» приписаны карандашом.*

40 а. Был говор этих [милых] волн
б. Был говор этих кротких волн

51 Истратив в пламенной борьбе,

53 У жизни ближним и себе

69 [Не тяжела] душе моей...

74—75 а. [Рядами стаи белых птиц],
Как [изваяния гробниц]
б. Как ожерелье у воды,
Каких-то белых птиц ряды

92 А так [не верилось мне в н]их

94 Какой-то строгостью полна,

126 Я суеверие в себе

148 Что [грунт песчаный жжет] следы

Вм. 155—157 [Ползет расшива по реке
На ней движенье: молодой]
Приказчик [в синем армяке
Курносый, с русой бородой]
а. За [Дульцинеею] своей
б. [За верной] спутницей своей

159 а. [Полна], румяна и [стройна]
б. Мила, [румяна и полна]

Вм. 169—172 [Но и они ушли. Затих
Веселый говор.] Сон и зной
[Царят над мирною рекой
Я сам бы верно задремал
Когда б какой-то резкий гул
Вдруг не раздался — я вздрогнул]

172 [Да] вдруг я стоны услыхал

179 И страшен в мертвой тишине

185 а. Когда еще [всё в мире] спит
б. Когда еще природа спит

191 Брожу [один] по островам

Между 197—198 [Легко и ровно без забот
Летели мирные года
И знаю, Волга, с этих вод
Я не ушел бы никогда]

213 [Ленивый, странный] разговор

219—220 Попер бы лямку, как медведь
Когда бы зажило плечо

233—234 *следуют в обратном порядке*

245 *начато:* [У<ж>]

257 а. Рек[ою рабства] и тоски!..
б. Рекой унынья и тоски!..

258—259 а. [Что я ту пору замышлял,
Созвав товарищей детей]
б. О чем в ту пору я мечтал,
Бессонный, в темноте ночей
После 274 *две строки точек отсутствуют*
Вм. 279 Живут бессмысленней зверей
И мрут без всякого следа

Варианты С, прижизненных и посмертного изданий «Стихотворений»

Перед 3 *две строки точек отсутствуют (С)*
51 *как в БА ИРЛИ (С)*
53 *как в БА ИРЛИ (С, II)*
56—57 *отсутствуют (С, II, III, IV, V)*
74—75 *как вариант б. в БА ИРЛИ (С)*
94 *как в БА ИРЛИ (С)*
181 И юность вновь предстала мне *(С)*
220 Попер бы лямку, как медведь *(С)*
233—234 *как в БА ИРЛИ (С)*
251 И говор тех же милых волн *(Ст 1879)*
257 Рекою - - и тоски!.. *(С)*
258—259 *как вариант б. в БА ИРЛИ (С)*
После 274 *две строки точек отсутствуют (Ст 1879)*
277—280 *заменены двумя строками тире (С)*
Вм. 279 *как в БА ИРЛИ (II, III, IV, V)*

«ЧТО ТЫ, СЕРДЦЕ МОЕ, РАСХОДИЛОСЯ?..»

(С. 93)

Вариант Ст 1864

5 Не тужи! пусть растет, пусть катается

ДЕРЕВЕНСКИЕ НОВОСТИ

(С. 95)

Варианты наборной рукописи Одесской гос. научной библиотеки

1 Стой! Подыми тарантас
13 Вот и запасный амбар
15 Спелого колоса пар

54 Горе-то в том, что покрали.
60 Только что рослый детина
89 а. [Строго скотину держал]
б. Дядя Сверчком его звал
в. [Мы и давай] его звать
г. [Мы и пошли] его звать
90 а. [Первый вставал с петухами]
б. [Тонкими пел голосами]
в. [Волком] вставал с петухами
91 а. [В поле на дудке играл]
б. [Мастер был песни играть]
в. Песни [любил] распевать
92 [Да убирался] цветами
93 а. [Бравый был мальчик такой][1]
б. Точно был мальчик лихой
в. [Шляпу увьет берестой]
97 Буря-то мне нипочем
102 а. Так до полден [полежали]
б. Так до полден [подождали]
104 Шли бы: [мол, мертвого] взяли!
108 Там ушибет тебя... Встань-ка
109 Он покорился, пошел
113 [Ну и пошли его брать]
115 Там уж не то чтобы мать
127 Ждали: авось и не тронет

Вариант «Века» и Ст 1861

57—60 *отсутствуют*

ФИНАНСОВЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

(С. 100)

Варианты корректуры ИРЛИ

6 Про какой-то неведомый кризис
39 Денег было всегда не обильно

---

[1] [парень лихой]

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ, ИЛИ РАЗДРАЖЕННЫЙ БИБЛИОГРАФ

(С. 103)

Варианты автографа ИРЛИ

Подзаголовок Отрывки из автобиографии Рудометова.
Перед 1 *две строки точек*
42 Журнальной ярой брани
57—60 *отсутствуют*
103 Да времена другие
105—106 Как поглядят построже
Да приведут всё в ясность
118 И <денежки> доставит

НА СМЕРТЬ ШЕВЧЕНКО

(С. 111)

Вариант чернового автографа (по публикации Чуковского)

Вм. 17—24 Но сберегло его в дни многотрудные
Русских людей провиденье игривое —
Кончилось время его несчастливое,
Вновь он запел свои песенки чудные;
Вновь прилепился душою к художеству.
Тут не замедлила смерть ядовитая.
Надо ж очистить дорогу ничтожеству.
[Ой! широка ты, дорога открытая]
Ты ли ему не просторна — открытая?..

ПОХОРОНЫ

(С. 112)

Варианты белового автографа ГБ Л

3 Горе по свету горькое шлялося [1]
5 Ай! беда [неминучая] страшная
7 У ручья — голова бесшабашная!
После 8 Где лежал там его и оставили
а. Лишь покрыли [лицо полотном]
б. Лишь покрыли сердягу холстом,
Караул к нему строгий приставили
И послали скорей за судом
После 12 Закопать-то статья немудреная,

[1] [долго шаталося]

Да ведь надо по-божьи судить:
Как ни умер, душа-то крещеная! [1]
Положили мы — гроб сколотить...

16 [Без покрова, кутьи и венка]
18 Вместо [ярой восковой] свечи
25 А гляди, что ребят набирается [2]
37 Что тебя [сокрушило] сердечного
38 Ты за [нас] свою душу сгубил
40 Но ты наши [болота] любил [3]
45 Ты любил их, гостинцу им нашивал
После 48 [Ты у нас про житье наше спрашивал
Ровней с нами себя называл
А лицо было словно дворянское...
Приносил ты нам много вестей
И про темное дело крестьянское
И про [стра] войны заморских царей.]
49 [Мы любили тебя] Память вечная
65 Меж двумя [колосистыми] нивами
69—72 *помещены между ст. 36—37, затем восстановлены на прежнем месте*
72 Безгреховные сны насылать [4]

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

(С. 115)

Варианты белового автографа ГБЛ

1—2 Опять я в деревне. Брожу на охоту,
Пишу свои вирши,— живется легко
4 Забрел я в сарай и уснул глубоко
29 Ружье-то какое! Стволина двойная
36 Глазенки сверкают в щели
41—42 И видно не барин — проехал с болота
С Гаврилой-то рядом... «Услышит, молчи!..»
43 И милые плуты! Кто близко их видел
48 Что часто завидовал им
54—57 Раскапывай листья, обшаривай пни,
Примету клади на грибное местечко,
Чтоб завтра его ни за что не сыскать.
«Смотри-ка, Кузяха, какое колечко!»

---

[1] Как ни умер душа [в нем] крещеная
[2] [собирается]
[3] Но [давно нашу глушь полюбил]
[4] [навевать]

60 Кузяха хохочет «Попался спроста!»
72 Невольно тянуло усталых людей
77 Чухну [1] передразнит, [жида], черемиса
89 «Гляди, бесенята!» а дети и рады —
106 Домой, цыганята! Обедать пора!
122 Да изредка синий цветок
141 Однако, Ванюша, гулял ты немало,
148 Как колос цветет, наливает зерно.
Вм. 157—168 Сам с воза сползает. [2] Проворство, сноровка
Ему достаются шутя,
И любо глядеть, как свободно и ловко
К труду переходит дитя
174 Лошадку ведет [великан] мужичок
178 [Что] больно ты грозен — [Я батьке скажу]
188 Рванул под уздцы и скорей зашагал
213 Теперь нам пора воротиться к началу
215 «Ай, воры идут!» — закричал я Фингалу
227 «Не засти, Корней, не толкайся, Кузяха»
233—235 И точно [громовый] удар прокатился
В сарай полила дождевая река
[Я крикнул довольно, актер усмирился]
240 Над [самым] сараем как раз

Варианты «Времени» и Ст 1861

201 Те честные мысли, которым нет доли
(«Время», II)
202 Которым нет смерти —...... *(«Время»)*

ДУМА

(С. 123)

Варианты белового автографа ГБЛ

1 Сторона [у нас] убогая —
5 Думай думу, спи без просыпу
7 Трать задаром силу крепкую
12 Одолели [3] — не нуждается
17—20 *отсутствуют*
21 Ночью спят, наевшись досыта

Вариант Ст 1861

32 Волоса бы опушилися!

---

[1] [Мордву]
[2] [Снимай меня, тятя!]
[3] [Сыт по горло]

«ЧТО НИ ГОД — УМЕНЬШАЮТСЯ СИЛЫ...»

(С. 126)

Варианты Ст 1864

2 Что ни год — каменею душой
4 Не дождавшись поры золотой —
После 4 Той поры, когда высохнут слезы
И закроются раны твои,
И свершатся заветные грезы,
Вожделенные думы мои!

СВОБОДА

(С. 127)

Варианты автографа ИРЛИ

1 Родина-мать! По долинам твоим
5—6 а. Вырастешь [будешь ты вольный казак]
б. Вырастешь вольно! — где любо живи
Выберешь женку себе по любви
7 С детства ничем не запуган: свободен
10 Сможешь над миром взовьешься орлом
12 Ум человеческий ловок и гибок

СЛЕЗЫ И НЕРВЫ

(С. 129)

Первоначальная редакция (по беловому автографу ГБЛ)

СЛЕЗЫ

О слезы женские, с придачей
Нервических тяжелых драм!
Вы долго были мне задачей,
Я долго слепо верил вам
И много вынес мук мятежных.
Теперь я знаю наконец:
Не слабости созданий нежных,—
Вы их могущества венец!

Вернее закаленной[1] стали
Вы поражаете сердца —
Не знаю, сколько в вас печали,
Но деспотизму нет конца!
[Когда, бывало, предо мною
Зальется милая моя
Наружно ласковость удвою,
Но внутренно озлоблен я.
Пока она дрожит и стонет,
Лукавлю праздною душой —
Язык лисит, а глаз шпионит
И открывает... Боже мой!
Зачем не мог я раньше видеть?
Ее не стоило любить,
Ее не стоит ненавидеть,
О ней не стоит говорить!..]

КТО?

Кто ей теперь духи подносит,
Застигнут сценой роковой?
Кто у нее прощенья просит,
Вины не зная за собой?
Кто сам трясется в лихорадке,
Когда она к окну бежит
В преувеличенном припадке
И «до свидания» кричит?
Кто боязливо наблюдает
Сосредоточен и сердит,
Как буйство нервное стихает[2]
И переходит в аппетит?..
Кто выдержав такую сцену,
Зовет гостей постылый рой,
Где, двигая вперед измену,
Она блистает красотой,
Блистает выписным нарядом,
Веселой живостью речей,
Повелевая мужу взглядом,
Чтоб он казался веселей?
Кто ночи трудные проводит —
Один, ревнивый и больной,

---

[1] [рас]каленной
[2] Как [жар нервический] стихает

А утром с ней по лавкам бродит,
Наряд торгуя дорогой?
Кто говорит «прекрасны оба»
На нежный спрос, «который взять?»
Меж тем как закипает злоба
И к черту хочется послать
Француженку с нахальным носом
С коварно-сладким «c'est joli»
И даже милую с вопросом...
Кто молча достает рубли,
Спеша скорей окончить муку, [1]
И, увидав себя в трюмо,
В лице своем читает скуку [2]
И рабства гнусное клеймо?.. [3]
[Есть не одна такая пара.
Я не таков. Мне не вкусна
Ни раз погасшая сигара,
Ни обманувшая жена.

Или из юношей свободных
Ты никого не увлекла
В свой мир из слез и тряпок модных
И одиноко доцвела?
Грустишь — смиренная годами —
О днях, постыдно прожитых,
И плачешь черными слезами
Сама над делом рук своих

Но что со мной? Былым волненьем
Опять пылает голова
И дышут мелким озлобленьем
Нетерпеливые слова?..
Стыдись, старик! Расчеты с миром
Покончил ты — умри любя
И не ругайся над кумиром
Когда-то милым для тебя!
Скажи спасибо близорукой
Всеукрашающей любви!
И с головы с ревнивой мукой

---

[1] Под страхом нового укора
[2] а. [Читает рабства и позора]
б. [Встречает рабства и позора]
[3] Ничем не смытое клеймо

Волос седеющих не рви!
Под иго пошлости всесильной
Лишь тот главы не преклонил
Кто рано под плитой могильной
Невинным сердцем опочил.
Все к ней идем толпой послушной.
Кто не упал, тот должен пасть.
Но клятвы... но обман бездушный,
Но ревность... роковая страсть!]

Ах, что изгнанье, заточенье!
Захочет — выручит судьба
Что враг? возможно примиренье
Возможна равная борьба.

Как гнев его ни беспределен,
Он промахнется в добрый час,
Но той руки удар смертелен,
Которая ласкала нас...

[В кипящем омуте сомненья
Полна больного напряжения
Душа бессильна]

РЫЦАРЬ НА ЧАС

(С. 134)

Варианты фрагмента ранней редакции ГБЛ

1—76 *отсутствуют*

Вм. 80—206 . . . .

. . . .

В эту ночь со стыдом сознаю
Бесполезно [1] погибшую силу мою...
И трудящийся бедный народ
Предо мною с упреком идет,
И на лицах его я читаю грозу
И в душе подавить я стараюсь слезу

. . . .

. . . .

Да! теперь я к тебе бы воззвал,

[1] Бесполезн<ую>

Бедный брат, угнетенный, скорбящий!
И такою бы правдой звучал
Голос мой, из души исходящий,
В нем такая бы сила была,
Что толпа бы за мною пошла.
. . . .

207—209 Завтра встану ягненка смирней,
Целый день промаячу уныло,
Ночью буду пилюли глотать
213 Всё погаснет, бесследно замрет
215 Злую песню свою запоет:

Варианты корректуры ГПБ

Подзаголовок Из поэмы того же названия, глава IV: Валежник<ов> в деревне. Светлая осенняя ночь с легким морозом. [1]
9—16 *отсутствуют*
После 70 [. . . . .]
158 Русокудрая [светлоокая] [2]
После 200 . . . .
[II] (Утром в постели)

Варианты С, прижизненных и посмертного изданий «Стихотворений»

Заглавие Бессонница *(С)*
Подзаголовок а. (Из поэмы «Рыцарь на час», глава IV: Валежников в деревне.— Светлая осенняя ночь с легким морозом) *(С)*
б. (Из поэмы того же названия, глава IV: Валежников в деревне.— Светлая осенняя ночь с легким морозом) *(IV)*
9—16 *как в корректуре ГПБ (С)*
43 Что как иней к земле прилегли *(Ст 1879)*
46 Красной лентой по скату прошли *(Ст 1879)*

---

[1] *Первоначально как название главки:* [I] Валежник<ов> [приезжает] в деревню. Светлая осенняя ночь с легким морозом.
[2] *Рядом с этим исправлением на полях знак* N3.

75 Не умел я с собой совладать, *(С)*
89 И апостола Павла с крестом *(С, IV, V)*
166 Не бледнеть перед правдой-царицею *(С, V)*
Вм. 200—223 *три строки точек (С)*

«ЛИТЕРАТУРА С ТРЕСКУЧИМИ ФРАЗАМИ...»

(С. 140)

Варианты автографа ГБЛ

5 [Вот наконец] я простился с столицами
12 Чем твое сердце болит

Вариант Ст 1864, Ст 1868, ч. 3, Ст 1869 и Ст 1873

3—4 *заменены двумя строками точек*

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ

(С. 142)

Варианты С и Ст 1864

Заглавие *примечание отсутствует (С)*
16 Сама призналась, глупая, *(С, IV)*

КУМУШКИ

(С. 145)

Первоначальный набросок ИРЛИ

Горе забыли, играючи, детки
Да на беду подвернулись соседки

«Нет у вас матушки»,— молвила Марьюшка
«Нету родимой,— прибавила Дарьюшка,—

Как теперь будете жить-поживать —
Кто-то вас будет ласкать-баловать?»

Дети игрушки свои положили
Смолкли, широко глазенки раскрыли

Полно не плачьте пром<олвила>
М<арьюшка>
Уж не воротишь приб<авила> Дарьюшка

Грешную душеньку боженька взял
Кости в могилуш<ку> поп закопал

То-то, чай, холодно, страшно в могилушке
Ну же не плачьте, хорошие, милушки!

Пуще расплакались дети, Трофим
Крики заслышавши, выбежал к ним

Стал унимать как умел а соседушки
Ну помогать ему: бедные детушки

Надо покойницу мать забывать
К доле сиротской пора привыкать!

Спели церковники память ей вечную
Чай уж теперь ее точит сердечную

Червь подземельный. Трифон скорей

ПЕСНЯ ОБ «АРГУСЕ»

(С. 147)

Первоначальный набросок ИРЛИ

Надо, чтоб было таинственней
Это устроено <*нрзб*>
<*две строки нрзб*>
Люди они благородные
Станут ли спорить со мной
Плюнут! — и дело с концом
Мертвые души скупающий
Чичиков будь мне отцом! —
Чтобы я днесь утопающий
Скоро <*нрзб*> приобрел
Не оказался преступником

Продал он их с барышом
Продал.

Прощание с подписчиком.

Ходит.

Первоначальный набросок (Ст 1879)

ДВА ИЗДАТЕЛЯ

Сцена первая

Ночная встреча и договор.

Невский проспект. Ночь. Четвертый час. Изредка гремят экипажи. Пешеходов почти нет. Издатель «Современного слова» одиноко и задумчиво прогуливается между Полицейским и Аничковым мостом.

Издатель «Современного слова»

Совестно днем среди Невского
И показаться — увы!
Встретишь Некрасова, встретишь Краевского
Корша, что к нам из Москвы
Прибыл,— глядеть отвратительно!
Сносно дела их идут.
А вот мои так решительно
Плохи — газете капут.
Хоть поступай в переписчики —
Нечем семью содержать.
Ой вы, подписчики! Ой вы, подписчики!
Где-то мне вас добывать?..

(Сталкивается с издателем «Очерков».)

Издатель «Очерков»

Где?! Вы ко мне обратитеся,
Я прекращаю листок...
. . . .
Надо спасать состояние,
Надо подписчиков сдать,
Надо покончить издание,—
Сколько вы можете дать?..

(Торгуются, причем ходят очень скоро, говорят оба разом.)

. . . .

Издатель «Современного слова»

Какие все подписчики!
Ну-ну! Эге! Ого!
Студенты, переписчики...

Издатель «Очерков»

Ты дальше почитай!

Издатель «Современного слова»

Читал уж я достаточно!
С тобою не зевай!
Скажите, попадаются
Мещане! Вот народ!
Туда же просвещаются
На тощий-то живот!
Газеты ежедневные
Читают за гроши!

Издатель «Очерков»

Их качества душевные
Должны быть хороши!

Варианты С

Заглавие Песня об «Очерках» (Из лирической драмы «Видение на Неве»)

22 Где Елисеев живет
28 «Гибель, о Амплий! тебе!»
После 36 (Я не охотник до Невского.
Бродит там всякий народ,
Встретишь как раз <Дани>левского,

Что-нибудь тотчас соврет;
После расскажешь за верное —
Скажут: и сам ты такой!
Дело такое прескверное
Было однажды со мной!..)

40 «Очерков» я издавать

После 152 Видел во сне Елисеева:
Вот он вошел в магазин,
И известил о беде его
Тотчас приказчик один.
С миной тупой, нерешительной,
Долго стоял он, суров —
Этот пассаж удивительный
Был ему, кажется, нов!
Молча пошел он вдоль Невского,
Пикнуть не мог ничего,
Словно карнизом от дому Краевского
Этим пришибло его!

«НАДРЫВАЕТСЯ СЕРДЦЕ ОТ МУКИ...»

(С. 152)

Варианты С и Ст 1864

4 *заменен точками*

16 Чу! Кричит заунывно: «ау!»

«БЛАГОДАРЕНИЕ ГОСПОДУ БОГУ...»

(С. 153)

Вариант Ст 1869 и Ст 1873

29—32 *заменены четырьмя строками точек*

«ЯВНО РОДСТВЕННЫ С ЗЕМЛЕЙ...»

(С. 155)

Варианты автографа ИРЛИ

3—6 [В нашем земстве господа
Все аристократы
Как стоят за мужик<ов>
Деятели эти]

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО «СВИСТКА» К ЧИТАТЕЛЯМ

(С. 156)

Варианты набросков ИРЛИ

К 13—20 [И при содействии] Пановских
[Прославленный] антрепренер
[Когда] «Ведомостей московских»
[Со всей Москвою разговор]
Ведет Катков о нуждах Руси [1]
[И умиляет всю Москву]
25—27 Когда наклонностей военных
Повсюду зрею<т> семе<на>
Когда мы видим
28 Читатель стал чудак большой
31 Летают *бомбы отрицанья*
34 Узрели волю наяву
35 а. И дрогнул Фет, что топчут гуси
б. И стонет Фет, что топчут гуси
Перед 57 [Он низко кланяется всем
Он ожидает поощренья
Он робко просит извине<нья>
Что столько вре<мени> был нем]
58 Всё чем пленял тебя «Свисток»
60 Он для тебя уже поблек
61 [Меняет время человека]
87 а. Друг [тишины скорбит,] бледнеет:

[1] [,— Сей муж]

б. Друг мирных радостей бледнеет: [1]
90 В чужих газетах нас бранят
93 Чего ругаются как [пре<?>] бесы!..
После 93 Куда ни обращаешь взор
Повсюду [стоны] жалобы да писки
Жив «Совреме<нник>» до сих пор
Чуть живы «Время» и «Записки» [2]
Вм. 98—99 В пренебрежении науки
[Мальчишек попраны стопой]
В искусстве издавна застой
102—109 Ужасно! В этот час тяжелый
Чего б мог пожелать «Свисток»?[3]
Конечно, мирной и веселой
Развязки этих <*пропуск*>, [и] бед
А то в [4] сумятице великой
Напрасно истощился [5] ум...
И сбудется... утихнет шум
Вражды бессмысленной и дикой
111—112 Закончит публицист москов<ский>
И вновь начнут свой мирный спор
115 *начато:* Не б<удут>
116—117 И может быть затихнет брань
И говор ино<земной> прессы

Варианты автографа ИРЛИ

4 а. [Начальство] село на мели
б. Давно [мы ста<ли>] на мели,
в. Давно стоим мы на мели,
9—10 Взволновано,[6] а в журналистах
Последний [поглощает] ум
11 *начато:* [Глупейший спор — о]
12 Глупейший и ненужный шум
21—32 *вписано в нижней части листа*

---

[1] *Начато:* [Дружи <?>]
[2] *Слева цифрами 1 и 2 обозначена перемена местами этого четверостишия и следующих за ним ст. 94—97.*
[3] [поэт]
[4] [Чтоб] в [сей]
[5] [не томился]
[6] [Испугано]

34 [Узрели] волю наяву
40 Духовных лиц [1] не пощадил
51 Своей [<*нрзб*>] походкою беспечной
80 Тогда [летал] я над тобой!..
87 Друг [мирных радостей] бледнеет
93 а. *как в окончательном тексте*
б. Чего [ругаются], как бесы!
95 Катков [витийствует с искусством]
После 97 [Читатель стал чудак большой
Нейдут Краевского изданья
И над Громекиной главой
Летает *бомба* [2] *отрицанья*
Как повествует сей герой
Куда ни обращаешь взор
Повсюду жалобы да писки
Жив «Современник» до сих пор
Чуть живы «Время» и «Записки»]

98—99 а. [Увы! всё попрано враждой]
[Искусства, школы и науки]
б. [Иск<усства>] [В искусствах издавна застой]
[Увы! всё попрано] враждой
в. О стыд! о истинный позор!
[Забыть искусства и науки?!] [3]
102—103 [Ужасно!..] В [этот] час тяжелый
[Чего б мог пожелать] «Свисток»
112 И вновь начнут свой вечный [4] спор
116 *начато:* [Затих<нет>]

Варианты примечаний в автографе ИРЛИ

К ст. 20

3—4 [Но сильно чувствовать умеют
И выразительно молчат... и т. д.]

---

[1] [Самих попов]
[2] Лета[ю]т *бомб*[*ы*]
[3] [В пренебрежении науки]. *Варианты ст. 98—99 вписаны в верхней части листа.*
[4] [мирный]

К ст. 40

Вм. 5—8 [Говорит в своей газете
Публицист Иван Аксаков
Позабыли всё на свете
Мы для модных брюк и фраков
Франция для нас блаженство]

К ст. 44

1—8 Обстоятельства ужасные
Вынуждают [нас, увы! —]
Наши «Очерки» несчастные
[Прекратить. В замену [1] вы
Получайте] «Современное
[Слово», [2] нет большой беды
Тож] издан[ь]е [препочтенное]!
И будь счастлив —
[и т. д. См. «Совр. слово», № 80]
[А. Очкин] («Совр. сл.», № 80)

6 Ты теперь [читатель] мой

К ст. 85

[Пародия на стихи] Пушкина

Варианты С

4 Давно стоим мы на мели
9 Взволновано, а в журналистах
10 Духовных лиц не пощадил

ПОЖАРИЩЕ

(С. 160)

Варианты С

23—28 С лаем собака на вас не бросается,
Думает видно: украсть вам тут нечего!
(Так! А давно ли служила ты с верою,

[1] [награду <?>]
[2] *Далее зачеркнуто:* [очень]

Лаяла, злилась до самозабвения
И на хребте своем шерсть черно-серую
Ставила дыбом в защиту селения?..)

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

(С. 161)

Варианты корректуры ИРЛИ (К), С и Ст 1864

Эпиграф *отсутствует (К, С)*
Заглавие Орина *(К)*
Заглавие Горе старой Орины *(С)*

ВОЗВРАЩЕНИЕ

(С. 167)

Варианты автографа ЦГАЛИ

12 В меня бросал поблекшие листы
22 О чем давно я перестал мечтать

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

(С. 168)

Варианты авторизованной копии ЦГИА

58 С Немана, с матушки Волги, с Оки
82 Вынес татарщину русский народ.
92 Ваня сказал,— тысяч сто мужиков.

Варианты С и Ст 1869

Подзаголовок: (Посвящается детям) *(С)*
Эпиграф ст. 4 Инженеры, душенька. *(V)*
25—28 *отсутствуют (С, V)*
125—128 *отсутствуют (С)*

ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА

(С. 173)

Варианты С и прижизненных изданий «Стихотворений»

Заглавие Памяти - - ва *(V, VI)*
Эпиграф Милый друг, я умираю,
Но спокоен я душою

И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.
Д<обролюбов> *(С)*

1 Суров ты был, ты на рассвете жизни *(С)*
3 Учил ты жить для славы, для отчизны, *(С)*
18—25 *отсутствуют (С)*

О ПОГОДЕ

<Часть первая>

(С. 175)

Вариант цензорской корректуры ИРЛИ (К) и С

Эпиграф *отсутствует*

I

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА

(С. 175)

Варианты цензорской корректуры ИРЛИ (К), С и копии Панаевой (П)

20 Чей-то белый, некрашеный гроб *(К, С)*
43 Прогневилась рука-то господня, *(К, С)*
83 Да на гроб, да на саван, на свечи... *(К, С)*
122 а. Мы направились [робко] туда *(К)*
б. Мы направились с трупом туда *(К, П)*
в. Мы направились молча туда *(С)*
131 Да судьба как захочет обидеть *(К, С)*

II

ДО СУМЕРЕК

(С. 179)

Варианты цензорской корректуры ИРЛИ (К), С и копии Панаевой (П)

4 И другие недуги сулит *(К, С)*
9—16 *зачеркнуты* [1] *(К)*
9—16 *строка точек (С)*
17—20 Проходя мимо жалкой собаки,
Норовит ее всякий задеть.

[1] *Первоначально были зачеркнуты ст. 11—12 и 15—16.*

Стали греться — догрелись до драки
Два калашника — жутко глядеть! *(К, С)*

18 Норовит ее всякий толкнуть *(П)*

20 Два калашника — жутко взглянуть *(П)*

80 Сколько санок, колясок, карет! *(К, С)*

86 Тут [жандармский] какой-то седой генерал *(К)*

86 Тут какой-то седой генерал *(С)*

103 Таска была до сорок девятого [1] *(К)*

Вм. 123—126 *строка точек*

После 127 «Нет, шалишь: это дело ученое
Чья возьмет — попытаем сперва!..
Не гляди, что лицо-то зеленое —
Человек голова! *(К, П)*

158—161 Мне ли толку не знать в литераторах!
Что ни спросишь о них — расскажу!
При царице, при двух императорах
К ним ходил и при третьем хожу. *(К)*

158 Сам я счет потерял в литераторах *(С)*

158 Право, счет потерял в литераторах *(П)*

Вм. 185—190 С богом в путь — и пощады не жди
Наше строгое небо не сжалится,
Только дождь перестал, погляди:
Снег лепешками крупными валится!»
Город вдруг опустел — и пора! *(К)*

198—200 Чу! прощанья!.. Жалей не жалей,
Перемелется — дело привычное!
Грусть-тоску мужики на лошадках сорвут, *(К, С)*

204—205 Полведерочка слез на сестренок уйдет,
Ведра два молодухе достанется *(К, С)*

Вариант прижизненных изданий «Стихотворений»

204—205 *как в С (II, III, IV, V)*

III

СУМЕРКИ

(С. 184)

Варианты цензорской корректуры ИРЛИ (К) и С

57 Как-то [дико] и [глухо] рокочет *(К)*

58 Словно [гибнет народ], *(К)*

---

[1] [Заколодило с] сорок девятого

58 Словно общая гибель идет *(К, С)*
59 Словно город [об] разрушиться хочет *(К)*
59 Словно город разрушиться хочет *(С)*

Часть вторая

I

КРЕЩЕНСКИЕ МОРОЗЫ

(С. 187)

Варианты белового автографа ГБЛ

7 [Я уж выпил изрядно...] «Чего-с?»
17 [Расходилися] силы господни
19 Повстречаешь наверно до сотни
26 а. Иль оборванный Ванька в лаптях
б. Или Ванька-извозчик в лаптях
в. Иль оборванный Ванька в санях
30 Обличает проказы мороза
32 У театра господ поджидая
41 Но мороз с каждым днем прибавляется
Вм. 44—45 От каких же это причин
а. Третий день [никакой] господин
б. Третий день ни один господин
На оленях его не катается
48 Бродит он со своей самоедкою
50 Седока подгулявшего ждет
51—72 *вписано на отдельном листе*
После 54 Берегитесь! мы кстати расскажем,
Как погибла певица одна [1]
Видно слухи о золоте нашем
Совратили ее — и она
Не ошиблась: тщеславный Петрополь
а. [И ласкал и лелеял ее]
б. Ничего не жалел для нее
66 В тот же день как тебя схоронили
68 а. Где тебя мы венками дарили
б. Где с ума от тебя мы сходили
После 72 Между тем свирепеет мороз
Берегите, читатель, ваш [свой] нос...
После 80 [Те, которые кушая в меру
Вместо невской воды за столом
Попивают портвейн, мадеру

[1] *Примечание Некрасова:* Бозио умерла в Петербурге в 184 году.

И кончают обед коньяком
Словом, люди привычек солидных
Из хороших казенных квартир
Вдруг без всяких причин благовидных]
Переходят в неведомый мир
84 Среди сытых довольных людей
После 84 [[Каждый день то в театре то в клубе]
[Выбирает он жертв именитых
В зрелых летах, в почтенных чинах
[Важных], Чистых, гладеньких, толстеньких, сытых]
а. [Подбирается днем]
б. Нападает и днем и впотьмах
За обедом, за вистом,— и разом
а. [Расправляя] всё кончает, кровавый мужик
б. Всё кончает, свирепый мясник!

У того отнимается разум
Тот мгновенно теряет язык,
А иной поражен наповал...
а. ([Уж] названье убийцы конечно
[Ты] читатель давно угадал)
б. (Ты названье убийцы конечно
Друг-читатель давно угадал)

Страшен он! Полицейские меры
С ним бессильны. Есть средство одно.
Вместо крепкой ост-индской мадеры
Пей бордосское. Это вино
Не сгущает так крови. А впрочем
Из чего мы [так много] с тобою хлопочем?
Умереть от удара легко
Умирать же когда-нибудь надо].
85—86 [По Мильонной] с супругой своею
[Ехал в оперу] Нестор Фомич
92 [Покачнулся] и с [места] не встал!..
После 92 [За игрой у полковника Войта
Вдруг [Геннадий Ильич] Попов-прокурор заморгал
И пятнадцатый козырь какой-то
Помутнившимся взорам предстал]
104 Кроме [тучных угрюмых] обжор
107 Ходят [ходят] эти угрюмые пары
К 114 Писано в разгар деятельности

М. Н. Муравьева и М. Н. Каткова.[1]

123—124 Для супруги [вас] любящей нежно,
Сохранитесь [Вы] чисто, свежо

133 а. Обстановка; не бросят [вас] в лужу

б. Обстановка; не бросят [нас] в лужу

в. Вся картина; нас бросят не в лужу

134 Червь не скоро [ваш гроб просверлит]

136 Дольше важный свой вид [сохранит] сбережет

137 [Наконец] если [сродник несчастный]

139 Мы избавимся [пытки ужасной]

Вариант С

Между 72 и 73 *строка точек*

II

КОМУ ХОЛОДНО, КОМУ ЖАРКО!

(С. 191)

Варианты белового автографа ГБЛ

5 [Мрачных] фабрик громадные стены,

7 Начинаются [страшные] сцены

9—12 В центре города пищи для глаза
Больше: улицы, зданья, мосты
Всё зимой при [волшебном] сиянии газа
Получает печать [чистоты]

13—14 В Петербурге классической пылью

а. [Начинивши достаточно нос]

б. Надышавшись, паспорт мы берем

16—17 Но кто летом останется в нем,

а. Тот [чего пожелать ему знает]

б. [Тот едва ли им будет доволен]

19 [Грязны здания вывески лавки]

22 Тротуаром [бегущий] народ

24 Не щадящая [наших] боков

27—34 [Это мусор зловонный, дымящийся
И над ним по ночам огонек
Одиноко блестит как светящийся
В чистом поле ночной червячок]

а. [Пусты улицы, магазины и лавки]

б. Берегись!.. [Пусты улицы, лавки
Нет людей, не с кем слова сказать,

[1] *Примечание Некрасова.*

Всюду ломка, постройки, поправки,
Скучно жить, невозможно дышать!]

29—30 [На кострах этих в темные] ночи
[Одиноко блестят] огоньки

32 [Ядовита [неподвижна] черна и густа]

43—44 Но [тебя еще] мы еще не забыли
[Грязен ты и воняешь] ты весь

46 Характерная [адская] [летняя] смесь

47 Но зимой, [то ли дело?] для глаза —

67 а. [Пусть уныло с тоской] безотрадной

б. [Пусть сурова с тоской] безотрадной

в. [Воздух чист... Пусть с тоской] безотрадной

69 На Неву, что [могилой] громадной

После 70 [Между зданий где роскошь и сила
Водрузили знамена свои,
Та Нева, что войною ходила
Гордый город! на стогна твои]

71 а. И [пускай этот шпиль за] Невою

б. И [пусть ярко блестит за] Невою

в. И на [бронзовый шпиль за] Невою

73 Невеселые думы родит

77—80 а. [Невский [блещет]: [эстампы] и книги из окон глядят

б. Невский полон: картины и книги из окон глядят
Серебро бриллианты ковры
Вновь прибывают девы из Риги
Неподдельным румянцем блестя]

81—120 *вписано на отдельном листе*

123 Побывать мы там были бы рады,

128 а. Не кривите ж душою, поэт!»

б. Так и пойте погоду, поэт!»

136 Чу! [близехонько] топот раздался!

139 Вот [еще и еще] — не поспеешь считать!

140 Мчатся вихрем [пожарные] [удалые] тройки

141 [Не дави нас] пожарная рать!

После 142 [Достохвально пожары тушить,
Но зачем же прохожих давить?]

143—144 [Через Невский] на борзых конях

а. [С шумом с грохотом поезд промчался]

б. [С шумом с громом кортеж прокатился]

147—154 [Между тем как народ] толковал,
Где пожар и причина какая?

[Вновь на Думе явился] сигнал,
И промчалась команда другая!
[В скором времени, в разных] местах
Небо вспыхнуло заревом красным,
[Невский вдруг опустел. Пеший люд] впопыхах
Разбежался по улицам разным,
156 «Не у нас ли горит, [правый боже!]»

Вариант С

12 Где катаются моды цари

ГАЗЕТНАЯ

(С. 196)

Варианты наборной рукописи ГБЛ

Вм. 1—8 а. [Из игорной, где шумно и душно,
Перешли мы в газетную. Тут
Журналистике русской радушно
Клуб устроил [приятный] комфортный приют]
б. Увлекаемый думой заветной [1]
Я направил шаги к игрокам.
«Побываем сначала в газетной!» —
Шепчет Муза,— невесело там
1—8 *вписаны карандашом*
9 [Мягкий пол], с абажурами свечи,
12 [Не совсем-то приличен и] храп,
13—14 [Да] сморит после наших обедов
Хоть кого — незаметно уснешь!
После 14 [И притом, что писал] Грибоедов
[Повторив и теперь не солжешь]
21 а. Сознается, что пишут изрядно
б. Сознается, что пишут забавно
21—44 *вписаны карандашом на полях*
Вм. 49—54 [У меня есть приятель (без меры
Он в французские книги влюблен
Чтоб своей не испортить карьеры
Он скрывает свой ум, но умен)
Мы однажды с ним весело пили
И он вдруг мне сказал от души:

[1] [Подстрекаемый думой заветной]

«Мне вчера ваши вирши хвалили
И должно быть они хороши».
(Я, надеюсь, того не обижу,
Чьи слова привожу) «Почему?»
«Потому, что я их ненавижу!
Мрак и стон! Ну скажите, к чему]
Час досуга за утренним чаем
[Я испорчу бесплодной] тоской?

60 а. [Друг мой!] есть и причина тому!
б. [Стало] есть и причина тому
67 [Спокон веку], под бурей ломаются
70 Под печальную песню кипит
71—72 Вторит [им] наша Муза свободная
Вторит [им] — или [гордо] молчит
После 72 Если есть исключенья позорные
Ты же ими гнушаешься, друг!

Пусть взойдут семена животворные
Честной правды, свободы, наук...
«Ну, достаточно!..»

113 Переделать его [не успев],
115 Примиритесь же с песней моей
120 [Ежедневно] в газетной сидят
122 Но он [молод и] крепок и силен на взгляд,
128—131 Удалось из-за плеч старика
Прочитать: «[Посылал ты] в аптеку
[Говоришь двадцать три мужика
Захворали... обман и коварство!]
135—137 Анекдот этот [ходит по клубу]
([Он случился] лет двадцать тому)
[Подменил у кого-то он шубу]
141—143 У [жены] супруги его [вдруг] бриллианты
Родовые [исчезли] — двух слуг
Присудили [к Сибири] — сослали...
а. А потом [как старик умирал]
б. А потом — [раз старик захворал]
[У него бриллианты] видали
Вм. 147—150 [Он до ужаса гадок. Таскает
Пробки, карты домой; если вы
Не доели куска — доедает.
Презирают его, но увы!
В день играя три партии] виста
Он [находит товарищей в вист]

«Что ж? Ведь в карты играет он чисто!»
Да! но сам-то уж очень нечист!
151—154 [Но сидит среди праздных местечек
У стола перед кипой газет,
Постоянно один человечек
[Он мизерен [невзрачен] тщедушен и сед]
Желт, как мумия, крови в нем нет,
162—164 а. Отмечать... [Нет не форму и слог
Благонравный старик изучает]
б. Отмечать... [Мысли, форму и слог
Бескорыстный старик изучает]
в. Отмечать... Больше мысли, не слог
[Бескорыстный старик изучает]
[Он конечно свой труд обращает]
165 Глаз его под очками [сверк<ает>] играет
167—168 Карандаш свой пускает он в дело
Привычное... «А позвольте узнать?»
169 а. [(Подходить к нему можете смело)]
б. [(Заговаривать можно с ним)]
в. (Он болтун — [заговаривай] смело)
176 Цыц!.. ни слова, журнальная тварь
179—182 Мало им, что они Маколея
И [Дарвина] в печать провели
Кровопийцу Прудона, злодея
[Бокля] — выше небес вознесли
186—187 Старец [грустно поник] головой
А [законы], а [взятки], а гласность!..
195 На начальство роптать [я не смею]
197 Но [доныне понять не умею]
216 [И не даром] я брал свой оклад
232 С представленьем входил каждый год
234 Вместо *се*верный *ск*верный [орел] народ
238 *на полях:* NB на гобвахте сидел
245 Мне явился — [угрозы и пени]
248—250 Мне одна [поэтесса дала]
В маскараде... но бабу-нахалку
[Не удержишь...] да труден наш путь!
262 [Но он] речь [свою] мягче повел
263—268 [Но] храня целомудрие прессы
а. [Впрочем], не был я к авторам строг
б. [Не был я неразборчиво] строг
[Я карманные их] интересы
[По возможности [строго] свято берег]

Да! меня [будут чужды] упреки,
[Что я с умыслом их разорял]

271—273 Если ты написал: «[С] равнодуш[ьем]
Губернатора встретил народ»
Исключу я три буквы: [с] радуш[ьем]

279 Точно так: если [нежную] Лизу

Вм. 283—286 [Нет, пред ними я право не грешен
Я карманы их свято берег!..»
(Заключением этим утешен
Улыбнулся я старцу как мог)]

292—295 Не имею... кто б ожидал?
Никакого почтенья к святыне
[Всё по-своему хочет решать
Что отцу его было святыней,
В то дерзает он грязью кидать]
Спорю, спорю, не раз и руга[л]
[Побранишься], а в тайне [по]плачешь.

299—301 — Нигилист — это глупое слово
[Впрочем, если ты хочешь] под ним
[Понимать] человека прямого

Вм. 310—311 [На Васильевский прочу его,
Убеждаю: «По многим причинам
Не мешает туда поступить,
Можешь выйти с порядочным чином
Да и высших наук прихватить!»
Даже — льщу! Но успею едва ли!..]

324 а. [Только с нею на деле] подчас...

б. [Засмеялся — но с нею] подчас...

331 Добросовестен... [Господи боже!]

332 [Чем тогда я тебя прогневил], о боже

334 Старец [грустно] поникнул челом

После 334 [Ты что в своем сыне возродил?]
[Ты читающий в сердце моем?]

335—338 [Вы должно быть свои] корректуры
[Не] скрывали от ваших детей?

а. [(Я заметил ему)]: без цензуры

б. [(Перебил я его)]: без цензуры
Начитался он [вредных] статей

Варианты С, Ст 1869 и Ст 1879

37—38 Тот добился успеху во многом,
Тот удачно врагов обуздал, *(С)*

44 Сочинил благодушный донос *(С)*
183 К украшенью империи смеют *(С, V, Ст 1879)*
232—234 С представленьем входил каждый год?
А то раз цензора пропустили
Вместо северный скверный полет *(С, V)*
316—318 И прибавил (каков молодец?
Каково современное племя?)
Там мне скажут: а кто твой отец? *(С, V)*
341 *строка точек отсутствует (С, V)*

ЛЕГЕНДА О НЕКОЕМ ПОКАЯВШЕМСЯ[1] СТАРЦЕ, ИЛИ СЕДИНА В БОРОДУ, А БЕС В РЕБРО

(С. 206)

Варианты автографа ИРЛИ

13 Злу он просто был [Илиею]
41—44 а. [И запел потом издатель
Тамберличьим ут-диес
Позабыл его Создатель
Так помог хоть бес]
б. [И твердит теперь издатель
В назиданье для повес
«Коль отступится Создатель
Помните, есть бес».]
41 Се так заключил издатель.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ФЕДОРА ИЛЛАРИОНОВИЧА РУДОМЕТОВА 2-го, УВОЛЕННОГО В ЧИСЛЕ ПРОЧИХ В 1857 ГОДУ

(С. 209)

Первоначальная журнальная редакция (С 1863)

МОЕ ЖЕЛАНИЕ (РОМАНС ГОСПОДИНА, ОБИЖЕННОГО ЛИТЕРАТУРОЙ)

О, как желал бы я служить
Начальником цензуры!
Конечно, не затем, чтоб быть
Бичом литературы,

[1] *Это слово приписано сверху.*

А так — порядок водворить.
Вот тут-то было б писку!
Пришлось бы многим прекратить
Журнальную подписку.

Я б их как ураган застиг
10 В открытом чистом поле,
Совсем бы не являлось книг
По месяцу и боле!

И я воскликнул бы, поправ
Их наглую свирепость:
«Узнайте мой ужасный нрав
И мощь мою и — крепость!»

Мать не нашла бы прописей
Для дочери-девчонки,
И лопнули бы в десять дней
20 Все книжные лавчонки!..

Варианты автографа Черниговского гос. исторического музея

33 Я десять цензоров сменил
После 38 *начато:* Я воспретил...
42—45 Как [вихорь в чистом поле]
[Совсем не выходило книг]
[по месяцу и боле]
Мать не нашла бы прописей [1]

ПЕСНИ О СВОБОДНОМ СЛОВЕ

I

РАССЫЛЬНЫЙ

(С. 211)

Варианты наборной рукописи (НР) и корректуры (К) ИРЛИ

13—16 *скобки отсутствуют (НР, К)*
14 Труд свой в редакцию свез,— *(НР)*

---

[1] [Не находила] прописей

14 Труд мой в редакцию свез *(К)*
38 Но [еще величав и] стариковски пригож...*(НР)*

II

НАБОРЩИКИ

(С. 212)

Варианты наборной рукописи ИРЛИ

После 12 [Нам все равны статейки,
Пойдет ли не пойдет
Три четверти копейки
За строчку нам <?> придет] [1]
25—28 Вот он тебя читает
Сначала как отец
Умеренно марает
Где строчку, где столбец
52 Что [означал] их строй!
65 [Случаются] статейки
70—71 Статья не так толста
Глядь — еще в цензуре
72 а. [Убавят с пол-листа]
б. Посбавят ей бока
Вм. 85—116 [Но [Да] неравны заботы
Не спи, недоедай,
Ослепни от работы,
Ах время наверстай!..
Теперь с свободой слова
Тра-ла-ла-ла-ла-ла!
Не так уж бестолково
Пойдут у нас дела!..
После 86 *начато:* Рабочему...

Хор

Рабочему порядок
В труде всего важней
И лишний рубль не сладок,
Когда не спишь ночей

[1] *Эти стихи повторены после ст. 80 (первоначально, видимо, были припевом) и там оставлены.*

Как для кого другого
Тра-ла ла-ла ла-ла!
А нам свобода слова
Ты пользу принесла

Все праздники, все ночи
Теперь мы будем спать.
Работая сверх мочи,
Не будем изнывать

Да здравствует свобода!
Тра-ла, ла-ла, ла-ла!
С рабочего народа
Ты тяготу сняла!..]

94 [Измучен, желт, нечист]
99—100 [Таких как мы] не сыщешь —
Мы вечно [впопыхах]
101 От [вечной] недосыпки
104 [На каждом нет] лица!
После 111 Теперь иные ночи
Мы можем и уснуть,
Работою сверх мочи
Не надрывая грудь!

[Как для кого другого —
Мила ты не мила,—
Но нам свобода слова
Ты пользу принесла] [1]

IV

ЛИТЕРАТОРЫ

(С. 216)

Вариант наборной рукописи ИРЛИ

Вм. 2 (Писцов, Дворянчиков, Кутьин)

---

[1] *Эти четверостишия вписаны на полях.*

V

ФЕЛЬЕТОННАЯ БУКАШКА

(С. 217)

Варианты наборной рукописи ИРЛИ (НР), корректуры ИРЛИ (К), С и Ст 1869

18 Черты в статейки я беру. *(К)*
19 Знаком вам господин Пановский? *(К, С)*
19 Знаком вам господин П—ский? *(V)*
36 Был позван даже ко двору. *(К)*
36 Пришлось им всем не по нутру! *(С)*
36 Таскали даже - - - *(V)*
40 И не [хожу] на этот мост *(НР)*

VI

ПУБЛИКА

(С. 218)

Варианты наборной рукописи ИРЛИ (НР), корректуры ИРЛИ (К) и С

1 [Вот вам] свободная пресса! *(НР)*
18 В каждом [поругана] честь *(НР)*
21—22 Этот писатель злодейский
Впрочем хитрит иногда, *(НР, К)*
27—28 *заменены двумя строками точек (С)*
35 Ясно — [это] премудрый Аксаков [1] *(НР)*
38 Надоедает он [нам]?.. *(НР)*
70 А говоришь ты с ковра... *(НР)*
104 [Лучшее] средство: побить. *(НР)*
134—137 Мечется в праздных тревогах,
Горшей считая из бед,
Что на железных дорогах
Не продают уж газет. *(НР, К, С)*

---

[1] [Ясное дело] — Аксаков

VIII

ОСТОРОЖНОСТЬ

(С. 223)

Варианты наброска ИРЛИ

21—26 У солидного[1] папаши
Неудачна вышла дочь
Полюбив журналы наши
Их читает день и ночь[2]
И по этим по причинам
Стала всей семье вразрез
Женихам с хорошим чином
Отказала наотрез

29 [Что ж? ведь] это всё бывает

Варианты корректуры ИРЛИ

2 Барка утлая плывет

29 В свете это всё бывает

45 Что ж? и это ведь бывает,

76 [Весь] посад зажгло

Вариант списка ЦГАЛИ

8 Здесь привычен рыболов

<ИЗ «ПЕСЕН О СВОБОДНОМ СЛОВЕ»>

IV

ЖУРНАЛИСТ-РУТИНЕР

(С. 228)

Варианты наборной рукописи (НР) и корректуры (К) ИРЛИ

Заголовок Журналист-банкрот *(К)*

1—2 Я был богат, я был прославлен,

---

[1] [чиновного]
[2] [Пожирала] день и ночь

Но час ударил — я погиб *(НР, К)*

После 4 *следовали 61—64* [1] *)НР, К)*

14 Являясь так же каждый день *(К)*

17 Как я горячих либералов *(НР, К)*

Вм. 21—24 Перед подпиской ежегодно
Я восклицал: «Пора придет,
Тогда я выскажу свободно...
Теперь же знайте наперед:
Какие б тучи ни нависли
Над головой моей, друзья,
Останусь строго верен мысли...»
Какой? Тут точки ставил я... *(НР, К)*

33—40 *отсутствуют (НР, К)*

41—44 Теперь не то! Кричат: «Ни строчки
В твоей газете дельной нет!»
В ответ бы им поставить точки
Но нынче точки — не ответ! *(НР, К)*

После 44 Хоть насажай их пол-аршина
Убытки только понесешь,
Но либерала-гражданина
Ты ими чести не спасешь! *(НР, К)*

45 Кричат: «Давай свою идею!» *(НР, К)*

53—54 *совпадают с вариантами 1—2 (НР, К)*

57—58 Почти не может быть исчислен
Убыток мой — кругом беда! *(К)*

60 Не либерал я, господа! *(НР, К)*

После 60 [Увы мне мужеством гражданским
В газете больше не блистать!
С моим характером славянским
Роль европейца не играть] *(НР, К)*

---

[1] *Ст. 61—64 первоначально, очевидно, в качестве припева звучали в начале и в конце.*

БАЛЕТ

(С. 231)

Варианты наборной рукописи и отдельных набросков ГБЛ

Эпиграф *отсутствует*

1—4 а. Свирепеет мороз ненавистный
[Нет, на улице быть мудрено]
Муза! нынче спектакль бенефисный
[Не махнуть ли в театр заодно?]

б. Свирепеет мороз ненавистный
Рвет лицо, занимается дух
Муза! нынче спектакль бенефисный
Побываем в театре, мой друг!

После 20 [Мимо первые кресла! Не худо
Нам однако слегка набросать
Общий очерк балетного люда.

а. Безошибочно можно сказать
Здесь всё люди хорошего тона]

б. Знайте: люди хорошего тона
[Собралися сегодня в] балет

в. [Тут люди хорошего тона
Между ними заметишь сама
Пораженных стрелой Купидона
То есть тех у которых с ума
Не выходят балетные феи
Первый <?> ходит на <*нрзб*> своей
Дальше]

г. [Между ними найдешь [всего по <немногу>]
Офицеров (здоровый народ!)
И на службе крымскому богу
Севших на ноги старших господ
Моложавых]

25 [Буду скромен] — не бейте тревогу

Вм. 33—36 [А затем поставщик фельетонов
Офицеры различных полков
И безличная сволочь салонов
Дополняют пять первых рядов]
Что до них мы их после увидим [1]

39—40 [Видишь, Муза], как лица их красны

---

[1] *Эти стихи представляют собою отдельный набросок.*

[На Востоке горяч] человек
43 а. [На уме у нас] нечто другое
б. [Замышляем мы] нечто другое
44—45 [Мы] загадку хо[тим] предложить
[Укажите мне] в оперной зале
47 В [думе], в [земстве], в манеже, на бале
51 [Укажите одно роковое]
После 53 — В молодом поколении фатство,
В пожилом если правду сказать
Застарелой тоски тунеядство
Самодурство и [лени] злобы печать

Согласитесь ответ остроумный
(Я в антракте [его] вопрос предложил
На решение публики шумной
И тогда же ответ получил).
Но решенье точнейшее нужно
Муза! дай [долгожданный] если можешь ответ!
Слова [спору] нет: мы различны наружно
60—61 [Здесь] единство глубокое есть
[Здесь] безденежье всех уравняло —
65 [Где бы?..]
[С каждым] история та же,
71 [Нет сомненья: он] думает тайно
76—80 Невозможне [й назад]получить
Генерал-губернатор [Суворов] - - -в,
Подрывая последний кредит
Не щадит никаких договоров,
Никаких векселей не щадит.
86 Если б был губернатор [крутой]
Вм. 87—98 [Охраняй — о друг произвола!
Нас и впредь! Сам тюрьмы я боюсь...]
Вянет юность обоего пола.
Терпит даже семейный союз:
95 Что же делать? Не легкая школа
103—106 Сокрушаются Никольс и Плинке
[(Прекратив поневоле кредит)]
Сбыта нет самой модной новинке
[(Эх! зачем прекратили] кредит!)
а. [(То есть был бы я думаю сбыт)
Да они прекратили кредит]
б. [То ли будет — откройте кредит]
112 Ходят месяц за [кровным] рублем!

115—118 Кто бывало дурея с азарту
а. В час спускал сотню тысяч рублей
б. [Убивал нас игрою своей]
Пообедав, поставит на карту
[Много-много] пятнадцать рублей
После 119 [Иль на милость позорной судьбы?]
Вм. 131—134 а. [Кто-нибудь «миллиарды в тумане»
Там покажет тебе, может быть,
Ничего не прибудет в кармане
Да не может зато и убыть...]
б. [Там увидишь «мильярды в тумане»
А вернее того: сбережешь
Занятые рублишки в кармане...
Не обидно ли? В ласку войдешь] [1]
158—160 а. (Или греки. [О русских купцах нет
И речи) не больно ли вчуже
За отчизну?]
б. Нет купечества русского [(вчуже
Это больно)] где ты [1]
После 162 [Величава, нарядна, красива
Вряд красивей другую найдешь
Но не так уже смотрит красиво
На сто тысяч на всей не начтешь]

[Весела ты... и это веселье
И на шее твоей ожерелье
Эх зачем ты надела его] [1]
164 [Я читаю всё тот же вопрос...]
167—168 [Спору нет] красоты идеальной
[Эти перлы]
179—184 Будто было в [залоге] оно
а. [Мужа хлопнуло первым ударом
Ждет второго. Проститься пора
С эт<ой>]
б. С горя запил супруг разоренный
[Ждет удара. Простись же скорей]
С [этой чопорной жизнью салонной]
в. С горя запил супруг сокрушенный
Бог бы с ним! Расставаться тошней
[С этой лестницей с этим швейцаром,
С этим блеском ночей]
г. С горя запил супруг сокрушенный

[1] *Эти стихи представляют собою отдельный набросок.*

Кризис близок. Проститься пора
С этим золотом, бархатом, шелком [1]
185—186 Ты готова бы с бешеным волком
[Ночь проспать] — [лишь бы] снова блистать!
189 [Пусть свершается путь провидения] [1]
192 У Матрешки своей переспать
193 [Чем дружиться с посольством турецким] [1]
197 [Но [обидно] душе патриота]
199—200 [[Эх попроще себя б] вы [одели]
Марья Савишна. Как ни рядись] [1]
201 Не одет[ься вам] лучше камелий
203—206 [Между тем расплатиться бы с прачкой
А то с горничной с мужем и с дочкой
За полтину — какой же обед] [1]
203 а. [Между тем расплатились бы] с прачкой
б. [Право лучше б разделаться] с прачкой
в. Лучше вы расплатились бы с прачкой
204 а. Да [на стол бы накинули] грош
б. Да [прибавьте] в хозяйство [хоть] грош
в. Да в хозяйство прикинули грош
205 А то с [горничной], с мужем, с собачкой
209—210 Вообще в [этих ложах] сияло
Много [женщин роскошной красой]
218 Рассыпающим <*нрзб*> рукой
237 «Ты тоже брат астроном!»
239 а. Оробел я, немножко
б. Я покраснел, немножко
240—243 а. Смутился [как болван]
б. Смутился [(вот болван!)]
Сознайтесь... эта ножка...
[И] эта [грудь]... и стан...»
[Болтал] я генералу
247—250 «Не всё ж читать вам Бокля
[Купите-ка бинокль!..»]
[Купил я два] бинокля...
Прощай, почтенный Бокль!..
251—252 [[С тех пор перед] балетом
Я повергаюсь ниц]
256 Здесь [каждый] гражданин
После 258 [Сближает все сословья
Мирит врагов балет
Житейские условья?

---

[1] *Эти стихи представляют собою отдельный набросок.*

О них помину нет!]
[Забыть бы мог и голод,
Но здесь голодных нет,
В балете всякий молод,
На полчаса поэт
Кто тысячи бросает
Кто шляется пешком
Балет соединяет
В стремлении одном]

259 [Как жадно ловят взоры]

К 262 Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья,
Но, каюсь, *ножка Терпсихоры,*
Прелестней чем-то для меня;
Она, пророчествуя взгляду
Неоцененную награду,[1]

280 [Ускользнули] гирляндой цветов

281 Возвращаемся к [старому] метру

294 Как пойдет Петипа «мужичка»?..

296 Там я первый [забыться] готов

После 310 [Смейся, хлопай, покрикивай с нами!
Глупо злиться на этих людей:
Легче сердце их тронуть ногами,
Чем суровою песнью твоей!]

После 318 [Бедный край, помертвелый с морозов,
Ряд бревенчатых изб по местам,
И ползущих скрипучих обозов
Вереницы по снежным степям.]

333 В эти дни, когда крепки морозы

После 373 [Отчего тяжело? Где же кладь?
Есть она — да ее не видать,—
Есть она — да укладисто горе!..]

383 [Возчик] молвил: «Господь с вами, милые!»

386 Эх! чего понукаешь ее?

396 По печальным сердцам разобрать

Варианты С, Ст 1869 и Ст 1873

79 Генерал-губернатор - - -в, *(С, V, VI)*

240 Смутился (о, франт) *(V)*

385—388 *отсутствуют (С, V)*

396 *как в НР (С)*

---

[1] *Эти пушкинские строки, несколько измененные Некрасовым и послужившие впоследствии эпиграфом, вписаны карандашом в качестве примечания к указанному стиху.*

«ЭТИ НЕ БЛЕЩУТ ОСОБЕННЫМ ГЕНИЕМ...»

(С. 242)

Первоначальная редакция ГБЛ

[Он не блещет особенным гением
Но ведь не боги мастачат горшки,
Скорбность главы возместив направлением
Пишет изрядно стишки!]

<ЭКСПРОМТ
ПРИ ОТЪЕЗДЕ А. Д. ДМИТРИЕВА ИЗ ЯРОСЛАВЛЯ В КИЕВ
(ПОСЛЕ РЕЧИ А. С. ПЕТРОВСКОГО)>

(С. 247)

Вариант копии Ефремова ЦГАЛИ

1 Не сердись ты на него.

ПЕСНИ

II

КАТЕРИНА

(С. 249)

Варианты автографа ИРЛИ

17—19 Постучусь я к Феде поздним вечерком [1]
Выдем за деревню, в хлебах пропадем [2]
Выплачу я душу милому дружку

[1] [как полягут спать]
[2] [с Федей мы гулять]

КОЛЛЕКТИВНОЕ

«ЗА ТО, ЧТО ХОДИТ ОН В ФУРАЖКЕ...»

(С. 255)

Варианты чернового автографа ЦГАЛИ

1—2 За то, что он носил фуражки
И с криком бил себя по ляжке,
7 И только к собственному брюху
8 а. [Он снисхождение] питал.
б. Всегда сочувствие питал.
9 а. [Хоть] понимая [вещи] грубо
б. Все вещи понимая грубо
10—12 [Уничтожает] он сугубо
[Все блюда] Английского клуба,
а. А сам обедов не дает
б. А сам пиров не задает.
13 а. Хоть [издавая] без оглядки,
б. Хотя трудяся без оглядки,
14 Повсюду сеет опечатки
17 Но впрочем может быть и точно
21 И твердых Брутов и Прудонов

Разночтение публикации в «Новом времени»

2 За то, что бьет себя по ляжке —

КОММЕНТАРИИ

Во второй том входят стихотворения 1855—1866 гг.— периода исключительно интенсивной литературной и общественно-политической деятельности Н. А. Некрасова.

При активном сотрудничестве Н. Г. Чернышевского (с 1853 г.) и Н. А. Добролюбова (с 1856 г.) некрасовский «Современник» становится не только боевым органом революционной демократии, но и своеобразным организационным центром революционных сил России. «Современник» продолжал сохранять верность заветам «революционеров 61-го года» и после смерти Добролюбова (1861) и ареста Чернышевского (1862), когда Некрасову в условиях наступившей правительственной реакции пришлось взять на себя нелегкие заботы по возобновлению журнала (в середине 1862 г. он подвергся запрещению на 8 месяцев), а вслед за тем сразу же вступить в затянувшуюся неравную борьбу с царской цензурой, закончившуюся в середине 1866 г. окончательным закрытием «Современника».

Драматизм освободительной борьбы названного десятилетия нашел глубокое отражение в творчестве поэта. Представляемый вниманию читателя том открывается знаменитой поэтической и одновременно общественно-политической декларацией «Поэт и гражданин», которая была написана Некрасовым в качестве вступления к сборнику «Стихотворений» 1856 г. Отдельные положения этой декларации автор, подтверждая, уточнял, а отчасти и корректировал в таких произведениях, как «Песня Еремушке», «<Тургене>ву», «Литература с трескучими фразами...» и др. С ними органически связана и исповедальная лирика поэта («Что ты, сердце мое, расходилося?..», «Рыцарь на час» и др.). Значительная часть стихотворений тома посвящена изображению кричащих диссонансов жизни страны, подавляющее большинство населения которой изнемогало от крепостнического и полукрепостнического гнета, буржуазно-хищнических форм эксплуатации и полицейского произвола («Размышления у парадного подъезда», «Деревенские новости», «Надрывается сердце от муки...», «В полном разгаре страда деревенская...», «Калистрат», «Орина, мать солдатская», «Притча о Ермолае трудящемся», «Железная дорога» и многие другие).

Изображая жизнь народных масс с бесстрашием поэта-реалиста, Некрасов находил в их психологии и миросозерцании не только черты забитости и покорности, но и стремление к свободе, понятие о справедливости и воспитанную веками «привычку к труду благородную» — те качества, которые помогут в будущем мужику «в нагольном тулупе» стать хозяином собственной судьбы. Верой

в народ как движущую силу исторического процесса овеяны многие стихотворения настоящего тома («Деревенские новости», «Свобода» («Родина-мать! По равнинам твоим...»), «Крестьянские дети», «Зеленый шум», «Рассыльный» и др.).

С чувством глубокой симпатии создает Некрасов образы тех, кто самозабвенно отдавал свои силы пробуждению народного сознания. К ним примыкают также и стихотворные портреты выдающихся деятелей отечественной демократической мысли и литературы — Белинского, Добролюбова, Шевченко.

С другой стороны, перед читателем настоящего тома проходит длинная вереница ревнителей буржуазно-крепостнического строя, от «обагряющих руки в крови» столпов самодержавия до мелкого чиновного люда, покорно исполняющего желания и прихоти сильных мира сего.

Именно в десятилетие, последовавшее за изданием «Стихотворений» 1856 г., окончательно завершается формирование общественно-политической и эстетической позиции Некрасова и вполне обозначается его место в литературном процессе эпохи как поэта народного и в полном смысле этого слова поэта национального.

Тексты и варианты подготовили и комментарии к ним написали: О. Б. Алексеева («На Волге», «Рыцарь на час»); А. М. Гаркави («Поэт и гражданин», «Внимая ужасам войны...», «Тяжелый год — сломил меня недуг...», «Не знаю, как созданы люди другие...», «Не гордись, что в цветущие лета...», «Семьдесят лет бессознательно жил...», «Во вражде неостывающей...», «Кто долго так способен был...», «Так говорила актриса отставная...», «И на меня угрюмого, больного...», «О, пошлость и рутина — два [гиганта]...», «Прощанье», «Влюбленному», «Княгиня», «Самодовольных болтунов...», «<Тургене>ву», «Прости», «Как ты кротка, как ты послушна...», «Я посетил твое кладбище...», «Школьник»); М. М. Гин («О погоде», «Газетная», «Песни о свободном слове», «Из „Песен о свободном слове“», «Балет», «Чего же вы хотели б от меня...»); Б. В. Мельгунов («Белый день недолог...», «Эти не блещут особенным гением...», «Экспромт при отъезде А. Д. Дмитрпева», «Плохо, братцы, беда близко...»); Ф. Я. Прийма («Молодое поколение своему Зоилу»); М. Д. Эльзон («Литературная травля, или Раздраженный библиограф»); остальные тексты и варианты подготовлены к прокомментированы Н. Н. Скатовым. Комментарий к стихотворениям 1856—1866 гг., включавшимся в собрания сочинений Некрасова ошибочно, написан А. М. Гаркави.

Редакционно-техническая работа осуществлена М. Е. Устиновым.

1855—1856

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН

(С. 5)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 2, с. 85—101, с исправлением опечаток в ст. 51 («Неблагородны» вместо «Но благородны») и в ст. 198 («Когда же... Но молчу.» вместо «Когда же, но молчу...») по Ст 1856 (обоснование этих поправок см.: *Бухштаб Б. Я.* Заметки о текстах стихотворений Некрасова.— В кн.: Издание классической литературы. Из опыта «Библиотеки поэта». М., 1963, с. 242—257) и устранением цензурных искажений в ст. 56—57 (по автографу ГБЛ), 126—127, 187—192 (по Ст 1856) вслед за рядом советских изданий Некрасова (например, ПСС, т. II).

Недавно было высказано предположение, что замена настоящего времени прошедшим в ст. 56—57 («рыскал» вместо «рыщет» и «бродил» вместо «бредет») была произведена Некрасовым в порядке стилистической правки (*Груздев А.* Из наблюдений над текстом стихотворения Н. А. Некрасова «Поэт и гражданин».— РЛ, 1960, № 2, с. 198 –200). Однако с точки зрения стилистической стихи от этой замены не выиграли, так как прошедшее время здесь не согласуется со словами «теперь» и «доживаем»; между тем отнесение действия к прошедшему времени привело к явному ослаблению политического звучания стихов; поэтому мы присоединяемся к мнению К. И. Чуковского, полагавшего, что замена была сделана в порядке автоцензуры, и вводим в основной текст чтение автографа.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1856, с. V—XVI. Перепечатывалось во 2-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений» и в Р. б-ке.

Автограф всего стихотворения не найден. Автограф ст. 52 (начиная со слов «Заметен ты»—65 в виде отдельного текста в цикле «Заметки» (под № 1) с заглавием «Самому себе» (первоначальный, зачеркнутый вариант заглавия: «Современному поэту») — ГБЛ (Зап. тетр. № 2, л. 42); факсимильно воспроизведен в издании: *Некрасов Н. А.* Соч., т. 1. М., 1954, между с. 160 и 161; опубликован Некрасовым без заглавия в составе «Заметок о журналах за февраль 1856 года»: С, 1856, № 3 (ценз. разр.— 29 февр. и 3 марта 1856 г.), отд. V, с. 79. Автограф ст. 136—147 — ЦГАЛИ (Зап. тетр., л. 4, в составе поэмы «В. Г. Белинский»). Эти строфы вошли в стихотворение «Русскому писателю» (С, 1855, № 6 (ценз. разр.— 31 мая 1855 г.), с. 219, с подписью: «Н. Некрасов»). См.: Другие

редакции и варианты, с. 265. Черновые наброски, относящиеся к ст. 191—197, 204—207,— ГБЛ (Зап. тетр. № 1, внутренняя сторона задней обложки).

В Экз. авт. ГБЛ Некрасов от руки заполнил цензурные купюры в ст. 227—229, 267. В Экз. авт. ГПБ Некрасов, устраняя цензурные искажения, в ст. 211 зачеркнул «правдивом» и надписал «свободном», а также заполнил цензурную купюру в ст. 227—229. В корректуре Ст 1856 Н. Х. Кетчер вписал от руки два дополнительных четверостишия (после ст. 131 и после ст. 135), не вошедших в печатный текст (Кор. Кетчера, л. 58 об., 59).

В прижизненных изданиях «Стихотворений» (начиная со Ст 1861) датировано: «1856». Однако некоторые фрагменты монологов Гражданина были созданы раньше. Ст. 136—147, написанные весной 1855 г., как уже говорилось, были первоначально опубликованы в составе стихотворения «Русскому писателю». Несколько позже были написаны ст. 52—65: упомянутый выше их автограф датируется (по положению в Зап. тетр. № 2) концом 1855 или началом 1856 г. Работу над «Поэтом и гражданином» Некрасов завершил лишь летом 1856 г., находясь на даче близ Ораниенбаума. «Пишу длинные стишищи и устал»,— сообщил он И. С. Тургеневу 27 июня 1856 г. Некрасов торопился закончить «Поэта и гражданина», чтобы ввести его (в качестве предисловия) в издание Ст 1856, прошедшее уже через цензуру (ценз. разр. — 14 мая 1856 г.).

В Ст 1856 «Поэт и гражданин» был напечатан более крупным шрифтом и с особой пагинацией (римскими цифрами). Последнее обстоятельство, возможно, объясняется тем, что эти страницы были присоединены к уже сверстанной книге.

Когда сборник Ст 1856 вышел из печати (19 октября 1856 г.), Некрасов находился за границей. Об огромном успехе книги у передовых читателей ему сообщал Чернышевский 5 ноября 1856 г.: «Восторг всеобщий. Едва ли первые поэмы Пушкина, едва ли „Ревизор" или „Мертвые души" имели такой успех, как Ваша книга» (Чернышевский, т. XIV, с. 321). В № 11 «Современника» за 1856 г., в рецензии Чернышевского на Ст 1856 были целиком перепечатаны три стихотворения: «Поэт и гражданин», «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» и «Забытая деревня». Перепечатка была замечена в великосветских кругах, и о «крамольной» книге Некрасова было доложено Александру II (Чернышевский, т. I, с. 752; Колокол, 1857, 1 авг., л. 2, с. 14—15). Возникло громкое цензурное дело, причем наиболее яростные нападки вызвало стихотворение «Поэт и гражданин». «...тут идет речь,— указывал товарищ министра народного просвещения П. А. Вяземский в проекте распоряжения по цензурному ведомству,— не о нравственной борьбе, а о политической <...> здесь говорится не о тех жертвах, которые каждый гражданин обязан принести отечеству, а говорится о тех жертвах и опасностях, которые угрожают гражданину, когда он восстает против существующего порядка и готов пролить кровь свою в междоусобной борьбе или под карою закона» (ЛН, т. 53—54, с. 215—216). В распоряжении министра народного просвещения А. С. Норова от 30 ноября 1856 г. говорилось, что в стихотворении, «конечно не явно и не буквально, выражены мнения и сочувствия неблагонамеренные. По всему ходу стихо-

творения и по некоторым отдельным выражениям нельзя не признать, что можно придать этому стихотворению смысл и значение самые превратные» (*Лемке М.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904, с. 312); здесь же были выписаны из «Поэта и гражданина» ст. 54—61, 123—127, причем слова «Чтоб он под бурей запылал, Путь освещая всенародно...» и «...дело прочно, Когда под ним струится кровь...» были подчеркнуты как наиболее «неприличные и неуместные» (там же, с. 312—313). В том же распоряжении предписывалось, «чтобы впредь не было дозволяемо новое издание „Стихотворений Н. Некрасова" и чтобы не были печатаемы ни статьи о сей книге, ни выписки из оной»; редакции «Современника» было объявлено, что «первая подобная выходка подвергнет <...> журнал совершенному прекращению» (там же, с. 313). Выпустить новое издание «Стихотворений» Некрасову удалось лишь после долгих хлопот, в 1861 г. При перепечатке в Ст 1861 многие стихотворения были сильно искажены цензурой. Особенно пострадал «Поэт и гражданин». При дальнейших перепечатках Некрасов восстановил в этом стихотворении ряд ярких строк, но отдельные искажения так и остались в тексте всех последующих прижизненных изданий (см.: Другие редакции и варианты, с. 267—268).

Упрощенно трактуя стихотворение, Е. А. Ляцкий писал, что оно воспроизводит, «без сомнения, одну из типичнейших бесед Чернышевского с Некрасовым» (Современный мир, 1911, № 10, с. 170). Конечно, в монологах Гражданина воплощены вгляды на назначение искусства, которые в ту пору пропагандировал Чернышевский (в «Эстетических отношениях искусства к действительности» и в других работах). Но в монологи того же Гражданина включены и ст. 136—147, которые в черновике поэмы «В. Г. Белинский» были вложены в уста Белинского, а также ст. 52—65, оформленные в рукописи как автопризнание Некрасова и озаглавленные «Самому себе».

Очевидно, что в монологах Гражданина отражены взгляды Чернышевского, Белинского, Некрасова и других революционных демократов. В образе Поэта, видимо, есть какие-то черты характера Некрасова, но несомненно резкое различие творческих установок автора и героя; см. особенно ст. 208—294, где Поэт рассказывает, что его «душа пугливо отступила», испугавшись борьбы («Но... гибнуть, гибнуть... и когда? Мне было двадцать лет тогда!»), и он отошел от больших социальных тем, стал «добродушно» воспевать красоту природы и т. п. Гражданин и Поэт — образы, имеющие обобщенный характер.

Поскольку в прижизненных изданиях Некрасова текст «Поэта и гражданина» печатался с цензурными искажениями и купюрами, читатели восстанавливали доцензурные варианты в своих экземплярах книги Некрасова (иногда с разночтениями) — см. Экз. Васильковского, Экз. ГБЛ, Экз. Гербеля, Экз. Евгеньева-Максимова, Экз. Ефремова 1859, Экз. ИРЛИ 6, Экз. Лазаревского, Экз. Музея Н., Экз. Чуковского. Некоторые бесцензурные варианты были восстановлены также в Списке Модзалевского и в заграничной контрафакции — Ст 1862.

Призывая своего друга М. И. Шемановского к «внутренней работе над собою» (т. е. к воспитанию в себе стойких революционных убеждений), Н. А. Добролюбов в письме к нему от 6 августа

1859 г. цитировал «Поэта и гражданина»; он писал: «С потерею внешней возможности для такой деятельности мы умрем,— но и умрем все-таки не даром... Вспомни:

Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной... и т. д.

Прочти стихов десять, и в конце их ты увидишь яснее, что я хочу сказать» (Добролюбов, т. IX, с. 378). В последней фразе Добролюбов обращал внимание своего друга на строки, считавшиеся в то время особенно «крамольными»:

Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибни безупрёчно.
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

«Вишь, куда метнул!» — скрытая цитата из Гоголя (в «Ревизоре», д. 2, явл. 8: «Эк, куда метнул!»).

«Не для житейского волненья...» — цитата из стихотворения Пушкина «Поэт и толпа» (1828).

А ты, поэт! избранник неба...— Некрасов использует пушкинскую характеристику Поэта (из того же стихотворения): «небес избранник».

Будь гражданин! служа искусству...— Первоначально (в составе стихотворения «Русскому писателю») эта строка имела другую редакцию: «Служи не славе, не искусству»,— и вызвала замечание И. С. Тургенева, который писал И. И. Панаеву 10 июля 1855 г.: «Желал бы я знать — стих Некрасова (в стихотворении «К русскому писателю»):

Служи не славе, *не* искусству —

вероятно, опечатка вместо: *но* искусству?» (Тургенев, Письма, т. II, с. 298). Предложенную Тургеневым поправку Некрасов не принял, но переделал строку так, чтобы в ней нельзя было усмотреть пренебрежительного отношения к искусству.

Поэтом можешь ты не быть, Но гражданином быть обязан.— Некрасов перефразирует формулу К. Ф. Рылеева (из посвящения к поэме «Войнаровский», 1823—1825): «Я не поэт, а гражданин». Эту формулу (не называя Рылеева из-за цензуры) привел Н. Г. Чернышевский в 4-й статье из цикла «Очерки гоголевского периода русской литературы» (С, 1856, № 4). Возможно, что эта статья, хорошо известная Некрасову (он хлопотал о ее публикации перед цензором В. Н. Бекетовым), и напомнила ему о рылеевской формуле (см.: *Гаркави А. М.* Чернышевский и стихотворение Некрасова «Поэт и гражданин».— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, вып. 5. Саратов, 1968, с. 54—57).

Кадеты — воспитанники дворянских военно-учебных заведений.

Предводитель — губернский или уездный предводитель дворянства, выборные административные должности.

Плантатор — здесь: помещик, живущий в своем имении.

Хоть мало, И среди нас судьба являла Достойных граждан...— Против этих строк (печатавшихся с вариантом: вместо «среди

нас» — «в наши дни») в Экз. авт. ГПБ переписчик сделал пометку: «Здесь видели намек на судьбу декабристов». Впрочем, надо полагать, что Некрасов имел в виду не только декабристов, но и петрашевцев и других революционеров, подвергшихся репрессиям со стороны царского правительства.

Клянусь, я честно ненавидел! Клянусь, я искренно любил! — Н. Г. Чернышевский, усмотревший в этих стихах автопризнание Некрасова, писал ему 5 ноября 1856 г.: «...Вы говорите не о любви к женщине, а о любви к людям — но тут еще меньше права имеете Вы унывать за себя:

Клянусь, я честно ненавидел!
Клянусь, я искренно любил!

— не вернее ли будет сказать Вам о себе:

...я честно ненавижу!
...я искренно люблю!»

(Чернышевский, т. XIV, с. 324).

«ВНИМАЯ УЖАСАМ ВОЙНЫ...»

(С. 14)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 136.

Впервые опубликовано: С, 1856, № 2 (ценз. разр.— 31 янв. и 5 февр. 1856 г.), с. 223, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден.

В авторском списке стихотворений, которые Некрасов наметил включить в Ст 1856: «Внимая войне» (Зап. тетр. № 2, л. 43 об.).

В Р. б-ке датировано: «1855», а в Ст 1879 отнесено (также, видимо, по указанию автора) к 1854 г. Последняя дата явно неверна: отсутствие автографа в Солд. тетр. показывает, что к июню 1855 г. стихотворение еще не было написано.

Стихотворение представляет собой отклик на Крымскую войну. Возможно, что непосредственным поводом к его написанию послужило знакомство с рассказом Л. Н. Толстого «Севастополь в августе 1855 года». Отдельные главы рассказа Толстой читал Некрасову еще до опубликования, 27 декабря 1855 г. (*Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, 1828—1890. М., 1958, с. 104). Рассказ глубоко взволновал Некрасова, и по поводу гибели одного из его героев поэт писал в «Заметках о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года»: «Володе Козельцову суждено долго жить в русской литературе, может быть, столько же, сколько суждено жить памяти о великих, печальных и грозных днях севастопольской осады. И сколько слез будет пролито и уже льется

теперь над бедным Володею! Бедные, бедные старушки, затерянные в неведомых уголках обширной Руси, несчастные матери героев, погибших в славной обороне! вот как пали ваши милые дети...» (ПСС, т. IX, с. 373). Эти «Заметки...», перекликающиеся по содержанию со стихотворением «Внимая ужасам войны...», были напечатаны также в № 2 «Современника» за 1856 г.

Существует предположение, что стихи Некрасова полемичны по отношению к рассказу Л. Н. Толстого «Севастополь в мае», в котором (в главе 15) была высказана мысль, что родные вообще скоро забывают об умерших. При публикации (С, 1855, № 9) это место рассказа было изъято цензурой, но Некрасову, читавшему рассказ в рукописи, оно было известно (*Альтман М.* Читая Толстого. Тула, 1966, с. 48—50).

Стихотворение распространялось в списках: список П. Л. Лаврова (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, ед. хр. 340, л. 218 об.), список из архива Верещагиных (ГБЛ, ф. 456, карт. № 1, ед. хр. 62, л. 3) и др.

Многократно положено на музыку (Н. П. Карцев, 1877;[1] Г. А. Лишин, 1885; А. Л. Панаев, 1894; Ц. А. Кюи, 1902; Э. Э. Мейер-Гельмунд, 1903; К. К. Варгин, 1913; С. А. Кашеваров, 1914; Т. Н. Хренников, 1971).

«ТЯЖЕЛЫЙ ГОД — СЛОМИЛ МЕНЯ НЕДУГ...»

(С. 15)

Печатается по Ст 1879, т. I, с. 240.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1861, ч. 1, с. 172—173, с подзаголовком: «(Из Ларры)». С этим подзаголовком перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений». Он был снят лишь в Ст 1879.

Беловой автограф с подзаголовком: «(Из Л **)» — ГБЛ (Зап. тетр. № 2, л. 44).

В Ст 1879 датировано: «1856», со ссылкой на указание автора. По содержанию и положению автографа в Зап. тетр. № 2 должно быть отнесено к 1855 или 1856 г.

При помощи подзаголовка поэт хотел скрыть от любопытства посторонних подробности личной жизни. Видимо, поэтому он вообще долго не печатал стихотворение. Оно навеяно размолвкой с А. Я. Панаевой; ср. на с. 341 наст. тома комментарий к стихотворению «Прощанье».

«НЕ ЗНАЮ, КАК СОЗДАНЫ ЛЮДИ ДРУГИЕ...»

(С. 16)

Печатается по черновому автографу ГБЛ.

Впервые опубликовано: *Чуковский К. И.* Неизданные стихотворения Н. А. Некрасова.— 30 дней, 1931, № 1, с. 57.

---

[1] См.: Ст 1879, т. IV, с. XXXIX.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1931.
Черновой автограф — ГБЛ (Зап. тетр. № 3, л. 15—14 об.).

Датируется 1855 или 1856 г. по положению автографа в Зап. тетр. № 3.

«НЕ ГОРДИСЬ, ЧТО В ЦВЕТУЩИЕ ЛЕТА...»

(С. 17)

Печатается по черновому автографу ГБЛ.
Впервые опубликовано: *Чуковский К. И.* Неизданные стихотворения Н. А. Некрасова. — 30 дней, 1931, № 1, с. 57.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1931.
Черновой автограф (весь текст зачеркнут) — ГБЛ (Зап. тетр. № 3, л. 14).

Датируется 1855 или 1856 г. по положению автографа в Зап. тетр. № 3.

«СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ БЕССОЗНАТЕЛЬНО ЖИЛ...»

(С. 18)

Печатается по автографу ГБЛ.
Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: ПССт 1934—1937, т. I, с. 544.
Автограф (карандашный набросок) — ГБЛ (Зап. тетр. № 3, л. 5).

Датируется 1855 или 1856 г. по положению автографа в Зап. тетр. № 3.
Видимо, это начало ненаписанного стихотворения о раскаявшемся преступнике. На такое предположение наводит и смысл четверостишия, и непосредственное соседство автографа с автографом стихотворения «Влас».

«ВО ВРАЖДЕ НЕОСТЫВАЮЩЕЙ...»

(С. 19)

Печатается по автографу ГБЛ.
Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений (в качестве наброска, относящегося к поэме «В. Г. Белинский»): ПСС, т. I, с. 487.
Автограф (на отдельном листе) — ГБЛ (Зап. тетр. № 3, л. 6).

Датируется 1855 или 1856 г. по положению автографа в Зап. тетр. № 3.
Легендарно-религиозный колорит этого отрывка не позволяет отнести его к поэме «В. Г. Белинский». К тому же он написан другим размером. По метру (четырехстопный хорей с чередованием дактилических и мужских рифм) он совпадает со стихотво-

рением «Влас». Автограф комментируемого отрывка (как и отрывка «Семьдесят лет бессознательно жил...») соседствует с автографом стихотворения «Влас». Однако и к нему комментируемый отрывок, видимо, не имеет прямого отношения: слова о «вражде неостывающей» и душе «непрощающей» не согласуются с содержанием «Власа».

Возможно, что это набросок отдельного стихотворения о раскаявшемся преступнике.

«КТО ДОЛГО ТАК СПОСОБЕН БЫЛ...»

(С. 20)

Печатается по беловому автографу ГБЛ.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: ПССт 1934—1937, т. I, с. 544—545.

Беловой автограф (в составе цикла «Заметки» под № 4) — ГБЛ (Зап. тетр. № 2, л. 44 об.).

Датируется 1855 или 1856 г. по положению автографа в Зап. тетр. № 2 и в цикле «Заметки».

«ТАК ГОВОРИЛА АКТРИСА ОТСТАВНАЯ...»

(С. 21)

Печатается по черновому автографу ГБЛ.

Впервые опубликовано: ст. 1—4 — Звенья, II. М.—Л., 1933, с. 301; полностью — ПССт 1934—1937, т. I, с. 541.

В собрание сочинений впервые включено в последнем из названных изданий.

Черновой автограф — ГБЛ (Зап. тетр. № 1, л. 29).

Датируется 1855 или 1856 г. по положению автографа в Зап. тетр. № 1.

По содержанию связано с набросками пьесы, находящимися в той же тетради. В них рассказывается о том, что старуха (видимо, отставная актриса) пришла в качестве просительницы к богатому князю, своему бывшему любовнику, и привела к нему свою красавицу дочь Наташу (ПСС, т. IV, с. 211—213). В чем состояла просьба, не вполне ясно; речь могла идти об определении Наташи на сцену (см. там же, с. 644) или о денежной помощи. Из комментируемого стихотворения видно, что князь отказал в просьбе. Существует предположение, что весь этот замысел был навеян судьбой актрисы В. Н. Асенковой и ее матери (*Чуковский К.* Некрасов, Николай I и Асенкова.— В кн.: Звенья, II, с. 296—301).

«И НА МЕНЯ, УГРЮМОГО, БОЛЬНОГО...»

(С. 22)

Печатается по черновому автографу ГБЛ.

Впервые опубликовано: *Чуковский К. И.* Неизданные стихотворения Н. А. Некрасова.— 30 дней, 1931, № 1, с. 59.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1931.
Черновой автограф — ГБЛ (Зап. тетр. № 1, л. 95 об.).

Датируется 1855 или 1856 г. по положению автографа в Зап. тетр. № 1.

В названной статье и в ряде изданий Некрасова К. И. Чуковский печатал этот отрывок под редакторским заглавием «Встреча с крестьянами». Такая трактовка правдоподобна, но остается гипотетической.

«О, ПОШЛОСТЬ И РУТИНА — ДВА [ГИГАНТА]...»

(С. 23)

Печатается по черновому автографу ГБЛ.
Впервые опубликовано: *Чуковский К. И.* Неизданные стихотворения Н. А. Некрасова. — 30 дней, 1931, № 1, с. 57.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1931.
Черновой автограф — ГБЛ (Зап. тетр. № 1, л. 99).

Датируется 1855 или 1856 г. по положению автографа в Зап. тетр. № 1.

1856

ПРОЩАНЬЕ

(С. 24)

Печатается по беловому автографу ГБЛ (Зап. тетр. № 3).
Впервые опубликовано: *Чуковский К. И.* Неизданные стихотворения Н. А. Некрасова.— 30 дней, 1931, № 1, с. 57.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1931.
Два беловых автографа — ГБЛ (Зап. тетр. № 2, л. 42 об. и Зап. тетр. № 3, л. 48). Первый автограф, с датой: «28 февр<аля>», с немногими поправками; второй, очевидно, более поздний, без поправок, с датой: «28 февр<аля> 1856».

Датируется по пометкам в автографах.
Обращено к А. Я. Панаевой и написано под впечатлением размолвки с ней (ср. на с. 338 наст. тома комментарий к стихотворению «Тяжелый год — сломил меня недуг...»).
Н. Г. Чернышевскому нравились эти стихи, известные ему в рукописи. О. С. Чернышевская сообщила об этом К. И. Чуковскому в личной беседе (см.: 30 дней, 1931, № 1, с. 58).

ВЛЮБЛЕННОМУ

(С. 25)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 135.
Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1856, с. 158. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Черновой автограф (в составе цикла «Заметки» под № 3, с датой: «16 марта») — ГБЛ (Зап. тетр. № 2, л. 43).

В Ст 1879 было ошибочно датировано: «1852». Год написания (1856) устанавливается по положению автографа в Зап. тетр. № 2.

КНЯГИНЯ

(С. 26)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 2, с. 79—84.

Впервые опубликовано: С, 1856, № 4 (ценз. разр.— 31 марта 1856 г.), с. 259—260, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось во 2-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден. Авторизованная копия отдельных стихов, восходящая, видимо, к раннему автографу (в ней содержится и добавочное шестистишие, публиковавшееся в начале стихотворения в «Современнике» и затем исключенное Некрасовым),— Экз. авт. ГПБ.

Вошло в авторский список стихотворений, которые Некрасов наметил включить в Ст 1856: «Княг<иня>» (Зап. тетр. № 2, л. 43 об.).

В прижизненных изданиях «Стихотворений» (начиная со второго, 1861) датировано: «1856».

В «Княгине» отразилась нашумевшая в петербургских великосветских кругах история графини Александры Кирилловны Воронцовой-Дашковой (урожд. Нарышкина, по второму мужу баронесса Пуалли, 1818—1856).

Ее первый муж, граф И. И. Воронцов-Дашков (1790—1854), служил обер-церемониймейстером при дворе Николая I. Графиня, отличавшаяся замечательной красотой, была законодательницей мод на балах и в салонах (см.: *Бутурлин Д. М.* Записки.— РА, 1901, № 11, с. 400; *Мещерский А. В.* Из моей старины.— РА, 1901, № 1, с. 106; *Соллогуб В. А.* Воспоминания. М.—Л., 1931, с. 288 и др.). После смерти мужа А. К. Воронцова-Дашкова уехала в Париж и там вышла замуж за барона де Пуалли. Умерла она в Париже 18 (30) мая 1856 г. (Русский некрополь в чужих краях, вып. 1. Париж и его окрестности. Пг., 1915, с. 72).

Указанная дата смерти А. К. Воронцовой-Дашковой является несомненной: согласно справке Парижской префектуры, похороны состоялись на Монмартрском кладбище 1 июня 1856 г. (сообщено В. В. Ждановым). Таким образом, стихотворение было написано и опубликовано до смерти «княгини».

Строки, повествующие о жизни героини во втором замужестве, видимо, не являются воспроизведением реальных фактов. А. Дюма писал: «Госпожа Воронцова-Дашкова вышла замуж за французского дворянина, положение которого в обществе было совершенно таково же, как и ее <...> Эта обаятельная и умная женщина, с которой я имел честь быть знакомым, была кумиром своего мужа. Пораженная долгой, тяжелой, смертельной болезнью,

она умерла среди роскоши, в одном из лучших домов Парижа, на площади Св. Мадлены против бульвара» (*Dumas A.* Impressions de voyage en Russie. Paris, 1859; цит. по русскому переводу в кн.: *Григорович Д. В.* Литературные воспоминания. Л., 1928, с. 481—482). Достоверность этого сообщения косвенно подтверждается упоминанием в воспоминаниях Дюма конкретных лиц, точных адресов и т. д. М. М. Гин обратил внимание и на то, что после смерти А. К. Воронцовой-Дашковой (Пуалли), вопреки стихотворению, остался не «голяк-потомок отрасли старинной», а богатейшие наследники — сын и дочь; исследователь сделал вывод, что поэт стремился не к точному воспроизведению биографических сведений о «княгине», а к воссозданию типичного образа и по-своему характерной судьбы русской аристократки (см.: *Гин М.* От факта к образу и сюжету. М., 1971, с. 87—89).

Непосредственным поводом к написанию «Княгини» могли явиться слухи, распространявшиеся в России. О них упоминает А. Дюма в цитированных выше мемуарах: «Согласно легенде, распространенной в России, графиня Воронцова-Дашкова вышла замуж во Франции за какого-то будто бы авантюриста, который промотал якобы ее состояние и отправил ее умирать в больницу <...> Поэт, как и все, был введен в заблуждение» (с. 481). О том, что весьма неблагоприятные слухи о втором муже графини действительно имели место, можно судить и по мемуарным свидетельствам, не вполне совпадающим с тем, о чем говорится в некрасовском стихотворении. Так, В. А. Инсарский в своих «Записках» сообщал, что графиня, «разоренная и обезображенная, кончила свое существование в одной из парижских больниц» (PC, 1894, № 2, с. 19); А. С. Суворин писал, что Воронцова-Дашкова «по смерти мужа влюбилась в секретаря французского посольства, вышла за него замуж и играла при нем жалкую роль; он спустил все ее состояние, отчасти в Монако, и она умерла в Париже в госпитале» (*Суворин А. С.* Дневник. М.—Пг., 1923, с. 33). Поскольку Воронцова-Дашкова (Пуалли) долго и тяжело болела, слух о ее смерти мог упредить само событие. И, видимо, никто из современников не заметил, что стихи о смерти «княгини» появились еще при ее жизни. Так, в Экз. Васильковского против заглавия «Княгиня» стоит лишь пометка: «(Воронцова)». Е. П. Ростопчина в пасквильном стихотворении «Простой обзор» (1857) обвинила Некрасова в том, что он посмел «встревожить женский неостывший прах» (см.: *Бухштаб Б. Я.* Заметки о текстах стихотворений Некрасова.— В кн.: Издание классической литературы. Из опыта «Библиотеки поэта». М., 1963, с. 253).

В 1859 г. появился (в упомянутой книге А. Дюма) перевод «Княгини» на французский язык. Барон Пуалли, прочитав этот перевод, почувствовал себя оскорбленным и приехал в Россию, чтобы вызвать Некрасова на дуэль. Дуэль не состоялась лишь благодаря вмешательству друзей поэта (см.: Панаева, с. 231—237).

Известен сделанный П. Л. Лавровым список «Княгини» (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, ед. хр. 340, л. 226 об.— 228).

Да в строфах небрежных русского поэта...— Речь идет о стихотворении М. Ю. Лермонтова «К портрету» (1840), посвященном Воронцовой-Дашковой. В характеристике «княгини» Некрасов

отчасти следует за этим лермонтовским стихотворением (там есть строки: «Ей нравиться долго нельзя: Как цепь ей несносна привычка» — ср. в «Княгине» ст. 10—12).

Другие редакции и варианты

Знать, ей не мешали «страсти роковые».— «Страсти роковые»— цитата из эпилога к поэме А. С. Пушкина «Цыганы».

«САМОДОВОЛЬНЫХ БОЛТУНОВ...»

(С. 28)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 111—112.

Впервые опубликовано: С, 1856, № 9 (ценз. разр.— 31 авг. 1856 г.), с. 88, с подписью: «Н. Н.» (в оглавлении: «Стихотв<орение> Н. А. Некрасова»).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Первоначальный набросок (на полях запись, возможно представляющая собою план стихотворения,— перечень лиц, с которыми по первоначальному замыслу должен был встретиться Решетилов) — ГБЛ (Зап. тетр. № 1, л. 30). Беловой автограф в письме Некрасова к В. П. Боткину от 16 июня 1856 г.— ЦГАЛИ, ф. 54, оп. 1, ед. хр. 73, л. 10 об. Другой беловой автограф: ст. 1—30 — ИРЛИ, Р. I, оп. 20, ед. хр. 142, л. 2 об.; ст. 31—37 — ГБЛ, ф. 195, ед. хр. 4835. 9, л. 1 об.

К. И. Чуковский указал, что фамилия помещика «Решетилов» была заимствована Некрасовым из очерка И. С. Тургенева «Однодворец Овсяников» (входящего в «Записки охотника») и что Некрасов использовал ее также в повести «Как я велик!» (ПССт 1934—1937, т. I, с. 734).

Посылая эти стихи В. П. Боткину, Некрасов писал (16 июня 1856 г.): «Вот тебе стихи, которые я третьего дня написал <...> Они позволены». Слова «они позволены», видимо, относятся к публикации в Ст 1856,— это издание было разрешено цензурой еще 14 мая 1856 г., так что стихотворение «Самодовольных болтунов...» должно было пройти через цензуру отдельно.

ПРОСТИ

(С. 30)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 150.

Впервые опубликовано: БдЧ, 1856, № 10 (ценз. разр.— 22 сент. 1856 г.), с. 206, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф в письме Некрасова к Тургеневу от 30 июля 1856 г. — ИРЛИ, 21194.

Некрасов приводит эти стихи (в письме) как «написанные вчера», чем определяется их датировка.

Относится к группе стихотворений, обращенных к А. Я. Панаевой.

Многократно положено на музыку (А. Маркович, 1856; Н. Т. Кравцов, 1858; Ц. А. Кюи, 1859; Н. Ф. Бунаков, 1863; В. Н. Кашперов, 1864; Ю. Г. Гербер, 1870; А. И. Дюбюк, 1870; Н. А. Ржевская, 1870; Л. А. Фохт, 1873; Н. П. Карцев, 1878; К. Ю. Давыдов, 1879; А. А. Ильинский, 1879; В. Л. Фабпан-Бланки, 1879; А. Б. Куракин, 1881; Н. А. Римский-Корсаков, 1883; П. И. Чайковский, 1887; С. М. Блуменфельд, 1889; С. Д. Волков-Давыдов, 1889; К. Н. Лазари, 1889; М. Г. Вальяни, 1891; И. Ф. Россет, 1892; А. И. Манн, 1893; В. В. Варгин, 1894; А. Ф. Тюрнер, 1897; Г. Я. Фистулари, 1899; Н. Д. Дмитриев, б. д.; В. П. Калафати, 1900; Р. А. Гуммерт, 1901; И. Н. Соколов, 1901; Н. И. Филипповский, 1901; Л. В. Николаев, 1902; Н. С. Терещенко, 1902; Н. Н. Черепнин, 1904; В. А. Золотарев, 1906; Д. К. Сартинский-Бей, 1906; А. К. Черткова, 1908; Ф. М. Блуменфельд, 1910; Ф. Ю. Бенуа, 1912; Б. Л. Левинзон, 1912; М. Д. Кетриц, 1913; А. И. Юрасовский, 1915; А. Н. Александров, 1948).

«КАК ТЫ КРОТКА, КАК ТЫ ПОСЛУШНА...»

(С. 31)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 101.

Впервые опубликовано: С, 1856, № 8 (ценз. разр.— 31 июля 1856 г.), с. 298, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф первоначальной редакции — ГБЛ, ф. 195, ед. хр. 4835. 9, л. 1 об.

В Ст 1879 датировано: «1856». Эту датировку можно уточнить, поскольку автограф первоначальной редакции находится на одном листе с концовкой написанного в середине июня стихотворения «Самодовольных болтунов...», а окончательный текст был опубликован в «Современнике», 1856, № 8. На этом основании датируется июнем—июлем 1856 г.

Положено на музыку (Н. А. Тивольский, 1858; С. Ф. Делюсто, 1862; А. И. Дюбюк, 1862; Л. А. Фохт, 1872; А. Б. Куракин, 1877; В. В. Корнет, 1882).

«Я ПОСЕТИЛ ТВОЕ КЛАДБИЩЕ...»

(С. 32)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 144—145.

Впервые опубликовано: С, 1856, № 9 (ценз. разр.— 31 авг. 1856 г.), с. 87, с подписью: «Н. Н.» (в оглавлении: «Стихотв<орение> Н. А. Некрасова»).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф первоначальной редакции («Среди моих трудов досадных...») — ГБЛ (Солд. тетр., л. 95—96). Беловые автографы окончательного текста — ИРЛИ, Р. I, оп. 20, ед. хр. 142, л. 1 об.— 2; ГПБ, ф. 514, ед. хр. 1.

В Ст 1879 датировано: «1849». Первоначальная редакция стихотворения в Солд. тетр. датируется 1855 г. Окончательная редакция относится, по-видимому, к 1856 г.

И. С. Тургенев, по свидетельству мемуаристки, рассказывал: «У Некрасова есть очень теплое стихотворение на смерть одной женщины, которая любила его. А вот как при жизни ее обходился с нею поэт, по его же собственным словам. Он был в то время беден и озлоблен. Приходя домой, он не говорил с ней, она же не переставала служить ему и ухаживать за ним и только плакала и любила его <...> Ивану Сергеевичу было непонятно подобное отношение, но ведь он-то сам никогда не был ни беден, ни озлоблен» (Л<*уканина*> *А.* Мое знакомство с И. С. Тургеневым.— Сев. вестн., 1887, № 2, с. 43). Ср.: *Колбасин Е.* Тени старого «Современника».— С, 1911, № 8, с. 229—230; *Вильде К.* Литература и совесть. — Голос Москвы, 1912, 26 сент., № 221, с. 4. Видимо, эта женщина умерла между 1849 и 1856 г. (в первоначальной редакции о ее смерти не говорится).

Как сообщил А. В. Никитенко, 31 декабря 1858 г. на обеде у И. А. Гончарова «Некрасов прочел свое замечательное стихотворение „Кладбище“» (Никитенко, т. II, с., 53; иное толкование этой записи см. на с. 401 наст. тома). Некрасов предполагал выступить с ним и на публичных чтениях (видимо, в пользу нуждающихся литераторов), о чем свидетельствуют пометки на автографе ГПБ: «Из издания Стихотворений Некрасова 1856 г.» (пометка И. С. Тургенева); «Дозволяется прочитать в публичном собрании» (пометка И. Д. Делянова — председателя С.-Петербургского цензурного комитета в 1858—1860 гг.) (ср.: *Заборова Р. Б.* Из архивных разысканий о Н. А. Некрасове. — РЛ, 1973, № 4, с. 125).

Первоначальная редакция распространялась в рукописных копиях — см.: Экз. ГБЛ, Экз. Ефремова 1861, Экз. Лазаревского, Экз. Музея Н. Впервые опубликована (по Экз. Ефремова 1861) И. Н. Розановым в статье «Два стихотворения <Некрасова>» (ЛГ, 1938, 5 янв., № 1, с. 4).

Другую женщину я знал...— Речь идет об А. Я. Панаевой.

ШКОЛЬНИК

(С. 34)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 147—149.

Впервые опубликовано: БдЧ, 1856, № 10 (ценз. разр.— 22 сент. 1856 г.), с. 205—206, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден.

«Школьник» написан, очевидно, летом 1856 г., когда Некрасов жил на даче под Ораниенбаумом. Эти места связаны с деятельностью *«архангельского мужика»* — М. В. Ломоносова.

Незадолго до отъезда за границу (11 августа 1856 г.) Некрасов передал в редакцию «Библиотеки для чтения» стихотворения «Прекрасная партия» и «Школьник» (см.: Письма к А. В. Дружинину. М., 1948, с. 156).

Социальная острота «Школьника» была замечена цензором Е. Е. Волковым, который 14 ноября 1856 г. доносил министру народного просвещения А. С. Норову: «Здесь автор хочет доказать, что великие и гениальные люди преимущественно могут выходить только из простого народа» (*Евгеньев-Максимов В.* Некрасов как человек, журналист и поэт. М.—Л., 1928, с. 223).

В 1859 г. в рецензии на предназначавшийся для детского чтения «Сборник избранных мест из произведений современных русских писателей» Н. А. Добролюбов отметил, что одним из недостатков сборника является отсутствие в нем стихотворений Некрасова,— таких, как отрывки из поэмы «Саша», «Школьник», «Несжатая полоса», «Внимая ужасам войны...» (Добролюбов, т. IV, с. 355). Редакция «Сборника...» учла это замечание: во 2-м его выпуске (1860) были помещены «Школьник» и «Несжатая полоса». С тех пор еще при жизни Некрасова «Школьник» многократно перепечатывался в различных хрестоматиях, сборниках для народа и т. п. (см.: *Кужелева Н. А.* Н. А. Некрасов в дореволюционных изданиях для детей (1849—1917 гг.).— Труды Ленингр. библиотечного ин-та им. Н. К. Крупской, 1958, т. V, с. 87—107).

Фабульную основу «Школьника» использовал Д. Д. Минаев в стихотворениях «Проселком» (1860) и «Школьник» (1883).

<ТУРГЕНЕ>ВУ

(С. 36)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 139—140.

Впервые опубликовано: С, 1856, № 10 (ценз. разр.— 30 сент. 1856 г.), с. 281, без заглавия, с посвящением: «Т-ву» и подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено (с заглавием: «Т......ву»): Ст 1856. Перепечатывалось (с заглавием «- -ву») в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден.

В Ст 1879 неточно датировано: «1855».

Посвящено И. С. Тургеневу и связано с его проводами за границу, в которых участвовал и Некрасов. Тургенев выехал 21 июля 1856 г. (ПСС, т. X, с. 281, 283). Время написания стихотворения устанавливается по дате отъезда Тургенева и публикации в «Современнике». В Ст 1861 Некрасов изменил заглавие, сделав посвящение Тургеневу менее явным,— очевидно, потому, что отношения поэта с Тургеневым к тому времени разладились.

И женской любящей душой...— подразумевается М.-Ф.-П. Виардо (1821—1910), знаменитая французская певица, друг жизни Тургенева.

«БЕЛЫЙ ДЕНЬ НЕДОЛОГ...»

(С. 37)

Печатается по беловому автографу ИРЛИ.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: ПССт 1927, с. 439, раздел стихотворений неизвестных годов.

Автограф — ИРЛИ, 21107, л. 1. Запись карандашом на листке тонкой бумаги бледно-голубого цвета. С правкой. Без даты. Под текстом подпись чернилами неизвестной рукой: «Н. Некрасов». К рукописи приложена справка: «Автограф Некрасова находился (был вложен) в тетрадь записей Сусанны Степановны Панаевой, урожд. Лалаевой, жены Ипполита Александровича Панаева. Записи С. С. Панаевой представляют лишь семейный интерес. А. Н. Макаров. 30 марта 1924 г., Петербург».

И. А. Панаев, в доме которого бывал Некрасов, с 11 августа 1856 г. до 1 мая 1866 г. управлял конторой «Современника».

Датируется предположительно концом 1856 г.

Одно из немногих чисто пейзажных произведений Некрасова, стихотворение написано, вероятно, под влиянием лирики А. А. Фета в пору наибольшей увлеченности им — в 1856 г. Осенью 1856 г. Некрасов путешествовал по Италии совместно с Фетом, 7 декабря он писал из Рима Тургеневу: «Погода здесь, как у нас в сухую и ясную осень; бывают дни чисто летние. Мы с Фетом отправились было на охоту, но попали неудачно — вылет вальдшнепов был самый ничтожный, нашли все четырех, убили одного. Оно и хорошо, а то бы я разлакомился». Возможно, после одной из таких прогулок, в минуты воспоминаний о России и было написано «Белый день недолог...». По теме, ритмическому рисунку, системе образов и настроению близко стихотворению А. А. Фета «Ласточки пропали...» (1855).

Дупельшнепов жди.— Дупельшнеп, дупель — болотная промысловая птица из семейства бекасов.

1857

УБОГАЯ И НАРЯДНАЯ

(С. 38)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 162—168.

Впервые опубликовано: С, 1860, № 1 (ценз. разр.— 14 янв. 1860 г.), с. 330—334, с подписью: «Н. Некрасов» и датой: «23 декабря».

В собрание сочинений впервые включено (без даты): Ст 1861, ч. 1. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден. Цензорская корректура — ИРЛИ, 21121. В корректуре рядом с зачеркнутым цензором ст. 37 помета рукой Некрасова: «Три строки точек». Авторизованная копия в Тетр. Панаевой, л. 48 об.— 53.

Датируется 23 декабря 1857 г., как во всех прижизненных и первом посмертном изданиях.

В копии Панаевой ст. 37 восстановлен рукой Некрасова (в корректуре и в С он заменен дополнительной строкой точек и напечатан лишь в Ст 1861); цензором зачеркнуты также слова: «татарские» в ст. 64 (заменено в корректуре и во всех изданиях словом «нерусские»), «наследственной» в ст. 66, «барство» в ст. 88 (в корректуре восстановлены Некрасовым) и «гвардия» в ст. 128 (заменено в корректуре словом «публика», но тем не менее напечатано уже в «Современнике»).

Публикация этого стихотворения, а также стихотворения «Папаша», обратила на себя внимание критика «Одесского вестника» В. Чибисова, который, высоко оценивая их, отмечал: «В них обличение проникнуто негодованием и возвысилось до сатиры». Задаваясь вопросом о причинах «свежего» воздействия этих произведений на читателей, при всей обыденности описанных явлений, критик писал далее: «Тут вся сила в рассказчике, в том чувстве, с каким он относится к этому явлению, а г. Некрасов относится к нему с такою верою в чистоту человеческой природы, с таким глубоким негодованием к своим героям, что, читая его стихи, невольно переживаешь те же чувства. В этом-то и особенность таланта этого популярнейшего из наших поэтов» (Одесский вестн., 1860, 14 июля, № 63).

Ванька — извозчик.

<В АЛЬБОМ О. С. ЧЕРНЫШЕВСКОЙ>

(С. 42)

Печатается по автографу ЦГАЛИ.

Впервые опубликовано: Звенья, V. М.—Л., 1935, с. 508.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. II.

Автограф — ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 117. Стихи написаны на втором листе альбома О. С. Чернышевской с подписью, но без даты.

Датируется 1857 г. по указанию Н. М. Чернышевской (Звенья, V, с. 509).

1857—1858

«ВСЕВЫШНЕЙ ВОЛЕЮ ЗЕВЕСА...»

(С. 43)

Печатается по Ст 1920, с. 530.

Впервые опубликовано (в редакции, отличной от окончательной): ОЗ, 1861, № 2, с. 40, в составе «Заметок Праздношатающегося» М. П. Розенгейма; 16 строк в несколько иной редакции по копии Д. П. Сильчевского, сделанной с автографа Некрасова,— Биржевые ведомости, 1899, 1 авг., № 208; 22 неполные строки в записи Н. А. Добролюбова, сделанной по памяти,— Временник Пушкинского Дома. СПб., 1914, с. 23. Автограф этой записи —

ИРЛИ, 28/1856 (о ней см.: *Максимович А. Я.* Некрасов — участник «Свистка».— ЛН, т. 49-50, с. 315).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Местонахождение копии А. Я. Панаевой, содержащей наиболее полный текст (см.: ПССт 1927, с. 458), по которой стихотворение опубликовано К. И. Чуковским в Ст 1920, в настоящее время неизвестно.

Датируется самым концом 1857 или началом 1858 г. на основании упоминания о смерти Перовского в копии Добролюбова: видный государственный и военный деятель гр. В. А. Перовский скончался 8 декабря 1857 г. Другие ориентиры датировки более ранние: в тексте упоминается «третий томик Щедрина», т. е. т. 3 «Губернских очерков» Салтыкова-Щедрина (ценз. разр.— 7 сент. 1857 г.). Строки копии Добролюбова «Мужик не вынут из-под пресса, Но уж программа издана», очевидно, имеют в виду рескрипт Александра II на имя виленского генерал-губернатора В. И. Назимова от 20 ноября 1857 г.— первую официальную программу отмены крепостного права. Стихотворение осталось незавершенным, но ходило в списках в различных редакциях. Оно предназначалось для «Свистка» (см.: ПССт 1931, с. 623). Ст. 13—16 в измененном виде Некрасов вскоре использовал в стихотворении «Что поделывает наша внутренняя гласность?».

В конце 1850-х гг. ожидаемые реформы вызывали, особенно в либеральных кругах, немало разговоров и восторгов. Скептически в целом относясь ко всей этой шумихе, чуждой пониманию подлинных интересов русской жизни, Некрасов в своем стихотворении указал на ряд фактов, помогающих уяснить истинную цену русского «прогресса».

Первый публикатор комментируемого стихотворения М. П. Розенгейм трактовал его по-своему, противопоставляя позицию его автора позиции «желчных людей»: «...нам приятно <...> прочесть утешительные строфы <...> поэта, которые, конечно, убедят нас, что дела наши вовсе не так дурны <...> Светлый поэт <...> приводит много <...> утешительных явлений в нашей общественной жизни <...> подвигов и побед наших на поприще прогресса...» (ОЗ, 1861, № 2, с. 39—40).

Всевышней волею Зевеса... — цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (глава первая).

На грамотность не без искусства Накинулся почтенный Даль...— Проблема грамотности народа была предметом оживленной дискуссии в начале 1860-х гг. В. И. Даль (1801—1872) поместил в «Русской беседе» письмо к издателю, А. И. Кошелеву, в котором говорил о преждевременности всеобщего распространения грамотности, о том, что «грамота сама по себе ничему не вразумит крестьянина; она скорее собьет его с толку, а не просветит. Перо легче сохи; вкусивший без толку грамоты норовит в указчики, а не в рабочие <...> он склоняется не к труду, а к тунеядству» (1856, № 3, с. 3).

Какой-то господин Давыдов...— Астраханский корреспондент Вольного экономического общества помещик П. Давыдов на страницах «Земледельческой газеты» (1857, 25 окт.) защищал сохранение телесных наказаний для крестьян.

Весьма пониженный тариф... — Вероятно, за перевозки по железным дорогам.

Статейка господина Бланка... — Реакционнейший публицист, тамбовский помещик Г. Б. Бланк (1811—1889) — автор многочисленных статей, в частности вызвавшей всеобщее возмущение статьи «Русский помещичий крестьянин», в которой он писал, что крепостное право есть учреждение «совершенно оригинальное» и «составляет исключительную собственность нашего отечества» (Труды имп. Вольного экономического общества, 1856, т. II, № 6, отд. II, с. 117). Возможно, что Некрасов имеет в виду именно эту статью.

Другие редакции и варианты

Лишь первые четыре класса... — По действовавшей в России с небольшими изменениями до 1917 г. петровской «Табели о рангах» первые четыре класса, т. е. правящую верхушку, составляли канцлеры, действительные тайные советники, тайные советники и действительные статские советники.

Клейнмихель П. А. (1793—1869) — главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями, с именем которого связаны многочисленные злоупотребления николаевского царствования; был уволен в отставку 15 октября 1855 г.

1858

«СТИХИ МОИ! СВИДЕТЕЛИ ЖИВЫЕ...»

(С. 44)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, с. 92.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1864, ч. 3, с. 42 (в оглавлении: «Стихи, стихи! Свидетели живые»; в тексте: «Стихи мои! Свидетели живые»). Перепечатывалось в 3-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 26, л. 1. Подпись: «Н. Некрасов» и дата: «21 августа 1863 г. Князю Д. И. Долгорукову». Другой беловой автограф в альбоме из архива М. И. Семевского — ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, ед. хр. 402, л. 18. Подпись: «Ник. Некрасов» и дата: «Апрель 25, 1874, СПб.». В альбоме Л. П. Шелгуновой, жены Н. В. Шелгунова, под автографом Некрасова поставлена более ранняя дата: «21 февр. 1858. СПб.». Является ли дата временем написания стихотворения или записи в альбоме — неясно. Первая строка этого автографа читалась: «Стихи, стихи! Свидетели живые...» (Литературный архив, издаваемый П. Картавовым. СПб., 1902, с. 95; ныне местонахождение альбома Шелгуновой неизвестно). Факсимильное воспроизведение этого автографа: Некрасовский альбом. Пб., 1921, с. 28.

Вопрос о датировке решается на основе записи в альбоме Шелгуновой. «Это прекрасное стихотворение,— писал П. В. Засодимский в связи с записью в альбоме Л. П. Шелгуновой,— помеченное в печати под 1862 годом, как оказывается, было написано за четы-

ре года до появления его в печати, и для печати изменено в нем лишь начало первой строки: „Стихи мои!..“» (*Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л.* Воспоминания, т. 2. М., 1967, с. 482).

Положено на музыку (Ц. А. Кюи, 1902; А. И. Юрасовский, 1915; А. В. Мосолов, 1928).

Н. Ф. КРУЗЕ

(С. 45)

Печатается по автографу ИРЛИ.

Впервые опубликовано: ст. 5—7, неполные и искаженные,— Знакомые. Альбом Семевского. СПб., 1888; ст. 15—22 — *Городецкий Б.* Памяти Н. Ф. Крузе.— ИВ, 1901, окт., с. 262, как отдельный набросок с датой: «1873» — Ст 1920, с. 555; полностью — ПССт 1927, с. 428.

В собрание сочинений впервые включено в последнем из названных изданий.

Автограф — ИРЛИ, 26255. Дата: «8 апреля 1858». В ст. 14 описка: «изведавших» вместо «изведавшим».

Датируется по автографу.

В 1858 г. либеральный московский цензор Н. Ф. Крузе (1823—1901) по распоряжению Александра II был уволен за некоторые послабления печати. Это дало повод литераторам выразить протест и заявить сочувствие потерпевшему. Среди 59 литераторов, подписавших приветственный адрес, были Некрасов, Салтыков-Щедрин, Чернышевский, Добролюбов, Тургенев, Гончаров, Григорович и др. Во время чествования Крузе 8 апреля 1858 г. на квартире Некрасова поэт и произнес приветственные стихи. Скептическое отношение Некрасова к реформам Александра II сказалось в словах: «Луч света трепетный, сомнительный, чуть зримый». Образ мужественного бойца, гражданина в стихах, конечно, шире своего реального прототипа.

«В СТОЛИЦАХ ШУМ, ГРЕМЯТ ВИТИИ...»

(С. 46)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1861, ч. 1, с. 248, с датой: «1858». Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф, озаглавленный «В 1858 г.»,— ИРЛИ, Р. I, оп. 20, ед. хр. 3, л. 89. Другая редакция этого стихотворения приведена Некрасовым в письме к И. С. Тургеневу от 27 июля 1857 г.— ИРЛИ, 21194.

Датировка, указанная в беловом автографе, сохранялась во всех прижизненных изданиях и в Ст 1879. Она принимается и в настоящем издании (см.: *Лебедев Ю. В.* О двух редакциях стихотворения Некрасова «В столицах шум, гремят витии...».— Некр. сб., IV, с. 222—227).

В пору, когда в обеих столицах шумно приветствовались и обсуждались будущие «великие» реформы, поэт обращается к России с мучительным вопросом, пытаясь понять глубинные процессы жизни страны. В этом плане стихотворение непосредственно примыкает к поэме «Тишина». Некрасов пытался опубликовать стихотворение в октябрьском номере «Современника» за 1858 г., но цензура не пропустила его. Цензор Д. И. Мацкевич докладывал: «...стихи эти содержат в себе двойной смысл, который цензурный комитет не может себе вполне объяснить. Посему и надобно представить это стихотворение на рассмотрение Главного управления цензуры». На основании рапорта цензора председатель цензурного комитета И. Д. Делянов 14 октября 1858 г. писал в Главное управление цензуры: «Так как это стихотворение, выражая в первых двух стихах слишком звучными словами деятельность наших столиц, совершенно противоположному <?> какому-то безотрадному положению остальной части России, представленному в последующих очерках стихотворения, может подавать, по мнению комитета, повод к различным неблаговидным толкам, то С.-Петербургский цензурный комитет считает необходимым представить это стихотворение при сем на благоусмотрение Главного управления цензуры» (*Рейсер С. А.* Заметки о Некрасове.— В кн.: Звенья, V. М.—Л., 1935, с. 534—537).

Главное управление запретило стихи, и они были напечатаны только в 1861 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

(С. 47)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, с. 7—14.

Впервые опубликовано: за границей — Колокол, 1860, 15 янв., л. 61, с. 505—506, без подписи, с заглавием: «У парадного крыльца», с примечанием А. И. Герцена: «Мы очень редко помещаем стихи, но такого рода стихотворение нет возможности не поместить»; в русской легальной печати — Ст 1863, ч. 2, с. 187.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1863, ч. 2. Перепечатывалось в 3-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Корректурный оттиск с авторской вставкой на полях ст. 107—117 — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 21, вставка сделана взамен восьми последних строк. Авторизованная копия (совпадающая с редакцией «Колокола») — Тетр. Панаевой, л. 60—63 об. Пометка Некрасова карандашом над текстом: «Не переписывать» и его же карандашная отметка против строки «А иные скрежещут и плачут» в виде креста.

Датируется в соответствии с примечанием Некрасова под заглавием «Писано в 1858 году» (Ст 1873, т. II, ч. 3, с. 9), что совпадает с указанием мемуаров Е. Я. Колбасина «Тени старого „Современника“» (С, 1911, № 8, с. 237).

А. Я. Панаева рассказывает об эпизоде, послужившем поводом к созданию произведения: Некрасов видел из окна своей квартиры, как дворники и городовые гнали крестьян, желавших подать

прошение, от подъезда дома важного чиновника (Некр. в восп., с. 86). В этом доме жил тогда министр государственных имуществ М. Н. Муравьев, будущий усмиритель польского восстания 1863 г. (*Гаркави А.* О владельце «роскошных палат».— РЛ, 1963, № 1, с. 153—156).

Чернышевский писал А. Н. Пыпину: «...могу сказать, что картина:

„Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное“ и т. д.—

живое воспоминанье о том, как дряхлый русский грелся в коляске на солнце „под пленительным небом“ Южной Италии (не Сицилии). Фамилия этого старика — граф Чернышев.

Вторая заметка: в конце пьесы есть стих, напечатанный Некрасовым в таком виде:

„Иль судеб повинуясь закону“,—

этот напечатанный стих — лишь замена другому» (Чернышевский, т. I, с. 754). «Граф Чернышев», который упоминается в этих пояснениях, очевидно, был не граф, а князь А. И. Чернышев (1785—1857), военный министр в 1827—1852 гг., позднее председатель Государственного совета.

Исследователями было предложено несколько вариантов прочтения замененной строки, о которой говорит Чернышевский. В. Е. Евгеньев-Максимов на основании рукописной копии, относящейся к 60-м гг. XIX в., предложил читать: «Сокрушишь палача и корону» (*Евгеньев-Максимов В.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. III. М., 1952, с. 143). А. М. Гаркави прочитал эту строку так: «Иль царей повинуясь закону» (Учен. зап. Калинингр. пед. ин-та, 1961, вып. 9, с. 84). Работы Р. Б. Заборовой (Некр. сб., V) и А. Ф. Тарасова (О Некр., вып. IV) подтверждают бытование этого варианта. М. Л. Нольман предложил следующий вариант: «Иль покорный царю и закону» (Учен. зап. Костром. пед. ин-та им. Н. А. Некрасова, 1963, вып. 9, с. 179). Однако все эти предположения основаны на догадках и документально не подтверждены.

Образ развращенного вельможи восходит к оде Г. Р. Державина «Вельможа».

Стихотворение использовалось революционерами в их пропагандистской деятельности. Известны многочисленные рукописные копии его. Так, в хранящемся в ГБЛ рукописном сборнике «Песни революции» (1905—1906 гг.) «Размышления у парадного подъезда» переписаны рукою участника Севастопольского восстания солдат и матросов 1905 г. И. И. Штрикунова.

Последняя часть стихотворения со слов «Назови мне такую обитель» была одной из любимых студенческих песен. Неоднократно положена на музыку (Я. Ф. Пригожий, 1906; Н. А. Колесников, 1907; М. В. Коваль, 1953; А. Г. Новиков, 1963).

Записав свое имя и званье... — В праздничные дни в передних домов вельмож и крупных чиновников выставлялись особые

книги, в которых расписывались посетители, не допускавшиеся лично. Такая запись заменяла личные поздравления.

«НОЧЬ. УСПЕЛИ МЫ ВСЕМ НАСЛАДИТЬСЯ...»

(С. 50)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 95.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1861, ч. 1, с. 108—109. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден.

В Р. б-ке ошибочно датировано: «1867». В Ст 1879 датировано: «1858». Эта дата принимается в настоящем издании.

Стихотворение связано с мучительными сомнениями и думами о народной судьбе, которые рождались у Некрасова в конце 1850-х гг. и нашли выражение также в «Размышлениях у парадного подъезда».

1859

<А. Е. МАРТЫНОВУ>

(С. 51)

Печатается по беловому автографу ЦГАЛИ.

Впервые опубликовано: С, 1859, № 3, с. 208, в составе «Заметок Нового поэта» (И. И. Панаева).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. IV. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф, с датой: «10 марта 1859» и подписью: «Н. Некрасов»,— ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 15. Инициалы Мартынова в автографе записаны ошибочно: «А. А. Мартынову».

Датируется по автографу.

Александр Евстафьевич Мартынов (1816—1860) — знаменитый русский актер. Весной 1859 г. он уезжал на юг по совету врачей лечиться от чахотки. В его честь был дан прощальный обед. В. П. Боткин писал об этом обеде своему брату: «Всего было до 40 чел. Обед происходил с некоторой торжественностию, прочитан был адрес и за подписью всех передан Мартынову. Составление адреса было поручено Дружинину, и он отлично составил его; затем Островский сказал или увы! прочитал длинную и умную речь об отношении драматич. писателя к актеру — затем Некрасов прочел небольшое, но весьма удачное стихотворение к Мартынову. Такой чести еще не было никакому актеру. Мартынов прослезился, терялся и чувствовал себя счастливейшим человеком: это можно было читать на его лице» (Литературная мысль, вып. II. Пг., 1923, с. 162). П. И. Вейнберг вспоминает, что слова некрасовского стихотворения «Свободная семья людей сво-

бодных» «произвели огромное, непонятное теперь впечатление» (Россия, 1901, 12 дек., № 946).

Некрасов знал Мартынова с 1840-х гг., когда тот играл в его водевилях.

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА МОСКВЫ С ПЕТЕРБУРГОМ

(С. 52)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано (со вступительной заметкой и примечаниями Добролюбова): С, 1860, № 3, «Свисток» № 4, с. 30—42.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. IV. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило. Перепечатано в посмертном издании «Сочинений Н. А. Добролюбова» (СПб., 1862, т. 4, с. 471—482) и в сборнике Н. В. Гербеля «Русские поэты» (СПб., 1873, с. 638—640).

Автограф (наборная рукопись) — ИРЛИ, 1914/86, л. 2, 8, 9, 4. Рукопись чернилами с правкой карандашом и чернилами. Примечания рукою Н. А. Добролюбова.

В Ст 1879 датировано: «1860». Датируется серединой 1859 г. на основании автографа и письма Н. А. Добролюбова к И. И. Бордюгову от 4 июня 1859 г.

Хотя текст написан рукою Некрасова, очевидно, некоторые стихи принадлежат Добролюбову (см.: *Максимович А. Я.* Некрасов — участник «Свистка».— ЛН, т. 49-50, с. 299—348). Впоследствии Некрасов исключил стихи Добролюбова, оставив лишь его примечания. 4 июня 1859 г. критик в письме к И. И. Бордюгову процитировал 26 строк иной редакции, соответствующих ст. 21 и сл. (Добролюбов, т. IX, с. 361). В письме к нему же от 28 июня Добролюбов пояснил: «Изображение Москвы, столько тебя устрашившее, принадлежит мне менее чем наполовину. Это мы с Некрасовым однажды дурачились, и, конечно, все лучшие стихи — его» (там же, с. 371). Перед смертью Некрасов продиктовал сестре заметку о «Дружеской переписке», где пояснил, что все стихи принадлежат ему, а Добролюбов написал только шуточные примечания. «Эту пьесу я не хотел зачесть своею при жизни <...> Теперь ею можно воспользоваться для статейки обо мне и ввести ее в *приложение,* когда будет издание моих сочинений» (ПСС, т. XII, с. 24).

«Дружеская переписка» представляет собой сатиру на славянофилов, на казенный патриотизм и либеральное краснобайство.

«Петербургское послание» внешне пародирует «Песнь Миньоны» Гете — «Kennst du das Land...» («Ты знаешь край...»).

1. МОСКОВСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

(С. 52)

Святого ничего — одна утилитарность! — В утилитарности были обвинены, в отличие от Москвы, Петербург и другие города во вступительной статье к сб. «Утро» (М., 1859, с. 11—12).

И против гласности стишонки сочиняет!..— Гласность — излюбленный лозунг либералов, считавших, что некоторые цензурные облегчения, наступившие после смерти Николая I в 1855 г., обеспечат путь к демократическим свободам.

2. ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПОСЛАНИЕ

(С. 53)

«Русский вестник» — общественно-литературный журнал, выходивший под редакцией М. Н. Каткова (1818—1887) в 1856—1887 гг.; в 1850-е гг. умеренно-либеральный орган, с начала 1860-х гг. резко повернул вправо и вскоре превратился в крайне реакционный журнал.

Кокорев В. А. (1817—1889) — миллионер, откупщик, автор ряда статей по экономическим вопросам в русских и французских периодических изданиях. Полемике с В. А. Кокоревым была посвящена статья Н. А. Добролюбова «Опыт отучения людей от пищи» (С, 1860, № 5, «Свисток» № 5, с. 4—27; Добролюбов, т. VII, с. 438—460, 604—605).

Ученый Бабст стихами Розенгейма Там подкрепляет мнения свои... — В московском журнале «Атеней» (1858, № 46) буржуазно-либеральный экономист И. К. Бабст (1824—1881), один из любимых учеников Т. Н. Грановского, близкий знакомый Н. П. Огарева, поместил «Объяснение» (по поводу акциза на вино), где процитировал стихи либерального поэта М. П. Розенгейма (1820—1887):

> Ну, и напишешь: властям непокорны;
> Этим, брат, всякого можно унять.

Там сомневается почтеннейший Китары... — На торжественном собрании Московской практической академии коммерческих наук 17 декабря 1858 г. профессор Модест Киттары (1824—1880) выступил против телесных наказаний, но прибавил: «...я враг розог и прибегаю к ним очень редко, в самых крайних случаях, в минуты сомнения в непогрешимости моего взгляда...» (Речи и отчет, читанные в торжественном собрании Московской практической академии коммерческих наук 17 декабря 1858 г. М., 1858, с. 8 2-й паг.).

Там Павлов Соллогуба, Байборода Крылова обличил... — В это время в Москве нашумела полемическая статья Н. Ф. Павлова «Разбор комедии В. А. Соллогуба „Чиновник“» (РВ, 1856, № 6, 7). Н. Н. Крылов (1808—1879) — профессор римского права, обличенный Байбородой в невежестве (РВ, 1857, № 8); Байборода — коллективный псевдоним М. Н. Каткова, Ф. М. Дмитриева, П. М. Леонтьева.

*Там *** <Шевырев> был поражен сугубо...* — 14 января 1857 г. на заседании Совета Московского художественного общества резкая полемика между англоманом гр. В. А. Бобринским и С. П. Шевыревым закончилась тем, что Бобринский вызвал Шевырева на дуэль. Когда Шевырев отказался, Бобринский избил его. В журнальном тексте вместо фамилии Шевырева стояло: ***. Но в примечании Добролюбов ясно намекнул, кого здесь нужно иметь в виду.

Там сам себя Чичерин поразил. — В 1858 г. профессор Б. Н. Чичерин написал Герцену письмо в защиту русского правительства и с нападками на Герцена. Когда же Тургенев, Анненков, Бабст и другие обратились к Чичерину с письменным протестом, он отправил их письмо Герцену (см.: Герцен, т. XIII, с. 404—406, 416, 597—599).

Там область празднословного романа Мужчина передал в распоряженье дам.— В «Русском вестнике» сотрудничало много женщин: Евгения Тур (Е. В. Салиас), Кохановская (Н. С. Соханская), Ю. В. Жадовская, Каролина Павлова и др. В своем примечании Добролюбов иронически упоминает среди писательниц поэта Н. Ф. Щербину и публициста С. С. Громеку.

Устами Чаннинга о трезвости поют...— Перевод речи американского священника Уильяма Чаннинга «О трезвости», произнесенной в Бостоне в 1837 г., был напечатан в «Русском вестнике» (1859, № 20).

Там люди презирают балаганство...— В «Московском вестнике» (1859, 23 апр.) «Свисток» был назван «балаганным отделом» «Современника».

Другие редакции и варианты

...мечтательная дева, с Инсаровым бежавшая...— Елена Стахова, героиня романа И. С. Тургенева «Накануне» (1860).

Где, Гегелю по мудрости ровесник, Катков науку с жизнию мирит...— М. Н. Катков много занимался философией Гегеля.

Там против Зотова народная подписка...— Вероятно, шестой куплет все же был написан Добролюбовым, так как критик был единственным сотрудником «Современника», который отнесся отрицательно к коллективному протесту против антисемитской статьи литератора В. Р. Зотова (1821—1896), не принимая этого протеста всерьез и иронически относясь к такого рода проявлениям «гласности» в условиях русской жизни.

Константин Аксаков (1817—1860) — видный славянофил; в соответствии со своими убеждениями писал о необходимости для России вернуться к «своим древним основным началам» (Молва, 1857, № 4 и 6). Эти статьи и имеет в виду Некрасов в стихах «Учил ходить нас наподобье раков».

Черкасский там запутался в сетях...— Князь В. А. Черкасский (1824—1878) — видный деятель славянофильского лагеря, участник подготовки крестьянской реформы; в статье «Некоторые общие черты будущего сельского управления» писал о необходимости «в случае особенного бесчинства крестьян» предоставить старосте право наказывать их плетьми (Сельское благоустройство, 1858, № 9, с. 248).

Там граф Толстой «Альберта» сочинил...— Рассказ Л. Н. Толстого «Альберт» был написан в Дижоне, но прислан Некрасову в «Современник» из Москвы (напечатан в № 8 за 1858 г.). Некрасов считал его неудачным, о чем и сообщил Толстому в письме от 16 декабря 1857 г.

Погодин доказал России всей...— В 1852 г. М. П. Погодин (1800—1875), историк и реакционный журналист, продал правительству часть своего «Древлехранилища» за полтораста тысяч рублей. В 1853 г. был награжден пряжкою (знак отличия) «За беспорочную службу».

Где дочь свою замужнюю наместник...— Эти строки направлены против графа А. А. Закревского, выдавшего дочь за чиновника своей канцелярии кн. Д. В. Друцкого-Соколинского при жизни первого мужа и без развода с ним (*Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. 1. СПб., 1886, с. 258, 291).

Там хрестоматию Галахов сочинил...— «Русская хрестоматия» историка литературы, прозаика и педагога А. Д. Галахова (1807—1892) впервые вышла в Москве в 1842 г. и потом неоднократно переиздавалась.

ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ

(С. 65)

Печатается по ПССт 1927, с. 63, с устранением цензурных искажений в ст. 55 и 66.

Впервые опубликовано: С, 1859, № 9, с. 237—239, с подписью: «Н. Некрасов», с цензурными искажениями в ст. 55 и 66.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1861, ч. 1. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден. Цензорская корректура — ИРЛИ, 21121. Заглавие: «Колыбельная песня». Типографские пометы: «Г. ценсору. Сент. 12» и «В „Современник". Г. ценсору Палаузову». Подпись: «Ценсор Палау<зов>». Ст. 41—44 отчеркнуты на полях красным карандашом. Неполная копия, сделанная рукою Добролюбова, который, видимо, снимал ее с чернового автографа,— ЦГАЛИ, ф. 166, оп. 1, ед. хр. 43. Из письма Добролюбова к И. И. Бордюгову от 20 сентября 1859 г. видно, что в ст. 55 вместо «Истиной» было «Равенством», а в ст. 66 вместо «К лютой подлости» — «К угнетателям». Копия в Тетр. Панаевой, л. 45—48.

Обычно песня датировалась 1858 г. Ф. И. Евнин привел ряд серьезных доводов в доказательство того, что она была написана в 1859 г. (*Евнин Ф. И.* «Песня Еремушке» Некрасова и идейно-политическая борьба конца 1850-х годов.— Некр. сб., II, с. 171). Эта дата принимается в настоящем издании.

Песня родилась в обстановке революционного подъема 1860-х гг. В упомянутом письме Добролюбов советовал И. И. Бордюгову: «Милейший! Выучи наизусть и вели всем, кого знаешь, выучить „Песню Еремушке" Некрасова, напечатанную в сентябрьском „Современнике". Замени только слово *Истина — Равенство, лютой подлости — угнетателям;* это опечатки, равно как и *вить* в 3-ем стихе вместо *вишь*. Помни и люби эти стихи: они дидактичны, если хочешь, но идут прямо к молодому сердцу, не совсем еще погрязшему в тине пошлости. Боже мой! Сколько великолепнейших вещей мог бы написать Некрасов, если бы его не давила цензура!..» (Добролюбов, т. IX, с. 385).

Стихи носили отчетливо политический характер, приобретя значение революционного лозунга — призыва, обращенного к молодежи. Песня перекликается с воззваниями, с которыми обращались революционеры-шестидесятники к молодежи. «...имелось в виду,— писал А. А. Слепцов,— обратиться <...> ко всем тем группам, которые должны были реагировать на обманувшую народ реформу 19 февраля. Крестьяне, солдаты, раскольники <...> — здесь три страдающих группы. Четвертая — молодежь, их друг, помощник, вдохновитель и учитель. Соответственно с этим роли были распределены следующим образом <...> молодое поколение взяли Шелгунов и Михайлов» (*Лемке М.* Политические процессы в России 1860-х годов. М.— Пг., 1923, с. 318).

Некрасов одним из первых внес свою поэтическую лепту в дело революционеров, обратившись к молодежи с призывом следовать этим людям, самим стать такими людьми. Сохранилось свидетельство О. М. Антонович-Мижуевой, что «Песня Еремушке» создавалась Некрасовым на квартире Добролюбова, в непосредственном с ним общении (*Евгеньев-Максимов В. Е.* Некрасов в кругу современников. М., 1938, с. 140).

Песня приобрела необычайную популярность. Современница вспоминает: «Когда старшие заставляли нас подчиняться стариной освященным обычаям, которые приходились нам не по вкусу, мы отвечали словами из „Песни Еремушке“: „Будь он проклят, растлевающий пошлый опыт — ум глупцов!“ — и говорили сами себе: „Силу новую животворных новых дней в форму старую, готовую необдуманно не лей!“. Я, конечно, не могу утверждать, что под влиянием „Песни Еремушке“ *возникла* описанная Тургеневым в „Отцах и детях“ рознь между двумя поколениями, но эта песнь, во всяком случае, служила первым воплощением-формулировкой этой возникавшей тогда розни. В Некрасове подраставшее поколение видело мощного защитника всех возникавших в то время стремлений» (*Л<итвинова> Е.* Воспоминания о Н. А. Некрасове.— Научное обозрение, 1903, № 4, с. 132).

Положено на музыку под названием «Колыбельная Еремушке» (М. П. Мусоргский, 1871).

<В АЛЬБОМ С. Н. СТЕПАНОВУ>

(С. 68)

Печатается по автографу ИРЛИ.

Впервые опубликовано: Некр. по мат. ПД, с. 121.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Автограф с датой: «17 ноября 1859» и подписью: «Н. Некрасов» — ИРЛИ, 4224, л. 4.

Датируется по автографу.

Запись сделана в альбом десятилетнего Сергея Степанова — сына карикатуриста Н. А. Степанова и С. С. Степановой (урожд. Даргомыжской).

Стихи Некрасова идут после записи С. С. Степановой, которая кончалась словами: «Теперь скажу тебе мое желание и совет: чем бы ты ни был, куда бы ни забросила тебя судьба, будь всегда добрым, честным и благородным человеком. Твоя мать и друг С. Степанова». «Некрасов,— вспоминает современница,— как известно, вообще горячо ценил всегда любящую мать, а С. С. Степанову он, кроме того, и глубоко уважал, как умную и энергичную женщину» (Воспоминания А. Г. Степановой.— ЛН, т. 49-50, с. 581).

С. Н. Степанов (1845—1910) окончил Петербургский университет, был библиотекарем Земледельческого и Лесного институтов, одновременно редактировал литературный отдел «Будильника». Занимался также изобретательством. В 1874 г. в квартире Степанова произошел обыск, во время которого была допрошена его жена как знакомая С. М. Степняка-Кравчинского (указано М. Д. Эльзоном).

ПАПАША

(С. 69)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, Приложение 2: Стихотворения 1860—63 годов, не вошедшие в предыдущие части, с. 233—241.

Впервые опубликовано: С, 1860, № 3, с. 251—256, с датой: «14 марта», которая, очевидно, относится к тому же году, так как № 3 журнала вышел в свет 31 марта, и подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1869, ч. 4, Приложение: Стихотворения 1860—63 годов, не вошедшие в предыдущие части (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4).

Беловой автограф ст. 116—185 — ИРЛИ, ф. 203, ед. хр. 21, л. 1—2. Цензорская корректура С (с авторской правкой) с печатной подписью: «Н. Некрасов» и датой: «14 марта» — ИРЛИ, 21121, л. 7—9. Авторизованная копия с правкой и пометой Некрасова «Не переписывать» — Тетр. Панаевой, л. 54—59.

Датируется временем, указанным в первой публикации. Перед смертью поэт написал примечание: «Отнесено в приложение потому, что не нравится мне. Относится к поздней эпохе» (Ст 1879, т. IV, с. CXXIV). Последние слова (если С. И. Пономарев их правильно прочитал) неясны.

Об отзывах современной критики см. на с. 349 наст. тома комментарий к стихотворению «Убогая и нарядная».

Даже Жуковскому что-то на статую По доброте своей дал! — Памятник-надгробие В. А. Жуковскому был воздвигнут в Александро-Невской лавре в 1854 г. на средства, собранные по публичной подписке.

И за которых Жорж Санд Перед мыслителем русским в ответе.— Очевидно, имеется в виду славянофильский критик Т. И. Филиппов, писавший, что «самые сильные и опасные по своему влиянию возражения против семейного союза провозглашались в романах Жорж Занда. С именем этой женщины связано столько зла, что говорить об ее достоинствах приходится с большой осторожностию...» (Рус. беседа, 1856, № 1, с. 80). Т. И. Филиппов рассматривает Жорж Санд как характерное порождение западной жизни и стремится противопоставить идеалам французской писательницы «русский взгляд» на семейную нравственность, в основе которой должны лежать женское терпение и покорность.

В легкую службу пойдет...— Подразумевается служба в тайной полиции.

ПЕРВЫЙ ШАГ В ЕВРОПУ

(С. 74)

Печатается по Ст 1874, т. III, ч. 6, Приложение 3: Юмористические стихотворения разных годов, с. 219—221, где ошибочно датировано: «1861», без ст. 51.

Впервые опубликовано: С, 1860, № 5 (ценз. разр.— 29 апр. и 19 мая 1860 г.), «Свисток» № 5, с. 36, не полностью, без подпи-

си, с подзаголовком: «Письмо первое», в составе заметки Н. А. Добролюбова «Отъезжающим за границу». Заканчивал публикацию стих «И тяжко я вздохнул о родине моей» с двумя строками точек. Так же заканчивается стихотворение и в настоящем издании: сокращение текста в Ст 1874 носило явно цензурный характер (см. об этом: Некр. сб., V, с. 164—165).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1874.

Автограф не найден.

Датируется 1860 г. по времени первой публикации. В докладе Главного управления цензуры это стихотворение отмечено в числе определяющих «вредное» направление журнала: «Здесь <...> уже без всяких уловок, без всяких разысканий в чужой истории или законодательстве указывается на ненормальное положение нашего отечества» (*Евгеньев-Максимов В.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936, с. 431).

В журнале каждая строфа была разделена на две части: в первой три стиха, во второй — два, отчего выходило нечто похожее на терцины Данте. Добролюбов в названной выше заметке восхищался формой стихотворения («это что-то дантовское») и его общественным смыслом: «Жизненность содержания дает ему силу, пусть читатель сам судит...» (Добролюбов, т. VII, с. 469).

«На натиск пламенный ей был отпор суровый!..» — неточная цитата из стихотворения Пушкина «К вельможе» (1830): «Здесь натиск племенный, а там отпор суровый».

«О ГЛАСНОСТЬ РУССКАЯ! ТЫ БЫСТРО ЗАШАГАЛА...»

(С. 76)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1860, № 5 (ценз. разр.— 29 апр. и 19 мая 1860 г.), «Свисток» № 5, с. 39, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. II.

Автограф не найден. Авторство Некрасова обосновано А. Я. Максимовичем (ЛН, т. 49-50, с. 299 и сл.).

Датируется по времени первой публикации.

Живого Чацкина ты прежде защищала...— Доктор И. А. Чацкин подвергся оскорблению в одной из антисемитских статей В. Р. Зотова в журнале «Иллюстрация» (1858, № 43, с. 286). Статья вызвала протест Т. Г. Шевченко, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, С. Т. Аксакова и ряда других писателей. Об этом протесте вспоминает Некрасов (подробнее см. в комментариях С. А. Рейсера: *Добролюбов Н. А.* Полн. собр. соч., т. VI. М., 1939, с. 702—704).

А ныне добралась до мертвого Кювье.— 25 марта 1860 г. была напечатана статья известного зоолога и путешественника Н. А. Северцова (1827—1885), который утверждал, что, по словам Кювье, успехам зоологии «предел назначен, что наука век должна оставаться на этой же степени развития, только обогащаясь новыми подробностями» (СПбВ, № 5, с. 39). Три крупных естествоиспыта-

теля, академики К. И. Бэр (1792—1876), Н. Ф. Брандт (1802—1879) и А. Ф. Миддендорф (1815—1894) выступили 27 марта в той же газете с протестом, заявляя, что такие отзывы «оскорбляют память великих преобразователей науки». Этот протест вызвал насмешки «Современника», который полагал, что заявлять протесты по поводу давно умершего Кювье значит играть в якобы имеющуюся свободу общественного мнения, создавать видимость гласности.

МЫСЛИ ЖУРНАЛИСТА ПРИ ЧТЕНИИ ПРОГРАММЫ, ОБЕЩАЮЩЕЙ НЕ ЩАДИТЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ АВТОРИТЕТОВ

(С. 77)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1861, № 1, «Свисток» № 7, с. 45, вместо подписи — две звездочки.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Автограф не найден. Авторство Некрасова обосновано А. Я. Максимовичем (ЛН, т. 49-50, с. 299 и сл.).

Датируется концом 1860 г., когда появилось объявление (ценз. разр.— 8 сент. 1860 г.) о подписке на журнал М. М. Достоевского «Время». В объявлении Ф. М. Достоевский писал: «Мы решились основать журнал, вполне независимый от литературных авторитетов <...> с полным и самым смелым обличением всех литературных странностей нашего времени <...> Мы не побоимся иногда немного и „пораздразнить" литературных гусей; гусиный крик иногда полезен: он предвещает погоду, хотя и не всегда спасает Капитолий» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. XVIII. Л., 1978, с. 39). В связи с этим объявлением Некрасов и написал свои стихи.

Елена, Берсенев, Инсаров — герои романа Тургенева «Накануне», напечатанного в «Русском вестнике» (1860, № 1-2).

Ученый историк — М. П. Погодин, которого «Современник» нередко упрекал в сребролюбии (см., например, С, 1860, № 3, с. 37).

Молинари — Гюстав де Молинари (1819—1912), бельгийский экономист, много печатавшийся в реакционных изданиях М. Н. Каткова. Когда он в начале 1860 г. посетил обе русские столицы, «Современник» встретил его насмешками, обвиняя в шарлатанстве и невежестве (1860, № 4, с. 456; № 9, с. 89).

ЗНАХАРКА

(С. 79)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 174—176, с исправлением искаженного цензурой ст. 34 по цензорской корректуре.

Впервые опубликовано: С, 1860, № 11 (ценз. разр.— 8 ноября 1860 г.), с. 189—190, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1861, ч. 1 (с датой: «1860»). Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден. Известен список в Тетр. Панаевой, л. 73 об.— 74 об. Цензорская корректура — ИРЛИ, 21121, л. 3. Внизу корректуры помета: «Поместить после „Подводного камня". Печ. Некрасов». Там же резолюция цензора: «Печатать дозволено 8 ноября 1860 г.».

Датируется 1860 г.

Смысл стихотворения, указывающего на крепостное право как на первую причину крестьянских бед, находит прямое выражение в последнем стихе, которому Некрасов придавал особое значение. В письме от 1 января 1861 г. поэт писал Добролюбову: «Что вы о моих стихах? Они просто плохи, а пущены для последней строки. Умный мужик мне это рассказал, да как-то глупо передалось и как-то воняет сочинением. Это, впрочем, всегда почти случается с тем, что возьмешь вплотную с натуры».

ЧТО ПОДЕЛЫВАЕТ НАША ВНУТРЕННЯЯ ГЛАСНОСТЬ?

(С. 81)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1860, № 12 (ценз. разр.— 29 дек. 1860 г.), «Свисток» № 6, с. 34, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автограф не найден. Корректура С — ИРЛИ, ф. 628, оп. 2, л. 157. Авторство Некрасова обосновано А. Я. Максимовичем (ЛН, т. 49-50, с. 299 и сл.).

Датируется 1860 г. по времени первой публикации. «Свисток» (сатирическое приложение к «Современнику») выходил нерегулярно. Так, пятый номер вышел в мае 1860 г., шестой — в декабре. Этот перерыв был связан с отъездом Добролюбова за границу в конце мая 1860 г. Некрасов, автор всей «русской» части этого номера «Свистка», как установлено А. Я. Максимовичем, делает в ней обзор событий за истекшее время. Заметки и стихи Некрасова продолжали борьбу против пустопорожней либеральной гласности. В начале 1860-х гг. предметом оживленной дискуссии в журналистике было обучение грамоте.

На грамотность ударил Даль... — См. на с. 350 наст. тома комментарий к стихотворению «Всевышней волею Зевеса...».

Но отразил его Карнович... — Историк и публицист Е. П. Карнович (1824—1885) выступил с возражением Далю (С, 1857, № 10).

И против грамоты один Теперь остался Беллюстин! — Иоанн Беллюстин — калязинский священник, автор нашумевшей книги «Описание сельского духовенства», напечатанной анонимно за границей и запрещенной в России. В заметке «Теория и опыт» (ЖМНП, 1860, № 10) он высказал сомнение в пользе той «полуграмотности», которая якобы прививается народу.

Припомним: Михаил Петрович Звал Костомарова на бой...— Между М. П. Погодиным и Н. И. Костомаровым 19 марта 1860 г. в зале Петербургского университета состоялся публичный диспут о происхождении Руси, который вызвал большой интерес у публики и в печати и закончился победой Костомарова.

Громека С. С. (1823—1877) — отставной жандармский полковник, либеральный публицист, сотрудник «С.-Петербургских ведомостей», «Отечественных записок», «Русского вестника», автор обличительных статей о полиции (1857—1859).

Булкин — псевдоним сотрудника «Русского вестника» С. А. Ладыженского (1830—1877), писавшего, в частности, о положении ремесленников.

Ржевский В. К. (1811—1885) — чиновник Министерства внутренних дел, впоследствии сенатор, реакционный публицист, сотрудник «Русского вестника».

Матиль С. А. — сотрудник «Русского вестника», в котором печатались его статьи об Америке, где он жил с 1849 г.

Данилевский Г. П. (1829—1890) — автор исторических романов, в конце 1850 — начале 1860-х гг. работавший в земстве и много писавший по земским вопросам.

И русский пить переставал...— См. статью Н. А. Добролюбова «Народное дело. Распространение общества трезвости» о случаях бойкота водки со стороны крестьян (С, 1859, № 9; Добролюбов, т. V, с. 246).

И Кокорев публиковал, Что есть дела, где нужны тайны.— Источник этих слов Кокорева не установлен. О Кокореве см. на с. 357 наст. тома комментарий к стихотворению «Дружеская переписка Москвы с Петербургом».

«Атеней» — московский журнал умеренно-либерального направления, издававшийся в 1858—1859 гг. под редакцией Е. Ф. Корша. Издание было прекращено из-за недостатка подписчиков.

Ристори Аделаида (1822—1906) — итальянская драматическая актриса, с большим успехом выступавшая в Петербурге в 1860—1861 гг. Все газеты были полны описаниями ее игры. Некрасов, видевший Ристори раньше в Париже, относился к ее игре отрицательно: «Видел я Леметра, вот это столько же *то,* сколько не то Ристори»,— писал он Тургеневу 15 (27) мая 1857 г.

ПЛАЧ ДЕТЕЙ

(С. 83)

Печатается по Ст 1879, т. II, с. 12—13, где по указанию поэта исправлены ст. 17 и 33—40 (см.: Ст 1879, т. IV, с. LX).

Впервые опубликовано: С, 1861, № 1 (ценз. разр.— 29 дек. 1860 г. и 21 янв. 1861 г.), с. 367, с подписью: «Н. Н.».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1873, т. I, ч. 1. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден. Авторизованная копия — Тетр. Панаевой, л. 87 об.—88 об.

С учетом даты цензурного разрешения датируется 1860 г.

«Это стихотворение,— писал Некрасов незадолго до смерти,— принадлежит в подлиннике одной английской писательнице и пользуется там известностью, вроде как „Песня о рубашке" Т. Гуда,— конечно, гораздо меньшею. Всё остальное, что она писала, плохо. Я имел подстрочный перевод в прозе и очень мало держался подлинника: у меня оно наполовину короче. Я им очень дорожу» (Ст 1879, т. IV, с. LIX—LX). Упомянутая английская писательница — Элизабет Баррет Браунинг (1806—1861). Стихотворение Некрасова, действительно, только навеяно стихами Браунинг и по существу оригинально. Так, вместо 156 строк английского оригинала у Некрасова всего 40. О характере переработки Некрасовым стихотворения Браунинг см.: *Яковлев Н.* Некрасов и Баррет Браунинг.— Книга и революция, 1921, № 2, с. 11—14.

Вскоре после опубликования некрасовского стихотворения появился другой перевод «Плача детей» (Время, 1861, № 8, с. 453), принадлежавший В. Д. Костомарову, который, судя по объему и содержанию, видимо, выполнен под влиянием «Плача детей» Некрасова (указано С. А. Рейсером).

НА ВОЛГЕ

(С. 85)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 188—201, с исправлением ст. 279 по Ст 1879.

Как свидетельствует С. И. Пономарев, ст. 279 — результат поздней правки текста Некрасовым. «Поэт,— пишет он,— внимателен был к замечанию критики, находившей преувеличение в стихах о бурлачестве:

Где поколения людей
Живут бессмысленней зверей,

и в своем экземпляре исправил эту черту» (Ст 1879, т. IV, с. LVII). Под «замечанием критики» Пономарев имел в виду высказывание О. Миллера, который, считая жесткой поэтическую формулу, выраженную в этих строках, писал в 1874 г.: «Некрасов под влиянием стольких картин народной нужды и народного упадка впал в невольное преувеличение, сказав, что бурлаки „бессмысленней зверей"» (Публичные лекции Ореста Миллера. СПб., 1874, с. 111).

Впервые опубликовано: С, 1861, № 1, с. 5—12, без ст. 277—280, изъятых цензурой.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1861, ч. 1. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений» (с восстановлением стихов, изъятых цензурой в «Современнике»).

Беловой автограф — ИРЛИ, ф. 203, № 17, л. 1—6 об. Авторская правка простым карандашом, в некоторых случаях — чернилами, в подзаголовке дополнительная правка красным карандашом. Главы обозначены римскими цифрами. В автографе иное строфическое деление внутри глав, чем в печатном тексте. В конце текста карандашная подпись: «Н. Некрасов». Рукопись не датирована. Список рукою А. Я. Панаевой с исправлениями Некра-

сова — Тетр. Панаевой, л. 79—87. Исправления касаются некоторых описок и ст. 191. В конце текста слева помета А. Я. Панаевой: «1861 январская книга „Современника“». Однако, по всей вероятности, список был сделан с автографа, а не с журнального текста, так как полностью с ним совпадает. Ст. 191 дан по автографу, а затем исправлен Некрасовым в соответствии с текстом журнала. Расхождения списка с основным текстом те же, что и в беловом автографе (варианты белового автографа см.: Другие редакции и варианты, с. 283—285). Цензорская корректура (гранки из собрания А. Н. Пыпина) — ИРЛИ, 21121, л. 5—7 об. Ст. 277—230, присутствовавшие в первоначальной редакции, вычеркнуты цензором. На л. 6 об. и 7 об.— разрешение к печати: «Согласно сделанному 20 декабря 1860 года одобрению г. цензором Рахманиновым — стихотворение это печатать позволяется. С.-П<етер>бург. 3 января 186<1> года. Цензор В. Бекетов». Опечатки в тексте гранок не исправлены. Корректура, вероятно, читалась Некрасовым по другому экземпляру или по верстке, где он вернулся к первоначальному варианту ст. 257, но слово «рабство» заменил двумя черточками.

Время создания стихотворения — 1860 г.— устанавливается на основании его первой публикации (январь 1861 г.) и цензорского разрешения (3 января 1861 г.).

По первоначальному замыслу произведение должно было составить первую часть поэмы «Рыцарь на час». Некрасов написал лишь две ее части: «Детство Валежникова» и «Валежников в деревне» (первоначальный подзаголовок). Обе части этой незавершенной поэмы публиковались Некрасовым как самостоятельные произведения.

«На Волге» — одно из произведений Некрасова, где наметились черты нового поворота в изображении народа, того поворота, о котором говорил в 1861 г. Н. Г. Чернышевский в статье «Не начало ли перемены?» (писать о народе «правду без утаек и прикрас» и в то же время уметь видеть присущие ему потенциальные силы, которые пробуждаются в «минуты энергических усилий, отважных решений»,— Чернышевский, т. VII, с. 876, 877). На эту новую сторону в поэзии Некрасова указывал в свое время и П. Якубович-Мельшин: «...в поэзии его <...> появились новые — то гневные, то восторженные ноты <...> Одно за другим стали выходить в свет наиболее сильные и характерные его произведения». Именно к таким произведениям и относил П. Якубович, наряду с другими, стихотворение «На Волге» (см.: *Мельшин Л. (Гриневич П. Ф).* Очерки русской поэзии. СПб., 1904, с. 167).

Стихотворение несомненно отразило и реальные впечатления автора. Переживания его героя в значительной степени автобиографичны. Это отмечал Н. Г. Чернышевский в заметках к «Стихотворениям» 1879 г. «Для всех очевидно,— писал он,— что в пьесе „На Волге (Детство Валежникова)“ есть личные воспоминания Некрасова о его детстве. Однажды, рассказывая мне о своем детстве, Некрасов припомнил разговор бурлаков, слышанный им, ребенком, и передал; пересказав, прибавил, что он думает воспользоваться этим воспоминанием в одном из стихотворений, которые хочет написать. Прочитав через несколько времени пьесу „На Волге“, я увидел, что рассказанный мне разговор бурлаков передан в ней

с совершенной точностью, без всяких прибавлений или убавлений; перемены в словах сделаны лишь такие, которые были необходимы для подведения их под размер стиха; они нимало не изменяют смысла речи и даже часто с грамматической и лексикальной стороны немногочисленны и не важны. Вместо „а кабы умереть к утру, так было б еще лучше“,— в пьесе сказано:

А кабы к утру умереть,
Так лучше было бы еще;

только такими пятью-шестью переменами отличается передача разговора в пьесе от воспоминания об этом разговоре, рассказанного Некрасовым мне. Когда я читал пьесу в первый раз, у меня в памяти еще были совершенно тверды слова, слышанные мною» (Чернышевский, т. I, с. 753—754).

Ст. 74—75 присутствуют в тексте поэмы «Несчастные», опубликованной в «Современнике» (1858, № 2). Для более поздней редакции «Несчастных» использован ранний вариант белового автографа стихотворения «На Волге» («Как ожерелье у воды Каких-то белых птиц ряды»).

Современники высоко оценивали «На Волге». Ап. Григорьев, например, увидел в этом «превосходном стихотворении» «ключ к общему направлению поэтической деятельности» Некрасова (Время, 1862, № 7, «Критическое обозрение», с. 34), относил его к числу «возвышенных вдохновений», к «почти безупречным по вдохновению» произведениям (там же, с. 45, 46). В 1866 г. анонимный рецензент отметил «На Волге» среди других некрасовских стихотворений, которые «не только безусловно прекрасны в художественном отношении, но и полны глубокого значения для русского общества» (Воскресный досуг, 1866, № 171, с. 327). Ф. М. Достоевский считал это произведение одной «из самых могучих и зовущих поэм» Некрасова (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. художественных произведений, т. XII. М., 1929, с. 355).

За нашей ригой...— Рига — большой сарай для сушки и обмолота снопов.

Рыбалки — рыбаки, рыбачки.

Расшива — большое деревянное плоскодонное парусное судно с острым носом и кормой.

Хоть на Илью...— Ильин день — один из основных летних крестьянских праздников, отмечавшийся 20 июля ст. ст.

С болезненным припевом «ой!» — Характерным зачином в бурлацких песнях выступает восклицание «ой!»: «Ой, бери еще, ой, еще!»; «Ой, еще, ой, раз еще!»; «Ой, раз, ой, два!»; «Ой, да подымай!»; «Ой, давай еще!»; «Ой, подернули!»; «Ой, да на подъем!» и т. д. (см., например: *Банин А. А.* Трудовые артельные песни и припевки. М., 1971).

«ЧТО ТЫ, СЕРДЦЕ МОЕ, РАСХОДИЛОСЯ?..»

(С. 93)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, с. 112.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1864, ч. 3, с. 28. Перепечатывалось в 3-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден.

В Ст 1879 датировано: «1860». Эта дата принимается в настоящем издании.

Стихотворение является ответом на клеветнические измышления о корыстолюбии, лицемерии и т. д. Некрасова, распространявшиеся врагами поэта. Современник вспоминает о публичном чтении Некрасовым этих стихов: «Большой зал Дворянского собрания был битком набит. С благотворительной целью давался вечер при участии известных писателей. Появление каждого из них восторженно приветствовалось публикой. И только когда на эстраду вышел Николай Алексеевич Некрасов, его встретило гробовое молчание. Возмутительная клевета, обвившаяся вокруг славного имени Некрасова, очевидно, делала свое дело. И раздался слегка вздрагивающий и хриплый голос поэта „мести и печали":

Что ты, сердце мое, расходилося?...
Постыдись! Уж про нас не впервой
Снежным комом прошла, прокатилася
Клевета по Руси по родной...

Что произошло вслед за чтением этого стихотворения, говорят, не поддается никакому описанию. Вся публика, как один человек, встала и начала бешено аплодировать. Но Некрасов ни разу не вышел на эти поздние овации легковерной толпы...» (*Антропов Р.* Памяти Некрасова.— Звезда, 1902, № 51, с. 6).

Положено на музыку (А. А. Спиро, 1875; А. Н. Алфераки, 1898; Ц. А. Кюи, 1902).

«........ОДИНОКИЙ, ПОТЕРЯННЫЙ...»

(С. 94)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, с. 113—114.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1864, ч. 3, с. 53—54. Перепечатывалось в 3-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден.

Перед смертью поэт пояснил это стихотворение: «Навеяно разладом с Тургеневым в 1860 г.» (Ст 1879, т. IV, с. LV). Датируется 1860 г. на основе этого указания Некрасова.

В течение многих лет И. С. Тургенев не только был постоянным сотрудником «Современника», но и ближайшим другом Некра-

сова. Письма поэта показывают, насколько крепка была эта дружба, какое большое место она занимала в его личной жизни и какое значение имела для его творчества. В эпоху появления «новых людей» (Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов) в условиях обострившейся общественной борьбы между ними и старыми сотрудниками журнала произошел раскол, закончившийся уходом из журнала Дружинина, Толстого, Григоровича и др. Последним в конце 1860 г. порвал с «Современником» Тургенев.

Во имя высших идейных принципов Некрасов пошел на разрыв отношений со старым другом, хотя тяжело переживал его и в ряде стихов возвращался к образу своего «друга-врага», например в стихотворении «<Тургене>ву». Примирение состоялось лишь перед самой смертью Некрасова. О нем рассказала в своих воспоминаниях З. Н. Некрасова (Некр. в восп., с. 456). Сам Тургенев описал последнюю встречу с умирающим поэтом в стихотворении в прозе «Последнее свидание». Тургенев, на протяжении многих лет резко отрицательно отзывавшийся о поэзии Некрасова, после смерти поэта признал в письме Я. П. Полонскому от 11 (23) января 1878 г.: «...в конце концов те струны, которые его поэзия (если только можно так выразиться) заставляет звенеть,— струны хорошие» (Тургенев, Письма, т. XIII, кн. 1, с. 263).

Положено на музыку Ф. Струве, 1889.

ДЕРЕВЕНСКИЕ НОВОСТИ

(С. 95)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 177—183.

Впервые опубликовано: Век, 1861, № 1, с. 32—33, с посвящением: («А. В. Дружинину») и подписью: «Н. Некрасов», с цензурным пропуском ст. 57—60.

В собрание сочинений впервые включено (без посвящения): Ст 1861, ч. 1. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений». Цензурная купюра впервые восстановлена в Ст 1863, ч. 1.

Авторизованная копия журнального текста с авторской правкой ст. 108 и вписанным поэтом ст. 131 — Тетр. Панаевой, л. 75—78 об. Наборная рукопись с подзаголовком: «А. В. Дружинину» и подписью: «Н. Некрасов» — Одесская гос. научная библиотека им. А. М. Горького. Очевидно, она была передана редакции журнала «Век». Это подтверждается надписью красным карандашом «В 1-й №, цицеро, корректуру ко мне», явно редакторской, так как стихотворение напечатано этим шрифтом в первом номере журнала. В рукописи есть ст. 57—60. Автограф начинается стихом «Стой! подыми тарантас» и дает иное расположение ст. 1—13 по сравнению с печатным текстом. Ст. 113—116, первоначально шедшие в автографе за ст. 104, зачеркнуты и помещены снова после ст. 112 (подробнее об этом автографе см.: *Копыленко М. М.* Неизвестный автограф стихотворения Н. А. Некрасова «Деревенские новости».— В кн.: Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ. Л., 1950, с. 108—113).

В Ст 1879 датировано: «1860». Эта дата и принимается в настоящем издании.

В основе картины горестной деревенской жизни лежат реальные впечатления, на которые указывает сам Некрасов. А. А. Буткевич вспоминает: «С 1844 г. по 1863, пока брат не купил себе имения Карабиху, он почти каждое лето проводил в деревне у отца в сельце Грешневе в 20 верстах от Ярославля. Если брат извещал о дне приезда, отец высылал в Ярославль тарантас, чаще же брат нанимал вольных лошадей или просто телегу в одну лошадь» (ЛН, т. 49-50, с. 179).

В автобиографических записях поэт писал: «Если переехать в Ярославле Волгу и пройти прямо через Тверицы, то очутишься на столбовом почтовом тракте. Проехав 19 верст по песчаному грунту, где справа и слева песок, песок, мелкий кустарник и вереск (зайцев и куропаток там несть числа), то увидишь деревню, начинающуюся столбом с надписью: „Сельцо Грешнево, душ столько-то, господ Некрасов<ых>“». В этих же записях отношения свои и грешневцев он поясняет стихами из «Деревенских новостей» (ст. 10—20) и добавляет: «Я постоянно играл с деревенскими детьми, и когда мы подросли, то естественно, что между нами была такая короткость» (ПСС, т. XII, с. 19).

НА ПСАРНЕ

(С. 99)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, Приложение 2: Стихотворения 1860—63 годов, не вошедшие в предыдущие части, с. 248, под рубрикой «Отрывки».

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1869, ч. 4, Приложение: Стихотворения 1860—63 годов, не вошедшие в предыдущие части, с. 242, под рубрикой «Отрывки» (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4).

Автограф не найден.

В Ст 1879 датировано: «1863», однако ст. 2 («Воля придет,— чай, бежишь без оглядки?») дает основание предполагать, что стихотворение написано до крестьянской реформы 1861 г. Датируется 1860 г. Не исключена возможность, что в стихотворении отразились впечатления от поездки Некрасова на родину летом 1860 г.

1860—1861

ФИНАНСОВЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

(С. 100)

Печатается по тексту первой публикации, с исправлением цензурного искажения в ст. 6 по корректуре.

Впервые опубликовано: С, 1861, № 1 (ценз. разр.— 29 дек. 1860 г. и 21 янв. 1861 г.), «Свисток» № 7, с. 35, с подписью: «У<глиц>кий старожил».

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. II.

Автограф не найден. Авторство Некрасова обосновано А. Я. Максимовичем (ЛН, т. 49-50, с. 312, 316). Корректура без

заглавия и эпиграфа, с подписью: «Углицкий старожил» — ИРЛИ, ф. 628, оп. 2, ед. хр. 90. В корректуре в ст. 6 слово «неведомый» заменило вычеркнутое красным карандашом слово «финансовый». Восстанавливаем первоначальный вариант, так как замена, очевидно, носила цензурный характер.

Датируется 1860—началом 1861 г. по времени первой публикации.

Стихотворение посвящено экономическому кризису конца 1850—начала 1860-х гг., всеобщим толкам о безденежье, которые проникали в печать. 400 миллионов рублей бумажными деньгами, выпущенные царским правительством для покрытия военных расходов, создали в 1855—1856 гг. искусственное экономическое оживление, которое уже в 1858—1859 гг. перешло в застой.

Дай камин и от Тура кушетку.— «Все жалуются на безденежье, толкуют о каких-то банкротствах,— вздор! — иронизировал Новый поэт (И. И. Панаев).— У кого, например, теперь нет ковров, бархатов, тюлевых занавесок, туровской мебели?» (С, 1860, № 12, с. 384). А. И. Тур — владелец известной петербургской мебельной фирмы в 1820—1870-х гг.

Лоретка — женщина легкого поведения.

Вам Прутков говорит...— Некрасов имеет в виду афоризм «Смотри в корень» из «Мыслей и афоризмов» Козьмы Пруткова (впервые — С, 1854, № 2).

Велика ли потеря на лаже? — Звонкая монета стала предметом спекуляции менял. При размене меняла получал лаж — разницу в цене между золотом и кредитками. Этот лаж доходил до 15—20 коп. на рубль.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ, ИЛИ РАЗДРАЖЕННЫЙ БИБЛИОГРАФ

(С. 103)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1861, № 1 (ценз. разр.— 29 дек. 1860 г. и 21 янв. 1861 г.), «Свисток» № 7, с. 41—44, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1931.

Автограф с подзаголовком: «Отрывки из „Автобиографии“ Рудометова» — ИРЛИ, 133, I. б.

Написано в декабре 1860—январе 1861 г. (см. два письма Некрасова к Н. А. Добролюбову — от 1 января 1861 г. и более позднее, ранее датировавшееся: «После 20 декабря 1860 г.»).

В комментариях к существующим изданиям сочинений Н. А. Некрасова (кроме «огоньковского» издания 1979 г.) стихотворение связывается исключительно с именем библиографа и историка литературы Г. Н. Геннади (см. ниже), якобы пропустившего «Мертвые души» при составлении «Списка сочинений Гоголя» (ОЗ, 1853, № 9; ср. письмо Г. Н. Геннади к С. Д. Полторацкому от 18 октября 1853 г., где вся ответственность за этот промах возложена на редактора журнала А. А. Краевского, в кн.: *Здобнов Н. В.* Исто-

рия русской библиографии до начала XX века. М., 1955, с. 587—588; комментарий Б. С. Боднарского). В действительности стихотворение является эпизодом из журнальной полемики «Современника», на что в свое время обратил внимание В. Е. Евгеньев-Максимов (Некрасов и его современники. М., 1930, с. 227). Оно насыщено намеками на конкретные события литературно-общественной жизни конца 1850-х гг. (подробнее об этом см. в статье Л. М. Равич и М. Д. Эльзона «О стихотворении Н. А. Некрасова „Литературная травля“ (1860, 1874)» в изд.: Некр. сб., VI, с. 40—51). Поводом к его созданию послужил очередной «поход» против «Современника», предпринятый в связи с выходом в свет «Сочинений» и «Очерков петербургской жизни» И. И. Панаева (1860). В статьях анонимного рецензента «Библиотеки для чтения» (1860, № 11), И. П. Закревского («Литература скандалов» — ОЗ, 1860, № 10; подпись: «Непризнанный поэт») и, в особенности, Н. Н. Воскобойникова («Перестаньте бить и драться, гг. литераторы!» — СПбВ, 1860, 30 ноября, № 261) содержались не только бестактные выпады и намеки, касающиеся личной жизни Н. А. Некрасова и супругов Панаевых, но и беспардонная брань в адрес Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, сопровождавшаяся апелляцией к властям и «общественному мнению». По-видимому, для дезориентации цензуры Некрасов ввел в сюжет стихотворения известный эпизод с книгой («брошюрой») А. Е. Надеждина «Журналы, газеты и публика» (СПб., 1859), дружно осужденной изданиями всех направлений. Н. А. Добролюбов (С, 1859, № 9) назвал ретроградную книгу А. Е. Надеждина «обязательным докладом», «печальным и даже опасным явлением». «Следовало еще только г. Надеждину,— говорилось в рецензии,— не печатать своих обвинений, а сообщать их по секрету: тогда успех его роли был бы обеспечен гораздо более...» (Добролюбов, т. VII, с. 301—303).

Главный герой стихотворения — библиограф и публицист, не чуждый поэтическому творчеству. Это три ипостаси литературной деятельности М. Н. Лонгинова (1823—1875), в середине 1850—1860-х гг. фактически возглавлявшего Общество любителей российской словесности и считавшегося типичным библиографом. Широкий резонанс вызвала печатная полемика М. Н. Лонгинова с писателем И. В. Селивановым, предложившим руководству Общества организовать платные чтения в пользу Литературного фонда (см.: МВ, 1860, 10 февр., № 32; 12 февр., № 34; 22 марта, № 65; 27 марта, № 69; 12 апр., № 80; 14 апр., № 82). Деятельность Общества была оценена И. И. Панаевым как «литературная прихоть, роскошь» (С, 1860, № 5, с. 107).

В целом стихотворение Некрасова, являющееся сложным, многоплановым политическим памфлетом, направлено против реакции в политике, науке и литературе и открывает цикл «автобиографических» стихотворений-«признаний» «Саввы Намордникова» — «двойника» «генерала Рудометова» («Песня об „Очерках“», «Мое желание», «Перед зеркалом»).

«Заира» — трагедия Вольтера (1732). Сведения о русских переводах ее были впервые собраны в обзоре С. Д. Полторацкого «Материалы для словаря русских писателей» (СП, 1860, 19 ноября, № 259).

Дудышкин, Чернышевский, Какой-то Бов, Громека! — С. С. Дудышкин (1820—1866) — один из редакторов-издателей (1860—1866) «Отечественных записок», ведущий критик журнала. «Бов» (точнее «—бов») — псевдоним Н. А. Добролюбова. Громека — см. о нем на с. 365 наст. тома комментарий к стихотворению «Что поделывает наша внутренняя гласность?».

Ужель, по их понятью, Я Гербеля не стою?.. — Н. В. Гербель (1827—1883) — поэт, переводчик, библиограф. Выход в свет томов изданного им собрания сочинений Шиллера (1857—1861) сопровождался единодушными похвальными отзывами (подробнее об этом, а также об отношениях Некрасова и Н. В. Гербеля см.: *Тарасенко И. Н., Хохлачев В. В.* Издательская деятельность Н. В. Гербеля (Из истории идейного книжного дела 50—70-х годов XIX в.).— В кн.: Книга. Исследования и материалы, сб. 28. М., 1974, с. 100, 102—105).

Де-Жеребцов, Мещерский, Де-Кокорев... — Н. А. Жеребцов (1807—1868) — экономист, публицист; его книга «Опыт истории цивилизации в России» (Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie. Par Nikolas de Gerebtzoff. Paris, 1858) была подвергнута Н. А. Добролюбовым резкой критике (С, 1858, № 10—11; Добролюбов, т. III, с. 255—335; 512—519; см. также именной указатель). Э. П. Мещерский (1808—1844) — французский поэт русского происхождения. О Кокореве см. на с. 357 наст. тома комментарий к стихотворению «Дружеская переписка Москвы с Петербургом».

С Булгариным Фаддеем И с Николаем Гречем Истории такие Не так кончались прежде. — Н. И. Греч (1787—1867) — журналист, филолог, мемуарист. В 1831—1859 гг. совместно с Ф. В. Булгариным издавал газету «Северная пчела», которой покровительствовало III Отделение. Осведомительская деятельность обоих была общеизвестна.

«Словарь собачьих кличек» — Начиная с 1840-х гг. русские библиографы уделяли значительное внимание работе над словарями псевдонимов. Об этом писали В. М. Ундольский (1845), Н. Д. Бепардаки и Ю. М. Богушевич (1859) и др. Одной из первых опубликованных работ подобного рода был. указатель С. Д. Полторацкого «Anonymes et pseudonymes français» (1848), содержавший сведения о французских публикациях русских писателей. В то же время анонимность и псевдонимность были характерными чертами журналистики. Раскрытие псевдонима или угроза приведения в известность фамилии автора были излюбленными приемами оппонентов «Современника». Так, в «Литературе скандалов» сочувственно говорилось о том, что во Франции возможна личная расправа, «которая весьма действительна для лиц, скрывающихся под псевдонимами» (ОЗ, 1860, № 10, с. 38 2-й паг.). Следовательно, «Словарь собачьих кличек» — не просто шутливое переименование одного из направлений библиографической деятельност, а понятный современникам политический намек (в мечтах Саввы Намордникова его «обязательный доклад» будет и щедро оплачен, и приведет к искоренению врагов).

Я знаю, будут ради Дудышкин и Галахов, Гаевский и Геннади! — «Ради» — старинная форма слова «рады». О С. С. Дудышкине см. выше. В данном случае он назван как автор обзоров. Об А. Д. Галахове (1807—1892) см. на с. 359 наст. тома в коммен-

тарии к стихотворению «Дружеская переписка...». В. П. Гаевский (1826—1888) — пушкинист, библиограф. Г. Н. Геннади (1826—1880) — библиограф, редактор изданий сочинений Пушкина, выпущенных Я. А. Исаковым (первое — 1859—1860 гг.).

1861

РАЗГОВОР В ЖУРНАЛЬНОЙ КОНТОРЕ

(С. 107)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1861, № 1, «Свисток» № 7, с. 2.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Автограф не найден. Авторство Некрасова обосновано А. Я. Максимовичем (ЛН, т. 49-50, с. 299 и сл.).

А. М. Гаркави установлено, что Некрасов написал стихотворение не в 1860 г., как считалось, а в период между 6 и 21 января 1861 г. (см.: Учен. зап. Новгород. пед. ин-та, 1966, т. 8, с. 37—38).

«Одна-то книжка — за две книжки?» — Журнал М. Н. Каткова «Русский вестник», выходивший обычно два раза в месяц, в январе 1861 г. вышел двойной книжкой.

«Гармония в природе» — название статьи ботаника А. Н. Бекетова, посвященной явлениям приспособляемости, толкуемым с точки зрения «уразумения мировой гармонии» (РВ, 1860, № 11, 12).

И битва с Утиным в «Смеси». — В редакционной статье «Еще несколько слов о мировой юстиции» «Русский вестник» в разделе «Современная летопись» (ее Некрасов называет «Смесью») полемизировал со статьей Б. И. Утина «По поводу английской юстиции мира» (С, 1860, № 11).

...«Москвитянин» По полугоду пропадал... — Этот славянофильский журнал, издававшийся в Москве в 1841—1856 гг., выходил крайне неаккуратно.

ГИМН «ВРЕМЕНИ...»

(С. 109)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1861, № 1, «Свисток» № 7, с. 9—10. без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт, т. II.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова обосновано А. Я. Максимовичем (ЛН, т. 49-50, с. 299 и сл.).

Написано между 8 и 21 января 1861 г. Дата уточнена А. М. Гаркави (см.: Учен. зап. Новгород. пед. ин-та, 1966, т. 8, с. 38).

С января 1861 и до мая 1863 г. в Петербурге выходил журнал М. М. Достоевского «Время». Стихотворение Некрасова представляет собою шуточное приветствие новому журналу от имени «Свистка».

Меж тем как Гарибальди дремлет...— 7 ноября 1860 г. Д. Гарибальди сложил с себя звание диктатора и удалился на о. Кипреру.

Колеблется пекинский трон...— Осенью 1860 г. французские войска разгромили столицу Китая Пекин.

Гаэта реву пушек внемлет...— Порт в итальянской провинции Латина, где неаполитанский король Франческо II был осажден пьемонтскими войсками; город был сдан 13 февраля 1861 г.

Дает права Наполеон...— Наполеон III активно участвовал в итальянских событиях. 13 мая 1859 г. он заявил о стремлении «освободить всю Италию до берегов Адриатического моря»; в битве при Мадженте разгромил австрийскую армию и въехал в Милан как спаситель Италии. Но вскоре, предав Италию, он заключил мир с Австрией, чтобы победить «гидру итальянской революции» (см.: Добролюбов, т. VIII, с. 484).

Ювенал (60 — после 127) — римский поэт-сатирик.

Чтобы ни «Век», ни «Наше время»...— Имеются в виду либеральный «политический и литературный» журнал «Век» (выходил с 1861 г.) П. И. Вейнберга и «политическая и литературная» газета «Наше время», выходившая с 1860 г. под редакцией Н. Ф. Павлова.

Редактор-дама «Русской речи»...— графиня Е. В. Салиас, урожд. Сухово-Кобылина (1815—1892), писавшая под псевдонимом «Евгения Тур». Начала издавать либеральный журнал «Русская речь» в 1861 г.

Чтоб фельетон «Ведомостей»...— Имеется в виду газета «Московские ведомости» М. Н. Каткова, похвала которой рассматривалась Некрасовым как бесчестие.

Воскобойников Н. Н. (1838—1882) — мелкий публицист, выступавший с нападками на демократическую литературу и журналистику.

С девонской, с силурийской почвы...— Девонская система — третий период палеозойской эры земной коры (от 310 — до 275 миллионов лет до н. э.); силурийская система — второй период той же эры (от 430 до 310 миллионов лет до н. э.).

Не называй «Свистка» трусливым...— В первом номере журнала «Время» А. Ф. Писемский, выступив под псевдонимом «Посторонний сатирик», заявил, что «Свисток» напомнил о себе читателям «робко, мелким шрифтом» (с. 60).

Припомни ямбы Хомякова, Что гордость — грешная мечта...— Имеется в виду стихотворение А. С. Хомякова, посвященное России: «„Гордись!“— тебе льстецы сказали...» (1839).

...афоризм Пруткова, Что всё на свете — суета! — На самом деле это выражение из Библии (кн. Екклесиаст, гл. I, ст. 2 и гл. XII, ст. 8).

Штенбоковский пассаж — крытая галерея с рядом магазинов по обеим сторонам, соединявшая Невский проспект и Итальянскую улицу (ныне ул. Ракова). Огромный дом первоначально принадлежал графу Я. Н. Стенбок-Фермору.

Пинто Микеланджело (1818 — после 1887) — радикальный политический деятель Италии. После поражения революции 1848 г.— политический эмигрант. С 1859 и до 1887 г. жил в России; одно время по рекомендации И. С. Тургенева преподавал итальянский язык в С.-Петербургском университете.

Со треском небо развалится... — цитата из стихотворения И. И. Дмитриева «Ермак» (1794):

И славы луч твоей затмится,
Когда померкнет солнца свет,
Со треском небо развалится,
И время на косу падет.

НА СМЕРТЬ ШЕВЧЕНКО

(С. 111)

Печатается по записи А. А. Буткевич (от 25 декабря 1876 г.) ИРЛИ, с восстановлением ст. 15 по другой ее записи (от 26 декабря 1876 г.).

Впервые опубликовано: Зоря, Львов, 1886, № 6, с. 87 (перепечатано: Свободная Россия, Женева, 1889, февр., № 1, с. 38; Литературный вестник, 1904, № 8, с. 102, без заглавия, с датой: «27 февраля 1861 года»).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Черновой автограф конца стихотворения, о котором сообщил опубликовавший его К. И. Чуковский (ПССт 1934—1937, т. II, с. 771), ныне не известен. Запись А. А. Буткевич с пропуском ст. 15 и припиской: «Писала со слов брата 25 декабря 1876 года» — ИРЛИ, ф. 203, ед. хр. 45, л. 1. Имеются еще два списка Буткевич — ИРЛИ, 21134, л. 1—2. Один, на листе с копией стихотворения «Зине», без ст. 15. В другом, с подписью: «Н. Некрасов» рукой Буткевич и припиской: «Н. Некрасов. Писала со слов брата вечером 26 декабря 1876 сестра поэта А. А. Буткевич», ст. 15 записан так: «Мог умереть он конечно... (под палками)».

Датируется 27 февраля 1861 г.

При жизни Некрасова не печаталось по цензурным причинам. В. Е. Якушкин рассказывает об истории создания стихотворения и о судьбе автографа: «В толпе литераторов, собравшихся ко гробу Шевченка, находился и Некрасов. Когда он шел за гробом многострадального Кобзаря, у него сложились стихи в его память. Вернувшись домой, Некрасов записал эти стихи, но из осторожности,—время тогда было такое,— он разорвал листок сверху вниз, так что стихи были разделены пополам. Поэт уничтожил правую половину листка с началом стихов, а сохранил у себя левую с рифмами. Уже незадолго до своей кончины Некрасов вспомнил об этом стихотворении и восстановил текст его, причем рассказал историю стихотворения П. А. Ефремову, от которого ее и слышал пишущий эти строки» (*Веденеев В. (Якушкин В. Е.).* Т. Г. Шевченко.— Рус. ведомости, 1901, 10 марта, № 68).

Т. Г. Шевченко умер 26 февраля 1861 г. Арестованный в 1847 г. за революционные произведения (поэма «Сон» и др.), поэт

был сослан в Отдельный Оренбургский корпус рядовым с запрещением писать и рисовать. Более десяти лет Шевченко провел в неволе. В 1858 г. он вернулся в столицу. «Современник» печатал его стихи и помещал сочувственные статьи о его жизни и творчестве. Вскоре установились связи Шевченко с революционными демократами. Особенно тесной стала дружба с Н. Г. Чернышевским. Свидетельство В. Е. Якушкина, что Некрасов участвовал в похоронах Шевченко (ср.: *Чалый Д. В.* Шевченко и Некрасов.— Збірник праць третьої наукової шевченківської конференції. Київ, 1955, с. 42—63), подтверждается и другими: *Терпигорев С. Н. (Атава С.).* Собр. соч., т. VI. СПб., 1899, с. 526; СП, 1861, 2 марта, № 50. Сопоставление стихов Некрасова с речами, произнесенными на похоронах поэта, см.: *Гаркави А. М.* Из творческой истории стихотворения «На смерть Шевченко».— О Некр., вып. II, с. 282—287.

ПОХОРОНЫ

(С. 112)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 202—205.

Впервые опубликовано: С, 1861, № 9, с. 128.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1869, т. I, ч. 1. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф правленный — ГБЛ, ф. 195, папка 5761, л. 41—43. Над текстом дата: «Грешнево, 1861, июнь 22—25».

Датируется 1861 г. на основании автографа.

Стихотворение стало популярной народной песней: в вариантах «Похорон» общественный облик героя как народолюбца рисовался более отчетливо. О соотнесении в стихотворении народно-песенного начала с литературным см.: *Альми И. Л.* О своеобразии лирического сюжета и жанровой формы стихотворения Н. А. Некрасова «Похороны».— Некрасовский сборник. Калининград. 1972, с. 141—145.

Положено на музыку под названием «Меж высоких хлебов» (Н. А. Александров, 1911).

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

(С. 115)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 2, с. 171—185.

Впервые опубликовано: Время, 1861, № 10, с. 356—363, с посвящением: «О. С. <Черныше>вской», с цензурным искажением ст. 201—202.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1861, ч. 2, без посвящения, с датой: «1861». Перепечатывалось во 2-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений». Цензурное искажение исправлено впервые в Ст 1864, ч. 2, где стихотворение датировано: «1856».

Беловой автограф с первоначальным заглавием: «Детская комедия» и датой: «1861. Грешнево, 14 июля» — ГБЛ, ф. 195, папка 5761, л. 29—36.

Датируется 1861 г. на основании автографа.

Между л. 33—34 альбома О. С. Чернышевской (ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 117) имеется карандашный автограф Некрасова на отдельном листке: «Обязуюсь написать Ольге Сократовне Чернышевской стихотворение ко дню ее ангела 11 июля, коего содержанием будут красоты природы в пределах Ярославской губернии. Ник. Некрасов. 14 мая 1861. СПб». Результатом этого обещания стало стихотворение «Крестьянские дети». Возможно, замысел стихотворения относится к 1856 г., если дата в Ст 1864 не является опечаткой.

Ст. 169—188 под заглавием «Мужичок с ноготок» по традиции нередко выделяются в отдельное стихотворение и включаются в хрестоматии для детского чтения.

Отмечая положительные начала народной жизни, особенно в 1860-е гг., Некрасов не случайно часто обращается к образам крестьянских детей. В статье «Черты для характеристики русского простонародья» Добролюбов, сравнивая крестьянских детей с детьми образованных сословий, писал: «...крестьянские дети, говоря вообще, свободнее воспитываются, отношения между младшими и старшими там проще и ближе, ребенок раньше делается деятельным членом семьи и участником общих трудов ее. А с другой стороны, и то много значит, что естественный, здравый смысл ребенка там меньше искажается искусственными, по-видимому удовлетворительными, ответами, какие находит мальчик или девочка образованного сословия» (Добролюбов, т. VI, с. 238).

Гаврила — Г. Я. Захаров, которому посвящены «Коробейники».

У нас же дорога большая была... — Имеется в виду тракт из Костромы в Ярославль, проходивший неподалеку от села Грешнево.

Лава — здесь: помост, плот.

ДУМА

(С. 123)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 186—187.

Впервые опубликовано: С, 1861, № 9, с. 255—256, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1861, ч. 1. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф с правкой — ГБЛ, ф. 195, папка 5761, л. 44. Вместо заголовка над текстом дата: «16 августа. Грешнево. 1861».

Датируется на основании автографа.

Стихотворение напечатано вскоре после крестьянской реформы, когда для «освобожденных» крестьян «воля» обернулась голодом, нищетой, безработицей.

Положено на музыку (Р. С. Бунин, 1961).

20 НОЯБРЯ 1861

(С. 125)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, с. 123.

Впервые опубликовано: С, 1862, № 1 (ценз. разр.— 2 янв. и 2 февр. 1862 г.), с. 348, в составе статьи Некрасова «Посмертные стихотворения Н. А. Добролюбова», без заглавия, ст. 1—4 и подписи (в оглавлении: «С примечаниями Н. Н.»), с датой: «2 янв. 1862».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1863, ч. 1, с опечаткой в заглавии: «25 ноября 1861». Перепечатывалось в 3-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден.

С. И. Пономарев приводит слова Некрасова, относящиеся к этому стихотворению: «Вспоминал Добролюбова, писал в день его рождения» (Ст 1879, т. IV, с. LXI).

Добролюбов (р. 24 янв. 1836 г.) умер 17 ноября 1861 г., а 20 ноября состоялись похороны. Впечатления этого дня и выражены в написанном тогда же стихотворении. Некрасова сблизила с Добролюбовым совместная работа в «Современнике». В последние годы отношения между ними перешли в тесную дружбу. Добролюбов восхищался Некрасовым как поэтом и человеком. Воздействие некрасовской поэзии заметно во многих стихотворениях Добролюбова-поэта — как гражданских, так и интимных. В свою очередь, Некрасов горячо любил Добролюбова и испытывал на себе его могучее идейное и нравственное влияние. На публичном чтении в пользу бедных студентов, устроенном в зале 1-й Петербургской гимназии 2 января 1862 г., Некрасов выступил с речью о нем: «...мы во всю нашу жизнь не встречали русского юноши, столь чистого, бесстрашного духом, самоотверженного! — сказал поэт.— Наше сожаление о нем не имеет границ и едва ли когда изгладится. Еще не было дня с его смерти, чтоб он не являлся нашему воображению, то умирающий, то уже мертвый, опускаемый в могилу нашими собственными руками. Мы ушли с этой могилы, но мысль наша осталась там и поминутно зовет нас туда и поминутно рисует нам один и тот же неотразимый образ...» (С, 1862, № 1, с. 348). Затем Некрасов прочитал свое стихотворение.

«ЧТО НИ ГОД — УМЕНЬШАЮТСЯ СИЛЫ...»

(С. 126)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, с. 127.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1864, ч. 3, с. 128, с датой: «1861». Перепечатывалось в 3-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден.

Датируется 1861 г.

Первоначально называлось, по-видимому, «Последнее желание» (см.: *Гаркави А. М.* Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой.— Учен. зап. Калининград. пед. ин-та, 1966, вып. 13, с. 111).

Положено на музыку (А. В. Мосолов, 1928).

СВОБОДА

(С. 127)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, Приложение 2: Стихотворения 1860—63 годов, не вошедшие в предыдущие части, с. 242—243.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1869, ч. 4, Приложение: Стихотворения 1860—63 годов, не вошедшие в предыдущие части, с. 237—238 (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4). В Ст 1879, по указанию автора, помещено в основном тексте (см.: Ст 1879, т. IV, с. LXIII).

Автограф — ИРЛИ, ф. 203, ед. хр. 1, л. 3.

Стихотворение является непосредственным откликом на реформу 1861 г., что и дает основание датировать его 1861 г. Поэт не мог не порадоваться факту освобождения миллионов людей из рабства, не выразить надежд на лучшее будущее, пусть в далекой перспективе, хотя и трезво оценивал даже в этом лирическом стихотворении характер освобождения и возможные результаты его. В целом же отношение Некрасова к крестьянской реформе было отрицательным, что выражалось и в материалах «Современника», и в лирических стихах поэта, и в эпических его произведениях, рисующих пореформенную Россию. По словам Чернышевского, Некрасов говорил: «Да разве это настоящая воля!.. Нет, это чистый обман, издевательство над крестьянами» (*Пантелеев Л. Ф.* Из воспоминаний прошлого. М.—Л., 1934, с. 552). Не случайно М. М. Филиппов писал: «...Некрасов внушал любовь к народу, к мужику, он призывал на борьбу не только вообще с неправдой, но специально с той неправдой, которая не исчезла бесследно и после законодательного акта 19 февраля <...> Совершенно напрасно критика 60-х и начала 70-х годов упрекала Некрасова в анахронизмах, ставила ему в упрек, что он все еще продолжает задним числом проливать слезы над крепостным мужиком, несмотря на уничтожение крепостничества. Медовый месяц либерализма, наступивший в начале 60-х годов, успел уже пройти, а критики Некрасова, не замечая этого, все еще находились в ликующем настроении и никак не хотели верить, что в нравах, понятиях, поступках еще много такого, что постоянно напоминало и напоминает о дореформенной эпохе» (*Филиппов М. М.* Мысли о русской литературе. М., 1965, с. 229).

«ПРИЯТНО ВСТРЕТИТЬСЯ В СТОЛИЦЕ ШУМНОЙ С ДРУГОМ...»

(С. 128)

Печатается по автографу ИРЛИ.

Впервые опубликовано: Некр. по мат. ПД, с. 91.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Автограф — ИРЛИ, ф. 203, ед. хр. 1, л. 3. Справа на автографе приписка: «Кругом зелено, поля, природа — и доброе лицо, с печатью благородной честного труда».

Автограф на одном листе со стихотворением «Свобода», на этом основании стихотворение датируется 1861 г.

СЛЕЗЫ И НЕРВЫ

(С. 129)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: Новое время, 1876, 25 апр., № 55, без подписи, первым номером раздела «Из записной книжки», с примечанием: «Нам передана „Записная книжка“ одного из современных наших поэтов, наполненная стихотворными заметками и отрывками. Время от времени мы будем делиться с читателями этими отрывками и заметками». «Записная книжка» — условное наименование передававшихся Некрасовым А. С. Суворину стихотворений.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. IV, где ошибочно датировано: «1876». В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило (скорее всего по интимным причинам).

Беловой автограф находится в тетради стихотворений, относящейся к 1861 г.,— ГБЛ, ф. 195, папка 5761, л. 67—69. Автограф с заглавием (зачеркнутым) «Отрывок» разбит на две части. Ст. 1—12 первой части, озаглавленной «Слезы», соответствуют тем же стихам газетного текста, вторая часть, соответствующая ст. 33—60 газетного текста, озаглавлена «Кто?». Остальные стихи обеих частей зачеркнуты, кроме восьмистишия, вошедшего без изменений в качестве ст. 1—8 в состав первой из «Трех элегий» (см.: наст. изд., т. III). Беловой автограф ст. 25—32 — ИРЛИ, ф. 134, оп. 11, ед. хр. 1 (на одном листе с записью «Слезы, нервический хохот, припадок...»).

Датируется 1861 г.

Стихотворение занимает существенное место в поэтической разработке Некрасовым «прозы любви». В нем отразились некоторые стороны сложных и мучительных отношений Некрасова с А. Я. Панаевой. С. И. Пономарев в примечаниях к Ст 1879 намекнул на это: «По яркости изображения невольно подумаешь, что стихи полны автобиографического значения» (т. IV, с. CXXXIII).

1862

ДЕШЕВАЯ ПОКУПКА

(С. 131)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, с. 103—107.

Впервые опубликовано: С, 1862, № 2 (ценз. разр.— 21 дек. 1861 г. и 9 марта 1862 г.), с. 683—686, с подписью: «Н. Некрасов» и другим эпиграфом.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1864, ч. 3. Перепечатывалось в 3-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений». Подзаголовок: «Петербургская драма» впервые — в Ст 1879, т. II, с. 55, очевидно, на основании указания Некрасова.

Автограф не найден.

Датируется по времени первой публикации.

Эпиграф в «Современнике»: «За скорым отъездом распродаются: мебель, зеркала, фарфоровая и фаянсовая посуда, ножи, вилки и все, принадлежащее хозяйству. В такой-то улице, дом Воронина, № такой-то, по парадной лестнице («Полицейские ведомости»)». Современница Некрасова со слов А. Я. Панаевой передает «историю» стихотворения «Дешевая покупка» следующим образом: «Так как, покупая вещи, Некрасов проклинал свое „торгашество пошлое" и заглядывался на милое личико владетельницы этих вещей, которое было „точно рукой гениальной отточено", то, конечно, *дешевая* покупка обошлась очень дорого, и в конце концов оказалось, что семейной драмы тут никакой не было, а служила она только ловко придуманной декорацией самой обыкновенной коммерческой сделки. Некрасов не любил вспоминать этой своей „Дешевой покупки", а А<вдотья> Як<овлевна> решалась лишь изредка и то слегка напоминать о ней Николаю Алексеевичу в том случае, когда его кошельку, да и сердцу грозила какая-нибудь новая опасность» (*Л<итвинова> Е.* Воспоминания о Н. А. Некрасове.— Научн. обозрение, 1903, № 4, с. 139). Разумеется, случай, описанный в этих мемуарах, в совсем ином освещении предстает в стихотворении Некрасова.

РЫЦАРЬ НА ЧАС

(С. 134)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, с. 79—91.

Впервые опубликовано: С, 1863, № 1—2, с. 209—214.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1864, ч. 3. Перепечатывалось в 3-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф основного текста не найден. Автограф фрагмента ранней редакции — ГБЛ, ф. 195, М 10784 — известен как автограф из альбома Л. П. Шелгуновой. Запись сделана на отдельном листе с обеих сторон черными чернилами. В верхней части листа обозначено: «Из стихотворения „Рыцарь на час"». На обороте внизу листа приписка рукою Некрасова: «[Счастливы] Редки те, к кому нельзя применить этих слов, чьи порывы способны переходить в дело... Честь и слава им. Честь и слава тебе, брат!». Далее следуют подпись и дата: «24 мая, 6 час. утра». Автограф впервые был опубликован в «Литературном архиве, издаваемом П. А. Картавовым» (СПб., 1902, октябрь, с. 99—100) с подзаголовком: «Михайлову» и опечаткой в ст. 221 («тела» вместо «дела»); факсимильное воспроизведение — Некрасовский альбом. СПб., 1921, с. 29—30. В рукописи подзаголовок отсутствует.

Советские исследователи (В. Е. Евгеньев-Максимов, К. И. Чуковский, А. М. Гаркави), дополняя друг друга, доказали, что приписка имела весьма определенный адресат — М. Л. Михайлова, арестованного 14 сентября 1861 г. К М. Л. Михайлову, сосланному в Сибирь, летом 1862 г. отправлялись Н. В. и Л. П. Шелгуновы, которым, по всей вероятности, Некрасов и вручил свой автограф для передачи Михайлову. Судя по проставленной под текстом да-

те, этот ранний вариант создавался во время пребывания Некрасова в Петербурге в мае 1862 г.

Корректура из собрания А. Н. Пыпина (ГПБ, ф. 777, оп. 3, № 1314) представляет собой гранки «Современника» с правкой Некрасова карандашом. В правом верхнем углу листа помета: «Г. цензору, янв. 16»; внизу справа разрешение цензора В. Н. Бекетова: «Одобрено цензурою. СПбург, 17 января 1863 года». Текст корректуры существенно отличается от журнального; корректурный — полный, журнальный — сокращенный; отсутствует концовка стихотворения, его название в корректуре «Рыцарь на час», в журнале — «Бессонница» и др. (см.: Другие редакции и варианты, с. 294—295). Р. Б. Заборова предположила, что изменения были сделаны Некрасовым в следующей корректуре или в чистых листах, откуда они и перешли в журнальный текст (см.: Некр. сб., IV, с. 237).

Время работы Некрасова над «Рыцарем на час» устанавливается по дате фрагмента ранней редакции (май 1862 г.) и отдельным деталям поздней редакции, указывающим на непосредственные впечатления от пребывания поэта в Грешневе и Абакумцеве (осень 1862 г.).

Вероятно, теми же сомнениями и раздумьями, что и взволнованная исповедь поэта в «Рыцаре на час», было наполнено не дошедшее до нас письмо Некрасова к Добролюбову, который в ответном письме от 24 августа (4 сентября) 1860 г. призывал поэта преодолеть его временную депрессию. «...принесли мне письмо Ваше,— пишет критик,— я, разумеется, газету бросил и стал его читать. И подумал я: вот человек — темперамент у него горячий, храбрости довольно, воля твердая, умом не обижен, здоровье от природы богатырское, и всю жизнь томится желанием какого-то дела, честного, хорошего дела... Только бы и быть ему Гарибальди в своем месте». Далее, как бы предвещая появление «Рыцаря на час», Добролюбов полемизирует с его будущим героем и его «внутренним голосом»: «...никто не в состоянии помешать делу таланта и мысли. А мысль у нас должна же прийти и к делу, и нет ни малейшего сомнения, что, несмотря ни на что, мы увидим, как она придет <...> Я только напираю на то, что еще в сорок лет не имеет права считать себя отжившим и неспособным тот, кто еще в эти годы умеет влюбляться и мечтать о сердечном обновлении» (Добролюбов, т. IX, с. 439—441).

«Рыцарь на час» получил чрезвычайно широкую популярность среди современников. В этом произведении нашли выражение душевные переживания целого поколения, жаждущего деятельности, но не находящего в себе сил и мужества полностью отдать себя народному делу. Исповедь Некрасова перед тенью своей матери воспринималась как исповедь перед родиной, к ней обращается поэт со страстным призывом дать ему силы выйти на широкую дорогу самоотверженной борьбы за счастье народа. Как свидетельствуют современники, сам Некрасов читал свое стихотворение, всегда волнуясь и «со слезами в голосе» (*Ковалевский П. М.* Стихи и воспоминания. Пг., 1912, с. 279). М. П. Краснов вспоминает, какое впечатление производило на Н. Г. Чернышевского это произведение: «...Николай Гаврилович предложил прослушать „Рыцаря на час“. Его слегка растянутое, ритмическое чте-

ние, с логическими ударениями, произвело на меня громадное впечатление, и, заслушавшись, я не заметил, что чем далее, тем звончее становился голос Николая Гавриловича. Он уже как бы пережил „восхождение на колокольню“ и оборвавшимся, надтреснутым голосом начал заключительный стих принесения повинной перед памятью матери. Вдруг Николай Гаврилович не выдержал и разрыдался, продолжая, однако, читать стихотворение. Я не в силах был остановить его, ибо и сам сидел потрясенный» (Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. 2. Саратов, 1959, с. 287).

Н. К. Михайловский называл «Рыцаря на час» «блещущей беспощадной искренностью поэтической жемчужиной», «изумительным стихотворением» Некрасова, «которое, если бы он даже ни одной строки больше не написал, обеспечивало ему „вечную память“, которое едва ли кто-нибудь, по крайней мере в молодости, мог читать без предсказанных поэтом „внезапно хлынувших слез с огорченного лица“». «Мне вспоминается один вечер или ночь зимой 1884 или 1885 года,— пишет Н. К. Михайловский.— Я жил в Любани, ко мне приехали из Петербурга гости, большею частью уже немолодые люди, в том числе Г. И. Успенский. Поговорили о петербургских новостях, о том, о сем; потом кто-то предложил по очереди читать. Г. И. Успенский выбрал для себя „Рыцаря на час“. И вот: комната в маленьком деревянном доме; на улице, занесенной снегом, мертвая тишина и непроглядная тьма; в комнате около стола, освещенного лампой, сидит несколько человек <...> Глеб Иванович читает, мы все слушаем с напряженным вниманием, хотя наизусть знаем стихотворение. Но вот голос чтеца слабеет, слабеет и обрывается: слезы не дали кончить... По всей России ведь рассыпаны эти маленькие деревянные домики на безмолвных и темных улицах; по всей России есть эти комнаты, где читают (или читали?) „Рыцаря на час“ и льются (или лились?) эти слезы» (*Михайловский Н. К.* Литература и жизнь.— Рус. богатство, 1897, № 2, с. 133—134).

Ф. М. Достоевский считал это произведение шедевром творчества Некрасова (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. художественных произведений, т. XII. М., 1929, с. 355).

Влияние «Рыцаря на час» отразилось на некоторых литературных произведениях той эпохи. В. А. Слепцов называет свою повесть «Трудное время» (1865). В виде эпиграфа к оставшемуся незавершенным произведению «Сны и факты» А. И. Левитов предполагал взять строки: «От ликующих, праздно болтающих, Обагряющих руки в крови Уведи меня в стан погибающих За великое дело любви!» (ЛН, т. 51-52, с. 373). Н. Г. Чернышевский в своем неоконченном романе «Отблески сияния» (1882?), писавшемся во время вилюйской ссылки, обращается к некрасовской поэме. Прямые цитаты из «Рыцаря на час» автор использует для выражения сомнений героя: может ли он стать борцом за народ, он, находящийся в среде «благоразумных ученых», предающих интересы народа.

Образ «рыцаря на час» неоднократно использовал В. И. Ленин в своих работах, отмечая существование аналогичного социального типа в среде интеллигенции и в годы первой русской революции, и в годы наступившей после нее реакции. «Революция,— писал В. И. Ленин,— подняла к политической жизни такие глубокие

слои народа, она вынесла сплошь да рядом на поверхность столько случайных людей, столько „рыцарей на час“, столько новичков, что совершенно неизбежно отсутствие у многих и многих из них всякого цельного миросозерцания» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 293—294). В 1907 г., разоблачая П. Струве за отступничество, половинчатость взглядов и оппортунизм, В. И. Ленин указывает, что его «место» — «место ликующих и праздноболтающих в моменты торжества контрреволюции» (там же, т. 14, с. 240).

Церковь старая чудится мне... — Имеется в виду церковь Петра и Павла в с. Абакумцеве, расположенном неподалеку от Грешнева, в ограде которой находится могила Е. А. Некрасовой, матери поэта.

И апостола Павла с мечом... — По канонам иконографии апостол Павел изображался обычно с Евангелием в руках. Вероятно, Некрасов не мог вспомнить точных деталей этой иконы, отсюда и разночтения (ср.: Другие редакции и варианты, с. 295).

«ЛИТЕРАТУРА С ТРЕСКУЧИМИ ФРАЗАМИ...»

(С. 140)

Печатается по Ст 1879, т. II, с. 59, где впервые восстановлен цензурный пропуск ст. 3 и 4.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1864, ч, 3, с. 18. Перепечатывалось в 3-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф — ГБЛ, ф. 195, папка 5761, л. 60 об. Вместо заглавия: ***. Записан чернилами со ст. 5. Сверху дописаны карандашом ст. 1—4.

В Ст 1879 датировано: «1862». Эта дата и принимается в настоящем издании.

В. И. Ленин, характеризуя обстановку, отразившуюся в этом стихотворении, ссылается на статью Л. Ф. Пантелеева «Из воспоминаний о 60-х годах», где, по словам В. И. Ленина, «сгруппированы некоторые очень интересные факты о революционном возбуждении 1861—1862 гг. и полицейской реакции... „К началу 1862 г. общественная атмосфера была до крайности напряжена; малейшее обстоятельство могло резко толкнуть ход жизни в ту или другую сторону. Эту роль и сыграли майские пожары 1862 года в Петербурге“ <...> В народе стали обвинять в поджогах студентов, и эти слухи повторялись газетами <...> „<...> в Петербурге было объявлено нечто вроде военного положения“. Учрежденному особому комитету было поручено принятие *чрезвычайных* мер к охране столицы. Город был разделен на три участка с военными губернаторами во главе. По делам о поджоге введен военно-полевой суд. Приостановлены на 8 месяцев „Современник“ и „Русское слово“, прекращен „День“ Аксакова, объявлены суровые временные правила о печати <...> последовали многочисленные аресты политического характера (Чернышевского, Н. Серно-Соловьевича, Рымаренко и др.), закрыты воскресные школы и народные читальни, затруднено разрешение публичных лекций

в С.-Петербурге, закрыто 2-ое отделение при Литературном фонде, закрыт даже Шахматный клуб <...> Гнуснейшее эксплуатирование народной темноты для клеветы на революционеров и протестантов было, значит, в ходу и в самый разгар „эпохи великих реформ“» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 29).

1862—1863

«В ПОЛНОМ РАЗГАРЕ СТРАДА ДЕРЕВЕНСКАЯ...»

(С. 141)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, с. 115—116.

Впервые опубликовано: С, 1863, № 4, с. 557—558, под заглавием: «Страда», с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1864, ч. 3. Перепечатывалось в 3-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден.

В Р. б-ке датировано: «1861»; но так как Некрасов читал это стихотворение вместе со стихотворениями «Зеленый шум» и «Что думает старуха, когда ей не спится» в зале Бенардаки в январе 1863 г. (СПбВ, 1863, 10 и 20 янв.), очевидно, оно написано в конце 1862 или в начале 1863 г.

Для стихотворения, как и для многих других произведений Некрасова, характерна особенно полно проявившаяся в 1860-е гг. способность поэта слить свой голос с голосом другого лица, преимущественно с голосом человека из народа, в органическое единство.

Положено на музыку (И. И. Корнилов, 1887; А. И. Ермолов, 1899; А. В. Михайлов, 1966).

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ

(С. 142)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, с. 119—122.

Впервые опубликовано: С, 1863, № 3, с. 143—144, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1864, ч. 3. Перепечатывалось в 3-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден.

Датируется концом 1862 или началом 1863 г. (см. комментарий к предыдущему стихотворению).

Образ «зеленого шума» заимствован поэтом из игровой песни украинских девушек, напечатанной в «Русской беседе» (1856, № 1, с. 77). Образная структура стихотворения в некоторых существенных элементах восходит, как установлено, к прозаическому

комментарию, которым сопроводил песню проф. М. А. Максимович. В комментарии говорилось: «...в этом *зеленом шуме* девчат отозвался Днепр, убирающийся в зелень своих лугов и островов, шумящий в весеннем разливе своем и дающий тогда полное приволье рыболовству. В одно весеннее утро я видел здесь, что и воды Днепра, и его песчаная Белая коса за Шумиловкою, и самый *воздух* над ними — *все было зелено...* В то утро дул порывистый горишний, т. е. *верховой, ветер;* набегая на прибрежные *ольховые кусты,* бывшие тогда в цвету, он поднимал с них целые *облака зеленоватой цветочной пыли* и развевал ее по всему полуденному небосклону» (*Максимович М. А.* Собр. соч., т. 2. Киев, 1877, с. 479). В цитате выделены слова, использованные Некрасовым (см.: *Абрамов И. С.* Происхождение стихотворения Некрасова «Зеленый шум».— В кн.: Звенья, V. М.—Л., 1935, с. 467—477).

В этом стихотворении Некрасовым найдена та строфическая и ритмическая структура, которая вскоре была использована в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Многократно положено на музыку (Г. А. Маренич, 1878; П. И. Бларамберг, 1886 (под названием «Весенняя песня»); И. И. Рачинский, 1896; С. В. Рахманинов, 1902; Э. К. Розенов, 1904; С. В. Панченко, 1909; П. Г. Чесноков, 1910; М. Д. Кетрип, 1912; Г. Э. Ланэ, 1915; Н. И. Яковлев, 1957).

...ветер верховой...— согласно пояснению В. И. Даля (Даль, т. I, с. 185), в районах Поволжья северо-западный ветер.

ЧТО ДУМАЕТ СТАРУХА, КОГДА ЕЙ НЕ СПИТСЯ

(С. 144)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, с. 117—118.

Впервые опубликовано: С, 1863, № 3, с. 203—204, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1864, ч. 3. Перепечатывалось в 3-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден.

О дате написания см. на с. 387 наст. тома комментарий к стихотворению «В полном разгаре страда деревенская...».

1863

КУМУШКИ

(С. 145)

Печатается по Ст 1879, т. II, с. 123.

Впервые опубликовано: Солдатская беседа, 1863, № 1, с. 31, с датой: «Январь 1863» и подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1864, ч. 3. Перепечатывалось в 3-й части всех последующих прижизненных изданий

«Стихотворений». Опечатка в ст. 9 впервые исправлена в Ст 1879, т. II.

Первоначальный набросок — ИРЛИ, ф. 203, ед. хр. 13, л. 1 и об. На лицевой стороне в верхнем левом углу помета: «Поп. Дождь. Засуха». После четырех двустиший оставлен интервал для одного двустишия.

Датируется на основе указания в первой публикации.

Кубарь — детская игрушка, наподобие волчка.

ПЕСНЯ ОБ «АРГУСЕ»

(С. 147)

Печатается по Ст 1874, т. III, ч. 6, Приложение 3: Юмористические стихотворения разных годов, с. 222—229.

Впервые опубликовано: С, 1863, № 4 (ценз. разр.— 20 апр. 1863 г.), «Свисток» № 9, с. 67—71. под заглавием: «Песня об „Очерках“ (Из лирической драмы «Видение на Неве»)», в другой редакции, с подписью: «Савва Намордников».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1874.

Черновой набросок — ИРЛИ, ф. 203, ед. хр. 23, л. 1. По неизвестному ныне автографу в Ст 1879 (т. IV, с. CXXX—CXXXI) напечатан набросок, относящийся, по предположению С. И. Пономарева, к «Песне об „Очерках“».

Датируется 1863 г. по времени первой публикации.

Поводом для написания стихотворения явился следующий эпизод. В 1863 г. бывший цензор Амплий Николаевич Очкин (1791—1865) приступил к изданию газеты «Очерки». Чтобы привлечь подписчиков, он решил на первых порах придать газете либеральную направленность. В качестве редактора был приглашен видный демократический публицист Г. З. Елисеев (1821—1891), который, в свою очередь, привлек к сотрудничеству П. Л. Лаврова, А. П. Щапова, А. И. Левитова, Н. Г. Помяловского, М. А. Антоновича. О газете «Очерки» см.: *Брейтбург С.* К истории газеты «Очерки».— В кн.: Русская журналистика. Шестидесятые годы. М.—Л., 1930, с. 53—71, а также справочник «Русская периодическая печать» (М., 1959, с. 443—444). Газета стала одним из самых радикальных органов. Напуганный Очкин уговаривал Елисеева переменить направление, но, не добившись успеха, прекратил издание газеты и предложил подписчикам или взять обратно деньги, или получать вместо «Очерков» либеральную газету «Современное слово», издававшуюся Н. Г. Писаревским. В тексте «Современника» вместо «Аргуса» газета имела подлинное название, под своими именами были выведены и действующие лица. Вместо «Гибель, несчастный, тебе» было «Гибель, о Амплий, тебе». Первоначально Некрасов хотел написать несколько сцен торга Очкина с Писаревским.

Пренумерант — подписчик.

...пускается в свист.— Намек на сатиру «Свистка».

...по мосткам против крепости...— Подразумевается Петропавловская крепость.

Плашкоут — плоскодонное, мелкосидящее судно, употреблявшееся для перевозки грузов и для настилки временных мостов.

Меч дамоклесов висит?..— Дамоклов меч — неотвратимая угроза; выражение восходит к древнегреческой легенде о сиракузском тиране Дионисии, который заставил сидеть своего придворного Дамокла под мечом, чтобы тот проникся чувством опасности, всегда угрожающей верховному правителю.

...из Конюшенной...— В Петербурге были Б. Конюшенная (ныне ул. Желябова), М. Конюшенная (ныне ул. С. Перовской) улицы и Конюшенная площадь.

Охтинка — жительница Охты — предместья Петербурга.

Регалия — сорт дорогих сигар.

Другие редакции и варианты

«Современное слово» — ежедневная газета, выходившая вместе с «Русским инвалидом» в Петербурге под редакцией Н. Писаревского с 1 июня 1862 по 2 июня 1863 г.

Корш В. Ф. (1828—1893) — журналист, редактор «Московских ведомостей»; в 1862 г. переехал из Москвы в Петербург, где получил в аренду «С.-Петербургские ведомости»; он был их редактором с 1863 по 1874 г.

Данилевский Г. П. (1829—1890) — автор ряда исторических романов.

КАЛИСТРАТ

(С. 151)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, с. 102.

Впервые опубликовано: С, 1863, № 9, с. 313, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1864, ч. 3. Перепечатывалось в 3-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф — ИРЛИ, ф. 203, ед. хр. 8. Дата: «5 июня». Подпись карандашом: «Н. Некрасов».

Датируется на основании Ст 1879 и автографа 5 июня 1863 г.

В 1863 г. была запрещена перепечатка «Калистрата» в «Русской книжке», составленной известным революционером и фольклористом И. А. Худяковым и предназначенной для массового читателя (см.: *Гаркави А. М.* Некрасов и цензура.— Некр. сб., II, с. 456).

В 1860-е гг. Некрасов после многолетнего перерыва обращается к песенному творчеству и создает целый цикл песен по типу народных. Однако песня Некрасова остается литературной песней не только по отсутствию прямых соответствий в народном творчестве, но и вследствие сложности характеров и настроений, в ней раскрывающихся. Так, в данной песне выражение горя и безысходности осложнено ироническим началом. Эта сложность аналитического взгляда на жизнь отличает некрасовские песни от соб-

ственно народных песен, характер которых гораздо более непосредствен.

Неоднократно положено на музыку (Н. Я. Афанасьев, 1861; М. П. Мусоргский, 1883; В. И. Главач, 1899; Н. Н. Миронов, 1906; Н. О. Куплевский, 1907; Т. С. Сидоренко-Малюкова, 1956).

Носит лапти с подковыркою!..— В отличие от обычных лаптей, сплетенных в два ряда, лапти с подковыркою плелись в три ряда.

«НАДРЫВАЕТСЯ СЕРДЦЕ ОТ МУКИ...»

(С. 152)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, с. 76—77.

Впервые опубликовано: С, 1863, № 9 (ценз. разр.— 19 сент. и 13 окт. 1863 г.), с. 312, с цензурным пропуском ст. 4, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1864, ч. 3. Перепечатывалось в 3-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений». Цензурный пропуск восстановлен в Ст 1869.

Автограф не найден.

В Ст 1879 озаглавлено: «Надрывается сердце от скуки...» и датировано: «1863». Эта дата и принимается в настоящем издании.

В стихотворении отразились впечатления от учиненной правительством в 1862—1863 гг. расправы с передовой общественностью (процессы Н. Г. Чернышевского, Н. А. Серно-Соловьевича, М. Л. Михайлова).

«БЛАГОДАРЕНИЕ ГОСПОДУ БОГУ...»

(С. 153)

Печатается по Ст 1879, т. II, с. 75—76.

Впервые опубликовано: Ст 1869, ч. 4, Приложение: Стихотворения 1860—63 годов, не вошедшие в предыдущие части, с. 244—246, под рубрикой «Отрывки», с цензурным пропуском ст. 29—32, под названием (в оглавлении): «Благодарение богу» (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4. Приложение 2: Стихотворения 1860—63 годов, не вошедшие в предыдущие части; Ст 1879, с восстановлением цензурного пропуска, в основном отделе (как сообщает С. И. Пономарев,— по указанию автора — Ст 1879, т. IV, с. LXV)).

Автограф не найден.

Датируется 1863 г. по Ст 1879.

Полное чтение ст. 30 неизвестно. Стихотворение, очевидно, написано в пору массовых ссылок революционеров, особенно поляков, после восстания 1863 г., так как в Ст 1873 отнесено к числу стихотворений 1860—1863 гг. «Дорога, изображаемая здесь,— писал К. И. Чуковский,— знаменитая Владимирка, по которой гнали арестантов в Сибирь» (ПСС, т. II, с. 674). Новейший исследователь, знаток Ярославского края А. Ф. Тарасов полагает, что здесь имеется в виду «другая дорога, менее известная, хотя играла она ту же печальную роль. Она проходила из Петербурга через Мологу, Рыбинск, Ярославль, Кострому и далее — в ту же Сибирь.

По ней в 1826 году провозили декабристов. По ней в конце 1850 года проследовал Ф. М. Достоевский. По ней в декабре 1861 года прозвенел кандалами М. Л. Михайлов. Через два с половиной года его путь повторил Н. Г. Чернышевский. Дорога эта проходила мимо Грешнева» (*Тарасов А. Ф.* Некрасов в Карабихе. Ярославль, 1977, с. 57—58).

В 1883 г. директор департамента полиции В. К. Плеве представил царю специальную «Записку о направлении периодической прессы в связи с общественным движением в России». В «Записке» говорилось: «Некрасов со злобной насмешкой встретил меры правительственного преследования, которое постигло пропагандистов, и призывал новые силы на смену выбывающим. Глубокое впечатление производят следующие места его стихотворений...». Далее приводятся последние строки стихотворения «Благодарение господу богу...» (*Папковский Б., Макашин С.* Некрасов и литературная политика самодержавия.— ЛН, т. 49-50, с. 524).

Брат, удаляемый с поста опасного...— Незадолго до написания этих строк Некрасов называл братом арестованного и сосланного на каторгу поэта-революционера М. Л. Михайлова, которому он посвятил «Рыцаря на час» (см. выше, с. 383—384).

«ЯВНО РОДСТВЕННЫ С ЗЕМЛЕЙ...»

(С. 155)

Печатается по тексту первой публикации, с восстановлением ст. 7 по автографу ИРЛИ.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1874, т. III, ч. 6, Приложение 3: Юмористические стихотворения разных годов, с. 234, с цензурной купюрой в ст. 7 («...ских орлов»), с датой: «1863».

Автограф — ИРЛИ, ф. 203, ед. хр. 12, л. 22 об. Другой автограф (дата: «1863») с купюрой в ст. 7 — Черниговский исторический музей, № АВ 547/2.

Датируется по Ст 1874 и автографу.

Стихотворение направлено против крепостников, мечтавших о возвращении дореформенных порядков, и против готовившегося положения о земствах (обнародованного в 1864 г.), которое давало возможность бывшим помещикам переложить на плечи крестьян ряд повинностей. В. И. Ленин в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» писал, что «земская реформа была одной из тех уступок, которые отбила у самодержавного правительства волна общественного возбуждения и революционного натиска». Вместе с тем Ленин указывал, что «земство с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, *допускаемым* бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось...» (Полн. собр. соч., т. 5, с. 33, 35). Не исключена возможность, что стихотворение — отклик на адрес московских либеральных дворян, преподнесенный в январе 1865 г. Александру II.

«Весть» — петербургская политическая и литературная газета, выходившая с августа 1863 г.; издавалась В. Д. Скарятиным и Н. Н. Юматовым. Выражала интересы крупного дворянства. Герцен называл ее «газетой неокрепостников».

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО «СВИСТКА» К ЧИТАТЕЛЯМ

(С. 156)

Печатается по тексту первой публикации, с исправлением цензурных искажений в ст. 4, 9, 40 по автографу.

Впервые опубликовано: С, 1863, № 4, «Свисток» № 9, с. 8—12, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1920.

Автограф — ИРЛИ, ф. 203, ед. хр. 3, л. 1—8 об.— представляет собой черновые наброски и сводную редакцию. На л. 1—4 об.— сводная редакция. В левом верхнем углу л. 1 помета «Юркевич», ниже: «литер. <*нрзб*>». На л. 5—8 об. (л. 7, 7 об., 8 — чистые) — наброски; укажем последовательность сохранившихся записей. На лицевой стороне л. 5 наброски: один дает первоначальную редакцию ст. 13—20 и 33—36 (ст. 21—32 являются позднейшей вставкой в сводном тексте), другой — ст. 49 и 51, третий — ст. 110—113. На обороте л. 5 — зачеркнутое четверостишие «Он низко кланяется всем...» (не включенное в сводный текст) и запись ст. 57—60. В левом нижнем углу помета «Юркевич». На лицевой стороне л. 6 — черновой набросок ст. 100—107, непосредственно продолженный записью ст. 108—121. В левом верхнем углу л. 6 помета «Юркевич, Посредни<к>, Ковалевск<ий>, Костомар<ов>». Чуть ниже дважды повторенная помета «Хорошо». На обороте л. 6 — запись ст. 25—27. На обороте л. 8 — черновой набросок ст. 81—99, дающий несколько иное, чем в окончательном тексте, развитие темы; между ст. 93—94 — не использованное впоследствии четверостишие «Куда ни обращаешь взор...», между ст. 97 и 98 — ст. 28—32, перенесенные впоследствии в начало.

Датируется 1863 г. Дата написания обоснована А. М. Гаркави (см.: Учен. зап. Новгород. пед. ин-та, 1966, т. 8, с. 39).

Основным автором «Свистка» был Добролюбов. После его смерти это сатирическое приложение к «Современнику» не выходило. В сложных условиях наступившей политической реакции после приостановки «Современника» в 1862 г., ареста Н. Г. Чернышевского, ссылки М. Л. Михайлова Некрасов сделал попытку возродить «Свисток». Во «Вступительном слове...» дан обзор событий за истекшее время. В обзоре указывалось на крайне сложные условия существования «Свистка»: «Поле „Свистка“ по-прежнему очень обширно и предметов для свиста очень много; но это поле тернисто, но эти предметы неподатливы» (С, 1863, № 4, «Свисток» № 9, с. 8).

Новые порядки в общественной и литературной жизни — тема «Вступительного слова...». Литература поступила из ведения Министерства народного просвещения в ведение Министерства

внутренних дел, где было создано особое управление по делам печати с большими полномочиями. Громадное влияние приобрели реакционные «Московские ведомости» М. Н. Каткова. В своей газете он писал о русских простолюдинах: «Они собраний не имеют, речей не говорят и адресов никаких не посылают. Они люди простые и темные. Они люди малые, люди бедные и нищие духом. Но они русские люди, и они издалека, в своей темной глубине, прежде чем люди на горах, люди просвещенные и умные, говорящие и пишущие и правоправящие,— они издалека заслышали голос отечества и отозвались на него, в простоте и смирении сердца, тихою молитвой» (МВ, 1863, № 69). Против этого «гимна безмолвию» и направлены строки Некрасова. № 9 «Свистка» был последним — дальнейшее его существование оказалось невозможным.

Когда с вопросом о цензуре Начальство село на мели...— С 1859 г. началось затянувшееся обсуждение вопроса о цензурной реформе, завершившееся принятием устава 1865 г.

Какой-то спор о нигилистах...— В 1862 и следующих годах реакционные круги возглавили поход против «нигилистов» и «мальчишек»; об этом кроме Некрасова писали и другие сотрудники «Современника»: М. Е. Салтыков-Щедрин в статье «Наша общественная жизнь», М. А. Антонович в статье «Краткий обзор журналов за истекшие восемь месяцев» (С, 1863, № 1-2).

Когда при помощи Пановских...— М. Н. Пановский (1802—1872) — реакционный журналист, сотрудник изданий М. Н. Каткова.

Катков М. Н.— см. о нем на с. 358 наст. тома комментарий к стихотворению «Дружеская переписка Москвы с Петербургом».

Юркевич лист бумаги мял...— П. Д. Юркевич (1828—1874) — реакционный философ-идеалист. В феврале—марте 1863 г. читал в Петербурге публичные лекции, враждебные материалистической философии. Получив на кафедре задевшее его анонимное письмо, он скомкал бумагу и сказал, что вправе сделать из нее такое употребление, какое найдет нужным. В том же номере «Свистка» в заметке «Неблаговонный анекдот г. Юркевича, или Искание розы без шипов» Салтыков-Щедрин писал: «Для разъяснения этих таинственных слов необходимо было бы знать, на каком языке, на языке физиологов или психологов, произнес г. Юркевич эти слова, и потом сделал ли он, произнося их, какой-нибудь соответственный жест, т. е. приблизил ли руку к желудку (в знак того, что страдает чревным недугом) или откинул ее как-нибудь назад» (С, 1863, № 4, «Свисток» № 9, с. 39—40).

Когда мы видим избиенных Посредников...— В феврале 1862 г. 13 мировых посредников — тверских дворян — письменно заявили губернскому присутствию по крестьянским делам о несогласии с положением 19 февраля. Вскоре они были отданы под суд и заключены в Петропавловскую крепость.

Нейдут Краевского изданья...— С начала 1860-х гг. популярность «Отечественных записок», которые издавал Краевский, резко упала.

И над Громекиной главой Летает бомба отрицанья...—С. С. Громека, сильно поправевший после 1862 г., упрекал нигилистов в том, что они бросают «бомбы отрицанья» (ОЗ, 1863, № 3, с. 9).

И всплакал Фет, что топчут гуси...— А. А. Фет в статье «Из деревни» жаловался, что гуси крестьян потравили у него в имении покосы (РВ, 1863, № 1).

Когда ругнул Иван Аксаков...— В письме «Из Парижа» (День, 1863, 23 марта) славянофил И. С. Аксаков, выступивший под псевдонимом «Касьянов», сетовал, что представители «российских образованных классов» и даже русское духовенство теряют за границей национальное обличье. Употребленное им восклицание — «275 000 русских!» — введено Некрасовым в стихотворное примечание к «Вступительному слову...».

Внезапно Павлов замолчал...— Газета Н. Ф. Павлова «Наше время» прекратилась в 1863 г. на 126-м номере.

И Амплий Очкин кунштик чудный С газетой «Очерки» удрал...— См. об этом на с. 389 наст. тома, в комментарии к стихотворению «Песня об „Аргусе"». Кунштик (кунштюк) — Kunststück (*нем.*) — ловкая проделка.

«Голос» — газета А. А. Краевского, выходившая с 1863 по 1884 г.

И прекратилась «Ерунда»...— В 1861 г. Л. Л. Камбек, редактор журнала «Петербургский вестник», влачившего жалкое существование, решился на крайнюю меру и в целях привлечения подписчиков предложил за особый гонорар редактору всем желающим печататься на страницах приложения к журналу. Приложение это вскоре получило в журналистике название «Ерунда» (слово это только входило тогда в русский язык). Название было неофициально принято самим Камбеком. В 1862 г. журнал прекратился (см.: *Рейсер С. А.* Журналист и обличитель Лев Камбек.— В кн.: Звенья, VIII. М., 1950, с. 766—784).

«Заноза» — умеренно-либеральный юмористический еженедельник, основанный в 1863 г. поэтом М. П. Розенгеймом.

Узнай, по крайней мере, звуки...— из «Посвящения» (1828) к «Полтаве» Пушкина.

И никого вокруг себя...— неточная цитата из стихотворения Пушкина «Кто знает край, где небо блещет...» (1828).

Он жаждет славы и войны...— неточная цитата из стихотворения Лермонтова «Не плачь, не плачь, мое дитя...».

И лезет мост на мост горой...— Смысл этого выражения не ясен. В «Ведомостях С.-Петербургской городской полиции», на которые ссылается поэт, нет ничего, что могло бы подать повод к этой ссылке. Возможно, Некрасов имеет в виду общее плохое состояние мостов в столице и постоянные их ремонты. Об этом (запрещение езды по тому или иному мосту, закрытие и пр.) неоднократно сообщалось в «Ведомостях С.-Петербургской полиции» и других газетах.

И вновь начнут свой прежний спор Гиероглифов и Стелловский...— Газета «Русский мир», издававшаяся Ф. Т. Стелловским под редакцией А. С. Гиероглифова, прекратилась в январе 1863 г. из-за распрей между редактором и издателем на денежной почве.

И гимны братьев Достоевских Самим себе не заглушай! — Речь идет об анонимной статье Ф. М. Достоевского «Опять молодое перо. Ответ на статью „Современника"», в которой дана панегирическая оценка журнала «Время», издаваемого братьями Достоевскими.

ПОЖАРИЩЕ

(С. 160)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, с. 125—126.

Впервые опубликовано: С, 1863, № 9—10, с. 519—520, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1864, ч. 3. Перепечатывалось в 3-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден.

В Ст 1879 датировано: «1863». Эта дата принимается и в настоящем издании.

Блюхер Г. Л. (1742—1819) — прусский фельдмаршал, участник сражения при Ватерлоо (1815). Его лубочный портрет в течение долгого времени распространялся в России. Об этом портрете как обычном украшении крестьянской избы упоминает Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» в главе «Сельская ярмонка».

Забалканский — русский генерал-фельдмаршал И. И. Дибич (1785—1831), получивший имя Забалканский за переход через Балканы во время русско-турецкой войны 1829 г.

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

(С. 161)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, с. 93—101.

Впервые опубликовано: С, 1864, № 2, с. 573—576, с заглавием: «Горе старой Орины», без эпиграфа, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено (с заглавием: «Орина, мать солдатская»): Ст 1864, ч. 3. Перепечатывалось в 3-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден. Корректура под заглавием: «Орина», без эпиграфа — ИРЛИ, ф. 250, оп. 2, ед. хр. 69, 2 печ. л.

Датируется 1863 г.: поэма предназначалась для № 11 «Современника» за 1863 г., но ввиду сопротивления цензуры была опубликована позднее. Сестра поэта сообщает: «Орина, мать солдатская, сама ему рассказывала свою ужасную жизнь. Он говорил, что несколько раз делал крюк, чтобы поговорить с ней, а то боялся сфальшивить» (Из дневников и воспоминаний А. А. Буткевич.— ЛН, т. 49-50, с. 178). Многолетняя солдатчина с ее палочной дисциплиной, жесточайшими наказаниями и абсолютным бесправием была одной из самых мрачных сторон жизни дореформенной России. Когда писалось это стихотворение, вопрос о солдатчине был особенно злободневным: под руководством либерального министра Д. А. Милютина (1816—1912) проводилась военная реформа, в частности были значительно сокращены сроки военной службы.

Эпиграф — из народной песни, которая под № 2 как «Свадебная» помещена в кн.: *Вильбоа К. П.* Русские народные песни. Текст под ред. Ап. Григорьева при содействии А. Н. Островского, Т. И. Филиппова и П. И. Якушкина. СПб., 1860. Другие редакции есть в сборнике песен Самарского края, составленном В. Варенцовым. Эту песню поют также в драме Островского «Бедность не порок».

Бесталанная — народное: неудачливая, несчастливая.

«Не белы снежки» — старинная народная песня «Не белые-то снежочки забелилися...» (см.: *Соболевский А. И.* Великорусские народные песни, т. I. СПб., 1895, с. 47).

1864

НАЧАЛО ПОЭМЫ

(С. 165)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, Приложение 2: Стихотворения 1860—63 годов, не вошедшие в предыдущие части, с. 244—246.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1869, ч. 4, Приложение: Стихотворения 1860—63 годов, не вошедшие в предыдущие части, с. 239—240 (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4).

Автограф не найден.

Датируется по Ст 1879, где отнесено к 1864 г.

В Италии — писал о русских ссыльных... — Речь идет о поэме «Несчастные», над которой Некрасов работал в Риме в 1856 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

(С. 167)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 171—172.

Впервые опубликовано: С, 1865, № 9, с. 32, с датой: «1864» и подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1869, ч. 4 (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4).

Беловой автограф — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 11, л. 1. Над текстом автографа приписка: «Здоров ли ты? Вот тебе стихи. Из них увидишь, что я не очень весел. Некрасов».

Датируется 1864 г. по указанию в первой публикации.

Листок был послан поэтом в середине августа 1864 г. его старому приятелю, видному инженеру, близкому к демократическим кругам, двоюродному брату И. И. Панаева — Валериану Александровичу Панаеву (1824—1899). Стихотворение написано по поводу

возвращения Некрасова из-за границы после пребывания там в мае — августе 1864 г. и навеяно впечатлениями от приезда в Карабиху осенью.

И проклял я то сердце... — Современники воспринимали заключительное двустишие как выражение тоски по революционному подвигу.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

(С. 168)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 127—137, с исправлением эпиграфа по С.

Впервые опубликовано: С, 1865, № 10, с. 547—552, с подзаголовком: («Посвящается детям») и фиктивной датой: «1855».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1869, ч. 4, с датой: «1864», с восстановлением цензурного пропуска ст. 25—28 (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4). Подзаголовок в Ст 1879 снят, очевидно, по указанию поэта.

Автограф не найден. Авторизованная копия, поданная Некрасовым в цензуру в 1864 г., с надписью «Назначается не для журнала, а в общее собрание стихотворений» — ЦГИА, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 9, л. 29—31.

К. И. Чуковский полагал, что замысел произведения относится к самому началу 1860-х гг. (ПСС, т. II, с. 681). В настоящем издании принимается дата: «1864» (по Ст 1869).

Эпиграф в «Современнике» оканчивался словами: «Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька!», в остальных прижизненных и посмертном изданиях было: «Инженеры, душенька!». Это изменение, очевидно, цензурное. Так, в донесении цензора Ф. П. Еленева от 24 ноября 1865 г. говорилось: «Хотя прямой смысл этого эпиграфа в связи со стихотворением не заключает в себе оскорбления для бывшего главноуправляющего путями сообщения, но некоторые могут видеть здесь другой, скрытый смысл; во всяком случае подобное выставление имен высших правительственных лиц крайне неуместно» (цит. по: *Гин М.* От факта к образу и сюжету. М., 1971, с. 191). О тексте эпиграфа см.: *Гин М. М.* О своеобразии реализма Некрасова. Петрозаводск, 1966, с. 160, 165 (в защиту варианта «Клейнмихель»); *Бухштаб Б. Я.* Заметки о текстах стихотворений Некрасова.— В кн.: Издание классической литературы. Из опыта «Библиотеки поэта». М., 1963, с. 260—266 (в защиту варианта «Инженеры»). М. М. Гин полагает, что «за Клейнмихелем <...> стоят слишком мощные тени: с созданием первой большой железной дороги России, так или иначе, связаны оба царя российских — „почивший в бозе“ Николай I и царствовавший Александр II» (*Гин М.* От факта к образу и сюжету, с. 201).

Первая в России Николаевская (ныне Октябрьская) железная дорога между Москвой и Петербургом, строителем которой считался главноуправляющий путями сообщения граф П. А. Клейнмихель, была построена в 1842—1852 гг. Некрасов показывает,

кто и как в действительности строил эту дорогу. В мае 1864 г. цензурный комитет запретил печатание «Железной дороги», поскольку здесь «объясняется генеральскому сыну картина мучений, испытываемых рабочим людом при постройке железных дорог; генерал — представитель другого быта, другого сословия, смеется над участью рабочих...» (*Евгеньев-Максимов В.* Некрасов как человек, журналист и поэт. Л., 1928, с. 237).

В 1865 г. Некрасов воспользовался освобождением журнала от предварительной цензуры и напечатал стихотворение в «Современнике», выбросив, однако, некоторые острые места и отнеся его посредством даты «1855» к другой эпохе. Несмотря на это, член совета Главного управления по делам печати Мартынов так охарактеризовал «Железную дорогу»: «Автор утверждает, что люди, употребленные на работах, „гроб обрели здесь себе“, что рельсы дороги вместо подушек укрепляемы чуть ли не на „косточках русских“, что начальство „секло народ“, предоставляя ему право „мерзнуть и гибнуть от цинги в землянках“ <...> Наконец, в эпиграфе упомянуто, вещь всем известная, что главным строителем дороги был граф Клейнмихель, очевидно с целью возбудить в читателях негодование против этого имени, рассчитывая на страшную эффектность стихотворения...» (*Евгеньев-Максимов В.* Последние годы «Современника». Л., 1939, с. 107). 4 декабря 1865 г. министр внутренних дел П. А. Валуев приказал: «Принимая во внимание, что <...> в стихотворении „Железная дорога“ сооружение Николаевской железной дороги изображено как результат притеснения народа и построение железных дорог вообще выставляется как бы сопровождаемым тяжкими для рабочих последствиями, министр внутренних дел определил: „объявить второе предостережение журналу «Современник» в лице издателя-редактора дворянина Николая Некрасова“» (там же, с. 110—111). Это ставило журнал под удар, так как после третьего предостережения он подлежал закрытию.

Стихотворение тематически близко тому, что писали об условиях строительства железных дорог Н. А. Добролюбов («Опыт отучения людей от пищи», 1860), В. А. Слепцов («Владимирка и Клязьма», 1861) и др. Вообще поэт опирался на многочисленные и разнообразные материалы, связанные с железнодорожным строительством в России (см.: *Гаркави А. М.* Еще об источниках стихотворения «Железная дорога».— О Некр., II, с. 291—295). Но, конечно, смысл некрасовского произведения шире: раздумья о судьбах народа в прошлом, настоящем и будущем, изображение разных сторон жизни народа и взгляд с разных точек зрения на него. Это определяет очень сложную форму стихотворения, где в органическом единстве предстают пейзажная зарисовка, элементы баллады, песня, живой спор, сатирическая картина.

«Железная дорога» оказывала на читателей, особенно на молодежь, громадное революционизирующее воздействие. «Я был тогда в последнем классе военной гимназии,— вспоминает Г. В. Плеханов.— Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы окончили „Железную дорогу“, раздался сигнал, звавший нас на фронтовое учение <...> Когда мы стали строиться, мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: „Эх, взял бы я это ружье и по-

шел бы сражаться за русский народ!“» (*Плеханов Г. В.* Литература и эстетика, т. 2. М., 1958, с. 199).

Видел я в Вене святого Стефана...— Собор святого Стефана — архитектурная достопримечательность Вены, заложен в XII в., современный вид принял в XIV—XV вв.

Или для вас Аполлон Бельведерский Хуже печного горшка? — Генерал перефразирует строки Пушкина из стихотворения «Поэт и толпа» (1828).

Термы — древнеримские бани.

ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА

(С. 173)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 173.

Впервые опубликовано: С, 1864, № 11-12, с. 276, без ст. 18—25 и с цензурными искажениями в ст. 3 («для отчизны» вместо «для свободы») и соответственно в ст. 1 («ты на рассвете жизни» вместо «ты в молодые годы»), без заглавия, но с подзаголовком: «(Отрывок)» и эпиграфом из стихотворения Добролюбова, подписанным буквой Д:

> Милый друг, я умираю,
> Но спокоен я душою
> И тебя благословляю —
> Шествуй тою же стезею...

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1869, ч. 4, полностью, с заглавием: «Памяти --ва» (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4). В Ст 1879, т. II фамилия Добролюбова обозначена в заглавии.

Автограф не найден.

В Ст 1879 датировано: «1864». Эта дата и принимается в настоящем издании.

Впоследствии Некрасов сопроводил стихотворение примечанием: «Надо заметить, что я хлопотал не о верности факта, а старался выразить тот идеал общественного деятеля, который одно время лелеял Добролюбов» (Ст 1879, т. IV, с. LXVII).

Строки: «Какой светильник разума погас! Какое сердце биться перестало!» В. И. Ленин поставил эпиграфом к некрологу «Фридрих Энгельс» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 5). О характере использования В. И. Лениным некрасовских стихов см.: *Скатов Н.* Некрасовские эпиграфы у В. И. Ленина.— РЛ, 1976, № 1, с. 34—40.

ПРИТЧА О ЕРМОЛАЕ ТРУДЯЩЕМСЯ

(С. 174)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 173.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1869, ч. 4, с. 169 (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4).

Автограф не найден.

Датируется по Ст 1879, где отнесено к 1864 г.

1858—1865

О ПОГОДЕ

(С. 175)

Часть первая печатается по Ст 1873, т. I, ч. 2, с. 147—170, с восстановлением собственных имен в ст. 113 и 124—125 сатиры «До сумерек» (Николай Алексеевич <Некрасов>, Фрейганг и Краевский) по Ст 1879.

Впервые опубликовано: первая сатира — С, 1859, № 1, с. 307—311, с посвящением: «(П. А<нненко>ву)», датой под текстом: «27 дек.» и подписью: «Н. Некрасов»; вторая сатира — С, 1859, № 2, с. 507—512, с датой под текстом: «10 февр.» и подписью: «Н. Некрасов»; третья сатира — С, 1859, № 3, с. 5—8, с подписью: «Н. Некрасов». Общее заглавие: «О погоде (вступление к сатирам)», эпиграф отсутствует.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1861, ч. 2, с общим заглавием: «О погоде. Уличные впечатления» и общей датой в конце: «1858—1859». Перепечатывалось во 2-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений». В Ст 1873, т. I, ч. 2 подзаголовок «Часть первая» отсутствует. Вторая главка сатиры «До сумерек» (ст. 21—58) перепечатана в издании для народного чтения: Красные книжки. Книжка вторая <...> Сочинил и издал Н. Некрасов. СПб., 1863, с. 21—22, под заглавием: «Городская кляча».

Автографы первой части не найдены. Цензорская корректура (гранки) из архива А. Н. Пыпина с авторской правкой и пометами цензора — ИРЛИ, 21121, л. 1—2, 9—12. Корректура «Утренней прогулки» — без авторской правки, с общим заглавием цикла: «С утра до ночи (вступление к сатирам)», с печатной датой: «27 декабря» и подписью: «Цензор Д. Мацкевич». В корректуре «До сумерек» четыре цензурных вычерка красными чернилами и на полях соответственные варианты Некрасова (см.: Другие редакции и варианты, с. 305—306). Общее заглавие цикла — как в С. Дата: «10 февраля». Надпись: «Исключить зачеркнутые места. Цензор Мацкевич». Помета: «Г-ну цензору. Февр. 12». В корректуре «Сумерек» одна строка вычеркнута цензором. Общее заглавие цикла — как в С. Подпись: «Н. Некрасов». У заглавия помета Некрасова: «Поместить в начале книги». Копия А. Я. Панаевой с авторской правкой и дополнениями — Тетр. Панаевой, л. 34—44 об., 64—67.

В процессе подготовки к печати менялось, очевидно, не только общее заглавие первой части, но также и заглавия отдельных сатир. Имеется свидетельство А. В. Никитенко о том, что 31 декабря 1858 г. Некрасов на обеде у И. А. Гончарова «прочел свое замечательное стихотворение „Кладбище“» (Никитенко, т. II, с. 53). Не исключена возможность, что это первое название «Утренней прогулки» (см.: ПССт 1967, т. II, с. 625).

Часть вторая печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 9—26, куда вошла с заглавием: «О погоде. Часть вторая (1865)».

Впервые опубликовано: первая сатира — С, 1865, № 2, с. 541—545, с заглавием: «О погоде. V. Крещенские морозы», подписью: «Н. Некрасов», примечанием к цифре V в заглавии: «См. „Совре-

менник“, 1861, №№ 1, 2, 3. Глава IV, следующая за напечатанными, выпущена» и ремаркой после текста: «(Продолжение впредь)»; вторая сатира — С, 1865, № 3, с. 235—239, с заглавием: «О погоде. VI. Кому холодно, кому жарко!», подписью: «Н. Некрасов» и ремаркой после текста: «(Продолжение впредь)».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1869, ч. 4, с общим заглавием и датой на шмуцтитуле: «О погоде. Часть вторая (1865)» (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4, с таким же общим заглавием).

Рукопись наборная, чернилами, с несколькими слоями правки, чернилами и карандашом — ГБЛ, ф. 195, М 5750, л. 1—6 и М 5754, л. 1. Общее заглавие «О погоде» и примечание к № 5 (как в С) вписаны позже. Подзаголовок «Часть вторая» отсутствует. В конце ремарка: «(Продолжение впредь)» и подпись: «Н. Некрасов». На полях пометы Некрасова: «Прошу эти листы мне возвратить», «Листы эти прошу не затерять».

В «Современнике» цикл «О погоде», главным образом первая часть, печатался с рядом цензурных искажений. В «Утренней прогулке» ст. 83 читался: «Да на гроб, да на саван, на свечи» (вместо «Да попу, да на гроб, да на свечи»), ст. 131; «Да судьба, как захочет обидеть» (вместо «Да господь, как захочет обидеть»). А. М. Гаркави высказал предположение, что в обоих случаях имела место автоцензура (см.: *Гаркави А. М.* Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966, с. 221 и 230—231). В корректуре «До сумерек» цензор вычеркнул ст. 11—12 и 15—16, что побудило Некрасова снять полностью ст. 9—16 и заменить их в журнале строкой точек. Ст. 86 «Тут жандармский седой генерал» по требованию цензора был заменен на «Тут какой-то седой генерал». Все эти искажения устранены в последующих прижизненных изданиях. К первоначальному варианту ст. 103 («Заколодило с сорок девятого»), тоже вызвавшему возражение цензора, автор больше не возвращался. Цензор сомневался также в возможности напечатать ст. 48. 59—66 и 76, но они появились в «Современнике» без искажений. В ст. 200 вместо «Злость-тоску мужики на лошадках сорвут» в «Современнике» было «Грусть-тоску...». А. М. Гаркави (там же, с. 221) усматривает здесь также проявление автоцензуры. По той же причине автор, очевидно, снял и ст. 123—126 (о взаимоотношениях с цензурой). После них в копии Панаевой вписано четверостишие:

Нет, шалишь: это дело ученое
Чья возьмет — попытаем сперва...
Не гляди, что лицо-то зеленое,—
Человек голова!

Как предполагает М. Я. Блинчевская, приведенное четверостишие свидетельствует о том, что при подготовке издания 1861 г. у Некрасова была мысль связать эти взаимоотношения со временем сотрудничества в журнале Белинского (ПССт 1967, т. II, с. 627). В главке «Сумерки» цензор снял ст. 58: «Словно цепи куют на несчастный народ». В «Современнике» печаталось: «Словно общая гибель идет». В ст. 12 «Кому холодно, кому жарко!» по требованию цензора снято было упоминание царя (вместо «Где катаются сами цари» печаталось «Где катаются моды цари»).

В Ст 1879 первая часть цикла напечатана без подзаголовка «Часть первая», вторая часть — без общего заглавия «О погоде. Часть вторая», отсутствуют и порядковые номера при заглавиях «Крещенские морозы» и «Кому холодно, кому жарко!». Какая-либо мотивировка этих изменений отсутствует. В примечании к сатире «Кому холодно, кому жарко!» сказано: «Вместе с предыдущим оно начинало собой вторую часть „О погоде“» (Ст 1879, т. IV, с. XVIII). Почему «начинало», а не «начинает», остается неясным. В письмах А. А. Буткевич к С. И. Пономареву имеются замечания, свидетельствующие, что проблема публикации этих сатир для обоих представляла определенные трудности. 5 июня 1879 г. А. А. Буткевич пишет: «Стихотворения: „Русским детям“, „О погоде“ и проч. поставить под один год. (Так, кажется, Вы хотели?)» (ЛН, т. 53-54, с. 175). 28 июля ему же: «Относительно „Русским детям“ и „О погоде“ сделайте, как было у брата» (там же, с. 182). Эти колебания вызваны, очевидно, тем обстоятельством, что в последнем прижизненном издании первая часть цикла опубликована без подзаголовка «Часть первая», т. е. как вполне самостоятельное, законченное произведение, а вторая — с подзаголовком «Часть вторая», т. е. как продолжение первой части. Случайно ли это, или здесь отразилось не доведенное до конца стремление обособить обе части? На эти вопросы и сегодня нельзя ответить. Неясно также, что означает последнее указание в только что цитированном письме А. А. Буткевич — печатать как в прижизненных изданиях (это не было выполнено) или печатать в соответствии с каким-то неизвестным нам указанием автора (ведь, как мы знаем, А. А. Буткевич и С. И. Пономарев опирались на не дошедшие до нас заметки на полях авторского экземпляра частей 1—4 Ст 1873—1874)? И осталось ли указание Буткевич последним, не подверглось ли еще раз пересмотру? Все эти вопросы остаются без ответа. Поэтому мы печатаем цикл в том виде, как он печатался в последнем прижизненном издании.

Сатиры, публиковавшиеся под заглавием «О погоде», являлись составной частью незавершенного большого цикла сатир, получившего наименование «номерной цикл»: он должен был состоять по меньшей мере из 13 пронумерованных сатир, представляющих широкое сатирическое обозрение пореформенной русской действительности. С этим замыслом кроме комментируемого произведения связаны также «Балет», «Газетная» и «Недавнее время». С конца 1860-х гг., убедившись, что осуществить весь замысел не удастся, Некрасов принимает меры к обособлению и превращению в самостоятельные произведения отдельных его частей: в сатирах «Газетная» и «Балет» снимаются подзаголовки, указывающие порядковый номер данной сатиры, тексты, оставшиеся неопубликованными, входят в состав поэмы «Недавнее время» (о творческой истории номерных сатир см. подробнее: наст. изд., т. III, комментарий к «Недавнему времени»). «О погоде» не только в Ст 1869, но и в Ст 1873—1874 печатается как первая часть не доведенного до конца замысла: видимо, утратив надежду осуществить замысел в целом, Некрасов еще надеялся довести до конца работу над этим подциклом, тоже незаконченным. Известно, что между первой частью «О погоде» (заканчивается сатирой № III) и второй частью (начинается сатирой № V) планировалась сатира № IV, которая должна была, вероятно, явиться связующим звеном между первой

и второй частями (см.: *Фролова Т. Д.* Незавершенный сатирический цикл Н. А. Некрасова.— Некр. сб., I, с. 174). Не исключена возможность, что в эту часть цикла должны были войти и сатиры VII и VIII, в которых автор, по предположению той же исследовательницы, намерен был коснуться такого острого вопроса, как петербургские пожары (там же; см. также ниже, с. 409).

Тенденция к обособлению первой части «О погоде» проявилась сравнительно рано: в Ст 1861, ч. 2 подзаголовок «Вступление к сатирам» заменяется другим — «Уличные впечатления», чем, конечно, придавалась бóльшая самостоятельность и законченность первой части, но это справедливо объяснялось тем, что осуществление всего замысла затягивалось (ПССт 1967, т. II, с. 625).

В дни болезни Некрасова, когда он готовил то издание своих стихотворений, которому суждено было стать первым посмертным, надежд на завершение «О погоде» уже не оставалось. При таких обстоятельствах он вполне мог принять решение превратить их в самостоятельные произведения, т. е. сделать то, что уже сделал с другими частями номерного цикла. Некоторые основания для такого превращения несомненно имелись. Первая часть, представляя собой наблюдения автора в течение одного дня («Уличные впечатления»), что подчеркивалось первоначальным вариантом общего заглавия («С утра до ночи») и отразилось в заглавиях отдельных главок («Утренняя прогулка», «До сумерек», «Сумерки»), обладает определенной цельностью и законченностью. Вторая часть тематически несомненно связана с первой, однако при отсутствии четвертой (промежуточной) сатиры эта связь не может быть постигнута до конца, тем более что «Крещенские морозы» и «Кому холодно, кому жарко!» не являются (как сатиры первой части) картинами уличных впечатлений в строгом смысле слова. Но каждая из них обладает определенной законченностью и вполне достойна внимания в качестве самостоятельного произведения. При этом, конечно, остаются внутренние подспудные связи между сатирами обеих частей, но не бóльшие, чем между другими частями замысла, обособленными автором и превращенными в самостоятельные произведения. Не случайно, может быть, и отсутствие подзаголовка «Часть первая» в Ст 1873, т. I, ч. 2.

Все эти соображения, однако, остаются гипотетическими, поскольку неизвестно, чем руководствовались А. А. Буткевич и С. И. Пономарев, превращая части «О погоде» в самостоятельные произведения, имелись ли какие-нибудь указания автора на этот счет.

Датируется «О погоде» в соответствии с авторскими пометками. Исходя из общей даты первой части в прижизненных изданиях (1858—1859), дату «27 декабря» под «Утренней прогулкой», опубликованной в январской книжке «Современника», следует отнести к 1858 г. Время создания последней главки — «Сумерки»,— опубликованной в мартовской книжке того же журнала, проходившего цензуру 1 и 15 марта,— между 10 февраля и 15 марта 1859 г. Датировка второй части определяется следующими соображениями. К ст. 114 «Крещенских морозов» в рукописи имеется примечание автора: «Писано в разгар деятельности М. Н. Муравьева и М. Н. Каткова». Это дает основание утверждать, что работа над названной сатирой велась в 1863—1864 гг., может быть, еще вне связи с комментируемым циклом: общее заглавие «О погоде» и

примечание к № V вписаны позже. Подзаголовок «Часть вторая» отсутствует. Рукопись сильно правлена. В частности, центральный эпизод «Кому холодно, кому жарко!» (ст. 81—120 — о том, как «лихо потешились» франты над девушками-модистками) — на вставке: видимо, это писалось позже, чем остальной текст. Анализ рукописи привел М. Я. Блинчевскую к справедливому выводу, что работа над второй частью была продолжена и в 1865 г. (ПССт 1967, т. II, с. 625—626); при этом велась она, очевидно, непосредственно в процессе подготовки к печати. Конечные даты могут быть определены на основании цензурных разрешений февральской и мартовской книжек «Современника» 1865 г., где печатались главки второй части,— 12 марта и 21 апреля. Пометы на рукописи с просьбой вернуть «эти листы», по-видимому, свидетельствуют о намерении автора вернуться к работе над текстами второй части.

«О погоде» — одно из наиболее значительных произведений некрасовской урбанистической лирики, с характерным для Некрасова восприятием современного города как средоточия душераздирающих противоречий, контрастов и драм, вся тяжесть которых ложится на плечи социальных низов. Некрасовский урбанизм сложился очень рано, еще в его прозе первой половины и середины 1840-х гг., и наиболее полно выражен в незаконченном романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843—1848):

«Петербург — город великолепный и обширный! Как полюбил я тебя, когда в первый раз увидел твои огромные домы, в которых, казалось мне, могло жить только счастие <...> Но прошло несколько лет...

Я узнал, что у великолепных и огромных домов, в которых замечал я прежде только бархат и золото, дорогие изваяния и картины, есть чердаки и подвалы, где воздух сыр и зловреден, где душно и темно и где на голых досках, на полусгнившей соломе в грязи, стуже и голоде влачатся нищета, несчастье и преступление. Узнал, что есть несчастливцы, которым нет места даже на чердаках и подвалах, потому что есть счастливцы, которым тесны целые домы...

И я спустился в душные те подвалы, поднялся под крыши высоких домов и увидел нищету падающую и падшую <...> И сильней поразили меня такие картины, неизбежные в больших и кипящих народонаселением городах, глубже запали в душу, чем блеск и богатства твои, обманчивый Петербург! И не веселят уже меня твои гордые здания и всё, что есть в тебе блестящего и поразительного!..» (ПСС, т. VI, с. 262—263).

Отразившееся здесь восприятие столицы ляжет впоследствии в основу всей урбанистической лирики Некрасова. Из предшествующих «О погоде» стихотворений этого плана следует назвать прежде всего цикл «На улице» (1851), из последующих — «Утро» (1874). «О погоде» выделяется в этом ряду полнотой, всесторонностью и глубиной выражения некрасовского революционного урбанизма.

<Часть первая>

(С. 175)

Что за славная столица Развеселый Петербург! — Известен ряд вариантов песни, припевом к которой являются эти строки. Полемика с лакейским представлением о «развеселой» столичной жизни проходит через всю сатиру Некрасова (см. об этом: *Гин М. М.* Из истории борьбы Некрасова с ложной народностью.— Некр. сб., III, с. 280—285).

I

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА

(С. 175)

Слава богу, стрелять перестали! — Выстрелами из пушек Петропавловской крепости население Петербурга оповещалось о подъеме воды и угрозе наводнения.

Там одной незаметной могилы...— Речь идет о могиле В. Г. Белинского, которая на протяжении многих лет была затеряна. Об этом Некрасов писал в стихотворении «Памяти Белинского», поэме «Белинский» (см.: *Рейсер С. А.* Революционные демократы в Петербурге. Л., 1957, с. 35—36).

II

ДО СУМЕРЕК

(С. 179)

Тесак — рубящее и колющее оружие с широким обоюдоострым клинком на крестообразной рукояти; находилось тогда на вооружении русской армии.

Под жестокой рукой человека...— Существует мнение о том, что стихи об избиваемой кляче представляют собой перевод одного из эпизодов стихотворения В. Гюго «Меланхолия» (см.: Русско-европейские литературные связи. М.—Л., 1966, с. 133—135). Однако, как отметил Б. Я. Бухштаб, аналогичная сцена была описана Некрасовым еще в фельетоне «Литературной газеты» от 13 июля 1844 г. (см.: ПСС, т. V, с. 459, 626). Впоследствии образ коня-труженика, символизирующий труженика-мужика и восходящий в конечном счете к народной поэзии, пройдет через все творчество Некрасова. Не исключена возможность влияния Некрасова на других писателей, обращавшихся к этому образу,— Л. Н. Толстого («Холстомер»), М. Е. Салтыкова-Щедрина («Коняга»), Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание»; первый сон Раскольникова), В. В. Маяковского («Хорошее отношение к лошадям»), еврейского писателя М. Мойхер-Сфорима («Кляча») (см. об этом: *Гин М.* Судьба одного сюжета.— В кн.: *Гин М.* Литература и время. Петрозаводск, 1969, с. 187—204).

Федотов П. А. (1815—1852) — художник-жанрист, прославившийся изображением быта городской бедноты, купечества и мещанства.

...бедняк-итальянец с фигурами... — продавец гипсовых статуэток. Итальянец с фигурами изображен в водевиле Некрасова «Актер» (1841). В статье Некрасова «Современные заметки» «итальянцы с гипсовыми фигурками» упоминаются в числе любимых действующих лиц водевилей 1840-х гг. (ПСС, т. IX, с. 553—554).

...рассыльный Минай с корректурами. — Очевидно, реальное лицо. Ему посвящена одна из «Песен о свободном слове» — «Рассыльный».

— Много было до сорок девятого; Отдохнули потом... да опять С пятьдесят этак прорвало с пятого... — Речь идет об эпохе цензурного террора (1848—1855), когда резко сократилась печатная продукция. В доцензурной редакции было сказано еще более определенно: «Заколодило с сорок девятого; Отдыхали лет семь да опять...» (см.: Другие редакции и варианты, с. 306).

Я «Записки» носил с основания... — Журнал «Отечественные записки» был основан в 1818 г. П. П. Свиньиным.

С «Современником» нянчусь давно... — «Современник» был основан в 1836 г. Пушкиным.

То носил к Александру Сергеичу... — к Пушкину.

А теперь уж тринадцатый год Всё ношу к Николай Алексеичу,— На Литейной живет. — Николай Алексеич — Некрасов, редактировавший «Современник» с 1847 г. На Литейной улице (ныне Литейный проспект) Некрасов жил с 1857 г. до конца жизни, там же находилась редакция журнала.

Всё зарезать друг дружку стараются. — Речь идет о конкурентной полемике («битье по карману») — борьбе за подписчика (см. стихотворение «Деловой разговор» на с. 83—93 т. I наст. изд. и комментарий к нему).

Фрейганг А. И. (р. 1805) — цензор.

Объяви, говорит, ты Краевскому... — А. А. Краевский (1810—1889), с 1839 г. редактор-издатель «Отечественных записок».

Я хожу уж полвека без малого... — Здесь явный анахронизм «Современник» издавался Некрасовым с 1847 г. Время встречи рассказчика с Минаем («А теперь уж тринадцатый год Всё ношу к Николай Алексеичу...»), следовательно, приурочено к 1859 г.— году опубликования первой части «О погоде». Между тем к 1859 г. со времени смерти «царицы» (Екатерины II, умершей в 1796 г.), при которой Минай, по его словам, уже ходил с корректурами, прошло не «полвека без малого», а более 60 лет. И даже сменивший ее Павел I тоже более полувека назад сошел в могилу (см. об этом: *Гин М.* От факта к образу и сюжету. М., 1971, с. 248—249).

Знал Булгарина, Греча, Сенковского, у Воейкова долго служил... — О Булгарине и Грече см. на с. 436—438 наст. тома комментарий к стихотворению «Молодое поколение своему Зоилу». О. И. Сенковский (1800—1858) — журналист, писатель, историк, редактор «Библиотеки для чтения»; А. Ф. Воейков (1779—1839) — поэт, переводчик и журналист.

III

СУМЕРКИ

(С. 184)

Там торчит Веллингтонов сапог...— Сапог для верховой езды на вывеске сапожника.

Там с открытою грудью Диана...— Восковой манекен в витрине парикмахерской.

Ты знаком уже нам, петербургский бедняк...— В. Е. Евгеньев-Максимов утверждает, что здесь имеется в виду альманах Некрасова «Физиология Петербурга» (см.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. 3. М, 1952, с. 396). Речь, однако, идет о «ловкой кисти», т. е. об одном авторе «модной книги». «Физиология Петербурга» — сборник, созданный коллективом авторов. Скорее, Некрасов имеет в виду другую популярнейшую книгу 1840-х гг.— роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди».

Часть вторая

I

КРЕЩЕНСКИЕ МОРОЗЫ

(С. 187)

Ежедневно газетная проза...— Впечатление «газетности» некрасовской сатиры, создававшееся этими ссылками на «газетную прозу» и вовлечением в орбиту наблюдения рядовых фактов повседневности, было так велико, что реакционная критика трактовала его творчество как «поэзию журнальных мотивов» (так называлась статья В. Г. Авсеенко о Некрасове). В действительности это была мнимая «газетность», нарочитый литературный прием: факты, по поверхности которых скользили газетный фельетон и газетная хроника, поднимались поэтом на недосягаемую высоту осмысления (см.: *Гин М. М.* О так называемой «газетности» Некрасова.— В кн.: Журналистика и литература. Под ред. Э. А. Лазаревич. М., 1972, с. 126—137).

Самоед на Неве удивляется...— Самоедами тогда называли ненцев. Два-три ненецких семейства зимой приезжали в Петербург на заработки и устанавливали свой чум на льду Невы. Это неизменно отмечалось газетной и журнальной хроникой (см.: С, 1859, № 2, с. 414; Петербургский листок, 1865, 10 янв.).

Вспомним — Бозио.— Итальянская певица Анджелина Бозио (1824—1859) с 1856 г. с большим успехом выступала на Петербургской оперной сцене; весной 1859 г. умерла от простуды.

...известья из Вильно...— Под заглавием «Из Вильно» печатались газетные сообщения о ходе подавления восстания 1863 г.: Вильно было административным центром Северо-Западного края и штаб-квартирой генерал-адъютанта М. Н. Муравьева-Вешателя (1796—1866), кровавого усмирителя и жестокого палача восставших.

...статьи из Москвы...— Передовицы газеты «Московские ведомости» М. Н. Каткова (1818—1887), горячего сторонника и трубадура свирепых расправ Муравьева-Вешателя с восставшими.

II

КОМУ ХОЛОДНО, КОМУ ЖАРКО!

(С. 191)

...над Думой Показались два красных шара...— Деревянные красные шары над Думой были сигналами пожара, их количество обозначало часть города, где возник пожар. Обещание взглянуть на пожары, которым заканчивается сатира, свидетельствует о намерении коснуться острейшей темы.

1865

ГАЗЕТНАЯ

(С. 196)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 49—66, с восстановлением ст. 183 по автографу.

Впервые опубликовано: С, 1865, № 8, с. 504—514, с заглавием: «Газетная (сатира 12)» и подписью: «Н. Некрасов», с рядом цензурных искажений.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1869, ч. 4, с датой на шмуцтитуле: «(1865)» (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4, с той же датой на шмуцтитуле).

Автограф чернилами, с правкой чернилами и карандашом, представляет собой наборную рукопись (имена наборщиков, следы типографской краски, пометы на полях), выделенную из сводной рукописи номерных сатир (см. об этом цикле выше, с. 403—404),— ГБЛ, ф. 195, М 5751, л. 1—7. Заглавие: «„Газетная“ (Из опытов в сатире). (Очерк [11] 12)». На полях: «Совр. № 8». Непосредственным продолжением «Газетной» в рукописи является текст под заглавием «Игорная», опубликованный в ПСС (т. II, с. 567—568) среди вариантов к сатире «Газетная» и почему-то помеченный «после 313» (подробнее об этом см. в т. III наст. изд.).

Между последним стихом «Газетной» и заглавием «Игорная» — подпись: «Н. Некрасов» и черта, на полях помета: «До этого». Ранняя редакция ст. 1—8 — среди черновых набросков (ГБЛ, М 5754. 1, л. 1—17).

По первоначальному замыслу «Газетная» должна была войти в так называемый номерной цикл сатир, о чем свидетельствуют ее содержание и подзаголовок в первой публикации. Она непосредственно связана с сатирической поэмой «Недавнее время», опубликование которой было приурочено к столетию петербургского Английского клуба (1871): газетная — одна из комнат Английского клуба, предназначенная для чтения журналов и газет.

«Газетная» принадлежит к политически самым острым сатирическим произведениям Некрасова: создав образ цензора-палача, поэт заклеймил всю русскую цензуру, жестоко душившую свободную мысль. Некрасов воспользовался новым законом о печати от 6 апреля 1865 г. (см. о нем ниже, с. 416—417, комментарий к «Песням о свободном слове») и в первой бесцензурной книжке «Современника» опубликовал «Газетную». Однако, очевидно отдавая себе отчет в том, что реформа печати создавала лишь иллюзорную видимость свободы слова, поэт уже в рукописи начинает смягчать наиболее острые в цензурном отношении стихи. Так, в ст. 234 («Вместо северный, скверный орел») слово «орел» — герб Российской империи — вычеркивается и заменяется словом «народ». Но и этот вариант опубликовать не удалось, в «Современнике» появляется бессмысленный стих: «Вместо северный скверный полет». Если первый вариант (ГБЛ) свидетельствует об автоцензуре, то последний (С) побуждает сделать предположение о постороннем давлении на автора в виде «консультаций» или «советов» чиновников цензурного ведомства: без такого давления трудно объяснить подобное искажение текста. Пришлось изменить и ст. 318, где цензор прямо назван палачом: вместо слов «Ты сын палача!», зачеркнутых в наборной рукописи, в «Современнике» и Ст 1869 печаталось: «А кто твой отец?». Смягчен и ст. 44: вместо «На народ напечатал донос» в «Современнике» печаталось «Сочинил благодушный донос».

Достойно внимания предположение М. Я. Блинчевской о том, что переделка некоторых стихов рукописи, в частности 294—296, 310—311 и особенно ст. 143: «Присудили к Сибири — сослали» (см.: Другие редакции и варианты, с. 312) «связана с учетом цензурных требований» (ПССт 1967, т. II, с. 630).

Искажения, однако, не спасли сатиру от цензурных кар. «Газетная», очевидно, сразу после своего появления обратила на себя внимание чиновников Главного управления по делам печати.

В докладе цензора Фукса об августовской и сентябрьской книжках «Современника» было сказано, что в этом стихотворении «изображено в оскорбительном виде существующее, а следовательно, сохраняемое силою закона звание цензора...» (*Евгеньев-Максимов В.* Агония «Современника».— Былое, 1922, № 20, с. 41). «Газетная» — одно из произведений, за которые «Современнику» было объявлено первое предостережение, приведенные слова Фукса повторены в первоначальном тексте предостережения (см.: Материалы... для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, ч. 2. СПб., 1870, с. 118), и если в окончательный текст предостережения упоминание о «Газетной» не попало (очевидно, было вычеркнуто министром внутренних дел Валуевым), то это, по убедительному предположению А. М. Гаркави, объясняется «тем, что глава цензурного ведомства счел неудобным „расписаться в полученье оплеухи“: ведь предостережения публиковались в печати» (*Гаркави А. М.* Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966, с. 115). В очищенном от приведенных искажений виде комментируемую сатиру удалось опубликовать лишь в Ст 1873, т. II, ч. 4. Не исключена возможность, что этому способствовало следующее явно ироническое и издевательское предисловие к «Газетной» в названном издании: «№3. Само собою разумеется, что лицо цензора, представленное в этой сатире,— вымышленное и, так сказать, исключительное в ря-

ду тех почтенных личностей, которые, к счастью русской литературы, постоянно составляли большинство в ведомстве, державшем до 1865 года в своих руках судьбы всей русской прессы».

Прав доныне старик Грибоедов...— Имеются в виду слова Фамусова в «Горе от ума»:

Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится.

(д. 1, явл. 2)

...просто Толстой.— Ф. М. Толстой (1809—1881), второстепенный беллетрист, композитор и музыкальный критик, член Совета Главного управления по делам печати, негласный цензор «Современника», а затем «Отечественных записок» (до 1872 г.). О нем и отношениях Некрасова с ним см. статью и публикацию К. И. Чуковского в ЛН, т. 51-52, с. 569—620.

Что явилась потребность субсидий.— В 1860-е гг. получает широкое распространение правительственная система подкупа печати в форме субсидий отдельным журналам и газетам. На это не раз обращала внимание демократическая печать — Герцен в статье «Виселицы и журналы» (Герцен, т. XVII, с. 235), Щедрин в хронике «Наша общественная жизнь» (Салтыков-Щедрин, т. VI, с. 13—15, 573). Вся характеристика нравов современной «русской прессы» (ст. 21—44) вписана карандашом позже, видимо при подготовке к печати (см. комментарии М. Я. Блинчевской в ПССт 1967 т. II, с. 631).

Тот добился успеху во многом...— Речь идет о темах, характерных для реакционной печати. Весной 1862 г., когда в Петербурге было много пожаров, распространились слухи (по-видимому, их распространила полиция), что «нигилисты» поджигают Петербург. Сервильная печать не раз муссировала эти слухи, мешая «идею свободы с поджогом, с грабежом и убийством». Аналогичные слухи распространялись и впоследствии. В июле 1865 г. Герцен писал в «Колоколе»: «Пожар в двадцати губерниях! Все поджоги, намекают „Моск<овские> ведомости“»,— клеймя «журнальную сволочь алармистов», «нравственных отравителей общественного мнения» (Герцен, т. XVIII, с. 398). Широкое распространение в той же печати получило и объяснение всех бед народной жизни ленью и пьянством мужика (донос на народ «на тему „вино и свобода“»), не раз вызывавшее отпор на страницах демократической печати (см. об этом: *Розанова Л. А.* Поэма «Кому на Руси жить хорошо». Комментарий. Л., 1970, с. 113—115; *Гин М.* От факта к образу и сюжету. М., 1971, с. 68—72).

Нам Катков предстоит великаном...— К Каткову, идеологу русской бюрократии и дворянства, благоговейно прислушивались чиновники, в том числе и крупные, до министров включительно, и крепостники-помещики. В январе 1865 г., когда распространились слухи о намерении Каткова прекратить издание «Московских ведомостей», московское дворянское собрание в знак сочувствия и «уважения к его важным заслугам» преподнесло ему в подарок серебряную чернильницу с золотым пером, что тогда же было высмеяно Некрасовым в стихотворении «Чернильница» (см. с. 205

и 413 наст. тома). Сближение имени Тургенева с Катковым отражает определенное отношение Некрасова к Тургеневу после разрыва последнего с «Современником» и радикальным крылом русской литературы.

«Инвалид» — газета военного министерства «Русский инвалид», официальный орган, в котором печатались приказы о назначениях, перемещениях по службе и наградах.

Одному уж три четверти века... — Библиограф П. В. Быков утверждает, что «в литературных кружках того времени» прототипом изображенного здесь помещика-крепостника называли известного исторического романиста Г. П. Данилевского (1829—1890). Однако Данилевский был тогда значительно моложе некрасовского героя.

Мало им, что они Маколея И Гизота... — Перечисляемые здесь историки и философы отнюдь не отличались радикализмом взглядов, но охранителям представлялись «опасными», т. е. революционными. Томас Маколей (1800—1859) — английский буржуазный историк, публицист и реакционный политический деятель. «Гизот» — Франсуа Гизо (1787—1874) — французский историк и политический деятель, монархист, проповедовал союз буржуазии с дворянством.

Кровопийцу Прудона, злодея Тьера... — Пьер Прудон (1809—1865) — французский мелкобуржуазный социалист, теоретик анархизма. Адольф Тьер (1797—1877) — реакционный французский историк и политический деятель, впоследствии палач Парижской коммуны.

К государственной росписи смеют... — М. Я. Блинчевская усматривает здесь намек на искаженную цензурой статью Чернышевского (С, 1862, № 2) «О росписи государственных доходов и расходов» (ПССт 1967, т. II, с. 631). В прижизненных изданиях эта строка заменялась (видимо, по цензурным соображениям) другой: «К украшенью империи смеют...».

А то, если б пустить по порядку... — Намек на то, что следовало бы рукопись отправить в III Отделение: цензорам вменялось в обязанность доносить жандармам о наиболее «опасных» произведениях (см.: *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1909, с. 182—183).

Занимаясь семь лет этим дельцем... — Эта строка намекает, что деятельность цензора-палача протекала в годы «мрачного семилетия» (1848—1855).

Канупер — сильно пахнущее растение.

Что их грамоте рано учить! — В начале 1860-х гг. в русской печати шумно дискутировался вопрос о пользе грамотности для народа; консерваторы возражали против просвещения крестьян, так как это якобы может их отвлечь от производительного труда и создать условия для проникновения в народную среду «опасных» идей. Некрасов не раз — в стихотворениях и фельетонах — высмеивал эти страхи. См. его стихотворение «Всевышней волею Зевеса...» (с. 43 наст. тома) и фельетон «Что поделывает наша внутренняя гласность?» (ПСС, т. IX, с. 586—592).

Фейербах Л. (1804—1872) — немецкий философ-материалист, произведения которого, очень популярные среди русской демократической интеллигенции, запрещено было издавать.

Если ты написал: «Равнодушно... — По-видимому, здесь пародируется одно место из воспоминаний цензора С. Н. Глинки, готовившихся в это время к опубликованию: «Можно ли, чтобы кто-нибудь написал: „я не люблю бога, я не люблю царя“? Но если б это и случилось, тогда благомыслящий вычеркнул бы частицу „не“ и осталось бы: я люблю бога, я люблю царя» (*Глинка С. Н.* Мое цензорство.— С, 1885, № 9, с. 221).

<ЧЕРНИЛЬНИЦА>

(С. 205)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1865, № 11-12 (ценз. разр.— 23 ноября и 31 янв. 1865 г.), с. 185—186, анонимно, в составе статьи П. М. Ковалевского «Письма в глушь».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1927.

Автограф не найден.

Датируется по первой публикации.

Авторство Некрасова устанавливается на основании воспоминаний П. М. Ковалевского (Стихи и воспоминания. СПб., 1912, с. 294). Стихотворный текст следует после слов: «Две недели тому в магазине фабриканта серебряных изделий Сазикова можно было видеть». В газете «Весть» от 23 дек. 1865 г. была напечатана заметка «Подарок М. Н. Каткову»: «На предшествовавшем съезде московского дворянства многие дворяне собрали между собой значительную сумму денег и заказали фабриканту Сазикову, по модели ваятеля Рамазанова, серебряную чернильницу для поднесения редактору „Московских ведомостей“ М. Н. Каткову в изъявление удовольствия за патриотическое направление его литературных трудов». На золотом пере, подаренном главе реакционной публицистики, была выгравирована надпись: «Макающему перо в разум». В статью Ковалевского, высмеивающую этот поступок, и были вставлены стихи Некрасова. Этот же эпизод стал мишенью насмешек в стихах и карикатурах прогрессивной печати.

Лабрадор — минерал группы полевых шпатов.

«Макающий в разум перо» — имя это У древнего взято поэта...— Источник цитаты не установлен.

ЛЕГЕНДА О НЕКОЕМ ПОКАЯВШЕМСЯ СТАРЦЕ, ИЛИ СЕДИНА В БОРОДУ, А БЕС В РЕБРО

(С. 206)

Печатается по автографу ИРЛИ.

Впервые опубликовано: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Новонайденная сатира Некрасова против Краевского.— Речь, 1914, 3 февр.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автограф — ИРЛИ, Р. I, оп. 20, ед. хр. 101.

Датируется 1865 г., когда факт финансирования газеты «Голос» А. В. Головниным получил широкую огласку.

Газета Краевского «Голос» имела сильного покровителя в лице министра народного просвещения А. В. Головнина и тайно им финансировалась. В 1865 г. М. Н. Катков открыто назвал «Голос» «газетой, получающей субсидии», что, видимо, и вызвало сатиру Некрасова. Головнин в ней изображен в виде беса, искушающего Краевского. Субсидии получались Краевским также и по распоряжению Александра II (см.: *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. Л., 1929, с. 132—133). Некрасов вслед за Салтыковым-Щедриным называет «Голос» «Куриным эхом». Салтыков-Щедрин писал об этой газете: «От первой строки до последней она все умиляется, все поет: „Красен куриный мир!“, „Тепло греет куриное солнышко!“» («Наша общественная жизнь».— Салтыков-Щедрин, т. VI, с. 41).

Он-то мне Ледрю-Роллена...— Александр Ледрю-Роллен (1807—1874) — французский радикал, в 1848 г. министр внутренних дел; в данном случае — символ республиканизма. Краевский поносил его на страницах «Отечественных записок» наряду с другими республиканцами, затем был не прочь поиграть в либерализм и снова покаяться в либерализме после сближения с Головниным. Об этих беспринципных шатаниях Краевского и пишет Некрасов. «Легенда» перекликается с очерком Салтыкова-Щедрина «Сенечкин яд» (С, 1863, № 1-2), где о Краевском сказано: «...нет, это человек неблагонамеренный, ибо в нем засел Ледрю-Роллень. И напрасно Андрей Александрыч Краевский будет уверять меня, что Ледрю-Роллень был да весь вышел,— я не поверю ему ни за что...» (Салтыков-Щедрин, т. VI, с. 10).

1863—1866

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ФЕДОРА ИЛЛАРИОНОВИЧА РУДОМЕТОВА 2-го, УВОЛЕННОГО В ЧИСЛЕ ПРОЧИХ В 1857 ГОДУ

(С. 209)

Печатается по Ст 1874, т. III, ч. 6, Приложение 3: Юмористические стихотворения разных годов, с. 262—264, где фиктивно датировано: «1857».

Впервые опубликовано: С, 1863, № 4, «Свисток» № 9, с. 72, в другой редакции, под заглавием: «Мое желание. Романс господина, обиженного литературой», с подписью: «Савва Намордников».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1874.

Автограф ст. 1—24 — ИРЛИ, ф. 203, ед. хр. 35, без заглавия, даты и подписи. Другой автограф, с которого производился набор Ст 1873,— Черниговский государственный исторический музей, № АВ 547/2, л. 1—2. В этом автографе после слов «Из автобиографии престарелого генерала Федора Илларионовича Рудометова 2-го, уволенного вместе с прочими в 1857 году», Некрасов добавил: «а в 1866 году вновь призванного на службу отечеству». Эти явно

противоцензурные строки тут же зачеркнуты. В конце текста зачеркнуто: «Вторая половина была помещена в „Свистке“ 1861 года». На самом деле в № 7 «Свистка» было помещено другое стихотворение — «Литературная травля». Дата: «1857».

Датируется 1863—1866 гг.

В первой публикации 1863 г. стихотворение направлено против Александра II, громившего в это время передовую печать. Однако окончательная редакция, очевидно, относится к 1866 г., когда «Современник» был закрыт, и направлена против Муравьева-Вешателя, «вновь призванного на службу отечеству» после выстрела Каракозова.

И мощь мою — и крепость! — Высказывалось предположение, что эти слова каламбур: подразумевается не только физическая выносливость, но и Петропавловская крепость (*Евгеньев-Максимов В.* Последние годы «Современника». Л., 1939, с. 251; ср. ПСС, т. II, с. 756).

1865—1866

ПЕСНИ О СВОБОДНОМ СЛОВЕ

(С. 211)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 67—100, с восстановлением имени Пановского в ст. 19 песни «Фельетонная букашка» по С, 1866, № 3 и ст. 36 (конъектура) этой же песни, замененного в «Современнике» другим, а в последующих изданиях печатавшегося усеченно (см.: Другие редакции и варианты, с. 319), по автографу и корректуре.

Впервые опубликовано: «Рассыльный», «Наборщики», «Журналист-руководитель», «Журналист-рутинер», «Поэт», «Литераторы», «Фельетонная букашка», «Публика» — С, 1866, № 3, с. 5—20, с общим заглавием: «Песни о свободном слове (писано в ноябре и декабре 1865 года)», вместо подписи — три звездочки; «Осторожность» — ОЗ, 1868, № 3, с. 313—315, вне цикла, с датой: «1865, декабрь»; «Пропала книга!» — ОЗ, 1868, № 4, с. 635—636, вне цикла, вместо подписи — три звездочки.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1869, ч. 4, без песен «Журналист-руководитель» и «Журналист-рутинер», с присоединением песен «Осторожность» и «Пропала книга!» в качестве 7-й и 8-й песен цикла, с датами: «(1865 год)» (на шмуцтитуле), «1865» (под стихотворением «Осторожность»; относится ко всем предыдущим песням цикла) и «1866» (под стихотворением «Пропала книга!») (перепечатано: в этом же составе и с теми же датами на шмуцтитуле и под двумя последними песнями — Ст 1873, т. II, ч. 4; песня «Рассыльный» — Р. б-ка).

Беловой автограф (наборная рукопись) с указаниями наборщикам и подписью в конце: «Н. Некрасов» — ИРЛИ, ф. 203, ед. хр. 23, л. 1—12. Здесь тексты пяти пронумерованных песен: I. «Рассыльный», II. «Журналист [№ 1] руководитель», III. «Журналист [№ 2] банкрот», IV. «Литераторы», V. «Фельетонная букашка» —

и еще двух стихотворений: «Наборщики» и «Публика». «Наборщики» без порядкового номера с отдельной пагинацией, на полях рукой Некрасова: «Набрать эту пьесу и поместить между первыми, где указано; и затем, исправив корректуру, прислать мне. Некрасов». Первоначальный вариант окончания «Наборщиков» (л. 8 об.) был автором забракован; его новая редакция с правкой и вставками на полях — на лицевой стороне того же листа. Стихотворение «Публика» записано на отдельных листах с заглавием: «Песни о свобод[е]ном слов[а]е (песнь четвертая)». На полях теми же чернилами, рукой Некрасова: «Наберите это и пришлите мне два оттиска, но никому не посылайте и не давайте из типографии оттисков впредь до моего распоряжения». Здесь же карандашные черновые наброски к «Рассыльному» и «Осторожности».

В списке автографов стихотворений Некрасова, составленном А. А. Буткевич (ИРЛИ, ф. 203, ед. хр. 44, л. 1), значится: «Журналист будущего (в Ледовитом океане)» — первоначальное заглавие песни «Осторожность».

Корректура цикла с печатной подписью в конце: «Н. Некрасов» — ИРЛИ, ф. 134, оп. 1, ед. хр. 37, л. 96—97. Цикл в корректуре состоит из семи песен: 1. «Рассыльный»; 2. «Журналист-руководитель»; 3. «Журналист-банкрот»; 4. «Литераторы»; 5. «Фельетонная букашка»; 6. «Публика»; 7. «Журналист будущего».

Список «Осторожности» (в сшивной тетради) с вариантом ст. 8 — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. I, ед. хр. 33.

Цикл вызван законом о печати 6 апреля 1865 г., по которому ряд изданий освобождался от предварительной цензуры, но одновременно вводилась цензура карательная. Журнал просматривался цензором, но уже в отпечатанном виде. Вследствие этого вся ответственность за опубликованные материалы возлагалась на авторов и редакторов изданий. Карательные органы получали право привлекать их к суду, а также вырезывать «вредные» газетные материалы, уничтожать готовые книги. В либеральной и реакционной публицистике тех лет расточалось немало славословий новому закону о печати как освободительной реформе и великому благу (см. об этом: *Лемке М. К.* Эпоха цензурных реформ 1859—1865 гг. СПб., 1904, с. 417—426). В действительности, реформа отнюдь не облегчила положение печати. Даже такой умеренный и осторожный наблюдатель, как профессор А. В. Никитенко, приходит к выводу: «Лучше бы не издавать нового положения и не обманывать таким образом публику и печать, будто бы предоставляя последней больше свободы, а на самом деле подвергая ее тягчайшему игу. <...> Закон без применения, закон только для виду есть обман и ловушка, недостойная хорошего правительства» (Никитенко, т. III, с. 9, 11). В особенно трудном положении оказались передовые органы печати и прежде всего некрасовский «Современник» (ср. жалобы Некрасова в послании В. И. Асташеву — с. 244 наст. тома). Вскоре после принятия нового закона о печати «Современник» получил одно за другим два предостережения: 10 ноября 1865 г.— первое, 4 декабря — второе. После третьего предостережения журнал подлежал закрытию. По свидетельству Герцена, Некрасов после второго предостережения обратился к министру внутренних дел П. А. Валуеву с просьбой «поставить „Современник“ снова под цензуру. Валуев отказал, ссылаясь на то,

что переход „Современника“, „этого свободолюбивого журнала“, под цензурное положение будет равносилен прямому, фактическому заявлению, что новое, бесцензурное положение русской журналистики хуже старого, цензурного» (Герцен, т. XIX, с. 31—32). Одновременно министр предложил «представлять статьи» на его *«предварительное рассмотрение»* (там же, с. 32). Через такое «предварительное рассмотрение» министра прошел и комментируемый цикл. Это видно из письма попечителя С.-Петербургского учебного округа И. Д. Делянова к Некрасову от 18 марта 1866 г. Делянов, к которому Некрасов, в свою очередь, обращался с просьбой о позволении выступить с публичным чтением «Песен» на вечере в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, разрешил, сославшись на уже имеющееся разрешение Валуева, опубликовать цикл, но «посоветовал» снять и заменить «менее забористыми» некоторые слова — слово «бестолково» в ст. «Не так уж бестолково Авось пойдут дела» («Наборщики») и упоминания о боге и министре в ст. «В бога не верят газеты» и «Даже коснулся министра Неустрашимый Катков» («Публика») (см.: Некрасовский сборник. Под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова и Н. К. Пиксанова. Пг., 1918, с. 57—58; ЛН, т. 51-52, с. 624). Неизвестно, последовал ли поэт этому «совету» при устном чтении, однако во всех прижизненных изданиях приведенные стихи печатались без изменений. Чтение, состоявшееся 18 марта 1866 г., по свидетельству современников, прошло с большим успехом (СПбВ, 1866, 20 марта, № 78).

В ноябре и особенно декабре 1865 г. репрессии карательной цензуры посыпались и на другие издания — писаревское «Русское слово» и даже такие умеренные органы (упоминаемые в песне «Публика»), как «Голос» А. А. Краевского и «День» И. С. Аксакова (см.: Материалы... для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, ч. 2. СПб., 1870, с. 119, 122 и 126—127). Существо реформы печати проявилось достаточно наглядно. К этому времени, очевидно, и относится создание комментируемого цикла. Подзаголовок в «Современнике» — «писано в ноябре и декабре 1865 года»,— так же как авторская помета под стихотворением «Осторожность» при первой публикации («1865, декабрь»), являлись датами-комментариями, призваны были подсказать читателю-другу, чем цикл вызван к жизни, какими событиями внушен. Косвенно авторская дата подтверждается рукописью и корректурой.

А. М. Гаркави, публикуя сообщение об этой корректуре (обнаружена недавно среди бумаг академика А. Ф. Кони), высказал убедительное предположение, что она относится к попытке опубликовать цикл в конце 1865 — начале 1866 г. (см.: *Гаркави А. М.* Неизвестные строки Н. А. Некрасова.— В кн.: Жанр и композиция литературного произведения. Межвузовский сборник, вып. II. Калининград, 1976, с. 167). Очевидно, основной корпус «Песен», включая и опубликованную позже, но в корректуре уже имеющуюся «Осторожность», был создан не позднее декабря 1865 г. Две песни — «Поэт» и «Пропала книга!» — относятся к 1866 г. Первая (опубликована: С, 1866, № 3) вместе с другими песнями цикла датирована автором 1865 г., однако отсутствие ее в рукописи и корректуре побуждает уточнить эту дату. Вторая опубликована в 1868 г. с датой: «1866», не вызывающей сомнения.

По цензурным соображениям, видимо, автор не сразу решился включить в цикл песню «Наборщики» (имеется в рукописи, но отсутствует в корректуре, впервые опубликована: С, 1866, № 3). По тем же причинам не была включена в первую публикацию цикла песня «Осторожность». Вскоре после опубликования цикла «Современник» был закрыт правительством, и «Осторожность» удалось напечатать лишь в 1868 г. Судя по приведенной выше авторской помете в рукописи, особой предосторожности требовала песня «Публика», зло высмеивавшая цензурную практику правительства, выразившуюся в предостережениях «Современнику» и другим органам печати. Ст. 27—28, где непосредственно упоминается Валуев, в журнале пришлось снять и заменить двумя строками точек. Их удалось восстановить лишь после отставки Валуева (1868), в Ст 1869, ч. 4; тогда же написано примечание к имени «Валуев». Явно цензурного характера печатные варианты ст. 36 в «Фельетонной букашке». Вместо «Был позван даже ко двору» (автограф и корректура) в «Современнике» было: «Пришлось им всем не по нутру!», а в последующих прижизненных изданиях: «Таскали даже - - -». Правда, в контексте и в соответствии с рифмой купюра («ко двору») легко угадывалась.

Сложные условия, в которых создавался цикл, и острота его темы обусловили продуманность и четкость его композиции. Перекличка многих голосов — не только лиц, так или иначе причастных к печати, но и голосов из публики — превращала «Песни» в своего рода обозрение в форме лирического цикла (о тематической композиции «Песен» см.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. III. М., 1952, с. 377—386; *Гин М.* О своеобразии реализма Некрасова. Петрозаводск, 1966, с. 129—136). Возможностями обозрения поэт блестяще воспользовался для обоснованного и убедительного суда над одной из «либеральных» реформ Александра II. Выслушав голоса «за» и протесты реакционеров, не говоря прямо ни слова «против», автор тем не менее общим смыслом своего цикла приводит читателя к осуждению реформы.

I

РАССЫЛЬНЫЙ

(С. 211)

С дедушкой этим, Минаем...— Минай, очевидно, реальное лицо; обрисован в цикле «О погоде», см. с. 181—183 наст. тома.

IV

ЛИТЕРАТОРЫ

(С. 216)

Входя в какой-то магазин.— Первоначально вместо этой строки была другая: «Писцов, Дворянчиков, Кутьин» (см.: Другие редакции и варианты, с. 318). Фамилии эти персонифицируют разные социальные слои: Писцов — чиновник, Дворянчиков — дворянин, Кутьин — разночинец, выходец из духовного сословия (их дразнили кутейниками),— отношение которых к реформе печати хотел показать Некрасов (ПСС, т. II, с. 690).

Эти два последние стиха взяты у Лермонтова...— Имеется в виду стихотворение Лермонтова «<Валерик>» («Я к вам пишу случайно, право...») (1840).

V

ФЕЛЬЕТОННАЯ БУКАШКА

(С. 217)

К. И. Чуковский высказал предположение, что один из прототипов героя этого стихотворения — богемный литератор и журналист С. П. Калошин (редактор реакционного журнала «Зритель» в 1861—1863 гг.) (ЛГ, 1961, 30 ноября).

...род, который так прославил Булгарин в «Северной пчеле».— О Булгарине см. на с. 436—438 наст. тома комментарий к стихотворению «Молодое поколение своему Зоилу». Фельетон «Всякая всячина», который он вел на протяжении многих лет в «Северной пчеле», отличался крайней беспринципностью и реакционностью.

Знаком Вам господин Пановский? — Н. М. Пановский (1802—1872) — реакционный московский журналист, сотрудник изданий М. Н. Каткова. В Ст 1869, ч. 4 и Ст 1873, т. II, ч. 4 его фамилия обозначалась сокращенно: П-ский.

Что в Петербурге климат плох...— Даже климат царской столицы не позволялось порицать. Известно внушение Л. В. Дубельта Булгарину: «...вольнодумствовать вздумал?.. Климат царской резиденции бранишь? Смотри!» (*Каратыгин П.* Бенкендорф и Дубельт.— ИВ, 1887, т. XXX, с. 168).

Курил на улицах сигары И без цензуры сочинял! — О разрешении курить на улице было объявлено в «Северной почте», 1865, 3 июля. Некрасов, воспользовавшись хронологической близостью реформы печати и отмены нелепого стеснения, намеренно ставит их рядом.

VI

ПУБЛИКА

(С. 218)

Слышали? Всё лишь подобье...— Славянофил И. С. Аксаков, восторженно приветствуя реформу печати, предоставлявшую, по его словам, «право на искренность» и правду, писал 11 сентября 1865 г. в передовице газеты «День»: «Всмотритесь пристальнее кругом себя,— что вы увидите? Толпу призраков, теней, или, вернее сказать, *подобий;* вы окружены *подобием* всего живого, действительного, реального, но только подобием...». И далее: «Теперь из этого, по-видимому, безвыходного круга открывает выход само правительство — предоставляя свободу печатному слову. Благодарность же ему» (*Аксаков И. С.* Соч., т. IV. М., 1886, с. 432, 435—436, 438).

Мы же должны мужикам! — В связи с финансовым кризисом, охватившим Россию в это время (см. стихотворения «Финансовые соображения» и «Балет»), публицист «Современника» Ю. Г. Жуковский в статье «Записки современника» поставил вопрос о долге привилегированных слоев общества народу и назвал в качестве примерной цифры этого долга — шесть миллиардов (С, 1865, № 8,

с. 317; № 9, с. 92—93). Эта статья была одной из тех, за которые журналу было объявлено первое предостережение (см.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Последние годы «Современника». Л., 1939, с. 100, 104).

И отрицают поэты Пользу железных дорог! — Намек на стихотворение Некрасова «Железная дорога», за которое (вместе со статьей М. А. Антоновича «Суемудрие „Дня“») «Современник» получил второе предостережение.

Даже умеренный «Голос» начал не в меру кричать... — 1 декабря 1865 г. распоряжением министра внутренних дел Валуева «Голос» А. А. Краевского получил первое предостережение. Кара, направленная против умеренно-либеральной газеты, воспринималась как свидетельство неослабевающего цензурного гнета. В стихотворении, писавшемся в декабре 1865 г., т. е. вскоре после распоряжения министра, Некрасов касается именно тех статей, которые вызвали предостережение: «По поводу принятия Ташкента под покровительство России» («Он положеньем Ташкента Разволновался, как лев»), «Какие сословия могут более способствовать к водворению русского элемента в Западном крае» («Бдит он над западным краем»), «Русские в России» («Он о России болит») (см.: Материалы... для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, ч. 2, с. 119).

Только газеты московской... — Речь идет о газете М. Н. Каткова «Московские ведомости».

Даже коснулся министра Неустрашимый Катков. — Катков неоднократно нападал на самых высокопоставленных чиновников, до министров включительно, но критика его была дозволенной, а «неустрашимость» мнимой, поскольку критиковал он их справа, с реакционных позиций (см.: *Рейфман П. С.* «Московские ведомости» 1860-х годов и правительственные круги.— Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, 1975, вып. 358. Труды по русской и славянской филологии, XXIV. Литературоведение, с. 3—27). Однако в новых условиях даже такая критика становилась опасной. Несколько позже, 26 марта 1866 г., «Московские ведомости» получили первое предостережение за «систематическую оппозицию правительственной сфере» (см.: Материалы... для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, ч. 2, с. 126—127).

VII

ОСТОРОЖНОСТЬ

(С. 223)

...полнейшая возможность К обвиненью без суда... — Введенная новой реформой печати ответственность перед судом не избавила печать от административных кар и административного произвола. В радикальных кругах в этом видели основной порок реформы. В специальной «Конфиденциальной инструкции цензорам столичных цензурных комитетов» (утверждена министром внутренних дел 25 августа 1865 г.) относительно применения законов о печати на первом месте — нарушения, направленные «против истин христианской веры» и «учения и достоинства православной церкви»; названы тут же и нарушения, направленные «к возбуждению вражды или ненависти одного сословия к другому» (см.: Мате-

риалы... для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, ч. 2, с. 178). Касаясь их (в том числе и такого сравнительно невинного, как посягновение «на родительский принцип»), Некрасов в то же время вынужден обойти названные в том же документе обвинения в неуважении самодержавия, высшей власти и правительства. Тем не менее «Осторожность» недвусмысленно высмеивает формулировки «предостережений», сыпавшихся на «Современник» и другие издания. Так, первое предостережение «Современник» получил за «оскорбление начал брачного союза» («...это против брака») в статье А. Н. Пыпина «„Новые времена", община реформаторов в Нью-Йорке» (1865, № 8), за возбуждение «вражды к высшим и вообще имущественным классам» («Но ведь это на богатых значит бедных натравлять») в статье Ю. Г. Жуковского «Записки современника» (1865, № 9). Во втором предостережении автор статьи «Суемудрие „Дня"» (1865, № 10) М. А. Антонович обвинялся в «неприличных суждениях о значении православия» и неуважении к религии («...это против бога»). А несколько позже статья Ю. Г. Жуковского «Вопрос молодого поколения» (1866, № 2 и 3) вызвала нарекания в связи с тем, что она «направлена против дворянства» (т. е. «оскорбляет дворянский сан»). См.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Последние годы «Современника». Л., 1939, с. 104, 110, 150. Аналогичные обвинения не раз предъявлялись и другим журналам, в частности «Русскому слову» (см.: Материалы... для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, ч. 2, с. 122).

VIII

ПРОПАЛА КНИГА!

(С. 226)

А. С. Суворин в «Дневнике» сообщил, что это стихотворение «написано им <Некрасовым>, как он мне сам говорил, на мой роман „Всякие", осужденный и сожженный» (*Суворин А. С.* Дневник. М.-Пг., 1923, с. 245). Едва ли, однако, следует, как обычно делалось, прикреплять комментируемое стихотворение только к этому факту. Импульсом к его созданию, очевидно, послужила не судьба одной книги, а резкий рост цензурных аутодафе в 1866 г. в связи с новым законом о печати (см.: *Добровольский Л. М.* Запрещенная книга в России. 1825—1904. М., 1962, с. 54—61; *Гин М. М.* От факта к образу и сюжету. М., 1971, с. 58—59). Среди книг, приговоренных к уничтожению в 1866 г., были и более значительные, чем названный роман Суворина, в частности замечательное произведение русской публицистики 1860-х гг. «Отщепенцы» Н. В. Соколова (которым в 1870-е гг. широко пользовались революционеры-народники в своей пропаганде) и «Стихотворения» М. Л. Михайлова (к этой книге Некрасов, по-видимому, имел какое-то отношение и сделал попытку заступиться за нее — см.: ПСС, т. XI, с. 82—83; ср. письмо С. В. Звонарева Некрасову в АсК, с. 255—256).

Затрачен даром капитал, Пропали хлопоты большие... — 12 января 1867 г. Некрасов писал цензору В. Я. Фуксу о «Стихотворениях» М. Л. Михайлова: «...уничтожение книги будет напрасным и крайним для него <издателя С. В. Звонарева> разорением».

<ИЗ «ПЕСЕН О СВОБОДНОМ СЛОВЕ»>

(С. 228)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1866, № 3, с. 10—11, в качестве 3-го и 4-го стихотворений цикла «Песни о свободном слове», вместо подписи — три звездочки.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. IV, в составе примечаний издателей, в качестве песен, «опущенных в полном издании». В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Беловой автограф (наборная рукопись) обеих песен — ИРЛИ, ф. 203, ед. хр. 22, л. 1—3, 9, в составе наборной рукописи всего цикла. Первоначальное заглавие первой — «Журналист № 1» — карандашом исправлено на «Журналист-руководитель», первоначальное заглавие второй — «Журналист № 2» — карандашом исправлено на «Журналист-банкрот» (в С: «Журналист-рутинер»).

Датируется в соответствии с датировкой всего цикла (см. выше, с. 416—417) ноябрем—декабрем 1865 г.

Причина изъятия обеих песен из цикла, очевидно, связана с тем, что вновь включенными в цикл «Осторожностью» и «Пропала книга!» более полно выражалось то, что намечено в комментируемых песнях. Кроме того, вскоре оказались неуместными даже насмешки над оптимистическими надеждами журналистов-рутинеров: их положение тоже становилось весьма серьезным. Над А. А. Краевским, которого, очевидно, имеет здесь в виду автор, вскоре нависла угроза суровой судебной расправы, ходили даже слухи, что ему угрожает каторга (Никитенко, т. III, с. 10—12, 413). Высказывалось предположение (ПССт 1967, т. II, с. 690), что первое стихотворение имеет в виду М. Н. Каткова. М. Е. Салтыков-Щедрин еще в 1863 г. упоминал на страницах «Современника» о «заявлении М. Н. Каткова о том, что он ждет не дождется упразднения цензуры, чтоб поговорить с петербургскими журналами со всею искренностью и на всей своей воле» (Салтыков-Щедрин, т. VI, с. 222).

IV

ЖУРНАЛИСТ-РУТИНЕР

(С. 228)

Как я умел казаться новым... — Слегка измененный стих из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина («Как он умел казаться новым...» — глава первая, строфа XI).

1866

БАЛЕТ

(С. 231)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 27—48, с восстановлением фамилии «Суворов» в ст. 79 по Ст 1879.

Впервые опубликовано: С, 1866, № 2, с. 608—618, с заглавием: «Балет (Сатира 9)» и подписью под текстом: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1869, ч. 4, без подзаголовка, с датой на шмуцтитуле: «1866» (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4, с той же датой на шмуцтитуле).

Наборная рукопись, выделенная из сводной рукописи номерных сатир, со значительной авторской правкой чернилами и карандашом, фамилиями наборщиков и указаниями им, с заглавием: «Театр (сатира 9)» — ГБЛ, ф. 195, М 5746, л. 1—10. Л. 7 взят из сводной черновой рукописи сатир. Надпись, обращенная к метранпажу: «Я бы желал часов в 5-ть иметь 1-ю корректуру, в 7-мь вторую. Некрасов». Здесь же и черновые наброски отдельных мест. Набросок начала (ст. 1—20) с заглавием: «VII. „Театр“», на полях карандашом: «Балет» — ГБЛ, ф. 195, М 5754. Рукопись ст. 57—64 и 87—90 — там же, в составе окончания сатиры «Клуб».

Творческая история номерного цикла сатир, частью которого является «Балет», изученная исследователями А. Я. Максимовичем (ПСС, т. II, с. 715—717), Т. Д. Фроловой (Незавершенный сатирический цикл Н. А. Некрасова.— Некр. сб., I, с. 169—190; Некрасов-сатирик. (Цикл сатир 1859—1871 гг.). Автореф. канд. дис. Л., 1953), М. Я. Блинчевской (ПССт 1967, т. II, комментарии к № 50—54, 56, 58, 90), свидетельствует, что порядок сатир в процессе работы не оставался неизменным. Первоначально после второй части «О погоде» должны были следовать клубные сатиры, а завершиться весь цикл должен был сатирой «Театр» или театральными сатирами, затем клубные отодвигаются в конец, театральные же оказываются между второй частью «О погоде» и клубными: в рукописи под № VII значится «Клуб», затем «Театр» (сатира «Кому холодно, кому жарко!», завершающая 2-ю часть «О погоде», печаталась под № VI).

Не лишено основания предположение, что перемещение клубных сатир в конец цикла произошло после того, как автор убедился в их «нецензурности» (ПССт 1967, т. II, с. 633). Следует, однако, иметь в виду, что по своей политической остроте «Балет» отнюдь не уступает клубным сатирам. Кроме того, перестановка осуществлена до опубликования «Газетной», печатавшейся в «Современнике» с подзаголовком: «Сатира 12» — номер, близкий к концу. Видимо, уже в это время мыслилось, что сатира «Театр» получит один или несколько из тех пяти номеров, которые отделяют «Кому холодно, кому жарко!» от «Газетной». № 8 «Современника» за 1865 г., где печаталась «Газетная», получил цензурное разрешение 1 октября. Перестройка цикла, следовательно, могла произойти не позже сентября 1865 г. К 1865 г. исследователи относят возникновение сводной рукописи номерных сатир (см.: *Фролова Т. Д.* Незавершенный сатирический цикл Н. А. Некрасова, с. 172—173), однако опубликована в этом году, и то лишь после отмены предварительной цензуры, была только «Газетная»; «Балет» — несколько месяцев спустя, уже в 1866 г.

То обстоятельство, что сатира печаталась после отмены предварительной цензуры, обусловило весьма строгую автоцензуру, которая, вполне возможно, осуществлялась не без «консультации» какого-нибудь негласного цензора, вроде Ф. М. Толстого (о нем см. на с. 411 наст. тома комментарий к сатире «Газетная»).

Пометы красным карандашом на рукописи делают такое предположение вполне обоснованным. Не попали в печатный текст некоторые весьма острые стихи рукописи. Прежде всего четверостишие «В молодом поколении фатство...» (см.: Другие редакции и варианты, с. 323), имеющееся и в наборной рукописи «Балета», и в рукописи сатиры «Клуб» и снятое, очевидно, в корректуре: его удалось опубликовать лишь в тексте «Недавнего времени» (ст. 9—12). Остались в рукописи, зачеркнутые автором, и оба варианта наброска ст. 131—134, связанные с нашумевшей статьей известного откупщика-миллионера В. А. Кокорева «Миллиард в тумане» (СПбВ, 1859, 8 и 9 янв.) (см.: Другие редакции и варианты, с. 324). По цензурным соображениям в текстах С и Ст 1869, ч. 4 отсутствуют ст. 385—388; восстановлены в Ст 1873, т. II, ч. 4. Может быть, эти же соображения побудили автора снять в рукописи и четверостишие «Смейся, хлопай, покрикивай с нами!» (после ст. 310) (см. там же, с. 326). С другой стороны, некоторые стихи, первоначально входившие в состав клубных сатир, перемещаются в «Балет». В частности, стихи о финансовом кризисе, образующие центральную тему «Балета». Косвенным подтверждением предположения об участии цензора Ф. М. Толстого в подготовке «Балета» к печати может служить его отзыв о сатире для Главного управления по делам печати, написанный с явным намерением смягчить впечатление: «В конце <...> сатиры Некрасова проглядывает некоторая тенденциозность, а именно обычное для „Современника“ напускное, преувеличенное сердоболие к горькой доле русского мужика (по поводу рекрутских наборов) — но в поэтической картине, изображенной по сему случаю, нет ничего особенно возмутительного или вызывающего» (цит. по: ПССт 1967, т. II, с. 633).

Перемещение отдельных текстов облегчалось идейно-тематической близостью клубных и театральных сатир: те и другие направлены против верхов общества. «Балет» принадлежит к самым идейно острым и значительным сатирическим произведениям Некрасова. «Некрасов в своем „Балете“,— писал В. Е. Евгеньев-Максимов,— резче, чем когда бы то ни было, выступает против аристократических, сановных и капиталистических верхов русского общества» (*Евгеньев-Максимов В. Е. и др.* Некрасов и театр. Л.— М., 1948, с. 214). Сатира жгуче актуальна: финансовый кризис, охвативший тогда всю Россию, был предметом постоянного обсуждения на страницах печати и в обществе. За месяц до опубликования «Балета» в «Современнике» появилась статья Ю. Г. Жуковского «Где искать настоящего средства для поправления наших финансов?». Она начиналась так: «Наши финансы составляют давно предмет усердных забот и толков в литературе и публике...» (С, 1866, № 1, отд. II, с. 1). Ср.: *Захаров Г.* Несколько слов о нынешнем финансовом кризисе.— Светоч, 1862, № 2, отд. II, с. 60—72; см. также фельетон «Петербургское обозрение» в «Петербургском листке» (1864, 19 июля, № 69) (сводка статей и брошюр о финансовом кризисе дана в работе А. Я. Максимовича «Некрасов — участник „Свистка“» — ЛН, т, 49-50, с. 316).

Некрасов еще в 1860 г. откликнулся на этот кризис стихотворным фельетоном «Финансовые соображения» (см. с. 100—102 наст. тома). Видимость фельетонного повествования сохраняется и в «Балете», но, как и в других сатирах номерного цикла, здесь это

лишь художественный прием. Ни в публицистических, ни в поэтических фельетонах не могло быть той силы художественного обобщения, какой отличается комментируемая сатира: финансовый кризис, безденежье осмыслены здесь как внешние признаки, симптомы больших изменений в русской жизни пореформенной поры, когда деньги и погоня за деньгами стали мощной силой, властно и деспотически порабощающей все и всех. В жизни появился новый хозяин — миллион, эта идея лежит в основе всей характеристики верхов общества в «Балете». Театральность сатиры в значительной мере условна: внимание автора обращено не столько на сцену, сколько в зрительный зал, который опять-таки рассматривается под социальным, а не театральным углом зрения и важен как место, где широко представлены хозяева жизни, «сливки общества», над которыми произносит свой суд автор. Правдивость нарисованной в сатире картины подтверждается воспоминаниями балерины Петербургского Большого театра Е. О. Вазем (Записки балерины Санкт-Петербургского Большого театра. 1867—1887. Л.— М., 1937, с. 189—194). Она сообщает, что публика в массе своей состояла из дворянства, высшей знати и крупных дельцов, что постоянными посетителями балета были царь Александр II и члены царской семьи. Вазем говорит об особенно кричащей, показной роскоши зрительного зала в 1860—1870-е гг., упоминая и о знаменитом «бриллиантовом ряде» (ср. ст. 15 и сл.), и связывает это с железнодорожной горячкой и получением помещиками откупных. И привлекала в театр всю эту публику (не исключая и августейшего хозяина земли русской) «не столько любовь к искусству, сколько „ножка Терпсихоры“» (с. 190). Правда, в состав театральной публики входили и посетители другого типа: мемуаристка упоминает о лицах «свободных интеллигентных профессий», среди которых называет и Некрасова, и специальную главу посвящает знатокам балета (с. 193—204). Однако у Некрасова в соответствии с принятым в сатире углом зрения об этой части публики не говорится (упомянутый им «записной поставщик фельетонов» по взглядам и уровню культуры тяготеет к основной массе завсегдатаев зрительного зала) (подробнее см.: *Гин М.* О своеобразии реализма Н. А. Некрасова. Петрозаводск, 1966, с. 179—185).

Эпиграф — неточная (очевидно, по памяти) цитата из «Евгения Онегина» Пушкина (глава первая, строфа XXXII). У Пушкина ст. 3: «Однако ножка Терпсихоры...». Некрасов заменил «Однако» на «Но, каюсь» и выделил курсивом два последних слова.

...мышиный жеребчик (так Гоголь Молодящихся старцев зовет)...— Имеются в виду следующие строки из «Мертвых душ»: «...семенил ножками, как обыкновенно делают маленькие старички-щеголи на высоких каблуках, называемые мышиными жеребчиками, забегающие весьма проворно около дам» (т. I, гл. VIII).

Генерал-губернатор Суворов...— А. А. Суворов (1804—1882), внук А. В. Суворова, в 1861—1866 гг.— генерал-губернатор Петербурга.

Факты есть, но касаться их больно! — Высказывалось мнение (ПССт 1967, т. II, с. 634), что здесь имеется в виду крупный харьковский процесс фальшивомонетчиков, который осенью 1865 г. привлек внимание русской печати (см.: *Жуковский Ю.* Записки

современника.— С, 1865, № 9, с. 98—102; *Кохановская Н.* Вести с хутора.—День, 1865, 9 сент.; ср. также номера от 30 окт. и 4 дек.).

Не всё ж читать вам Бокля! — Г. Т. Бокль (1821—1862), английский историк и социолог-позитивист, в 1860-е гг. широкой популярностью пользовалась его «История цивилизации Англии», в которой он выступал против теологической трактовки истории и стремился вскрыть объективные закономерности исторического процесса.

Но явилась в рубахе крестьянской Петипа...— В одном из вариантов Некрасов называет танец, о котором идет речь,— «мужичок» (см.: Другие редакции и варианты, с. 326). Исполнялся он известной балериной М. С. Петипа (урожд. Суровщиковой, 1836—1882) в фальшиво-русском стиле и вставлялся в разные балеты, вызывая неистовый восторг публики Мариинского театра. «...особенно наэлектризовала г-жа Петипа публику <...> в „мужичке“ <...> в плисовых шароварах, в красной рубахе, с отвороченными сапожками и в ямщицкой, украшенной павлиньим пером шапочке набекрень. Мужичок был до бесконечности мил и привел партер в какое-то исступленное состояние; от криков „браво“ можно было оглохнуть...» (Рус. сцена, 1865, № 2, с. 222).

Бернарди — Рита Бернарди (по мужу Фабри́ка) — певица итальянской оперной труппы в Петербурге.

«Дева Дуная» — балет Ф. Тальони, на сцене Большого театра шел с 1837 г.

Роллер — А. А. Роллер (1805—1891) — художник-декоратор и машинист сцены.

В белом саване смерти земля...— характерная для демократической поэзии XIX в. метафора. Ср. в поэме Некрасова «Мороз Красный нос»: «Как саваном, снегом одета...», а также стихотворения М. Л. Михайлова «Опять налетают роями...» и «Зимние вьюги завыли...» и С. Я. Надсона «Как белым саваном, покрытая снегами...».

«ЭТИ НЕ БЛЕЩУТ ОСОБЕННЫМ ГЕНИЕМ...»

(С. 242)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1866, № 3, с. 128, в составе фельетона Некрасова о современной литературе, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927, с. 373, раздел «Журнальные стихотворения», под заглавием: «Гражданские поэты».

Автограф не найден. Первоначальная редакция на полях рукописи сатиры «Балет» — ГБЛ, ф. 195, п. 5746, л. 4.

Едкая эпиграмма на «гражданских поэтов» в фельетоне Некрасова свидетельствует о том, что «направление само по себе никогда не было у него (равно как у Чернышевского и Добролюбова) единственным решающим моментом в определении литературного явления» (*Чуковский К.* Мастерство Некрасова. М., 1971, с. 190). Некрасов высмеивает здесь бездарных поэтов, спекули-

рующих на гражданственности. «Нынче,— говорил он, по свидетельству одного из современников,— разве ленивый пишет без направления; а вот чтобы с дарованием, так не слыхать что-то» (*Ковалевский П.* Стихи и воспоминания. СПб., 1912, с. 275).

Скорбность главы — слабоумие, здесь также: бесталанность.

«ЧЕГО ЖЕ ВЫ ХОТЕЛИ Б ОТ МЕНЯ...»

(С. 243)

Печатается по автографу из собрания М. М. Гина.

Впервые опубликовано: не полностью и неточно — ПССт 1931, с. 475 и 635—636, по копии А. А. Буткевич из собрания К. И. Чуковского, местонахождение которой в настоящее время неизвестно; полностью — *Гин М. М.* Проблема долга перед народом в поэзии Н. А. Некрасова.— РЛ, 1961, № 2, с. 55.

Автограф — карандашный набросок на чистой половине листа рукописи присланного Некрасову стихотворения «Не может быть» за подписью: «Неизвестный друг» (О. П. Павлова). Тем же карандашом записана дата: «Получил 3 марта 1866». Очевидно, набросок — первая попытка ответить автору названного стихотворения и писался сразу после его получения. Комментируя его, К. И. Чуковский писал: «Настоящий текст — начало законченного стихотворения, автограф которого ныне утерян» (ПСС, т. II, с. 786). Неясно, о каком стихотворении идет речь и было ли оно, хотя К. И. Чуковский утверждал, что видел его (ПССт 1934—1937, т. II, кн. 2, с. 833).

Датируется началом марта 1866 г.

Набросок свидетельствует, что подлинный ответ «Неизвестному другу» в сознании автора еще не сложился. Мысль о бесперспективности индивидуального героизма при отсутствии массового народного движения здесь получила неудачное выражение: «Помоему, геройство — шутовство»; к тому же она могла показаться особенно неуместной после прогремевшего вскоре выстрела Каракозова. Очевидно, поэтому Некрасов написал другой ответ «Неизвестному другу» (см.: наст. изд., т. III).

В. И. АСТАШЕВУ

(С. 244)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: РС, 1913, № 2, с. 463—465, «с подлинников,— как указывает публикатор В. А. Алексеев,— в свое время данных мне Г. А. Мачтетом», с датой: «7 апреля 1866 г.».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автограф, бывший в распоряжении В. А. Алексеева, ныне неизвестен.

Датируется временем, указанным в первой публикации.

Стихотворение написано в ответ на послание генерал-лейтенанта В. И. Асташева (1837—1889), который, не застав поэта дома, оставил записку в стихах:

Раз десятый к тебе приезжаю,—
Не могу никак дома застать,—
Ведь ты знаешь, тебя уважаю,
Но, по совести, должен сказать,

Зачем гибнешь душою и телом
За проклятым зеленым столом? —
Позанялся бы лучше ты делом,
Поработал бы лучше пером!

И уж если тебе развлекаться
«Спокон веку» судьбой суждено,
То поедем тогда вместе шляться,
На охоту! Не лучше ль оно?

Там по крайности будешь вдыхать ты
Грудью полною свежесть весны,
Не исчахнешь от зависти, злобы,
Жизни новой узнаешь мечты.

Послезавтра в Любань бы отправиться
Вальдшнепов, глухарей пострелять?
Можно вместе с тобой позабавиться,
Ночки две меж собой поболтать.

Если хочешь, черкни мне с Василием
Слова два стихоплетством твоим;
Полон им ты всегда с изобилием,
Раскошелься богатством своим!

Это послание в «Русской старине» также было опубликовано в качестве текста Некрасова; ошибка отмечена А. А. Измайловым в заметке «Некрасов ли?» (РС, 1913, 7 февр.; ср.: *Чуковский К. И.* Воскресающее былое.— Речь, 1913, 16 февр.).

Отказавшись от милой цензуры...— Речь идет о законе 6 апреля 1865 г. (см. на с. 416—417 наст. тома комментарий к «Песням о свободном слове»).

Валуев П. А. (1814—1890) — министр внутренних дел в 1861—1868 гг., в его ведении находилась печать.

ОСИПУ ИВАНОВИЧУ КОМИССАРОВУ

(С. 245)

Печатается по С, 1866, № 4 (ценз. разр.— 26 апр. 1866 г.; номер был задержан цензурой и вышел в свет лишь 2 мая — см.: Боград Совр., с. 470), с. 248.

Впервые опубликовано: Иллюстрированная газета, 1866, 14 апр., с. 214.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. IV. В прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило. Неоднократно перепечатывалось без ведома автора.

Беловой автограф — ИРЛИ, ф. 134, оп. 11, ед. хр. 1а. Заглавие: «О. И. Комиссарову». Четвертая строфа записана непосредственно после второй, затем третья; на полях отмечена перестановка. Без даты. Список сделанный А. А. Буткевич,— ЦГАЛИ, ф. 338, ед. хр. 19, л. 1.

Датируется по времени чествования О. И. Комиссарова в Английском клубе, где Некрасов произнес свои стихи 9 апреля 1866 г.

О. И. Комиссаров (1838—1892) — «мастеровой из костромских крестьян», в апреле 1866 г. был официально объявлен спасителем Александра II от покушения Каракозова. Ему было даровано дворянство. Целый месяц его чествовали различные общества и организации. Стихотворение Некрасова стоит в ряду других безуспешных попыток (например, ода М. Н. Муравьеву), предпринятых поэтом для спасения «Современника» в условиях свирепого террора: «У него найдется несколько стихотворений, которые не согласны с общим строем его лиры; очевидно, они были плодом не естественного, а искусственного, принужденного, заказного одушевления, вроде торжественных од наших старых лириков, и должны считаться как бы вовсе не принадлежащими ему. Они могут иметь значение разве только при оценке личности поэта, но никак не его поэзии» (*Антонович М. А.* Несколько слов о Николае Алексеевиче Некрасове.— Слово, 1878, № 2, с. 117 2-й паг.).

«ЛИКУЕТ ВРАГ, МОЛЧИТ В НЕДОУМЕНЬЕ...»

(С. 246)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, Приложение 2: Стихотворения 1860—63 годов, не вошедшие в предыдущие части, с. 247.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1869, ч. 4, Приложение: Стихотворения 1860—63 годов, не вошедшие в предыдущие части, с. 241 с подзаголовком: («Из Ларры)» (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 247, с тем же подзаголовком).

Автограф не найден. Список А. Н. Пыпина — ИРЛИ, 21136, л. 1. Над текстом приписка: «Стихи Некрасова (не пропущ. во «Внутр. об.», «Отеч. зап.» 1878, о похоронах Н-ва). В этих стихах идет речь об известном стихотворении М-ву, за которое на Н-ва напали». В этом списке вместо слова «грозно» в ст. 8 — «громко».

«В объяснение этого стихотворения поэт замечает: „Писано спустя недолго после стихов, произнесенных в Английском клубе М. Н. Муравьеву“» (Ст 1879, т. IV, с. LXXII).

В условиях правительственного террора после неудавшегося покушения Д. Каракозова на Александра II (4 апреля 1866 г.) Некрасов, желая спасти «Современник», принял 16 апреля участие в официальном чествовании М. Н. Муравьева-Вешателя и прочитал в его честь тогда же уничтоженные и остающиеся неизвестными стихи. Этот акт навсегда остался для Некрасова предметом мучительных воспоминаний и раскаяния. В тот же вечер он написал горькие стихи «Ликует враг, молчит в недоуменье...» (см. об этом: Из записной книжки А. Н. Пыпина.— ЛН, т. 49-50, с. 192). В. И. Ленин писал: «Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были

на стороне Чернышевского. Некрасов по той же личной слабости грешил нотками либерального угодничества, но сам же горько оплакивал свои „грехи“ и *публично каялся* в них:

> Не торговал я лирой, но бывало,
> Когда грозил неумолимый рок,
> У лиры *звук неверный* исторгала
> Моя рука...

„*Неверный звук*“ — вот как называл сам Некрасов свои либерально-угоднические грехи» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 84).

Некрасов выдавал стихотворение за перевод из М.-Х. Ларры (1809—1837) — испанского публициста, сатирика, чтобы обойти цензурные препятствия. Ср. свидетельство одного из современников Некрасова: «На некоторых лирических стихотворениях у Некрасова стоит надпись: „Из Ларры“. Между тем Ларра не печатал стихов и знаменит своею сатирою в прозе. Некрасова спрашивали: что это значит? Он с усмешкою объяснял, что это с его стороны одна стратагема и ничего больше. „В прежнее время,— говорил он,— иные мои стихотворения не прошли бы, если бы я не выдал их за перевод с какого-нибудь малоизвестного языка, а имя Ларры такое звучное и поэтическое: легко поверят, что он писал стихи“». (*В<атсон?> М.* Из Ларры.— ВЕ, 1878, № 5, с. 194).

<ЭКСПРОМТ ПРИ ОТЪЕЗДЕ А. Д. ДМИТРИЕВА ИЗ ЯРОСЛАВЛЯ В КИЕВ (ПОСЛЕ РЕЧИ А. С. ПЕТРОВСКОГО)>

(С. 247)

Печатается по ПССт 1927, с. 434, где опубликовано К. И. Чуковским по копии В. М. Лазаревского.

Впервые опубликовано: *Ветринский Ч.* Крохи Н. А. Некрасова (Из данных П. А. Ефремова).— Литература. Искусство. Наука. Бесплатное приложение к газете «День», 1913, № 354.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автограф не найден. Местонахождение копии В. М. Лазаревского неизвестно. Копия П. А. Ефремова — ЦГАЛИ, ф. 191, оп. I, ед. хр. 496, л. 2. Заголовок: «При отъезде Дмитриева в Киев из Ярославля». Разночтение в ст. 1. После текста подпись рукой Ефремова: «Н. Некрасов». Без даты.

До настоящего издания датировалось 1875 г.

Во всех изданиях под редакцией К. И. Чуковского ошибочно указаны инициалы Дмитриева — «Л. Я.». Александр Дмитриевич Дмитриев (1828—1894) в 1860-е гг. служил управляющим Питейно-акцизных управлений последовательно Ярославской, Киевской и С.-Петербургской губерний. Некрасова связывали с ним общий интерес к охоте, принадлежность к Литературному фонду и, возможно, некоторые деловые отношения (см.: ПСС, т. XI, с. 50; Учен. зап. Калининград. гос. пед. ин-та, 1961, вып. IX, с. 55; АсК, с. 101—102; Звенья, VIII. М., 1950, с. 294, а также: *Мельгунов Б. В.* «Путь далек до Киева» (об одном из ярославских знакомых Некрасова).—

В кн.: Влияние творчества Н. А. Некрасова на русскую поэзию. Ярославль, 1978, с. 156—160). Экспромт произнесен в связи с переводом управляющего Питейно-акцизным управлением Ярославской и части Вологодской губернии А. Д. Дмитриева на такую же должность в Киев приказом министра финансов от 11 октября 1866 г. Вступил в должность 23 сентября 1866 г. (Вестн. финансов, 1866, № 43, с. 813). Дата устанавливается по этому документу.

Андрей Станиславович Петровский — преподаватель естественных наук в ярославском Демидовском юридическом лицее.

Коли дурен спич... — Ср. в стихотворении «Н. Ф. Крузе» (1858):

> В стране бесправия, невежества и дичи
> Не часто говорить приходится нам спичи.

Позабудешь дичь! — Здесь каламбур. Сталкиваются два значения слова «дичь»: мясо диких птиц и вздор, нелепые разговоры.

ПЕСНИ

(С. 248)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 178—186.

Впервые опубликовано: «Сват и жених» — ОЗ, 1868, № 4, с. 531—532, с подписью: «Н. Некрасов»; «Гимн» — ОЗ, 1868, № 12, с. 322, с подписью: «Н»; остальные три песни — Ст 1869, ч. 4, с. 174—182, где они вместе с двумя ранее напечатанными составили единый цикл под общим названием «Песни» (перепечатано: Ст 1873, т. II, ч. 4).

Автограф ст. 15—19 стихотворения «Катерина» — ИРЛИ, ф. 203, ед. хр. 11, л. 1.

Датируется 1866 г. по Ст 1879.

Первые четыре песни фольклорного характера. Однако, как писал Н. П. Андреев, это «не обработка непосредственно фольклорного материала, а самостоятельное творчество Некрасова в духе и стиле фольклора». Андреев особо выделяет «Катерину»: «...песенность „Катерины" настолько велика, что стихотворение это стало действительно песней и вошло в широкий песенный обиход» (*Андреев Н.* Фольклор в поэзии Некрасова.— В кн.: Некрасов в русской критике. М., 1944, с. 162—163). Повторяя сюжет многих народных песен, «Катерина» в то же время полемична как по отношению к тем песням, где поется о женском терпении, так и по отношению к славянофильским концепциям, идеализировавшим его. Славянофил Т. И. Филиппов именно так истолковал старинную народную песню «Взойди, взойди, солнце, не низко, высоко...» (Рус. беседа, 1856, № 1, с. 88—91). С особым восторгом писал Филиппов о словах «Потерпи, сестрица! Потерпи, родная!». В противовес этому Некрасовым создана песня, рисующая образ задорной, бойкой женщины, смело нарушающей патриархальную заповедь (см.: *Чуковский К.* Собр. соч., т. IV. М., 1967, с. 501—503; *Бухштаб Б.* К истории стихотворения Н. А. Некрасова «Катери-

на».— Некр. сб., I, с. 68—69, 86—101). Возможно, что песня направлена и против пьесы А. Н. Островского «Не так живи, как хочется» с ее славянофильскими иллюзиями о необходимости и благостности терпения. Критик Н. Н. Страхов объявил «Катерину» противоречащей мировоззрению народа (*Страхов Н.* Заметки о Пушкине и других поэтах. СПб., 1888, с. 136). Однако Некрасов, создавая «Катерину», исходил из народного творчества в той его части, где рисуется активный, волевой характер. «Жажда личного счастья, желание любить не по указке других, не по предписанию родителей, церковных и гражданских законов, а по собственной воле и выбору,— вот основной мотив не только любовной, но и семейно-бытовой лирики» (*Розанов И. Н.* Борьба с «Домостроем» в народной лирике.— В кн.: Проблемы реализма в русской литературе XVIII века. М.—Л., 1940, с. 190).

Отмечая связь стихотворения «Сват и жених» с пушкинским стихотворением 1833 г. «Сват Иван», К. Шимкевич указывал, что в рукописи стихотворения «Сват Иван» Пушкин нарисовал пьяного мужика с полуштофом и что этому рисунку у Некрасова соответствует примечание автора: «В кабаке за полуштофом» (см.: *Шимкевич К.* Некрасов и Пушкин.— В кн.: Пушкин в мировой литературе. М.—Л., 1926, с. 342). Как и Пушкин, Некрасов строит стих на основе «скороговорки балалаечного типа» (*Эйхенбаум Б.* О поэзии. Л., 1969, с. 67). О соотношении стихотворений «Сват и жених» и «Сват Иван» см. также: *Прийма Ф. Я.* От Пушкина до Некрасова.— Некр. сб., IV, с. 36—37.

Стихотворение «Гимн» Некрасов, очевидно, хотел противопоставить официальному русскому гимну. К. И. Чуковский отмечал, что первая фраза «Господь, твори добро народу» явно перефразирует «Боже, царя храни!» (см.: ПССт 1934—1937, т. II, кн. 2, с. 817).

Неоднократно положены на музыку: «У людей-то в дому — чистота, лепота...» — А. П. Бородин, 1890; Ц. А. Кюи, 1902; «Катерина» — Ц. А. Кюи, 1902; «Молодые» — Ц. А. Кюи, 1902; Д. Г. Корнилов, 1904; А. С. Ильященко, 1911; «Сват и жених» — Э. Ф. Направник, 1889; Ц. А. Кюи, 1902; Н. И. Компанейский, 1909; Т. С. Сидоренко-Малюкова, 1964; «Гимн» — Ю. Д. Энгель; С. А. Гилев, 1911; М. А. Гольтинсон, 1912; А. Н. Чернявский, 1913).

IV

СВАТ И ЖЕНИХ

(С. 250)

Вожевата (диалектн.) — обходительная, приветливая, вежливая.

Шедровита (диалектн.) — рябая лицом; употребляется также «шадровита». Во всех прижизненных изданиях было «шедровита»; это написание принимается в настоящем издании.

КОЛЛЕКТИВНОЕ

1856

«ЗА ТО, ЧТО ХОДИТ ОН В ФУРАЖКЕ...»

(С. 255)

Печатается по тексту первой полной публикации.

Впервые опубликовано: ст. 1—8 — Новое время, 1880, 4 мая, № 1501, с. 3 (перепечатано: РА, 1884, № 5, с. 235; Докл. РБО, вып. 1, с. 13); полностью — *Чуковский К. И.* Социалист.— Известия, 1925, 30 авг., № 197, с. 6.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Черновой автограф рукою Некрасова — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 10, л. 1. Копия ст. 1—8 — в Экз. Ефремова 1861. Рукопись из бумаг А. Я. Панаевой, по которой К. И. Чуковский опубликовал стихотворение в 1925 г., не найдена.

Черновой автограф показывает, что основным автором эпиграммы был Некрасов. Помещаем ее в отделе «Коллективное», основываясь на дневниковой записи А. В. Дружинина от 4 января 1856 г.: «Заезжал к Некрасову обедать и с ним вместе написал эпиграмму: „За то, что он ходил в фуражке“» (ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 3, ед. хр. 108, л. 190).

В эпиграмме выведен литературный критик Павел Васильевич Анненков (1812—1887). В кружке «Современника» любили потешаться над его чревоугодием (см. в т. I наст. изд. стихотворения «Признания труженика» и «Послание к Лонгинову»). Подмечали также, что Анненков любит попировать за чужой счет (в «Послании к Лонгинову»: «...Анненков, чужим наполненный вином»). Ср. продолжение цитированной записи Дружинина: «Явился Анненков и изрек нечто неслыханное — позвал к себе обедать в воскресенье. Так и не сбылось сказание:

И будем ждать мы с прежним нетерпеньем,
Чтоб ты нам дал обед».

Возможно, что эти два стиха относятся к наброскам комментируемой эпиграммы.

И крепко бьет себя по ляжке...— Ср. в письме А. В. Дружинина к В. П. Боткину от 3 февр. 1856 г.: «Наш добрый Павел Васильевич, хлопавший себя по ляжкам так, что от этого происходило нечто вроде пистолетных выстрелов» (Письма к А. В. Дружинину. М., 1948, с. 45).

...все замашки Социалиста отыскал.— В 1846—1847 гг. Анненков в кружке Белинского нередко высказывал самые радикальные мысли. В те годы он встречался и переписывался с К. Марксом. Но «свободомыслие» Анненкова было весьма поверхностным. Уже в 1848 г. под впечатлением революционных событий во Франции Анненков отошел от своих прежних взглядов, став типичным либералом-постепеновцем.

...налегает он сугубо На кухню Английского клуба.— Ср. в т. I наст. изд. на с. 132—134, 428, 618—619, 691 стихотворения «Признания труженика» и «Послание к Лонгинову» и комментарии к ним.

И хоть трудится без оглядки, Но всюду сеет опечатки...— Речь идет об издании сочинений Пушкина (т. I—VII. СПб., 1855—1857), выходившем под редакцией Анненкова. Полиграфическое качество этого издания вызвало немало нареканий (см.: ПСС, т. X, с. 211; Панаева, с. 216).

И в критиках своих загадки...— Ср. в письме И. И. Панаева М. Н. Лонгинову от 12 дек. 1859 г.: «...П. В. Анненков, написавший так много умных критических статей, которых смысл еще нигде до сих пор никто не разгадал...» (Некр. по мат. ПД, с. 240).

Что может собственных Катонов И быстрых разумом Прудонов Российская земля рождать! — перепев заключительных строк 22-й строфы оды М. В. Ломоносова «На день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года». Отзвуком комментируемых строк Некрасова являются ст. 638—639 в его сатире «Недавнее время» (1871):

Лезут на стену, корчат Катонов,
Посевают идеи Прудонов.

Катон Марк Порций Старший (234—149 до н. э.) и Катон Марк Порций Младший (95—46 до н. э.) — древнеримские государственные деятели, прославившиеся своим гражданским мужеством и принципиальностью убеждений. О Прудоне см. на с. 412 наст. тома комментарий к стихотворению «Газетная».

DUBIA

1856

МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ СВОЕМУ ЗОИЛУ

(С. 259)

Печатается по копии ЦГАОР.

Впервые опубликовано: *Прийма Ф. Я.* Неизвестное стихотворение Н. А. Некрасова.— РЛ, 1963, № 1, с. 145.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден. Копия П. В. Долгорукова — ЦГАОР, ф. 728, оп. I, ч. 2, ед. хр. 3120.

Среди рукописных материалов, собранных в 80-е гг. прошлого века кн. А. Б. Лобановым-Ростовским, значатся копии следующих двух стихотворений: «Послание Н. А. Н. к Н. Ф. К.» и «Молодое поколение своему Зоилу». Обе копии изготовлены собственноручно кн. П. В. Долгоруковым (1816—1868). Во второй из них вслед за заглавием рукою Долгорукова написано: «Стихи Н. А. Некрасова Булгарину».

Первое из двух стихотворений под названием «Н. Ф. Крузе» хорошо известно нынешнему читателю, хотя при жизни Некрасова по цензурным соображениям оно не было напечатано. В полном виде по автографу стихотворение впервые было опубликовано лишь в 1927 г. (см. комментарий на с. 352 наст. тома).

Что же касается стихотворения «Молодое поколение своему Зоилу», то автограф его остается неизвестным, и указанная выше копия П. В. Долгорукова (дата написания оригинала в ней не обозначена) является единственным документальным подтверждением принадлежности его Некрасову. Вопрос об авторе «Молодого поколения своему Зоилу» и времени написания стихотворения нуждается тем самым в дополнительном изучении.

Стихотворение не могло быть написано ранее 1855 г., когда в связи с концом «мрачного семилетия» (1848—1855) становится реальной сколько-нибудь критическая оценка николаевского царствования (ср. «Было время...», «Но прошли времена...» и другие словесные формулы стихотворения).

Наиболее позднее время создания стихотворения ограничивается датой смерти Булгарина — 1 сентября 1859 г. Впрочем. вряд ли оно могло быть написано позднее начала 1857 г., когда Булгарин из-за болезни отходит от активного сотрудничества в «Северной пчеле».

Свидетельство П. В. Долгорукова о том, что стихотворение «Молодое поколение своему Зоилу» принадлежит Некрасову, приобретает весомость серьезного аргумента. Дело в том, что во второй половине 1850-х гг. П. В. Долгоруков часто приезжал из своего имения в Тульской губернии и подолгу бывал в Петербурге, где, занимаясь разработкой проектов различных реформ, пытался организовать и возглавить блок либерального дворянства, противостоящий действиям консервативно настроенных дворян-«самодуров», упорно отрицавших необходимость каких бы то ни было реформ. Будучи автором известной «Российской родословной книги» (т. I—IV. СПб., 1854—1857), П. В. Долгоруков приобрел довольно широкую популярность и в литературных кругах. На основании сохранившейся переписки П. В. Долгорукова мы можем говорить о его близости к братьям Аксаковым, Н. Н. Боборыкину, А. В. Дружинину, К. Д. Кавелину, М. Н. Лонгинову. С. Д. Полторацкому, И. С. Тургеневу и другим русским литераторам. В октябре 1857 г. один из чиновников-осведомителей, донося в III Отделение о «вредных и преступных сочинениях» Некрасова, в качестве пропагандиста последних называл П. В. Долгорукова. «Сочинения эти <Некрасова>, — читаем мы в донесении, — мрачны, они доказывают в авторе меланхолию и неудовольствие ко всему его окружающему. Одно из стихотворений под названием „Ненависть“ было читано наизусть на сих днях одним из обожателей Некрасова, молодым князем Долгоруким, находившимся в одном почтенном здешнем обществе среднего класса...» (ЛН, т. 53-54, с. 200). В конце 1858 г. П. В. Долгоруков передал Некрасову для напечатания в «Современнике» свой «Проект выкупа помещичьих крестьян» (см.: ЛН, т. 51-52, с. 233—236).

Будучи представителем либерально-дворянской фронды 1850—1860-х гг., П. В. Долгоруков не мог, разумеется, в момент назревания революционной ситуации в России относиться сочувственно к политической линии журнала Чернышевского и Некрасова, но присущая ему оппозиционность и любознательность позволяли ему быть в курсе всех мало-мальски значительных событий, происходивших на левом фланге русской общественной и литературной жизни.

В 1859 г. П. В. Долгоруков выехал за границу и, отказавшись возвратиться в Россию по вызову правительства, остался там на положении политического эмигранта (см.: *Лемке М. К.* Князь П. В. Долгоруков в России.— Былое, 1907, № 2, 3). С момента отъезда за границу непосредственные связи Долгорукова с Россией прекращаются, и следует поэтому полагать, что копия стихотворения «Молодое поколение своему Зоилу» была изготовлена им до 1859 г.

Традиция антибулгаринской сатиры берет свое начало в творчестве Пушкина и его друзей. В 1840-е гг. блестящим ее продолжателем в области критики был Белинский. Вместе с Белинским в журналистике и в поэзии продолжал эту традицию и Некрасов. Уже в 1841 г. в «водевильных сценах» «Утро в редакции» в лице продажного журналиста Задарина Некрасов высмеял Булгарина; против него же были направлены многие страницы некрасовского романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843); в качестве сатирического персонажа проходит Булгарин через некрасовское стихотворение «Говорун» (1843—1845); но наиболее значительным антибулгаринским выступлением Некрасова в 1840-е гг. была знаменитая его эпиграмма «Он у нас осьмое чудо...» (1845), в которой Булгарин был заклеймен именем Иуды (см.: наст. изд., т. I).

Затихшая в годы «мрачного семилетия» борьба демократических сил русской литературы с кликой Булгарина и Греча возобновляется с середины 1850-х гг. Главную тяжесть этой борьбы принял на себя молодой Добролюбов.

В декабре 1854 г. им было написано стихотворное послание «На 50-летний юбилей его превосходительства Н. И. Греча»; оно было отправлено молодым автором во все петербургские редакции и самому юбиляру. Не остался забытым в этом стихотворении и Булгарин. Булгарин и Греч были изображены Добролюбовым как вожаки той «шайки подлецов», которая превозносила результаты собственного бумагомарания и обливала грязью и клеветой «гениальные созданья» русского художественного слова.

И знает вас теперь Россия —
Известны ваши все дела —
И ваши личности седые
Судьба презренью предала.

(см.: Добролюбов, т. VIII, с. 10).

В феврале 1855 г. в связи с появлением в «Северной пчеле» панегирической статьи Греча, посвященной «почившему в бозе» Николаю I, Добролюбов написал новое послание Гречу, выступив на этот раз уже не в роли поэта, а в качестве блестящего памфлетиста, разоблачающего злодеяния умершего царя-«капрала», а заодно — и всех его панегиристов. Послание это было подписано именем *Анастасия* Белинского, т. е. воскресшего Белинского (см.: ЛН, т. 57. М., 1951, с. 7—24). Не исключена возможность, что добролюбовские стихи на юбилей Греча, получившие широкое распространение, были известны и автору стихотворения «Молодое поколение своему Зоилу». Оба стихотворения проникнуты уверенностью в том, что для пресмыкающихся перед самодержавием литераторов наступает время справедливого общест-

венного суда. Объединяет эти стихотворения также и некоторое сходство их языка и стиля. Вместе с тем стихотворение «Молодое поколение своему Зоилу» не могло быть написано ни самим Добролюбовым, ни кем-либо иным из поэтов его поколения. Автор стихотворения выступил от имени «молодого поколения», но он употреблял этот термин в самом широком его значении: «молодое поколение» по сравнению с престарелыми Булгариным и Гречем — поколение по-новому мыслящих людей, а не людей определенного возраста. К «молодому поколению» автор был склонен отнести и себя, хотя он далеко не новичок в литературе и хорошо помнит то проклятое время, когда Булгарин обладал значительной поддержкой и силой. Как видно из содержания стихотворения, автор уже в то отдаленное время стоял на враждебных Булгарину идейных позициях (ср. «Было время...», «...тебе не понравилось Направление наших идей») и вел с ним непримиримую борьбу.

Совершенно очевидно, что никто из людей поколения Добролюбова, в том числе и он сам, не мог отнести этих слов к себе, они могли быть сказаны только участником литературного движения 1840 — начала 1850-х гг. Если в первой части стихотворения (первые шесть строф) речь идет о конфликте Булгарина с «молодым поколением» 1840-х гг., то в последующих стихах автор выступает в защиту поколения, «молодого и полного сил», которое вышло на арену борьбы во вторую половину 1850-х гг. и которое также пытался «очернить» Булгарин. У Некрасова было больше, чем у кого-либо из его современников, оснований для выступления против редактора «Северной пчелы» с претензиями, изложенными в комментируемом стихотворении («Ты об нас говорил везде зло»). Никто из литераторов 1850-х гг. не мог также с бо́льшим правом, чем Некрасов, сказать о себе, что в свое время, т. е. в 1840-е гг., им было положено на Булгарина «клеймо роковое презрения».

Как публицистические, так и доносительские акции Булгарина против Некрасова начинаются еще при жизни Белинского. В феврале 1847 г. Булгарин доносил в III Отделение: «Некрасов самый отчаянный коммунист <...> Он страшно вопиет в пользу революции» (*Лемке М.* Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. Изд. 2-е. СПб., 1909, с. 186). Исключительных размеров достигают эти акции в 1848—1856 гг. Выставляя себя в качестве поборника карамзинских традиций в русской литературе, Булгарин в эти годы с неослабевающим упрямством «изобличал» «натуральную школу», общепризнанным родоначальником которой был Гоголь. Имя Некрасова неизменно раздражало Булгарина, поскольку после смерти Белинского и до прихода в «Современник» Чернышевского поэт был самым принципиальным поборником гоголевских традиций в русской литературе. «Если покойный Гоголь,— острословил Булгарин,— Гомер так называемой натуральной школы, то г. Некрасов, без всякого сомнения, Пиндар в этой школе» (СП, 1855, 10 дек., № 272, с. 1440).

«Северная пчела» систематически внушала своим читателям мысль о том, что русская «натуральная школа» родственна французской «растрепанной школе» (école échevelée), которая среди разных источников питалась-де также и «разрушительными идеями» французской революции 1789 г. Третируя «натуральную школу», Булгарин называл иногда в качестве ее приверженцев Гри-

горовича и Писемского, однако средоточием всех зол и своеобразным «бельмом на глазу» был для него все-таки Некрасов. «Северная пчела» преследовала поэта неотступно, то как автора «Петербургских углов» и «песенок», то как редактора «Современника». Несмотря на нескончаемый поток грубой брани и беззастенчивой клеветы, которую изливала «Северная пчела» на Некрасова, последний на протяжении 1848—1855 гг. ни разу не воспользовался находившеюся в его распоряжении журнальной трибуной для ответа Булгарину, и эта сдержанность объяснялась прежде всего тем бесправным положением, в котором находилась в то время передовая русская пресса.

Булгаринские выпады против «натуральной школы» не прекратились и после того, как в русской общественной и литературной жизни возникли «новые веяния». В 1855 г. разносу «натуральной школы» Булгарин посвятил одиннадцать своих фельетонов, а в 1856 г. их количество увеличилось примерно вдвое. В 1856 г., после которого публицистическая активность Булгарина пошла резко на убыль, и было, как следует полагать, написано стихотворение «Молодое поколение своему Зоилу», явившееся ответом Некрасова на многолетнее и назойливое «жужжание» и «укусы» «Северной пчелы».

1858

«ПЛОХО, БРАТЦЫ, БЕДА БЛИЗКО...»

(С. 261)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: Wspómnienia o Z. Sierakowskim — naczelnym wodzu na Litwie i Zmudzi. Kowno, 1939; в русском издании — *Смирнов А. Ф.* О польском литературном кружке в Петербурге и его органе «Слово».— В кн.: История и культура славянских народов. М., 1966, с. 28.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Видный деятель польского национально-освободительного движения Иозефат Огрызко (1826—1890) был близок к революционно-демократическому лагерю некрасовского «Современника». В начале 1858 г. ему удалось добиться правительственного разрешения на издание в Петербурге польской еженедельной газеты «Слово» («Slowo»). В числе ее сотрудников были С. Сераковский, Я. Станевич, Н. Г. Чернышевский.

Это издание, демократическое направление которого определилось с первых же номеров, просуществовало недолго. 26 февраля 1858 г. за публикацию письма известного польского общественного деятеля и ученого, политического эмигранта Иоахима Лелевеля газета была запрещена, а ее издатель арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Этот арест вызвал протесты русских литераторов и общественных деятелей, в том числе А. И. Герцена, И. С. Тургенева (подробно см.: *Баренбаум И. Е.* Иосафат Огрызко.

М., 1964; *Шостакович Б. С.* Сибирские годы Иозефата Огрызко.— В кн.: Ссыльные революционеры в Сибири, вып. 3. Иркутск, 1974).

Один из участников «Слова», сотрудник «Современника» Я. Станевич, вспоминал: «Во время ареста Огрызко состоялся один литературный обед, на котором Некрасов произнес экспромт... <далее следует текст комментируемого двустишия>» (см. указанное изд. «Wspómnienia o Z. Sierakowskim...»).

И. Огрызко был освобожден из крепости 13 марта 1858 г.

Экспромт датируется временем между 26 февраля и 13 марта 1858 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1856—1866 ГГ., ВКЛЮЧАВШИЕСЯ В СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ НЕКРАСОВА ОШИБОЧНО ИЛИ БЕЗ ДОСТАТОЧНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

1856

ШАРМАНКА («ПО ДВОРАМ ТАСКАЛ СТАРИК...»)

Впервые опубликовано: Колокол, 1857, 1 ноября, л. 5, с. 42, без подписи.

Включалось в ПССт 1927 и ПССт 1931, раздел «Стихотворения, приписываемые Некрасову».

Автор стихотворения — В. Р. Зотов: в тетради его беловых автографов находится и автограф «Шарманки», с датой: «11 апреля 1856 г.» (см.: *Гаркави А. М.* Безыменные стихотворения Владимира Зотова.— В кн.: Н. А. Некрасов и его время. Межвузовский сборник. Вып. II. Калининград, 1976, с. 82; там же, на с. 74—77, обзор литературы о «Шарманке»).

1858

ИЗ ГЕЙНЕ («СЛЕТЕЛ НА ЗЕМЛЮ ВЕЧЕР...»)

Впервые опубликовано: Свиток, I. М., 1922, с. 152—153.

Включалось в ПССт 1927 и ПССт 1931, раздел «Стихотворения, приписываемые Некрасову».

Опубликовавший это стихотворение И. Н. Розанов ссылался на «автограф» Некрасова, с датой: «24 февраля 1858 г.». Однако в комментариях к ПССт 1931 К. И. Чуковский, и ранее сомневавшийся в принадлежности стихотворения Некрасову, прямо назвал найденный И. Н. Розановым «автограф» «фальшивкой» (с. 643). Автор стихотворения (переводчик) неизвестен.

1859

ПАРОДИЯ НА СТИХОТВОРЕНИЕ г. НЕКРАСОВА «ТРОЙКА» («ЧТО ПОВЕСИЛ ГОЛОВКУ ПУСТУЮ...»)

Впервые опубликовано: С, 1859, № 10, «Свисток» № 3, с. 537—539, с подписью: «А. А.».

Включалось в ПССт 1927 и ПССт 1931, раздел «Стихотворения, приписываемые Некрасову».

В комментариях к обоим указанным изданиям (ПССт 1927 и ПССт 1934—1937) К. И. Чуковский ссылался на мнение С. И. Пономарева, что стихотворение, «кажется», принадлежит Некрасову (Ст 1879, т. IV, с. CLXXXVIII). Автор стихотворения — А. Н. Амосов (см.: *Рейсер С. А.* Заметки о Некрасове.— Звенья, V. М.—Л., 1935, с. 532—533).

1863

ПУЧИННЫЙ ШУМ («ИДЕТ-ГУДЕТ ПУЧИННЫЙ ШУМ...»)

Впервые опубликовано: С, 1863, № 4, «Свисток» № 9, с. 75—76, с подписью: «Смарагд Бриллиантов», в составе анонимной (принадлежавшей П. М. Ковалевскому) статьи «Голос из акционерной пучины».

Включалось в ПССт 1927 и ПССт 1931, раздел «Стихотворения, приписываемые Некрасову».

В комментариях (ПССт 1927 и ПССт 1931) К. И. Чуковский ссылался на мнение С. И. Пономарева, что стихотворение, «вероятно, принадлежит самому Некрасову» (Ст 1879, т. IV, с. LXIV). Автор стихотворения — П. М. Ковалевский (см.: Боград Совр., с. 578—579).

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ (ПОЭМА) («Я В ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ...»)

Впервые опубликовано: С, 1863, № 4, «Свисток» № 9, с. 77—78, с подписью: «Фердинанд Тюльпанензон», в составе анонимной (принадлежавшей П. М. Ковалевскому) статьи «Голос из акционерной пучины».

Включалось в ПССт 1927 и ПССт 1931, раздел «Стихотворения, приписываемые Некрасову».

Указывая на возможную принадлежность стихотворения Некрасову, К. И. Чуковский ссылался на то, что оно было опубликовано в составе той же статьи, что и «Пучинный шум» (см. выше). Автор стихотворения — П. М. Ковалевский (см.: Боград Совр., с. 578—579).

1866

М. Н. МУРАВЬЕВУ («БОКАЛ ЗАЗДРАВНЫЙ ПОДНИМАЯ...»)

Впервые опубликовано: РА, 1885, кн. 2, № 6, с. 202—203, в статье «Стихи Н. А. Некрасова графу М. Н. Муравьеву»; перед текстом стихотворения дата: «27 апреля 1865 г.»; под вступительной статьей к публикации подпись: «П. Б<артенев>».

Включалось (с редакторской датой: «16 апреля 1866 г.») в Ст 1920 (как бесспорно принадлежащее Некрасову), а также в ПССт 1927 и ПССт 1931, раздел «Стихотворения, приписываемые Некрасову».

Это стихотворение, выдававшееся за «муравьевскую оду» Некрасова, представляет собой контаминацию двух стихотворений А. И. Никотина (см.: *Бухштаб Б. Я.* О тексте «муравьевской оды» Некрасова.— В кн.: *Бухштаб Б. Я.* Библиографические разыскания по русской литературе XIX века. М., 1966, с. 109—116).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В НАСТОЯЩЕМ ТОМЕ[1]

АсК — Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову. М., 1916.

БдЧ — «Библиотека для чтения».

Боград Совр.— *Боград В. Э.* Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания. М.—Л., 1959.

ВЕ — «Вестник Европы».

ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва).

Герцен — *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30-ти т. М., 1954—1966.

ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Даль — *Даль Владимир.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV. М., 1955.

Добролюбов — *Добролюбов Н. А.* Собр. соч. в 9-ти т. М.—Л., 1961—1964.

Докл. РБО — Доклады и отчеты Русского библиологического общества. Новая серия.

ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения».

ИВ — «Исторический вестник».

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР (Ленинград).

ИРЛИ б — Библиотека Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР (Ленинград).

ЛГ — «Литературная газета».

ЛН — «Литературное наследство».

МВ — «Московские ведомости».

Некр. в восп.— Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971.

Некр. по мат. ПД — Некрасов по неизданным материалам Пушкинского Дома. Пг., 1922.

Некр. сб.— Некрасовский сборник. I—III. М.—Л., 1951, 1956, 1960; IV, V, VI, VII. Л., 1967, 1973, 1978, 1980.

Никитенко — *Никитенко А. В.* Дневник в 3-х т. [Л.], 1955—1956.

ОЗ — «Отечественные записки».

О Некр.— О Некрасове, вып. I—IV. Ярославль, 1958, 1968, 1971, 1975.

Панаева — *Панаева (Головачева) А. Я.* Воспоминания. М., 1972.

ПСС — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем, т. I—XII. М., 1948—1953.

ПССт 1927 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1927.

ПССт 1928 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1928.

ПССт 1931 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. Изд. 6-е. М.—Л., 1931.

ПССт 1934—1937 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений, т. I. М.—Л., 1934; т. II (кн. 1 и 2). М.—Л., 1937.

---

[1] См. дополняющие этот перечень списки сокращений: наст. изд., т. I, с. 462—464, 709—711.

ПССт 1967 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений в 3-х т. Л., 1967 («Библиотека поэта». Большая серия. Изд. 2-е).
РА — «Русский архив».
Р. б-ка — Н. А. Некрасов. СПб., 1877 (серия «Русская библиотека», VII).
РВ — «Русский вестник».
РЛ — «Русская литература».
РС — «Русская старина».
С — «Современник».
Салтыков-Щедрин — *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч. в 20-ти т. М., 1965—1977.
Собр. соч. 1930 — *Некрасов* [*Н. А.*] Собр. соч., т. I—V. М.—Л., 1930.
Собр. соч. 1965—1967 — *Некрасов Н. А.* Собр. соч. в 8-ми т. М., 1965—1967.
СП — «Северная пчела».
СПбВ — «Санкт-Петербургские ведомости».
Ст 1856 — Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856.
Ст 1859 — Стихотворения Н. Некрасова. Лейпциг, 1859.
Ст 1861 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1—2. Изд. 2-е. СПб., 1861.
Ст 1862 — Стихотворения Н. Некрасова. Изд. пополненное. Берлин, 1862.
Ст 1863 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1—2. Изд. 3-е. СПб., 1863.
Ст 1864 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1, 2. Изд. 4-е; ч. 3. Изд. 1-е. СПб., 1864.
Ст 1864, ч. 3 (отд. изд.) — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 3. Изд. 1-е (отд. изд.); изд. 2-е. СПб., 1864.
Ст 1868 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1, 2. Изд. 5-е; ч. 3. Изд. 2-е, [3-е]. СПб., 1868.
Ст 1868, ч. 3 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 3. Изд. 2-е, [3-е]. СПб., 1868.
Ст 1869 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1—2. Изд. 5-е; ч. 3. [Изд. 2-е]; ч. 4. [Изд. 1-е]. СПб., 1869.
Ст 1873, т. I—III, ч. 1—5 — Стихотворения Н. Некрасова, т. I, ч. 1—2; т. II, ч. 3—4; т. III, ч. 5. Изд. 6-е. СПб., 1873.
Ст 1874 — Стихотворения Н. Некрасова, т. III, ч. 6. СПб., 1874.
Ст 1879 — Стихотворения Н. А. Некрасова, т. I—IV. Посмертное изд. СПб., 1879.
Ст 1920 — Стихотворения Н. А. Некрасова. Изд. испр. и доп. Пг., 1920.
Тургенев, Письма — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. Письма в 13-ти т. М.—Л., 1961—1968.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва).
ЦГАОР — Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (Москва).
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).
Чернышевский — *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. I—XVI, М., 1939—1953.

СОДЕРЖАНИЕ

1860

1860—1861

1861

1862

Николай Алексеевич Некрасов

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

Том 2

Стихотворения 1855—1866 гг.

Утверждено к печати Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР

Редакторы издательства *Е. А. Смирнова* и *Т. А. Лапицкая*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры *Э. Н. Липпа* и *Т. А. Румянцева*

Сдано в набор 14.01.81. Подписано к печати 06.11.81. Формат 84×108 1/32. Бумага № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Печ. л. 14+ +1 вкл. (1/16 печ. л.) = 23.73 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 22.48. Тираж 300 000 (1-й завод 1—200 000). Изд. № 7942. Тип. зак. 103. Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Киевская книжная фабрика. 252054, Киев, ул. Воровского, 24